

ЧЕЛОВЕК НА БАЛКАНАХ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО Опыт взаимодействия

Алетея

inслав

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Человек на Балканах

◦

**Власть и общество:
опыт взаимодействия**
(конец XIX — начало XX в.)

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2009

УДК 94(497)
ББК 63.3(475)
Ч-39

*Работа выполнена при поддержке
Программы фундаментальных исследований
Отделения историко-филологических наук РАН
«Власть и общество в истории» (2006–2008)*

Рецензенты: кандидат исторических наук *Е. Л. Валева*
кандидат исторических наук *О. А. Дубовик*

Редколлегия: доктор исторических наук *Р. П. Гришина* (отв. редактор),
доктор исторических наук *А. Л. Шемякин*,
кандидат исторических наук *А. А. Силкин*

Человек на Балканах : Власть и общество: опыт взаимодействия
Ч-39 (конец XIX — начало XX в.) : Сб. статей. — СПб.: Алетейя, 2009. — 336 с.

ISBN 978-5-91419-154-9

В книге рассматриваются вопросы взаимодействия власти и общества в рамках модернизации «новых» государств на Балканах, образовавшихся после Берлинского конгресса 1878 г. Главной для балканских народов после освобождения являлась задача строительства государства и организации его функционирования. Для чего была крайне необходима консолидация власти и общества. Но в мирное время (до конца изучаемого периода) именно к этому оказались не готовы ни власти, ни общество. Поэтому-то и результаты «европеизации» Балкан оказались далеко не адекватными тем образцам, к воплощению которых стремились ее инициаторы. Методологически работа строится на базе общей теории модернизации, включая дополнительные разработки, относящиеся к особенностям хода процесса модернизации в «другой», незападной Европе. Авторами привлечен большой фактический материал по отдельным балканским странам. Кроме того, к участию в сборнике приглашены специалисты по истории Польши и Венгрии, исследования которых способствуют расширению горизонтов темы, давая возможность читателю самостоятельно сравнивать и сопоставлять ход модернизации и особенности взаимоотношений власти и общества на Балканах и за их пределами.

Для историков, социологов и всех других, кто интересуется нестандартными страницами хода исторического процесса.

*На обложке: «Кровавая лития» (19.07.1937, Белград.
Столкновение жандармов с участниками демонстрации,
организованной Сербской православной церковью)*

ISBN 978-5-91419-154-9

9 785914 191549

©Коллектив авторов, 2009
©Институт славяноведения РАН, 2009
©Издательство «Алетейя» (СПб.), 2009
©«Алетейя. Историческая книга», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема, определяющая содержание представленных в сборнике статей, весьма многогранна, особенно если учесть характер исторической и международной почвы, на которой происходило *становление, формирование и развитие* буржуазного общества, с одной стороны, и властных структур, с другой, в ряде стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Нижняя хронологическая граница, означенная в названии сборника, для Юго-Восточной Европы почти полностью совпадает с началом процесса создания собственной государственности и формирования новой — буржуазной, по западному образцу, политической системы.

Ситуация «жидкого», первородного состояния обоих объектов исследования — как власти, так и общества — сильно затрудняет характеристику их взаимоотношений. Во избежание поспешных заключений авторы стремились первоначально показать, как происходило само складывание властных структур и, параллельно, — процессы в обществе. Относительно власти исследователи сосредоточили свое внимание преимущественно на ее строительстве после получения большинством балканских государств в 1878 г. полной самостоятельности или автономии, на создании властного инструментария, на выработке навыков управления государством, конструировании законодательной, исполнительной, судебной отраслей власти, на освоении и использовании таких новых субъектов власти, как армия, полиция и т. п.

Чрезвычайно важным становилось далее исследование *структуры управления*, которую можно назвать *главным нервом жизнедеятельности государства*; отсюда специальное внимание авторов к вопросам формирования управленческого строя, происхождения чиновничьего персонала, мотивации его деятельности, и — едва ли не основное — его квалификации и компетентности. Наконец, способность и умение власти выдвигать национальные задачи, адекватные времени, внутриполитической и социальной обстановке в стране, а также международной ситуации. Такой, по сути, преимущественно институциональный подход необходим для решения поставленных вопросов. Но одного его недостаточно, поэтому мы старались его дополнить обращением к этике и практике политического поведения как институтов власти в целом и отдельных их представителей, так и групп, считавших себя в той или иной степени оппозиционными, либо действительно являвшихся таковыми, а также « рядового населения» или, как раньше говорили, — широких слоев народа. При этом стремились по мере возможности выявить не только причинно-следственную связь между государственно-по-

литическими явлениями, но и понять (показать) атмосферу места и времени происходящих действий и событий.

Более сложно обрисовать процессы в обществе, переживавшем ломку прежних, традиционных стереотипов образа жизни, поведения людей, их мироощущения и возникновение новых стереотипов. И складывания нового буржуазного общества, с его стремлением к социальной стратификации, необходимости адаптации разных общественных группировок к новым государственным и политическим институтам — Основному закону (Конституции), парламенту, выборам, политическим партиям, центральной и местной власти, государственной школе, армии. Процесс этот, вынуждавший людей привыкать, «притираться» к новым обстоятельствам повседневной жизни, шел медленно и, казалось бы, незаметно, он не оставляя четких, формализованных указателей на своем пути. Институты гражданского общества, а, скорее, просто отдельные самодеятельные организации, если где и появлялись, носили чаще всего временный и частичный характер, в то время как институты государственной власти имели вполне определенные формы и функции, оформленные конституционно и документально. А, значит, более доступны для исследования.

Полное решение в рамках сборника статей столь объемных задач, являющихся при настоящем уровне знаний по большому счету пионерскими, перед авторами не ставилось. В качестве первых шагов редакция считала оптимальным обратиться к конкретным вопросам и ситуационным сюжетам в соответствующих балканских странах и рассмотреть их в указанной парадигме. В книге представлены исследовательские разработки по Болгарии, Черногории, Албании, Сербии, а затем и Югославии, разных ее частей — Баната, Хорватии, Боснии и Герцеговины. Материал из истории Сербии-Югославии получил в сборнике «территориальное» преимущество, что вызвано очевидной диспропорцией в подготовке научных кадров в гуманитарных областях, существующей сегодня в российской науке; а также несомненной актуализацией общественного интереса к событиям последних лет в этой части Балкан.

Кроме того, к участию в сборнике привлечены специалисты по истории Польши и Венгрии, статьи которых, помимо собственного достоинства, способствуют расширению горизонтов темы, давая возможность читателю самостоятельно сравнивать, сопоставлять течение хода модернизации и особенностей взаимоотношений власти и общества на Балканском полуострове и за его пределами.

В книгу включен также материал авторитетной сербской исследовательницы доктора исторических наук Л. Перович. Она десятилетиями занимается исследованием истории общественной мысли и политических партий в Сербии и влиянием русской народнической традиции на их идеологию и организацию. Представленный материал является собой концептуальное резю-

ме этих исследований. Редколлегия выражает признательность Л. Перович за предоставление права его первой публикации именно нашему изданию, выходящему под «шапкой» «Человек на Балканах».

Такая концентрация усилий югославистов позволила тщательно исследовать феномен власти в Сербском государстве. Вот некоторые показатели, выявленные авторами сборника: во-первых, невысокий авторитет государственной власти в сравнении с местной, локальной (привычной). Во-вторых, само родственно-семейное устройство власти, правительственный, например; здесь, как и на балканском юго-востоке вообще, высшим чиновникам еще далеко было до понимания своей роли в государстве лишь как функции. В-третьих, тяготение населения к тому, чтобы власть не возвышалась над народом, чтобы короля представлял «человек из народа», а лидер партии вел себя как отец семейства. В-четвертых, представление о том, что власть осуществлять легко, это может делать любой человек в обществе равных возможностей, никаких особых навыков для этого не нужно.

Эти черты имели много общего с характером властных структур в других балканских государствах. Сформировавшиеся на ранней стадии развития балканской государственности они сохранялись в той или иной форме и в более поздние времена: известно, заложенное в детстве не замедлит проявить себя в дальнейшем.

Детали, которые, согласно народной мудрости, лучше всего объясняют суть явления, достаточно красноречивы в представленных материалах сборника. Особенно, когда речь идет о взаимоотношениях общества и власти. В частности, это относится к материалу Р.Н. Игнатьева, основанному на полевых исследованиях и дающему основания для вывода о том, что складывавшаяся в течение длительного времени, еще в условиях безгосударственности норма балканского общества (или система его существования на местах — в селах) ускользнула затем, когда государство образовалось, из-под его рамок. Система, в которой локальное часто оставалось сильнее центрального, активно поддерживалась населением. То есть общественное настроение выступало существенным препятствием для модернизации.

Для оформления «нового» лица села не служила препятствием и «старая» идеология мифотворчества, основанная на долговременных фольклорных традициях. Создававшиеся по западноевропейской политической модели институты власти воспринимались народом в качестве стоящих *над ним*, оторванных от него. Психологическим адаптором к необходимости принять новые государственные структуры выступал миф о народном вожде — выходце из низов, символизировавшем единство вождя и масс. Такой миф получил широкое распространение в Сербии, как об этом пишет М.В. Белов.

Вообще мифотворчество, как ступень массового сознания, постепенно изживавшее себя по мере цивилизационного развития человечества, на Балканах продолжало в разных формах существовать и развиваться.

Тому способствовала сложность переживаемого населением балканских стран переходного периода, общественной ломки. Зависимости от психологического воздействия некоторых мифов подвергалась не в последнюю очередь элита балканского общества: интеллигенция, власть имущие, правящие круги. Пренебрегая обстоятельствами неполной этнической разъединенности балканского населения, а в других случаях — даже полным отсутствием этнической определенности и неготовности людей присоединиться к навязываемому им другому этносу, балканская элита оперировала, например, в международных делах, мифическим понятием *справедливость* (историческая справедливость), основывая на нем свои притязания на новые территории, со всем живущим на них населением. Волшебное народное слово «справедливость» из сказки переносилось в реальность, становясь в свою очередь во внутренней жизни государства каналом связи между мифологизированным сознанием элиты и массами. Воздействие на них осуществлялось через пропаганду, школьное воспитание, печать и т. п.

Вероятно, для неспециалиста по истории балканских стран будет любопытно узнать, что, например, болгарским и сербским политикам было ментально свойственно мечтать о выполнении своей страной или отдельной политической партией некоторой миссии: болгарам виделась своя культурная миссия на Балканах, руководство сербской Радикальной партии, которую оно отождествляло со всем народом, считало своей политической миссией спасение Сербии как государства. Не менее показательно представление частного лица — Вука Караджича о себе, как о несущем миссию защиты сербского языка от экспансии чужих языков; его фигура превратилась в героический образ истинного патриота.

Что касается механизма государственно-политической жизни и участия в нем политических партий, то материалы авторов статей по разным балканским странам свидетельствуют: в борьбе за власть они ориентировались не столько на решение общенациональных задач, сколько на приобретение материальных выгод. Этот вывод лишь подтверждают, пожалуй, общее правило; однако на Балканах такая борьба носила очень ожесточенный характер, велась непосредственно, неприкрыто. Оппозиция здесь считала себя такой не потому, что могла противопоставить существующему правительству новые идеи и хорошо разработанную программу, а по большей части потому, что просто ждала своей очереди подойти к кормушке. Это опять-таки почти общее правило. Но материалы Д.В. Миколенко и В.Б. Хлебниковой показывают, насколько полезно общее насытить конкретным.

Д.В. Миколенко, например, приводит примеры того, как в Болгарии в начале XX века некоторые политические партии, не находившиеся у власти, могли вывести и выводили на улицы городов и сел своих сторонников (и не только их) на акции протеста, митинги и т. п. В ходе массовых мероприятий

принимались резолюции и обращения. Софийское бюро Демократической партии в июне 1899 г. даже обратилось с «Манифестом к болгарскому народу». В свою очередь В.Б. Хлебникова считает политическую оппозицию в Черногории действенной настолько, что князь Никола при расправе с ней прибег к жестоким репрессиям. Несмотря на откровенный террор, ее идеи и программа оказались живучими, и позже были подхвачены прежними противниками.

Тема низкого уровня политической культуры на Балканах проходит красной нитью через все статьи сборника. Она исследуется в материалах А.Л. Шемякина, Я.В. Вишнякова, В.Б. Хлебниковой, Д.В. Миколенко, Р.П. Гришиной, А.А. Силкина. Авторы указывают на непрофессионализм власти, в том числе князей (королей-царей) — монархов, глав правительств, политических деятелей, дипломатов, их неспособность к диалогу, компромиссам, умению договариваться и составлять коалиции (отсутствие такой практики сказалось, кстати, на рыхлости Балканского союза 1912–1913 гг., быстро рухнувшего из-за внутренних споров). Насилие и террор были настолько присущи балканской жизни, что население воспринимало их как само собой разумеющееся, естественное. Общественность почти не реагировала на них, не возмущалась, не протестовала. И если прав А.Л. Шемякин, заключая применительно к началу XX века: «Политический человек на Балканах еще не проснулся», то к этому можно лишь добавить — «да и общество в целом».

Тем контрастнее воспринимается материал статьи А.С. Стыкалина, в которой подчеркивается роль высокого уровня политической культуры во властных институтах Венгрии и в обиходной жизни венгерского общества. Существенным в воспитании такой культуры была опора на дворянско-аристократическую традицию, чего совершенно было лишено население юго-востока Балкан.

Любопытное явление: в случае, когда одна партия победила другие в ожесточенной борьбе и приобрела монопольное положение, как это случилось в начале XX века в Сербии с Радикальной партией, она могла позволить себе стать едва ли не главным тормозом модернизации (Л. Перович). Возникла парадоксальная ситуация: руководство Радикальной партии, само возникновение которой связано с торжеством либеральной идеи и устройства политической жизни в целях содействия прогрессу, грубо перелицовывало модернизационный замысел и использовало силу партии для противоположной цели. Вряд ли коллизия возникла случайно: Радикальную партию исследователи называют фактической партией крестьян, а именно крестьянство — недифференцированное, мало или совсем неграмотное — было тем большинством населения на юго-востоке Балкан, которое в социальном плане более всего сопротивлялось новому и негодовало по поводу модернизационного строительства.

Такое антимодернизационное упорство, во-первых, на *социальном*, а, во-вторых, на высоком *политическом* уровне (лидер Радикальной партии Н. Пашич возглавлял правительство в течение многих лет), свидетельствует о том, что возможности экстенсивного пути экономического развития здесь, по-видимому, еще не были исчерпаны.

«Контрастный» в этом плане для балканской действительности материал представила в своей статье Е.В. Яковкина. Ее внимание сосредоточено на ходе модернизационного процесса на польских землях в конце XIX-начале XX века, когда благодаря быстро выросшему на фоне развития капиталистических отношений политическому сознанию крестьян произошла «самомодернизация». Здесь сложился благоприятный социокультурный контекст (адекватная реакция общества на идеи, выдвигаемые политической и интеллектуальной элитой), который способен обеспечить модернизацию.

Подраздел «война или модернизация» общей темы «Власть и общество в аспекте модернизации» представлен статьей Р.П. Гришиной, касающейся бездонного «македонского вопроса», и статьей П.А. Искендерова о двусторонних сербо-албанских отношениях. В этой связи особый интерес представляет документально подтвержденные П.А. Искендеровым данные о приобретшей осенью 1913 г. реальность «Третьей балканской войне».

Сборник составлен на основе докладов участников научной конференции «Власть и общество на Балканах: специфика их взаимодействия в контексте модернизации (конец XIX-первая половина XX века)», проведенной 19–20 июня 2007 г. Отделом истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. Общие выводы, прозвучавшие на закрытии конференции, заключали в себе констатации: для народов Юго-Восточной Европы одной из главных трудностей было сначала добиться своей государственности, а, получив ее, построить новое государство и организовать его функционирование. С точки зрения развития модернизационного процесса, в который балканские страны оказались втянуты по объективным и субъективным основаниям, необходима, по мнению ученых, консолидация власти и общества. Но до конца изучаемого периода именно к этому оказались не готовы ни власти, ни общество. Ничего не изменили в этом отношении ростки гражданского общества, деятельность оппозиционных групп. Кстати, опыт нашего исследования позволяет заметить, что деятельность оппозиции, создававшейся на этнической или национальной основе (хорватской, например, в Югославии, как показал А.А. Силкин), носила гораздо более упорный и, в конечном счете, успешный характер, по сравнению с淑убо политической или идеиной оппозицией.

R. Гришина

I.
СТАТЬИ И ЭССЕ

Белов М.В.

Нижегородский государственный
университет

МИФОЛОГИЯ «ЧЕЛОВЕКА ИЗ НАРОДА» В СЕРБИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Мифология «человека из народа» хорошо известна всем, «рожденным в СССР», прежде всего, по тому варианту, который насаждался в официальной советской культуре, особенно в ее ранний и сталинский период. «Вышли мы все из народа — дети семьи трудовой», — провозглашалось в революционном гимне. Ему с ироническим снижением вторил «городской романс»: «У павильона «Пиво—воды» стоял советский постовой, он вышел родом из народа...» и т. д. Образ «простого советского человека»¹ запечатлен в пропагандистском кинематографе 30-х гг.: трактористы, шахтеры, свинарка и пастух, веселые ребята, ткачиха в исполнении Любови Орловой, взмывающая в коммунистические кущи с верой на устах: «Нам нет преград ни в море, ни на суше...». Эта мифология имела большой мобилизационный потенциал, она аккомпанировала процессу «социалистической реконструкции» (и в частности созданию «рабоче-крестьянской» интеллигенции), формировала идентичность массовой аудитории в коллективистки акцентированном духе, не отрицая значимости «я»². Вероят-

¹ Этот образ был одновременно штампом пропаганды и массового сознания, хотя его наполнение, очевидно, не во всем совпадало. Во всяком случае, со временем разрыв увеличивался. См., например: Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Отв. ред. Ю.М. Левада. М.; 1993. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 1996. О героической мифологии в советской пропаганде, литературе и кинематографе: Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М., 2007.

² В последнее время одной из центральных тем постсоветской русистики, вызывающей споры, стала тема формирования «советской субъективности»: Халфин И. Из тьмы к свету: коммунистическая автобиография 1920-х годов // Нестор. № 11. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. СПб., 2007. С. 216–247; Эткинд А. «Одно время я колебался, не антихрист ли я»: субъективность, автобиография и горячая память революции // Новое литературное обозрение. 2005. № 73 и др.

но, она затрагивала не только волнующие струны людских надежд, но и традиционные сюжетно-архетипические модели. Достаточно вспомнить сказки об Иванушке-дурачке, о третьем сыне, о «золушке», известные в разных версиях. Они принадлежат не только русскому и европейскому фольклору, но также творчеству народных низов разных регионов мира. Отражая социальную дихотомию классовых эпох, эти сказки одновременно сохраняют генетическую связь с мифом древности¹.

«Простой человек» оказывается востребованным в модернизирующихся обществах при отсутствии или уничтожении (как в советском случае) строгой сословной иерархии. Рационалистическим вариантом подобной мифологии является «великая американская мечта» об обществе «равных возможностей», в котором даже чистильщик сапог может стать президентом. Американская мифология, возникшая в среде оторвавшихся от европейских «корней» эмигрантов, характеризуется отсутствием непосредственной традиционной подкладки, но типологически она мало отличается от сказочной модели (с инициацией, поиском, испытаниями и обретением даров). Конечно, эта мифология эволюционировала во времени и интерпретациях. Однако ее центральное положение в бессословном американском обществе достаточно показательно². Миф «равных возможностей» провоцировал не только вертикальную, но и горизонтальную мобильность, привлекая все новые волны переселенцев в Новый Свет. Эта же особенность позволяла использовать «американскую мечту» и как орудие внешней экспансии³ (ее вариант: миф об «образцовой демократии»).

В Западной Европе с ее сословным наследием ситуация была иной. Именно в этой культурной среде родился миф о «благородном разбойнике», своего рода противоположный полюс рассматриваемой нами нарративной модели («Айвенго», «Жан Сбогар»; в России — «Дубровский»

¹ Дарнтон Р. Крестьяне рассказывают сказки: Сокровенный смысл «Сказок матушки Гусыни» // Он же. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М., 2002. С. 13–90. О необходимой осторожности в подобных социологических интерпретациях см.: Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Специфика фольклора // Он же. Поэтика фольклора / Сост., пред. и ком. А.Н. Мартыновой. М., 1998. С. 69–92, 155–172, 301–334.

² О формировании американских национальных символов см.: Бурстин Д. Американцы: Национальный опыт. М., 1993. С. 414–494.

³ Шлезингер-мл. А.М. Циклы американской истории. М., 1992. С. 173–236 (гл. 7 «Америка и империя»).

и др.)¹. «Простой человек» являлся контрмифом «демократической» культуры. Его истоки можно найти в низовой литературе позднего возрождения и XVII века, «плутовском романе» (с акцентированной комичностью), отголоски которого, в свою очередь, слышны у Бомарше и в более серьезной транскрипции — у Ретифа де ла Бретона и ему подобных авторов эпохи Просвещения. Романтики и реалисты XIX века обострили образ человека из низов, представленный, например, в романах В. Гюго, Э. Сю или у чартистов. В русской дореволюционной литературе — это Н.А. Некрасов и писатели-народники. Мобилизация, предписанная в подобных образцах литературного мифа, была героически-отчаянной («Отверженные»). А у писателей-реалистов — практически неосуществимой, что изобличало «язвы общества» (В.Г. Короленко, Г.И. Успенский и др.). Более поздние наследники романтической и реалистической традиции — «босяки» М. Горького и герои его драмы «На дне».

Однако для западноевропейской литературы, в условиях постепенного преодоления сословных границ, не исключавшего «чуда» революций, гораздо характернее рассказ о пути наверх выходца из «низшего среднего класса». Этот сюжет был вдохновлен феерической судьбой «маленького капрала». «Расцвет романа в XIX веке следует ставить в прямую зависимость от наполеоновской эпопеи, чрезвычайно поднявшей акции личности в истории...», — отметил в свое время О.Э. Мандельштам². Образ авантюриста-буржуа, стремящегося к богатству, славе, положению в обществе, имеет отдаленное отношение к «народному герою», поскольку ориентирован на престижные нормы и образцы «высокой» культуры. Пускай они проблематизируются, вплоть до отрицания на русской почве — у Ф.М. Достоевского³.

¹ Уже современники отметили как демократическую новацию превращение народа в героя исторической драмы у В. Скотта, однако это, как правило, «коллективный герой», представленный типажами: *Тураев С.В.* От Просвещения к романтизму (Трансформация героя и изменение жанровых структур в западноевропейской литературе конца XVIII – начала XIX в.). М., 1983. С. 198–201.

² Мандельштам О.Э. Конец романа // Сочинения. Т. 2. М., 1990. С. 202–203.

³ Волгин И.Л., Наринский М.М. «Развенчанная тень». Диалог о Достоевском, Наполеоне и наполеоновском мифе // Метаморфозы Европы. М., 1993. С. 127–164. О «проблематизации» социальных и культурных норм в литературе см.: Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Социальный процесс и литературные образы (о возможности социологической интерпретации литературы и массового чтения) // Они же. Литература как социальный институт. Статьи по социологии литературы. М., 1994. С. 99–151.

Сербский (и вероятно, общебалканский, постосманский) вариант мифа о «человеке из народа» специфичен, по крайней мере, благодаря сочетанию двух главных обстоятельств, проявившихся на большей части XIX-го, а может быть, и в XX веке (до эпохи «построения социализма»): 1) господствующая роль традиционной культуры (с компонентом архаического мифа как «осколка» и «отголоска»)¹; 2) низкие темпы социальной мобильности в условиях, когда модернизация носила ограниченный, очаговый и нередко имитационный характер².

Первое сербское восстание 1804–1813 гг. закономерно породило миф о народном вожде, выходце из низов, однако при этом и не вполне человеке. Верховный вождь Георгий Петрович Черный (Карагеоргий) заслужил у повстанцев репутацию «змеевича», согласно традиционным представлениям, ребенка, рожденного от связи женщины и Змея. «Змеевич» призван сокрушить своего отца, т. е. силу Зла (аналог культурного героя, змееборец). Как рассказывали повстанцы, во время битв, в которых участвовал Карагеоргий, ветер всегда дул с его стороны, и все потому, что, когда он родился, у него под мышками были крылья. В песне Й. Новича-Оточанина, составленной на основе предания: «Не чадо жена родила, / Но страшное создание драконово, / Бесподобное в нем обличье: / Крыла у него — перо самоставное, / Что из обоих плеч отросли, / А у крыльев были надкрылья, / Костиистые у него и ноги и руки, / [На вид] как будто ему [уже] два года, / Как сталь его тело твердо»³. Два известнейших персонажа сербского фольклора Милош Обилич и Змай-Огненный Вук — тоже «змеевичи», их реинкарнацией и выступал вождь Первого восстания в народном сознании.

Харизма, которой обладал Карагеоргий, была достаточным основанием его личной власти, но ее явно не хватало для утверждения дина-

¹ Путилов Б.И. Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. СПб., 1999. Теоретические статьи ученого помещены в первой части книги: С. 7–106.

² Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. Knj. 3. Uloga elita / Urednik L. Perović. Beograd, 2003; Шемякин А.Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX — начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и проблемы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.) / Отв. ред. Р.П. Гришина. СПб., 2004. С. 10–53.

³ Вукићевић M. Карађорђе. Књ. 1. Београд, 1986, [1907]. С. 333. Подробнее см.: Белов М.В. «Воротися, отец, воротися!» Георгий Черный: генеалогия харизмы народного вождя // Славянский альманах. 2004. М., 2005. С. 405–445.

стии: статус «змеевича» не передается по наследству, это одноразовая сакральность. Идеологи Александра Карагеоргиевича, младшего сына вождя, в 1840-х гг. больше напирали на исторические заслуги его отца¹. Образ Карагеоргия не мог служить и примером для подражания рядовым повстанцам или их потомкам: он — исключительная личность, явившаяся в экстремальных условиях военных действий. Впрочем, уже повстанческие идеологи подчеркивали в первую голову единство вождя и масс: «Карагеоргий, поскольку простого происхождения, он всегда свое счастье полагал в благополучии своего отечества и народа, своего собственного интереса ни в чем не искал, его снисхождение и простая еда и питье и одежда были всем его воеводам и старейшинам добрый пример и против всякой гордости и против всякого вознесения и роскошства»².

Могли ли поколебать легендарную репутацию «народного заступника» случаи, подобные тому, что рассказал Л. Арсениевич-Баталака, к слову, рьяный «карагеоргиевец»? Когда верховный вождь увидел, что его поле самовольно распахал и засеял кукурузой какой-то бедняк, переселенец из Болгарии, он, не задумываясь, убил этого несчастного вместе

¹ См. разделы о династической поэзии в кн.: *Продановић J. Историја политичких странака и струја у Србији. Књ. I. Београд, 1947. С. 128–138, 211–229.* Например, в сочинении профессионального литератора Симы Милутиновича «Возрождение Конституции Сербии и народной правды» (1843) более половины текста составляет воображаемый диалог основателя Сербского царства Стефана Душана с Карагеоргием — его наследником в обновлении «сербской славы». Заканчивается стихотворение здравицей в честь князя Александра, который «Карагеоргия сербству заменил / Правдой вечной своего устава, / Окрылел свое отчество / В честь общую духа славянского / И во славу имени сербского!» Этим словам вторит скопчина: Карагеоргий как «вечный», т. е. небесный «отец сербского народа» передает свои отцовские права своему младшему сыну. Таким образом, династические обоснования в стихотворении Милутиновича выстраивались с помощью мистифицированных исторических аргументов. Один из экземпляров сочинения, отпечатанного отдельно: Архив Српске академије наука и уметности. Бр. 7368. О его авторе см.: *Недић B. Сима Милутиновић Саралија. Београд, 1959. Ср.: Љушић Р. Сима историограф и Милош Кнез // Сима Милутиновић Саралија 1791–1991*. Београд, 1993. С. 311–329.

² Родофиникин у Београду... // *Перовић Р. Грађа за историју првог српског устанка. Београд, 1954. С. 148–149.*

с женой. При этом сиротами остались шестеро детей¹. Основной посыл идеологемы «вождя» заключался в пассивном ожидании покровительства, безусловной верности ему или его назначенцам, а также в полной самоотдаче на ратном поле. Но... на вождя надейся, да сам не плошай. Изменения социального статуса эта народная мудрость вообще-то не предполагала.

Примером Карагеоргия мог воспользоваться лишь тот сравнительно узкий слой военных предводителей, который был выдвинут самим ходом вооруженной борьбы, в случае гибели или символического низвержения «народного кумира». Так и произошло после катастрофы 1813 г. и бегства Карагеоргия в Австрию. Не выполнивший свою охранительную функцию, «герой-освободитель» лишился этого статуса. На него стал претендовать оставшийся в Сербии Милош Обренович, во время восстания находившийся в тени старшего брата — рудницкого воеводы. Режим Милоша, утвердившийся после 1815 г., не создал ничего нового в сфере идеологии, поскольку ни во внутренней, ни во внешней политике неставил перед собой задач за пределами достигнутого в ходе Первого восстания. Идеологи второго верховного вождя лишь проецировали на нового правителя уже разработанную модель «отца Сербии», место которого оказалось вакантным. Однако они, как и сам Милош, действовали весьма энергично. Деспотия Милоша Обреновича, пользуясь инструментом церкви, обеспечила себе монополию на ведение пропаганды, но ей труднее было поддерживать фиксированный градус национального напряжения в условиях «мира и тишины». Ритуализация пропагандистских усилий, апеллирование к чувствам и театральным эффектам на скопищах с наложением идеологической повинности на «избранное» общество вело режим к демагогическому вырождению².

Тем не менее, как заметил А.Л. Шемякин, Милош по праву мог заявить: «О народ, ты моя сила!..»³. Первый Обренович до последних преде-

¹ Арсенијевић Баталака Л. Живот и прикљученија Карађорђа / Приредио Р.Ј. Поповић. Београд, 2004. С. 42–43. Разумеется, биограф объясняет ужасные действия Карагеоргия тем, что его кум, секретарь и правитель имением С. Евтич, испугавшись, не разъяснил в полной мере сложившуюся ситуацию.

² См. подробнее: Белов М.В. Проблема институциализации и легитимации власти в Сербии 1804–1830 гг. // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX — начало XX века). СПб., 2006. С. 53–81; Он же. У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII — середина 30-х гг. XIX века). СПб., 2007. С. 347–388.

³ Шемякин А.Л. Ук. соч. С. 37.

лов откладывал создание писаных законов и институтов власти, демонстрируя умение обращаться с этим простым, но своеольным народом путем суровой расправы над «бунтовщиками» и великодушного прощения «неразумных сынов». Конечно, он не пользовался той легендарной репутацией, что была у Карагеоргия, однако о своих способностях, действительно впечатляющих для неграмотного государственника-практика, Милош Обренович был самого высокого мнения: «... был бы он (в 1828 г.) на месте Витгенштейна, еще летом бы перешел Балканы и занял Константинополь; а был бы на месте великого визиря, русские никогда бы Балканы не перешли и до Адрианополя не дошли; что французский король Карл X — дурак, поэтому не мог своим народом управлять и его народ сверг [в ходе июльской революции 1830 г.]. Так и остальных самых мудрых правителей и министров открыто называет дураками и их действия критикует», — свидетельствует В.С. Караджич¹.

Пример Милоша Обреновича более техничен, нежели случай Карагеоргия, в нем не было «чуда» и, следовательно, он был доступен для подражания. Первым сербским политиком-демагогом считается Тома Вучич-Перишић, «птенец» гнезда Милоша, один из самых видных уставобранителей, а затем — оппозиционер, с которым их правительству было трудно не считаться². Позднее появятся и другие подобные «защитники простоты».

Однако центральной мифологической фигурой «выходца из народа» в сербской политической коммуникации и культурных практиках, сохраняющей свое место и значение по сей день, суждено было стать другому деятелю первой половины — середины XIX века — Вуку Стефановичу Караджичу, создателю сербского литературного языка на народной основе. В замечательной книге М. Йовановича, посвященной социальным рамкам языковой дискуссии и памяти о ней, приводится следующий гротескный пример проявления мифа о «крылатом» реформаторе в нынешней повседневности. Общество добровольных доноров крови из Лозницы ежегодно в течение сентября проводит акцию «Вуку

¹ Караджић В.С. Историјски списи. Књ. I / Сабрана дела. Књ. XV / Приредио Р. Самарџић. Београд, 1969. С. 149.

² Поповић Р.Ј. Тома Вучић Перишић. Београд, 2003. С. Любопытно, что при этом он разыгрывал карту узкого патриотизма, противопоставляя местных «сербиянцев» выходцам из Австрии. Об отношениях между австрийскими сербами и сербами Княжества см.: Крестић П.В. Пречани и шумадинци. Теодор Павловић и «Сербске народне новине» (1838–1848). Београд–Нови Сад, 1996.

у походе», что следует перевести примерно так: «Придем во имя Вука»¹. Как справедливо замечает Йованович, обнаружить национальную связь между наследием Караджича и сбором донорской крови не представляется возможным — это привилегированная область социального мифа. Точно так же эта фигура использовалась и в политических акциях по мобилизации общества, например, для противопоставления простого народа «эксплуататорским классам» в эпоху борьбы за социализм.

В значительной степени создателем своего мифа был сам В.С. Караджич. Другое дело, творил ли он этот миф сознательно или интуитивно следовал за литературными образцами, о которых узнал сначала из рассказов словенского просветителя, цензора и библиотекаря Е. Копитара, будучи вдохновлен его внушениями и первым признанием в Европе после выхода сборников народных песен и сербского словаря. Во всяком случае, Караджич достаточно рано укрепился в мысли об исключительной миссии, которая возложена на него историей, и последовательно стремился соответствовать в литературных дебатах этой героической модели².

Так уже в предисловиях к первым публикациям Караджича варьируются его излюбленные идеи. Угроза денационализации сербов из-за экспансии чужих языков. Гибельность пути, по которому идет просвещенная элита. Противопоставление ей простого народа (и себя самого как выходца из него, самоучки-самородка). Из горечи национального унижения рождается подвиг маленького человека, совершаемый во имя народа. Неумение, отсутствие «мудрости» искупается любовью к собственной нации, стремлением указать ей путь к спасению. «... Истинная ревность к роду моему ободрила и принудила меня зажмуриться и одним разом пробиться головой через тернии, пускай на ту сторону весь разорванный и окровавленный выйду; только бы познать путь, по которому другие могли легче решиться пойти»³. Караджич использует аллюзии

¹ Јовановић М. Језик и друштвена историја. Друштвеноисторијски оквири полемике о српском књижевном језику. Београд, 2002. С. 193. См. рец. на эту книгу: Славяноведение. 2006. № 1. С. 122–126.

² О литературной дискуссии 1810-х — начала 20-х гг. см. подробнее: Белов М.В. У истоков... С. 407–452. Очерк развития сербского языка с 1804 по 1878 г.: Ивић П., Кашић Ј. О језику код Срба у раздобљу од 1804. до 1878. // Историја српског народа. Књ. V-2 / Уредио В. Стојановић. Београд, 1981. С. 311–380.

³ Карадић В.С. О језику и књижевности. Књ. I / Сабрана дела. Књ. XII / Уредио Б. Николић. Београд, 1968. С. 29–30. Предисловие к первому опыту Караджича по составлению грамматики сербского языка — «Письменице» (1814).

жертвенного подвига Спасителя, тем самым подтверждая свою исключительную роль в стане сербских писателей.

Но главный литературный образ, в котором, как правило, выступал Караджич — это образ бескомпромиссного и безжалостного бойца, вышедшего на ринг, чтобы сразиться сразу со всеми. «... На майдан выйдите и ваши дела свету уже покажите, чтобы мы увидели и узнали, кто вы есть и какие вы есть», — таково было обращение к критикам некоего С. Живковича (вероятно, псевдоним), оппонента Караджича¹. Приглашение было принято. Метафору «майдана» (или «мегдана», поле боя, единоборства) Караджич понимал совершенно буквально, объявляя войну всем и каждому, твердо веря в победу. Литературная подоплека этой маски находится, вероятно, не столько или не только в воспоминаниях о повстанческих годах, поскольку хромой Вук бойцом в прямом смысле слова и не был. (Впрочем, данное обстоятельство не мешало символической идентификации с героями «сербской революции».) Тем не менее, прообразы выбранной реформатором литературной роли можно отыскать — пример европейских творцов, конечно, тоже не следует сбрасывать со счетов² — в более глубоких временных и литературных слоях. Ими являлись сербские юнаки из народного эпоса, собиранием которого занимался Караджич.

Молодые последователи реформатора чувствовали эту связь. Как, например, Джура Попович, который сначала взял псевдоним Югович (по имени героев Косовской битвы), а затем назывался Даничич (это другой персонаж народного творчества). Под этим именем он и вошел в историю, опубликовав в 1847 г. «Войну за сербский язык и орфографию»³. Так же не случайно присутствие в заглавии этой работы мифологемы «войны». Ее неоднократно использовал в своих сочинениях сам Караджич. Другой его молодой поклонник Бранко Радичевич в программном стихотворении «Путь» (оно было опубликовано в то же время) изобразил Вука в

¹ Он же. О језику и књижевности. Књ. II / Сабрана дела. Књ. XIII / Приредио М. Павић. Београд, 1986. С. 498. О том, какое место дискурс «войны» занял в истолковании языковой дискуссии см.: Јовановић М. Ук. соч. С. 115–131.

² Исследования литературоведов продемонстрировали, что знание европейской литературы Караджичем в начале его карьеры, как, впрочем, и его оппонентами, было исключительно поверхностным. Живковић Д. Европски оквири српске књижевности. Београд, 1970. Živković D. Počeci srpske književne kritike (1817–1860). Beograd, 1957. S. 52–95.

³ См. о нем: Поповић М. Ђура Даничић. Београд, 1959.

виде витязя, сокрушающего стену, которую охраняет «отвратительная сова» — символ защитников старины. После чего заросшее сорняками поле превращается в цветущий луг¹.

Именно эта картина прочно закрепилась в социальной памяти, на что сетовал позднее М. Селимович. «По анемичному школьному знанию, которым мы обременены, по привычке мыслить на манер легенды, знающей только героев и предателей, по памфлету Бранко Радичевича, что учили на память, мы сформировали о противниках Вука какое-то презрительное представление, как о стае мрачных сов, трутней, записных глупцов, которых Вук рассеял легко как в игре»². В другом месте Селимович указывает, что в основе конфликта Караджича с современным ему литературным миром на самом деле находилась острая социально-классовая борьба. Вук, защитник интересов крестьянства, как самой динамичной, революционной части сербского общества, восстал против «...мощных институций, митрополита, феодалов, против всей общественной системы»³. Селимович мог предложить лишь скорректировать миф, но не отказаться от него в принципе.

Противник Караджича, между тем, заметил, что защитник сербского крестьянства предпочитал жить в Вене, а не среди своих односельчан⁴. Думается в проводившемся реформатором противопоставлении «простого народа» денационализированному «высшему классу»⁵ был существенный элемент фиктивности, поскольку история элиты в сербском случае была довольно короткой: не более столетия прошедшего со времени Великого переселения в конце XVII века. А если вести счет

¹ Каракић В.С. О језику и књижевности. Књ. III / 1 / Сабрана дела. Књ. XIV (1) / Приредио Г. Добрашиновић. Београд, 2001. С. 975–979 (прим. Г. Добрашиновича). Эпические ассоциации возникли и у автора беллетризированной биографии: Поповић М. Вук Стеф. Каракић. Београд, 1964. С. 303.

² Селимовић М. За и против Вука. Нови Сад, 1967. С. 40.

³ Там же. С. 33.

⁴ Это замечание дважды повторяется в последнем третьем «Утуке» Ј. Караджича (см. о нем ниже). Перепечатан в приложении: Каракић В.С. О језику и књижевности. Књ. III / 1. С. 1022, 1038.

⁵ См. неопубликованную рецензию на «Глас народолюбца» Л. Мушицкого: Каракић В.С. О језику и књижевности. Књ. II. С. 37. А также фрагмент манифеста Караджича «Сербы все и повсюду» (1836, 1849); Он же. Етнографски списи / Сабрана дела. Књ. XVII / Приредио М.С. Филиповић. Београд, 1972. С. 37–40; Он же. Критике и полемике. Нови Сад–Београд, 1960. С. 142–146. Здесь этот фрагмент опубликован под заголовком «“Высший класс” народа нашего».

с реформ «просвещенного абсолютизма Марии Терезии и Иосифа II, и того меньше — полвека¹. Социальные оппозиции в австрийском ареале, конечно, присутствовали, но они преувеличивались обеими сторонами. Например, в споре с известным романистом М. Видаковичем, который был сделан примерно из того же социального теста, что и его оппонент, но получил классическое образование. В свою очередь, добиться признания Караджич мог лишь в том же писательском сообществе, которое формально отрицал. Новое поколение сербской интеллигенции, пришедшее в общественную жизнь в середине XIX века, студенты, поэты и ученые, составят авангард его сторонников. Они и станут идеяными вождями сербской «Омладины», прообраза нескольких политических групп.

Так или иначе, потенциальное значение классовых предпочтений реформатора трудно переоценить. Убежденность Караджича сродни новозаветной вере в то, что «последние станут первыми». Именно это и сделало его фигуру эмблемой «народных интересов», а его образ действий — моделью для подражания.

* * *

Следующая часть статьи будет посвящена периоду конца 1830-х — 40-х гг. в литературной судьбе В.С. Караджича, когда в ходе острой полемики с оппонентами происходило закрепление сформированного на предыдущем этапе героического образа реформатора сербского языка, создателя современной литературы и всей сербской нации как культурно-политического проекта. К середине 30-х гг. Караджич являлся, безусловно, самым известным в Европе сербским ученым и писателем. В это время уже вышло из печати первое многотомное издание народных песен, опубликованы, собранные Караджичем, сербские пословицы и сказки. Он был избран членом нескольких европейских академий и литературных обществ². В то

¹ На «исчезновение старых и частое прекращение и откат в развитии вновь сформированных сербских общественных элит» как на важнейший фактор социальной жизни обращает внимание М. Йованович. *Јовановић М.* Ук. соч. С. 45.

² Караджич гордился этим международным признанием. На титул альманаха «Даница», изданный им в 1829 г., были вынесены все его ученые регалии. Но в выпуске за 1834 г., ставшим последним, Караджич рекомендовал себя всего лишь как одного из сербских писателей, упомянув, правда, при этом о своей деятельности в Сербском княжестве в 1829–1831 гг. по составлению законов и в качестве президента белградского магистратата. *Караџић В.С. Даница. 1826. 1827. 1828. 1829. 1834 / Сабрана дела. Књ. VIII / Приредио М. Павић. Београд, 1969. С. 389, 455.*

же время его положение в сербском литературном мире, сетях властного покровительства, в формирующейся системе печати и культурных институций оставалось крайне неустойчивым. Уже в 1820-е гг. сложился круг сторонников реформатора, с которым он находился в постоянной переписке. Однако часть этой «партии» затем либо дистанцировалась от радикализма Караджича, «переболела» увлечением литературой, свойственным молодости, либо не решалась на открытую поддержку его позиции, либо не имела возможности для этого. Один из ранних поклонников идеи народного языка в литературе Йован Хаджич, выступавший в печати под псевдонимом Милоша Светича, станет в конце 30-х и самым яростным противником реформатора¹.

Случай Хаджича не единственный. Караджичу не раз приходилось polemizировать со своими бывшими или даже оставшимися верными ему в главном сторонниками. Так в 1836 г. один из первых сербских либералов, доктор медицины Й. Стеич то ли в шутку, то ли всерьез критиковал изданные Караджичем в Цетинье «Пословицы» с использованием местного диалекта и буквой «х», необходимость которой в сербском алфавите Караджич ранее отрицал. Между тем, Стеич считал, что в Черногории и Поморье, где столь «мало [сербского] народа еще на нижайшей степени культуры», не стоит искать языковых и культурных образцов, и связывал эти поиски со стремлением Караджича дистанцироваться от других сербских писателей, заняв среди них какое-то особое положение².

Хотя Караджич так и не опубликовал свой ответ на дружескую критику, эта полемика все же стала публичной, когда Стеич напечатал программный текст под заголовком «Моему Милану» в том же 1836 г. Здесь автор комбинировал тезисы, прозвучавшие ранее в полемике по языковому вопросу, осваивая промежуточное место между Караджичем и его оппонентами. Стоит обратить внимание и на саму модальность текста, стилизованного под известный со времен Д. Обрадовича жанр — «послание приятелю», на этот раз выдуманному. Подобный прием придавал интимность высказываниям Стеича с его авторскими амбициями, по-

¹ См. о нем: *Кићовић M.* Јован Хацић (Милош Светић). Књижевна студија. Нови Сад, 1930. Первая глава этой монографии, основу которой составила докторская диссертация автора (1928), посвящена молодости героя: С. 1–68.

² «...Я не достоин Вас учить, — писал Стеич 22 сентября 1836 г., — но лишь говорю мимоходом, что я думаю. Это только одно шутливое письмо, а никакая критика или рецензия». *Караџић В.С. О језику и књижевности. Књ. III / 1. С. 247, 248.*

скольку они выражались в форме, как будто бы не предназначенней для печати. Тем не менее, в центре читательского внимания оказывалось авторское «я», личная озабоченность судьбой сербского языка, народа и его культуры¹.

И все же в данном случае вопрос об ученой компетенции и авторской репутации участников обсуждения языковой проблемы остался на обоюдине дискуссии или же только подразумевался. Караджич воспринял как укол письмо Стеича: «...называете меня за это (употребление буквы «х». — М.Б.) непостоянным; говорите, что Вам из всего этого кажется, что я в том наибольшую радость вижу, что только в ряду других писателей не нахожусь, но все сам [по себе], как некий особенный стою»². Стратегия опровержения и авторского позиционирования, использованная Караджичем в ответе Стеичу, была лишь одним из вариантов оборонительного (формально — обезличенного) поведения, которое апробировалось им в ходе дискуссии 1810-х — начала 20-х гг. Реформатор выступил под маской беспристрастного фиксатора народных диалектов. В результате познания богатства разговорного языка сербскими писателями (Караджич — один из них), «сам собой возникнет» общий литературный язык для пяти миллионов сербов, а не для двух миллионов, как у Стеича. Это намек на его австроцентристскую позицию³.

Иная стратегия презентации авторской функции⁴ и, следовательно, иная тональность текстов характерна для публичных выступлений Караджича на рубеже 1830-х — 40-х гг.

Как известно, начало полемике реформатора с одним из самых сильных противников положил его ответ на «Мелочи языкословные», издан-

¹ Стейћ Ј. Огледи умне науке или Забава за разум и срце. Књ. IV. Будим, 1836. С. 157–182. Каракић В.С. О језику и књижевности. Књ. III/1. С. 249–264. Подробнее о Стеиче и его отношениях с Караджичем см. прим. Г. Добрашиновича: Там же. С. 232–246.

² Там же. С. 15.

³ Контрорвзорой лингвистического позитивизма Караджича выглядит введение им здесь же эстетической мотивации («что красивее и правильнее») при языковом отборе. Там же. С. 16, 17. Категорию писательского «вкуса» ранее отстаивал сербский романист М. Видакович, оппонент реформатора.

⁴ Шартье Р. Автор в системе книгопечатания // Он же. Письменная культура и общество / Пер. с фр. и послесл. И.К. Страф. М., 2006. С. 44–77. Отправной точкой для Шартье стало эссе М. Фуко о феномене авторства: Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с фр. С. Табачниковой. М., 1996. С. 9–46.

ные Й. Хаджичем (М. Светичем) в конце 1837 г. Караджича не могло не оскорбить то, что занявшийся филологией доктор права низвел к нулю его опыт изучения сербской грамматики, который уже признан в мире. Но по тем или иным причинам он медлил с ответом на брошенный вызов до начала 1839 г., то есть около полутора лет¹.

Оставляя в стороне филологические тонкости спора, обратимся, прежде всего, к общей раме, в которую поместил его реформатор. Как всегда он не обошелся без парадокса. В начале своего ответа Караджич рассуждает о взаимоотношениях между автором, его произведениями и их критикой. Ссылаясь на какой-то русский журнал, он соглашается с тем, что необходимо отделять личность пишущего от его текстов и выраженных в них мыслей, причем критика должна касаться только последних и не касаться первого. Далее следуют жалобы на отсутствие института рецензирования столь необходимого для сербской литературы. И, наконец, загадка-парадокс: «...но я ли здесь рецензент, или это был г. Хаджич, и я теперь от него защищаюсь, об этом пускай судят и пересуживают читатели»². Казалось бы, в игру вступает публика, для которой пишутся книги и рецензии. Но каковы способы ее участия? Читатели могут голосовать своими деньгами, однако книжный рынок находится пока в стадии формирования. К тому же, в отсутствии институтов³, направляющих литературный процесс, отношения автора и критика становятся амбивалентными: они меняются местами. Публика — этот узкий круг читателей — не только наблюдает разыгрываемую на литературных подмостках игру в пятнашки. Поскольку среди читающей публики немало «писателей», в ходе полемики она и сама может выступить на той или иной стороне.

Хаджич использовал литературный прием противопоставлений, присущий основополагающей стратегии Караджича, то есть отчасти вел полемику по заданным им правилам. В зчине «Мелочей», ссылаясь на высказывания Шлецера в связи с русской историей, он радовался, что в

¹ Об истории создания и публикации этих текстов см.: *Стојановић Ј.* Живот и рад Вука Стеф. Каракића. Београд. 1924. С. 466–493. А также прим. Г. Добровиновича: *Караџић В.С. О језику и књижевности.* Књ. III / 1. С. 266–289.

² Там же. С. 23.

³ Караджич воспринимал негативно деятельность Матицы сербской и связанных с ней органов печати. См.: *Младеновић Ж.* Вук Каракић и Матица Српска. Београд, 1965; *Милисавац Ж.* Матица Српска и Вукова реформа. Нови Сад, 1987.

случае с сербской грамматикой дело обстоит точно так же: она еще не написана, поэтому не надо будет разбирать завалы ошибок и заблуждений¹. Как известно, Караджич отрицал прежний опыт новой сербской литературы. Он утверждал, что все писатели от Д. Обрадовича до современников лишь портили язык, и расчищал площадку под грандиозный народнический проект превращения устного творчества в факт письменной культуры, намечая для себя поистине демиургическую роль. В свою очередь Хаджич распространил сверхкритическую позицию на деятельность самого Караджича, но лишь на одном узком участке (создание сербской грамматики), а собственные притязания в этой области ограничил высоколобым обсуждением лингвистических «мелочей». Уязвимость такой стратегии заключалась в отсутствии у него специализированной квалификации, что и было блестяще доказано в ответе Караджича.

Критику текста оказалось невозможным отделить от строительства и разрушения литературных и, вообще, публичных репутаций, поскольку ни один писатель не мог считать себя стопроцентным профессионалом; сербской литературой были заняты дилетанты. Поэтому, вопреки заявленным выше принципам, Караджич в finale ответа Хаджичу обрушивает на личность своего оппонента ернический приговор: «...он как теперешний сербский писатель знает достаточно; но по тому, что он думает, и в чем бы хотел уверить других, что знает, он не знает ничего; когда бы ничего не знал лучше, чем сербский язык и этимологию, он бы в ученом мире был настоящий болван и шарлатан»². Способный проникнуть в суть языка автор-критик, соединяющий разные роли в единственной инстанции истины, должен разрушить мнимые репутации с их претензией на частичное знание.

Дискредитация каких-либо правил полемик, кроме инстанции истины, понятой в позитивистском смысле, была чревата выходом из области литературной практики, которая тесно увязывалась с карьерными или меркантильными расчетами творцов через институт меценатства. Действительно, свобода литературной деятельности была мнимой в условиях ограниченного спроса на ее продукцию. Писатели не могли прокормить себя своим трудом, поэтому ни один из них не мог пренебречь властным покровительством. Обвинения в некомпетентности обирались изобличением корыстных интересов, конъюнктурного лицемерия и политической нечистоплотности.

¹ Караджић В.С. О језику и књижевности. Књ. III / I. С. 291–293.

² Там же. С. 33.

Хаджич, не задумываясь, связал появление запоздавшего ответа Караджича с обострением политической борьбы, которая происходила в Сербском княжестве. В конце 1838 г. султан издал так называемый Турский устав (конституцию) или третий хатти-шериф, что означало победу сторонников ограничения власти Милоша Обреновича — уставобранителей. В начале марта документ был обнародован в Сербии. По мнению Хаджича, именно князь надоумил реформатора напечатать памфлет против «сербского Солона», правоведа-законописца, чтобы тем самым нанести удар по всей «партии» борцов за конституцию. Сам Караджич этот факт позднее отрицал¹. В действительности, княжеская пенсия была для него существенным источником дохода. Как подчеркивают историки сербской литературы, в смысле материального положения и социального статуса, Караджич и Хаджич являлись прямыми противоположностями. Законописец уставобранителей во время службы в Сербии пользовался четырехкомнатной квартирой и получал месячное жалование в 200 талеров (после смены династии и утверждения нового режима он потребовал прибавки). Примерно эта сумма составляла ежегодную княжескую пенсию его оппонента. При этом Караджич и Хаджич оказывались конкурентами на интеллектуальном рынке не только в сербской лингвистике, но также в историографии и даже, пусть в меньшей степени, в законотворчестве².

По горячим следам Хаджич сразу после получения отзыва Караджича составил и опубликовал полемический текст, который назвал «Утук», что можно перевести как «удар», чтобы, как он надеялся, разбить своего оппонента. Разгромная брошюра вышла практически одновременно в Белграде и Нови Саде. По свидетельству корреспондента Караджича, Хаджич так комментировал свою акцию: «Пока это был бал-маскарад, но теперь снимем маски»³. Иными словами, полностью перенимая предложенную форму полемики, Хаджич задался целью, прежде всего, уничтожить литературную репутацию своего оппонента. В основе всех его

¹ Эту версию Хаджич отстаивал и далее в мемуарных текстах: Дела Јована Хадића, у књижству названога Милоша Светића. Књ. I. Нови Сад, 1855. С. 191. Огледало србско. Св. I. Нови Сад, 1864. С. 291–292. *Караџић В.С. О језику и књижевности.* Књ. III / 1. С. 273–282 (прим. Г. Добрашиновича).

² Там же. С. 283, 286–287.

³ П. Берич — В.С. Караджичу, 3 апреля 1839 г. Цит. по прим. Г. Добрашиновича: Там же. С. 407. Рецензия Караджича была подписана инициалами: В. С. К.

обвинений лежало утверждение, что Караджич пользуется чужим пером и присваивает себе чужую славу. Его «Письменица» была составлена Л. Миловановичем, «Сербский словарь» — Е. Копитаром, буквы «ћ» и «Ђ» были придуманы Л. Мушицким и т. д. Кредит ученого и человеческого недоверия возвращался как бумеранг. Хаджич вновь и вновь обвинял критика в некомпетентности: «...оскорблении и ругань силу возвратную имеют, и падают обратно на того, кто с ними легкомысленно пред светом играет¹. Кроме того, Хаджич разоблачал стремление Караджича к литературной монополии, а о самом себе порой высказывался в третьем лице, объясняя, что его оппонент лишь поверхностный наблюдатель, а он — «глубокий пловец», талантам которого тот завидует. При этом Караджич гордится отсутствием знаний, ругает тех, кто что-то знает, а себя «за некоего апостола и светило первого ряда выдает», в то время как он и есть настоящий «болван и шарлатан². Из деталей разрушающей (по принципу «сам — дурак!») чужой репутации строилась своя собственная.

Как свидетельствует один из первых читателей этих скандальных текстов, реакция на них в среде образованной элиты была неоднозначной. Вопреки вероятным ожиданиям полемистов, читатели не дифференцировались в соответствии с представленными позициями, во всяком случае, их тексты не изменили расстановку сил: «Первому понравилось одно, а не правильным виделось другое, второй порицал одно и оправдывал другое, третьему все понравилось, и куда кто был наклонен до этого, там и остался, кого кто любил, тому правоту приписывал³. При этом сторонники Караджича в большинстве своем негативно восприняли избранный им стиль полемики, хотя добавляли, что Хаджич превзошел его грубостью в «Утуке», адвокатском по манере письма⁴.

Ответ Караджича на нанесенный ему «удар», по тем или иным причинам, вновь вышел с сильным опозданием — в апреле — июне 1843 г., то есть спустя четыре года. Согласно характеристике Л. Стояновича, «написанный столь поздно, этот ответ отличается необычайным спокойствием, сильной, неопровергимой аргументацией и логикой. Вук в зна-

¹ «Утука» перепечатан: Там же. С. 412–432. Цит.: С. 413.

² Там же. С. 430, 431.

³ Л. Зубан — Д. Исаиловичу, 6 апреля 1839 г. Цит. по прим. Г. Добрашиновича: Там же. С. 407.

⁴ Там же. С. 281–283. Некоторые же оправдывали грубость Караджича-рецензента надменностью Хаджича в его «Мелочах».

ний языка столь превосходил Хаджича, что в этих вопросах играл с ним как кошка с мышью...»¹.

Спокойствие Вука, признавшего свою прежнюю неучтивость, не помешало ему методично повторить все тезисы рецензии на «Мелочи языкословные» и переадресовать обвинение в хамстве оппоненту: «...в личность писателя вторгаются тогда, когда в рецензии говорится то, что из книг его нельзя узнать или доказать»². Именно так поступил Хаджић в «Утуке». Личные нападки стимулировали мемуарные реминисценции, которым отведена значительная часть ответа Караджича. А его интерпретация психологии оппонента была зеркальной по отношению к «Утуку»: «...он говорит только из мести, из зависти и по злости...», из стремления к славе; он такой же историк, как и этимолог³. Финальная же часть ответа отведена авторской репрезентации места реформатора в национальном и мировом культурном пространстве, ибо «...почти все, что мир имеет из достойного знания о теперешнем нашем народе, от меня или через меня»⁴. На этих словах Караджич захлопывал дверь перед оппонентом, поскольку, чем дальше он будет плести сеть обвинений, тем более запутается («как пила в пакле»), и тем более докажет правоту истинного подвижника национальной культуры⁵.

Спустя несколько лет после выхода «Утука» вновь были поставлены под сомнение исключительные заслуги Караджича в привилегированной области его деятельности — собирании и публикации сербского фольклора. И на этот раз в центре внимания оказалась проблема авторства и национального представительства в культурном пространстве. Поводом к полемике послужил отклик некоего Г. Петровича на первый том «Сербских народных песен», изданных Караджичем в Вене вторым изданием в 1841 г. (*Wiener Zeitung*, 1841, № 192). В этой рецензии озвучивались те самые параметры литературной репутации, которую выстраивал

¹ Стојановић Ј.Б. Ук. соч. С. 563.

² Караџић В.С. О језику и књижевности. Књ. III / 1. С. 63–83. Цит.: С. 66. В то же время в его ответе немало ернического юмора, уничтожающего оппонента. Караджич остроумно, с помощью фольклорной метафоры, обыгрывает противопоставление «поверхности» и «глубины» у Й. Хаджића: «...и утка, когда опустит голову в воду, а хвост и ноги поднимет над водой, думает, что спустилась в морские глубины». Там же. С. 69.

³ Там же. С. 75, 78, 82.

⁴ Там же. С. 81. Караджич оправдывал это самовосхваление словами из второго послания к коринфянам: «вы меня к сему принудили».

⁵ Там же. С. 83.

Караджич все предшествующие годы. Рецензент выступал его рупором в европейской печати: «Сербские книжники не могли в то время обратить взгляд на это народное достояние (песни. — М.Б.), или потому что многое другое было нужнее..., или потому что свое собственное меньше ценится; они их презирали и не занимались ими. Лишь во втором десятилетии этого века появился один человек из самого народа...», писатель нового типа В.С. Караджич. «Милые песни чудесных певиц или героические песни, вместившие все радости и страдания, все великолепие народа, который целая Европа позабыла, глубоко проникли в его чуткую душу, пока он их слушал из уст сербских бардов»¹. Таким образом, рецензент особо акцентировал интимность и эксклюзивность миссии Караджича как резонатора голоса народа в отечественной и европейской словесности. Это и вызвало возмущение.

С опровержением в «Сербском народном листе» от 31 июля 1841 г., издававшемся Т. Павловичем в Пеште, выступил адвокат (Караджику везло на юристов!), почетный член Матицы сербской П.А. Попович. «Разве нельзя г. Вука и его заслуги похвалить, без того чтобы весь народ принизить и его так над целым возвысить? — задавался вопросом оппонент. — Мы всё печалимся и возмущаемся тем, что иностранцы о нас приблизительные вместо правильных понятия имеют, а сами, когда получаем возможность дать им знать о себе, говорим нечто такое, что они действительно не могут уважительно о нас думать»². Манипуляции с абстракцией «народ» сводились к вопросу о том, кто достоин быть его представителем, и, следовательно, отстаивать его интересы на внутренней и внешней арене. Диалектике единицы и целого противопоставлялся принцип коллективного представительства «сообщества сербских писателей».

Следующая реплика Г. Петровича в начавшейся дискуссии, по предположению Ј. Стојановича, принадлежала в действительности самому Караджичу. Во всяком случае, эта заметка была опубликована по его настоятельной просьбе, обращенной к попечителю просвещения Сербского княжества С. Радичевичу в белградских «Новинах» (18 апреля 1842 г.). Первоначально же газета, как и пештский «Народный лист», отказалась ее печатать³. В заметке вновь было оспорено право сербских писателей

¹ Там же. С. 323–326 (немецкий текст). С. 327–330 (сербский перевод).

² Там же. С. 330.

³ Стојановић Љ. Ук. соч. С. 537. См. также прим. Г. Добрашиновича: Караджић В.С. О језику и књижевности. Књ. III/1. С. 312–313.

на национальное представительство. Исключение делалось лишь для одного из них, то есть для Караджича, поскольку он «член народа нашего» и совершил для него в литературе более чем все остальные¹.

«Оправдание» П.А. Поповича в «Сербском народном листе» от 21 мая 1842 г. оказалось более обширным, а палитра обвинений обогатилась. На этот раз речь зашла об авторстве на идею сбиrания и опубликования народных песен. Ссылаясь на свидетельство самого Караджича в предисловии к «Песнарице», изданной еще 1814 г., Попович приписал приоритет в этой инициативе уже ушедшему из жизни поэту-классицисту, архимандриту Л. Мушицкому². Автор «Оправдания» умело использовал иронию Караджича в предисловии к «Песнарице», обратив ее против него самого (тот признавался, что в детстве знал куда больше песен, но теперь, к несчастью, многие позабыл). Но все же главным вопросом оказался вопрос о собственности на фольклорное наследие, и правомочности категории авторства в отношении устной литературы. Попович разоблачал эксклюзивные притязания Караджича, подозревая в них коммерческие виды публикатора на произведения без автора, приватизацию анонимности: «...весьма показывают, что уважают свои народные песни те, кто их напечатанными за большие и пребольшие деньги покупает, нежели тот, кто их так продает»³.

Кроме того, Попович подверг критике своеобразное Караджичу (а вместе с ним всей романтической традиции) смешение жизни и литературы, устного и письменного слова, непосредственного эмоционального восприятия и сравнительной эстетической оценки, вернув право на интимный контакт с фольклором каждому сербу, в том числе «образованным» писателям. Тем самым нивелировалось столь значимое для Караджича противопоставление денационализированного «высшего класса» (меньшинство) и верных истокам «низов» (большинство), обуславливающее особую миссию «выходца из народа». При этом остроумно подчеркивалось, что публикация фольклора и есть угроза живой преемственности, поскольку стихию опасно упорядочивать: «Мы преж-

¹ Там же. С. 330–331.

² Карадић В.С. Мала простонародна славено-сербска пјеснарица // Сабрана дела. Књ. I. Београд, 1965. С. 37–44. Свои претензии на приоритет в этой идее высказал также сербский аристократ и меценат С. Текели. Его заметка соответствующего содержания была опубликована 25 июля 1842 г. в «Сербском народном листе»: Карадић В.С. О језику и књижевности. Књ. III/1. С. 339–340.

³ Там же. С. 336, 337.

де не имели наших народных песен в книгах, но мы имели их в памяти и в устах, в голове и сердце; теперь вместо этого имеем их в книгах, красиво напечатанными и переплетенными, запертыми в шкафах! <...> Легко может все, что угодно, и очень легко, перейти из жизни в книги, но тяжело переходит нечто из книг в жизнь¹. В этом отношении Попович был не совсем прав: литературные образцы, конечно, влияют на жизненные стратегии.

Между тем, его аргументы выглядели достаточно серьезно, и Караджич вынужден был лично ответить на выпад. Не вдаваясь в сущность авторского права, он защищал «истину» того, «как это было на самом деле» — ее главенство признавал и сам Попович², — в статье «Истинная причина и начало собирания наших народных песен» (1842)³. Таким образом, Караджич приступил к исторической отшлифовке прошлого в мемориальной версии своего жизненного пути в качестве Колумба сербского фольклора. Воспоминания были не только средством текущей полемики, но и способом закрепления в памяти будущих поколений определенного образа первооткрывателя, значимости и последовательности событий в деле создания национальной культуры. В статье-воспоминании Караджич однозначно указал на Е. Копитара как на автора идеи записи песен, отдельных слов из народной речи и сербской грамматики⁴. Тем самым он отвел от себя подозрения в эгоцентризме и в то же время не уступил приоритет «сообществу сербских писателей», опровергнув первенство Л. Мушицкого, который, по версии реформатора, разделяемой с оппонентом, к нему некогда принадлежал⁵.

Копитар, разумеется, не мог и не собирался реализовывать высказанную идею, поэтому первым сербским фольклористом и подлинным создателем национальной литературы оказался Караджич. Проявив

¹ Там же. С. 337, 338.

² Там же. С. 339.

³ «...Это не мысли мои, но рассказ того, что есть». В воспоминаниях Караджича он сам превращался в истину последней инстанции. Там же. С. 43.

⁴ Там же. С. 37–39. См. переписку: Копитар и Вук / Приредио Г. Добрашинович. Рад–Београд, 1980.

⁵ «Невзирая на различные мнения о вкладе Л. Мушицкого в собирание наших народных песен, — признает лояльный Караджичу Г. Добрашинович, — он значителен и неоспорим и по хронологическому первенству, и непосредственной помощью и посылками [записанных песен] Вуку. <...> Вук же в упомянутой статье приуменьшил истинные его заслуги...». *Караџић В.С. О језику и књижевности. Књ. III/1. С. 319–320.*

свойственную ему гибкость мысли, реформатор провел различие между объективной «ценностью» и субъективной «оценкой» фольклора. Кроме того, он разоблачил фетишизацию понятия «народ» в устах своих критиков: «...народ наш и теперь не знает настоящей ценности своих народных песен, а не то, что и ранее всегда знал ее (как это мыслит и говорит г. П.А. Попович). От массы, которую народ наш в истинном смысле составляет, нельзя того ожидать...»¹. Беда сербского народа в том, что его *писатели* не понимают истинной ценности фольклора как основы живого языка, а лишь портят и гонят его. Таким образом, демаркационная линия между образованными «верхами» и неграмотными «низами» восстанавливалась, при этом оппоненты Караджича лишились народного мандата. Не отвечая на другие прозвучавшие в ходе дискуссии вопросы и замечания, реформатор в названной статье умело противопоставил подлинный (языковой) национализм, который он сам исповедовал, ложному «народолюбию» оппонентов. Иными словами, он вновь использовал для диффамации противников уже апробированный им режим оппозиций.

Карикатурным отражением развернувшейся полемики об авторском праве стал случай с попом П. Карапотвертковичем. Последний имел какое-то отношение к доставке в Белград копий со средневековых документов, сделанных в архиве Дубровника местным «родолюбцем» Г. Николаевичем и отправленных брату сербского князя Ефрему Обреновичу. Здесь за публикацию ценных исторических материалов взялся воспитатель его детей, журналист и литератор Д.П. Тирол². Он успел опубликовать объявление для подписчиков о выходе книги, но вынужден был срочно отбыть в Одессу вместе с сыном своего патрона Милошем: он там учился. В результате издание «Сербских памятников» в 1840 г. вышло с подзаголовком: «Изданы на свет иждивением господина Ефрема Теод[оровича], председателя Совета княж[еского] сербского, генерал-майора и кавалера, а собраны трудом Павла Карапотвертковича, священника...»³.

Разумеется, это возмутило Тирола, изобличившего «бедного славолюбца» и «ложного собирателя», к тому же «человека из толпы», кото-

¹ Там же. С. 41–42.

² Будучи приверженцем реформы Караджича в прошлом, к этому времени Тирол выступал в качестве его критика.

³ Там же. С. 345–355 (прим. Г. Добрашиновича).

рый едва умеет читать и писать¹. В оправдательной заметке, опубликованной в приложении к «Сербским новинам» 4 июля 1842 г., авантюрист от книжного дела сослался на пример другого «выходца из народа» — В.С. Караджича: «...я рассудил: если он на песнях мог написать [«составитель»], то и я могу о грамотах сказать; и не мог думать, чтобы закон ученого мира таким непостоянным был и мне запретил то, что другому дает. <...> Я и в том большое сходство дел и трудов с трудом г. Вука нахожу, в том я с ним как бы сравняться стремлюсь, что мы оба, не имея возможности науками обогатиться, в качестве неучей с собранием чужих трудов перед ученым миром предстали, и оба в том одного учителя и руководителя г. Лукиана Мушицкого, ученого серба, имели².

Заявление Карапотвертковича походило на провокацию. Неслучайно, Караджич увидел в нем адвокатскую повадку Й. Хаджича. Последний, как намекнул реформатор в рецензии на «Сербские памятники», и был подлинным автором оправданий недалекого, а значит, и неспособного на них попа-афериста с унизительной для собирателя народных песен аналогией³. Караджич легко обнажил фиктивность и без того подмоченной репутации. Впрочем, это опровержение не снимало как таковой вопрос об авторской функции в эпоху «национального возрождения», когда литературный язык и новый культурный мир строится из фольклорного материала.

Карапотверткович попытался продолжить создание персональной мифологии по образу той, что сложилась вокруг имени Караджича. Акцент делался на «особые» отношения с Л. Мушицким, от которого он якобы получил благословление на подвижническую миссию. Малообразованный поп вновь сравнивал себя с прославленным собирателем фольклора. «И при том, однако, признать должен, что г. Вук К[араджич] — человек редкий (ибо другие люди в мире способностями и удачей без науки приобретают часто достоинство гражданское, воинское, материальное, а он без науки ученым стал, как еще никто до этого)...»⁴. Этот сомнительный комплимент граничил с издевкой, и Караджич еще раз осадил зарвавшегося «последователя», хотя и опасался, что его «ответы на от-

¹ Там же. С. 357–360. Статья Тирола была опубликована в «Сербском народном листе» 5 июня 1841 г.

² Там же. С. 368–369.

³ Там же. С. 52–53. Пункт 7, заключающий замечания Караджича.

⁴ Текст был опубликован в «Сербском народном листе» от 13 мая 1843 г. Перепечатан: Там же. 438–442. Цит.: С. 438.

веты на ответы» могут превратиться в дурную бесконечность. Впредь он обещал не обращать внимания на подобные выступления, «как если бы, например, где-то в пути на меня пес залаял, или какой дурачок нашелся»¹. Спасение личной репутации, которой угрожала дискуссия не столько по содержанию, сколько по форме, обеспечивалось выводом оппонента из рядов «здравого» человечества.

В то время, когда из печати выходил ответ Краджича на «Утук» Й. Хаджича, весной 1843 г. его главный оппонент предпринял публикацию текста с новыми обвинениями, которые выходили далеко за рамки чисто литературного процесса. Главной мишенью в так называемых «Видах Сербии»² стали моральные качества и партийно-династическая позиция Караджича. Здесь впервые было опубликовано знаменитое письмо Милошу Обреновичу с критикой тиранического правления, написанное реформатором в 1832 г. и ставшее его главным политическим сочинением³. Хаджич стремился доказать беспринципность своего оппонента, готового служить хоть черту, лишь бы ему платили, и если потребуется, трижды отречься от своих слов, чтобы сохранить пенсию⁴. Этот текст был продиктован интересами укрепления режима уставобранителей после выбора в пользу Александра Карагеоргиевича, поскольку направлялся и против Милоша Обреновича, который, в свою очередь, надеялся вернуть себе трон. При этом Караджич участвовал в пропагандистских акциях князя-эмигранта.

Новацией в разоблачении облика «народного писателя» стала демонстрация его аристократических замашек: придумывание «фамилии», которой у сербских крестьян в то время еще не существовало, а также надежды на получение поместья из рук сербского князя (тот и сам вышел из пастухов). Хотя Караджич в ответе на последнее обвинение все свел к шутке, современные биографы считают, что у этих надежд могла быть серьезная подоплека. Караджич на самом деле мечтал о повышении социального статуса: «Парадоксально, но возможно: трибун крестьянства

¹ Там же. С. 89, 90. О предыстории этого текста см.: Стојановић Ј. Ук. соч. С. 496–502.

² Первая публикация в еженедельнике «Сербский улак» (марте — июне 1843 г.). Перепечатан: Каракић В. С. О језику и књижевности. Књ. III / 1. С. 470–523.

³ Каракић В. С. Историјски списи. Књ. I / Сабрана дела. Књ. XV / Приредио Р. Самаркић. Београд, 1969. С. 183–199. Прим. Р. Самардžича: С. 377–469.

⁴ Караджичу удалось подтвердить право на пенсию после свержения Милоша в 1839 г., но со сменой династии в 1843 г. он был ее лишен.

с желанием поместья», — замечает в комментариях Г. Добрашинович¹. И в этом, и в другом случае (сочинение «фамилии») по ходу оправданий Караджичу пришлось пользоваться обманными маневрами — жизненные практики не во всем совпадали с официальной литературной легендой².

Но еще более серьезное обвинение сводилось к разоблачению реноме Караджича как писателя-патриота. Он был обвинен в разжигании ненависти к австрийским сербам, переселившимся в Княжество, что означало подрыв национального единства. В finale ответа Караджич, отводя от себя данное обвинение, ограничился, помимо иллюстративных примеров, короткой констатацией со ссылкой на народные убеждения: «Итак, известная истинна, что сербы из Австрии не имеют доверия у народа в Сербии; а имеет ли народ в этом право, или нет, об этом продолжим в другой раз»³. Но, учитывая некоторые прежние высказывания и замечания, сделанные в рассматриваемом тексте, направление мыслей реформатора можно понять.

Европейски образованные австрийские сербы (а, следовательно, и Хаджич, как их яркий представитель) несут угрозу национальной культуре. В частности, Караджич выступил против насаждения в Сербии европейского костюма и предложил разработать форму для военнослужащих на основе народного платья⁴. В свою очередь Хаджич во втором «Утуке», появившемся вслед за «Ответом на ложь и нападки...» в 1844 г., не преминул удивиться: «А кому он это проповедует, когда он сам вместо арнаутской (т. е. албанской. — М.Б.) одёжки натянул французский, как он говорит, костюм, и что же он себе в первую очередь не проповедует;...»⁵. В этом ироничном замечании можно без особой натяжки увидеть стремление публично «раздеть» оппонента, поскольку вопрос об одежде

¹ Каракић В.С. О језику и књижевности. Књ. III / I. С. 445–458. Цит.: С. 449.

² «И когда бы я на все это стал отвечать, как требовалось бы, — писал Караджич в «Ответе на ложь и нападки в “Сербском улаке”», объясняя выбранную им стратегию защиты, — тогда бы должен был невольно коснуться многих лиц...; но я этого не хочу делать, и потому буду стараться при ответе доказать, что не так, как он говорит во многих местах, не вспоминая о том, как было». Там же. С. 99. Реформатор вынужден был проявлять особую деликатность, поскольку рисковал рассориться сразу со всеми политическими направлениями. См. подробнее: Стојановић Ј. Ук. соч. С. 569–578.

³ Каракић В.С. О језику и књижевности. Књ. III / I. С. 117.

⁴ Там же. С. 105–106.

⁵ Там же. С. 524–553. Цит.: С. 536.

буквально касался и «тела»¹ сербской нации, и «личности» самого спортсмена. Хаджич в который раз надеялся «сорвать маску» с ненавистного противника, эффектно продемонстрировав различие между жизнью и литературным карнавалом.

Использование подобных риторических приемов, а также стремление усилить мощь и расширить зону нанесения обвинительных ударов выталкивали Хаджича из поля сугубо литературной битвы. Как это ни парадоксально, тем самым он ограничивал свою свободу маневра. Мaska ученого-филолога (или поэта), равно как и любая другая маска, теперь не годилась. Во втором «Утуке» Хаджич выступил в собственной роли просвещенного, но одумавшегося юриста-бюрократа, призванного «держать и не пущать». К этому времени он уже привык высказываться о себе в третьем лице, хотя все еще пользовался литературным псевдонимом: «Только нужно знать и в ум взять, кто такой Светич в Сербии, и каково его дело. Он в Сербии Законописец, и работает для утверждения законности в Сербии. А законность, конечно, служит для поддержки Правительства, народа и его государственной жизни, и по самой природе своей отклоняет всякую силу и самовольство и извне и изнутри, как теперь, так и впредь»². Иными словами, формально Хаджич отказывался от личной репутации и выступал в качестве агента власти. Тем самым его слово приобретало официальный вес. Но сколько оно значило теперь в литературном измерении? Метаморфоза Хаджича оборачивалась победой Караджича как творца сербской культуры, несмотря на всю силу политico-династической аргументации.

Впрочем, одной чиновной функции для содержательной полемики явно не доставало, поэтому во втором «Утуке», улучшающем в лукавстве Караджича как историка, развернута противоречивая теория истины, режим которой (по долгу службы или из бескорыстных побуждений?) взялся поддерживать Хаджич. Из его слов можно понять, что историческую истину раздирают потребности политического момента, династии

¹ См. интересные замечания о семантике народного костюма и телесности в практиках украинских националистов: Екельчик С. Человеческое тело и национальная мифология: некоторые мотивы украинского национального возрождения XIX века // Ab Imperio. Казань, 2006. № 3. С. 23–54.

² Каракић В.С. О језику и књижевности. Књ. III/1. С. 524. С избранной точки зрения, по логике оппозиции, Караджич виделся прямой противоположностью Хаджича — бунтовщиком, политическим авантюристом и анархическим индивидуалистом.

ческие интересы, с одной стороны, моральные принципы в изображении прошлого, честь и совесть пишущего, с другой. Хаджич утверждал, что лучше промолчать, если не можешь сказать всей правды, а если что-то написал, то лучше опубликовать, чем распространять написанное в списках (имеется в виду письмо Караджича Милошу Обреновичу 1832 г.). В итоге, призвание беспристрастного историка оставалось подчиненным национально-государственным задачам, но без этой «запасной» позиции Хаджич не смог бы сформулировать вообще никаких внятных обвинений¹.

Противоречивость положения Хаджича, как слуги двух господ (Австрии и сербских уставобранителей) и ложного претендента на истинное знание, продемонстрировал защитник Караджича, кстати, адвокат по профессии К. Богданович². Хаджич не нашел для себя ничего лучшего как обратиться за поддержкой к австрийским властям, что было равносильно расписке в личном поражении. Это обращение не произвело ожидаемого эффекта.

Последний третий «Утук» (самый объемный) суммировал весь опыт предыдущих словопрений³. В частности, Хаджич предпринял в нем анатомию совместного предприятия по саморекламе, которое, как он считал, создали Копитар и Караджич. Словенскому ученому понадобился малограмотный выходец из низов для повышения собственных акций в международной славистике, когда в ней так ждали простонародных откровений⁴. Хаджич упорно шел в наступление против мифа, возникшего вокруг собирателя сербского фольклора и реформатора языка. Сам он выступал отныне как «рядовой сербский патриот». При этом в снятом и обезвреженном виде воспроизводилось эгалитарное представление об истинном языке, которое Караджич ранее использовал против писателей из «высшего класса». «Народ един, — заявлял Хаджич, — и его сы-

¹ «А что касается дружбы или вражды в отношении правителя народа сербского, — замечал Хаджич Караджичу, — то я и ему и вся кому скажу, что только тот истинный друг правителя и сербского и всякого, кто друг истины, друг правды и законности, да и благополучия народного; а иначе никак, пусть он увиливает и извивается, заискивает, политиканствует и лукавит, как ему угодно, и сколько ему угодно». Там же. С. 544.

² Там же. С. 556–574.

³ Поводом к его написанию стали «Письма...» (1845) В.С. Караджича о сербском языке.

⁴ Там же. С. 995–997.

новья в отношении языка своего равны, сколько одним до него, столько и другим. Все его испили из материнской груди...»¹. Вслед за этим он выражал надежду, что Караджич вскоре «выйдет из моды», поскольку грядет поколение образованных сербов, и они быстро разберутся, что к чему. Именно эта генерация в лице Д. Даничича и нанесла сокрушительный удар по позициям Хаджича. Спустя годы в 1864 г. сербские студенты из венского университета жгли мемуары «отвратительной совы» на могиле недавно умершего Караджича, ставшего для них чуть ли не святым².

Подведем итоги. В рассмотренный период закрепление мифа о «крылатом» реформаторе происходило в ходе бурной полемики с его бывшими сторонниками и ложными последователями. Литературная и общественная репутация Караджича неоднократно подвергалась сомнению. Однако попытки «сорвать маску» и разрушить миф о творце сербской культуры, с одной стороны, вели к признанию частичной правоты оппонента, а с другой, скандальным путем усиливали реноме «гонимого пророка», «выходца из народа». Ценой такой критики мог стать отказ от строительства собственной репутации. А гибкость полемической стратегии Караджича не противоречила его твердости в отстаивании разработанной литературной легенды. Она соединила в себе культ национального большинства и мобилизующую индивидуальность.

¹ Там же. С. 1027.

² См. прим. Г. Добрашиновича: Там же. С. 288. О выступлении молодежи против Хаджича в поддержку Караджича подробнее: *Кићовић М.* Ук. соч. С. 155–169.

Игнатьев Р.Н.

Институт антропологии и этнологии РАН

ВЛАСТЬ В СЕЛЕ И ВЛАСТЬ СЕЛА (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЕВОДИНЫ XIX–XX ВВ.)

Предварить наше сообщение мы хотели бы замечаниями к некоторым тезисам Предисловия предыдущего выпуска «Человека на Балканах», посвященного «социокультурным измерениям процесса модернизации на Балканах» (СПб., 2007), так как они необходимы для понимания представленного нами текста.

На основе имеющегося опыта работы по данному проекту автор Предисловия выделяет модель «догоняющей модернизации» как весьма привлекательную на первом этапе процесса, когда велика роль интеллектуалов-реформаторов. В дальнейшем же «накопление заимствований становится непродуктивным, слишком перегружающим национальную идентичность, что приводит общество в состояние психологического «раздражая», неустойчивости, неуверенности. Появляется ощущение необходимости сменить тактику, а в определенной мере и стратегию»¹. Здесь важно отметить, что культурный багаж общества определяет то, как будет продолжена интеллектуальная или политическая преамбула грядущих изменений, иначе говоря, каким образом эти изменения будут осуществляться.

Как мы понимаем, смена тактики или изменения в некоторой части стратегии модернизации означает реакцию активной части социума и осуществляется через инфильтрацию ее людей в элиту или через создание новой элиты. Вместе с тем, модернизирующиеся общества во всем мире занимаются поиском тождественности, взыскивающей уважения. Схема модернизации может быть любой, но сигнализирует она об одном: элита ищет равноправия или доминирования в какой-либо системе отно-

¹ Гришина Р. П. Предисловие // Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.). СПб., 2007. С. 6.

шений — внутренней или внешней, не имеет принципиального значения. Общество же всегда стремится к некоторой умозрительной норме, нередко абсолютизируя и персонифицируя ее. Совпадение устремлений элиты и общества в целом иллюзорно потому, что идеальным модернизирующими элиту и модернизуемому обществу нужны абсолютно противоположные вещи: первая — враг какой бы то ни было «нормы» внутри государства, так как она лишает ее ресурсов, необходимых для преобразований, и мешает устраниТЬ противников; а второе враждебно к тем, которые, как кажется, разрушают его «справедливое» и «нормальное» существование. Так что после первого этапа модернизации трансформированная или новая элита неизбежно обращается к социальной демагогии. При этом выясняется ее желание заместить своей идеологией смутную социальную норму, преподнести себя опорой значимых для людей институтов, а также мобилизовать массы в качестве кого бы то ни было и для достижения чего бы то ни было. Вероятно, именно к этому моменту формируется идея «прерванного развития», которую может подогревать печальная судьба прежней элиты. Эта идея служит своеобразной «психологической ширмой» для обеих сторон модернизационного процесса: общества и «обновленных» руководителей. Некоторое время спустя очередная трансформация элиты или ее обновление приводит к тому, что существующая социальная норма и ее институты оказываются вне закона, а общество имеет (или не имеет) выбор между противоречащими друг другу моделями развития: домодернизационной, «прерванного развития», «неправильного пути» прежней элиты и обещаниями новых вождей. Вероятно, не следует серьезно рассматривать первые два образца. К третьему же должно отнестись внимательно, так как именно модель «неправильного пути», как ранее идея «прерванного развития», станет психологическим прикрытием для участников процесса модернизации, неким буфером между соблюдением социальной нормы и модернизационной активностью элиты вплоть до их очередного и неизбежного дисбаланса.

Таким образом, перед нами своеобразная эстафета модернизации, которая выглядит, надо признать, несколько парадоксально или, выражаясь иначе, диалектически: новое издание элит, по-своему толкая социальную норму и основывая ее во многом на отрицании «неправильного пути», как правило, не может сойти с модернизационной дистанции. Как в знаменитой апории Зенона Ахиллес с точки зрения древних никогда не догонит черепаху, так в идеальных модернизирующихся обществах социальная норма никак не может быть совмещена с актуальным планом модернизации.

Поэтому нам кажется взвешенной позиция североамериканского антрополога К. Гирца, выступившего за «теоретическое разделение идей порядка, которыми руководствуются деятели любого государства, и институциональной среды, в которой они действуют». С его точки зрения, «это позволяет различать идеологический вклад в современные государства тех культурных традиций, наследниками которых они являются, и организационный вклад в эти государства тех систем управления, которые им предшествовали, и увидеть при этом, что первый, идеологический, вклад имеет, за некоторыми исключениями, гораздо большее значение, чем второй»¹.

При этом следует иметь в виду, что балканское общество (если, конечно, будет позволительно охватить этим термином разнородное по культурному материалу население полуострова) на протяжении веков усваивало самые экзотические культурные элементы и производило необычные для европейца системы управления. Эта своеобразная, проследивающаяся по историческим источникам и наблюдаемая ныне эклектичность заставляет сомневаться в том, что на Балканах когда-либо бытовали «чистые» формы с «беспримесным» содержанием, а также в продуктивности использования слов «отсталость», «изолированность», «закрытость» или «патриархальность» при описании балканских реалий вообще. Балканский социум нового времени за некоторыми исключениями (обусловленными не столько непрерывностью архаики, сколько оптимальной с точки зрения населения моделью жизнеобеспечения)

¹ Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. М., 2004. С. 394. Позволим себе еще одну цитату: «На деле именно это смешение узнаваемых голосов настоящего с более чуждыми, но не менее настойчивыми голосами прошлого так затрудняет понимание того, что именно замышляют политики, гражданские или военные, любого из государств третьего мира. В какой-то момент они кажутся беспримерными якобинцами, в следующий — преследуемыми духами, столь же древними и столь же неотвязными, как фурии. В какой-то момент они весьма похожи на самоучек Мэдисонов и Джейферсонов, строящих такие политические замыслы, каких никогда раньше не было видано ни на земле, ни на море, в следующий — на приукрашенных Муссолини, создающих ухудшенные копии наиболее комических вариантов европейского фашизма. В какой-то момент они кажутся уверенными обладателями четко определенного представления о направлении движения, полными надежд и высоких целей, в следующий — неистовыми оппортунистами, охваченными замешательством, страхом и беспредельной ненавистью к себе» (с. 396).

крайне трудно сравнить с известными примерами «изоляции» и «патриархальности»¹.

С точки зрения ученых социологов, отмечает Р.П. Гришина, в модернизирующихся обществах «в конечном счете, речь идет о трансформации сознания человека, о появлении «экономического человека» — рационалистически действующего индивидуума, перед которым человек патерналистского типа отступает»². Вместе с тем всем нам хорошо известны ситуации, когда затруднительно признать индивидуальную рациональность агентов «нового» или ретроградность защитников «старого» социального порядка. Сознательная борьба за право интерпретировать социальную норму всегда предполагает коллективную идентичность, но едва ли особенно поощряет индивидуализм, домен которого мы, ограниченные рамками проекта, усмотрим скорее в модернизационных идеях.

¹ Вспомним здесь замечательную работу российского этнографа Оксаны Фаис «Модернизация в Сардинии. Этнокультурные трансформации» (М., 2003). Исследование «закрытого общества» острова во второй половине XX — начале XXI в. приводит автора к любопытным выводам: «при нарушении прежнего социо-экономического, культурно-психологического баланса коллектива начинают брать верх «отрицательные» его формы, тогда как позитивно-конструктивные или утрачивают свое значение, или довлеют в более узкой сфере действия» (с. 34); «последствия дезадаптации личности... находят свое подтверждение в эмпирическом сардинском материале: ...период после проведения в Сардинии реформ был отмечен ростом психических отклонений, самоубийств, вызванных неэффективностью традиционных защитных реакций ввиду полной трансформации среды обитания» (там же); «основным «грехом» модернизации автор считает тот факт, что в результате воздействия совокупности модернизационных факторов Сардиния была «сброшена с рельсов» своего естественного, исторически апробированного пути развития со всеми вытекающими отсюда далеко идущими экономическими и социо-культурными последствиями» (с. 256). Следует обратить внимание на то, что как в известных балканских странах, так и в Сардинии «общество не смогло органично перенять лучшие черты современности, при этом отвергнув его отрицательные аспекты» (с. 257), однако в случае Сардинии «значительную «жизнеспособность» проявляют традиционные этическая система и правовая культура — нормы обычного права во многом продолжают сохранять свою актуальность, парадоксальным образом играя роль своего рода фактора иммунной защиты сардинского общества от «заражения» его нетипичными для Сардинии «видами» криминальности, в частности, преступлениями, связанными с распространением наркотиков, мелкой городской молодежной преступностью, рэкетом, мафиозной деятельностью и т. д.» (с. 258).

² Гришина Р. П. Предисловие... С. 7.

лах. Поэтому продуктивной выглядит мысль Р.П. Гришиной о том, что не стоит ограничивать «воздействие социально-культурных новшеств только на сознание человека: их аура, по-своему заполняя воздушное пространство общества, *действует и на бессознательном уровне*, способствуя тем самым определенным подвижкам в природной ментальности социума»¹.

Во многом как иллюстрацию этого тезиса мы рассматриваем наш очерк, в котором затрагивается модель управления, введенная в XVIII–XIX вв. в селах сербских колонистов на территории Банатской Военной Границы Австрийской монархии и во многих аспектах пережившая Военную Границу (1872 г.) и Австро-Венгрию (1918 г.). Плод усилий венских властей, данная модель утверждала модернизационные элементы прежде всего в военно-административной сфере, системе коммуникаций и образования и подчиняла строгому распорядку общественную жизнь. Сербам Военной Границы пришлось адаптироваться к предложенным условиям, и их ментальность до сих пор отличается от образа мышления задунайских соплеменников и даже от тех «австрийских» сербов-крестьян, которые не были «границарями».

Но прежде мы хотели бы вернуться к нашей модели идеального модернирующегося общества и приложить ее к балканской модернизации, воспользовавшись тем материалом, который у нас под рукой. В то время как создавался особый крестьянский мир Военной Границы, формировалась элита сербов, находившихся под сенью Габсбургов. Суровая регламентация всех сторон жизни, ограниченность модернизационных инициатив, неравенство общественно-политических возможностей (прежде всего, вследствие православного вероисповедания), а также политические провокации с разных сторон — вот атмосфера, в которой воспитывалась разнородная элита «австрийских» сербов. Главным утешением ее оставалась мечта устроить так или иначе сербскую автономию внутри монархии или создать (восстановить) сербское государство на занятых турками землях. Это неподдельное «родолюбие», которое в полной мере может быть разделено только «своими», выступало единственной опорой элиты, способное, как, вероятно, они полагали, компенсировать неискущенность в вопросах государственного управления и отсутствие каких-либо практических знаний о проведении реформ. Если обратиться к положению «турецких» сербов накануне Первого

¹ Там же. С. 7.

сербского восстания 1804–1813 гг., то при всех экономических выгодах и относительных свободах (до установления «дахийского режима») здесь тем более не найти намека на самостоятельное административно-политическое сознание элиты хотя бы Белградского пашалыка.

Итак, отбрасывая интенсивный военный, хозяйственный, культурно-идеологический и скорее анекдотический масонский опыт сербской элиты с обоих берегов Дуная, в нашем распоряжении не остается, пожалуй, никаких аргументов для того, чтобы говорить о ее политическом опыте, не ограниченном городским магистратом, церковными интригами или духовным совершенствованием. Но подобная катастрофическая нехватка навыков политического администрирования, «возмешенная» одним прожекторством, у элиты, вступившей в девятнадцатый век, серьезно угрожала выбору верной стратегии развития нового государства¹.

При этом важно подчеркнуть, что сербский или балканский вариант модернизации противоречит соотношению социальной нормы и модернизационного замысла, наблюдаемому в идеальном модернизирующемся обществе, не только вследствие подмены модернизационной практики великодержавными мечтаниями. Могущественная сто лет назад и сильная сейчас норма балканского общества складывалась длительное время в условиях безгосударственности, при участии весьма ограниченной в политических правах местной элиты, но в первую очередь, под присмотром регионального суверена — Османской империи, роль которого нередко приуменьшается национальными историографиями. Отсюда, как кажется, в балканском обществе многоуровневая социально-культурная разнородность, ускользающая из рамок государственных образований. Действующая норма балканского общества в глазах населения оценивается, по всей видимости, гораздо выше любых программ элиты. Таким образом, возникает существенное препятствие для процесса модернизации: если обновление государственных элит регулируется нормой, то кто же изменит эту норму с тем, чтобы указать на «неправильный путь», заручиться поддержкой части общества и актуализировать модернизационную парадигму?

¹ Ко второй половине XIX в. разные доктрины «национального триумфа» пустили корни в молодых балканских государствах. Нельзя не согласиться с Р.П. Гришиной: «при более точном учете тогдашней реальности, следовало бы сосредоточить усилия правящих кругов в первую очередь на внутренних проблемах, а не на внешних» (Гришина Р.П. Предисловие... С. 11).

Поэтому балканская модернизация, вероятно, должна быть описана совершенно иначе, чем наша идеальная модель. Норма балканского социума требует обновить элиту, чтобы подтвердить свою исключительность. Оставить неизменными основы жизнеобеспечения, утверждение которых потребовало значительного времени и человеческих жизней — вот к чему сводит она деятельность элит. Вполне подходящими оказываются здесь малосведущие в вопросах государственного управления лидеры, не вмешивающиеся во внутреннюю «народную жизнь», но занятые проблемами, лежащими в другой плоскости. При этом отдельные модернизацоные элементы по отдельности или в совокупности не должны противоречить тем коллективным идентичностям, которым благоприятствует норма. Похоже, что последние двести лет социальная норма во многом определяет ход модернизации на Балканах¹.

В чем же заключается эта «непотопляемая» норма? Однажды мы упоминали так называемые «долговременные» структуры Балканского полуострова: связанные с Европой и Азией системы управления, производства и торговли, «метанастасис» (переселения балканского населения с конца XIV в.), «психические типы» и конфигурация этнокультурных зон². Изучение этих «длительных» структур, умело отделенных от административно-политических образований, национальных экономик или религиозных практик, может дать нам целостное представление о рассматриваемом обществе. И, возможно, именуемое нами «нормой балканского общества» окажется тогда не безыскусным и сомнительным перечнем ее возможных составляющих, что мы могли бы предложить сегодня, но закономерностью некоторых явлений, остающихся для нас неясными. Наконец, мы разделяем пафос В. П. Даркевича, цитирующего в своей книге определение средневековья А. Франса: «улей, полный пчел и меда»³. Известное нам говорит в пользу того, что балканское историко-культурное единство, этот «улей, полный пчел и меда», практически невозможно разъять.

¹ Впрочем, следует отметить, что Р.П. Гришина с большой осторожностью относится к тезису о единой модели модернизации на Балканах: весьма различаются исторические обстоятельства в каждом из государств региона.

² Игнатьев Р.Н. «Метанастасические движения», «культурные пояса» и «психические типы» Йована Цвиича в связи с балканской модернизацией // Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.). СПб., 2007. С. 324–325.

³ Даркевич В.П. Народная культура средневековья. Светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI в. М., 1988. С. 234.

* * *

Говоря о власти в селе и власти села в зоне, в которой австрийская военно-политическая машина имела в XVIII–XIX вв. практически неограниченные возможности для контроля, подавления, разобщения или соединения родственных коллективов, мы рискуем принять две крайности. Первая заключалась бы в утверждении о всеобъемлющем характере австрийской власти в селе, глубине и необратимости социально-культурных изменений, разумеется, «позитивных». Вторая означала бы чрезмерный акцент на обычаях, обрядах и прочих *folk-lore* или религии, которые будто бы охраняли население от чуждого культурного влияния. Как известно, объект внимания исследователя влияет на результаты анализа, поэтому, чтобы узнать об усвоении и воспроизведении социально-культурных новшеств в особой крестьянской среде, мы опустим подробнейшую историографию Военной Границы с одной стороны и обобщающие или узкоспециальные труды по этнографии Воеводины с другой и обратимся к живой оральной семейно-общественной традиции региона, подкрепляя ее сведениями из некоторых источников.

При этом следует иметь в виду, что между современностью и эпохой Военной Границы в Банате находится период венгерского доминирования, две мировые войны, «комасация» (укрупнение дисперсных земельных участков), модернизация села «по-сталински», войны конца прошлого века, не считая других не различимых сейчас, но оказавших влияние факторов. В народной памяти (период которой в Банате мы могли бы, исходя из собственных наблюдений, определить в 100–150 лет) события, предшествовавшие Второй мировой войне, сильно перемешаны или вовсе забыты. То, что относится к XVIII–XIX вв.: колонизация, старинные кирпичные здания в селе, установление тех ли иных правил жизни и хозяйствования, связывается с «царицей Марией-Терезией». Термин «границари» наполнен современной реалией — пограничной службой, тогда как его синоним «милитари» (от нем. *Militärgrenze*), а также территориальное наименование «Милиция» (в противоположность «Паории» — селам вне Банатской Военной Границы) сохраняют свое значение в памяти рожденных между двумя мировыми войнами. Устройство села после упразднения Военной Границы, претерпевшее некоторые изменения (в частности, исчезновение больших «друштв») переплетается в сознании ныне живущих с тем, которое было до ее отмены. Ушло старое песенное творчество — неотъемлемая часть воспитания в прошлом. Общественная структура прошлого, существующая в народной памяти, может быть представлена в институциональном аспекте следующим образом:

1. Неизменная триада: село, церковь, школа, покоившаяся на строгом исполнении правил общественного порядка, заботе о доме (поддержание порядка внутри и перед участком, домовая слава), социальной дифференциации и взаимопомощи («моба»), сельской и / или церковной славе, а также имперских земельной политике (сохранение «друштв» или «комунов»), инженерии, коммуникациях, агрономии и методе образования;

2. Культ рода по мужской линии в семьях, инкорпорированных в «фамилию», выражавшийся в семейной славе, заботе о кладбище («задушница» и пр.), родословной;

3. Воспитание военной доблести на всех уровнях (организованное государством воинское обучение, воинственные игры и соревнования в селе, «ратоборные» песни и рассказы в семейном кругу).

Села Военной Границы типичны¹. Как правило, они распланированы, имеют центр, где находятся церковь, здание общинны и площадь («плац», иногда превращавшаяся после расформирования Военной Границы в «парк»), на которой в определенные дни собирался народ для того, чтобы услышать распоряжения властей («заповест»). Еще после Второй мировой войны обычай «идти «на заповест», как продолжали говорить старики, сохранялся некоторое время: люди собирались на «плацу» по воскресеньям около 10–11 часов утра, чтобы увидеться и поговорить (с. Ярковац)². В с. Баваниште собирались тоже в воскресенье и в 10 часов утра (говорили «идемо на плац»). В межвоенный период необходимую информацию сообщал народу секретарь, иногда председатель общинны («кнез»), после чего зажиточные жители села перемещались в кафанду³.

Домохозяйства («номера») организованы сходно, но здесь проявляется социальная дифференциация — в селе выделялось ранее три слоя: «паори», то есть земледельцы (от нем. Bauer), «майстори» (ремесленники) и «господари» (торговцы, священники, учителя, делопроизводители)⁴. «Газда» — название тех, которые хорошо вели хозяйство и имели много

¹ Сердечно благодарю Любишу Вечанского, научившего меня тому, о чем нужно спрашивать потомков «границар». Этому знанию обязаны все цитируемые здесь интервью.

² Филиповић M. Различита етнолошка грађа из Јарковца (у Банату) // Зборник за друштвене науке Матице Српске. Нови Сад, 1955. С. 102.

³ Живан Милошев, 1913 г.р., с. Баваниште, интервью 07.08.2003 г.

⁴ Filipović M. Različita etnološka građa iz Vojvodine. Novi Sad, 1962. S. 80.

земли. Внизу этой иерархии располагались поденщики («надничари»), неимущие или с крохотным наделом земли. Имелись «слуги», причем различались «велики слуга» — он находился в услужении круглый год, и «мали слуга» — тот, кто нанимался работать на краткое время¹. Селу принадлежали угодья, пастбища, луга.

Во главе села стоял «кнез» или «кмет». В с. Баваниште это была почетная должность, «кнез» не принимал платы, поэтому им становился зажиточный человек, необязательно грамотный (его помощники — «эшкуты», «бележники», получавшие деньги за свой труд, должны были быть образованными)². Низшие представители власти здесь и в других селах были бедными людьми, получавшими за свою работу жалованье: «боктери» и «добошари». Первые с оружием охраняли сельское поле (в Баваниште их было шестеро³), иногда порядок в селе. Вторые — вестники власти — занимались оповещением односельчан и делали это следующим образом.

В с. Баваниште «добошар» сначала делал объявление перед зданием общины, а затем шел по селу и вставал на каждом перекрестке, бил в барабан («добош») и сообщал ту или иную информацию: новости, частные объявления, оплаченные в общине и пр.⁴ Например: «Согласно распоряжению срезского начальства категорически запрещается печь ракию из ранних фруктов. Следует их консервировать или продавать на рынке»⁵; «Бараич Никола из Омолицы потерял около мельницы жеребенка. Кто найдет, пусть обратится к Пере Кочиному»⁶.

Продолжительность работы «добошара» зависела от размера объявления и от величины села. Например, в большом селе Бока (3200 человек) он был обязан огласить информацию на 47 местах и летом тратил на это четыре часа, а зимой больше. Бокинский «добошар» и одновременно курьер местной канцелярии Кун Гергель к 1981 г. отработал на этой должности 40 лет и уже был на пенсии, однако продолжал делать объявление

¹ Сведения предоставлены Любишой Вечанским.

² Живан Милошев. Как сообщает наш корреспондент М. Бьеловитич в отношении Вараждинской Военной Границы, «сельский старейшина был «альфой и омегой» власти в селе и отвечал перед военной властью за все» (письмо от 9 ноября 2006 г. из г. Баня-Лука).

³ Петар Кошарич, 1928 г.р., с. Баваниште, интервью 03.08.2003 г.

⁴ Георгий Груич, 1932 г.р., с. Баваниште, интервью 03.08.2003 г.

⁵ Баваништански добошар. Фебруар 2002. Бр. 11. С. 9.

⁶ Баваништански добошар. Мај 2002. Бр. 14. С. 13.

явления уже по собственному желанию, несмотря на то, что был самым старым жителем села¹.

Независимо от погоды «довошар» идет по улицам, легко ударяя в добош. На перекрестке он бьет в добош сильнее, пока не собирается народ. Вестник власти осматривает собравшихся и убеждается в том, что присутствуют от каждого дома. Он достает текст объявлений, сильно ударяет в добош один раз и начинает читать: «Даје се на знање!». После сильно ударяет в добош один раз, говорит: «Под један» и читает первое извещение. Затем снова удар по добошу и оглашается второе объявление («под два») и т. д. Тогда он сильно ударяет два раза и продолжает свой путь к следующему перекрестку. Если кто-нибудь спрашивает его по пути о новостях, он с достоинством отвечает: «Идите на перекресток и слушайте». Даже если после постоянного повторения «довошар» знает текст наизусть, он все равно всегда достает его и читает².

В с. Селеуш «довошаром» до 1991 г. был Паун Балан, успевший побывать и «боктером». Добош ему был выдан в местной канцелярии. Объявления касались в основном купли-продажи, назначения торгов и т. д. Люди, ехавшие работать в поле, должны были остановить свои телеги и выслушать «довошара» до конца. Селеуш — небольшое село, поэтому работа занимала около 2 часов при хорошей погоде. Однажды на Балана пожаловались в канцелярию, что он якобы не пришел на один из перекрестков, где жил жалобщик, известный любитель пошутить. Тогда Балан пришел к нему домой, встал в воротах и прочитал все объявления, сопровождая свое выступление в нужных местах ударами в добош. Теперь шутник уже не мог сказать, что не слышал «довошара»³.

«Довошары» обычно не употребляли алкоголь во время службы, зато по ее окончании могли зайти в кафану и выпить, сколько пожелают. В исключительных случаях добош мог прозвучать и ночью⁴. Извещалось и о преступках, особенно в период до Второй мировой войны. Считалось большим позором «попасть на доб», например, когда отбирали землю за долги⁵. Ныне в крупных селах «довошары» исчезли, их функцию выполняет радио⁶.

¹ Политика. 1. март 1981. С. 12.

² Вечански Љ. Бока у Банату. Панчево, 2003. С. 642.

³ Паун Белан (Paun Bălan), 1930 г.р., с. Селеуш, интервью 31.07.2003 г.

⁴ Вечански Љ. Бока у Банату... С. 643.

⁵ Мирча Самоиле (Mircea Samoilă), 1942 г.р., интервью 31.07.2003 г.

⁶ Отметим, что так называемые «телали» (*tulip.* глашатай, посредник) были распространены в турецкой Сербии (до 1838 г., когда заменены «довошарами»).

Важную роль в селах Военной Границы, в которых совмещались военные и крестьянские будни, играл так называемый «форшпан» (нем. Vorsrapp, букв. «запряжка» или «перекладные, подстава») — обязанность жителей села по очереди представить запряжку для представителя власти. В с. Ясеново помнят о том, что когда-то круглые сутки («от утра до утра») жители посменно находились около здания общины с парой коней и телегой, чтобы в случае необходимости отвезти представителя власти по делам¹. В с. Баваниште после Первой мировой войны «форшпанджия» был один и возил местных чиновников в вышестоящую инстанцию. Он получал месячное жалованье, но кони и телега были его². «Форшпан» исчез в этом селе в начале 70-х гг. XX в.³

Нередко термин «форшпан» замещается в сознании людей другим, более важным для них — «берайшафт» или «берайшлук» (от нем. Bereitschaft, «готовность»): во время урожая жители села посменно дежурили на крыше самого высокого здания (в с. Добрица это называли: «дежурство на кровь»⁴) с тем, чтобы предупредить пожар на ниве. В с. Баваниште такое бдение имело название «фрайрезерва»: во время урожая с пожарной каланчи осматривали, нет ли пожара, внизу же посменно дежурили два человека со своими лошадьми. Исполнителям «фрайрезервы» в соответствии с ее названием не платили⁵. Ср. с выражением «радим' у фрај» (с. Добрица)⁶.

Распространенный в Военной Границе термин «кулук» («повинность») отражает в том числе обязательства населения поддерживать в порядке пути сообщения. Так, жители Баваниште безвозмездно поправляли дорогу до Ковина⁷. В Ясеново и Црвеной Цркве специальные

В других регионах под властью турок они продолжали существовать. В начале 30-х гг. XX в. в г. Ульцинь (Черногория) имелось два «телала»: от общины и частный. Оба они были мусульмане, у обоих имелись лавки, в которых продавались старые вещи. Телал при общине получал плату, объявлял на сербском и албанском, в том числе частные объявления и не был лишен юмора. В Ульцине помнят, как однажды было объявлено: кто потерял осла, пусть идет в општину, там его и найдет (*Ђорђевић Т.* Наш народни живот. Књ. 2. Београд, 1984. С. 174–175).

¹ Добросав Свирац, 1910 г.р., с. Ясеново, интервью 29.07.2003 г.

² Петар Кошарич; Живан Милошев.

³ Джура Владисавлев, 1940 г.р., с. Баваниште, интервью 03.08.2003 г.

⁴ Велизар Новаков, 1919 г.р., с. Добрица, интервью 04.08.2003 г.

⁵ Джура Владисавлев; Петар Кошарич.

⁶ Велизар Новаков.

⁷ Петар Кошарич.

служащие («путары» или «дромары») проверяли количество щебня, приготовленного для поправки дорог.

Соблюдать все предписания властей было нелегко. За нарушение строгих правил жизни в Военной Границе следовало неотвратимое наказание. Протоиерей Джордже Йованович, парох баваништанский, приводит в своей рукописи выдержку из одного сохранившегося кондуктного списка. Вот «индивидуальный график» граничара Алексы Янкова из с. Баваниште за 16 лет:

В январе 1825 г. за кражу тулупа наказан 25 батогами. В январе 1826 г. за кражу медного котла 6 раз прогнан сквозь строй из ста человек. Затем в июне 1829 г. за попытку украсть граничар Алекса получил 40 батогов. В конце 1831 г. за пьянство и беспорядок в кафане 25 батогов. Март следующего года принес 25 батогов за пьянство и невыход на воинские занятия. В ноябре 1833 г. его заковали в железо на 6 часов за ссору в воинском строю. В следующем месяце за пьянство и неявку на смотр Алекса получил 15 батогов. 1834 год вышел самым запоминающимся: в марте за непристойное поведение в отношении капрала Душанича наказан 24 часами нахождения в железе; в октябре однажды был посажен в темницу на сутки без кандалов за пьянство, а в другой раз получил 25 батогов за пьянство иочные прогулки; в ноябре ему досталось двое суток тюрьмы за неявку на рапорт. В январе следующего года Алекса был бит 25 батогами за издевательство над хозяйством дома. В мае 1837 г. Алекса за то, что покинул патруль, наказан 25 батогами. В 1838 г. — 50 батогов за побег. Апрель 1839 г. — 25 батогов за оставление патруля в селе. Май того же года — за кражу проведен сквозь строй из трехсот человек. В январе 1840 г. Алекса Янков был осужден за кражу на 5 лет принудительных работ в легких кандалах, однако суровый приговор был смягчен: дали всего один год, а также 40 батогов в начале и 40 по окончании назначенного наказания. В 1841 г. за оставление предписанного занятия наказан двумя днями тюрьмы и принудительными работами. Кондуктный список продолжает перечисление наказаний Алексы, но поврежден в своей нижней части¹.

Наказание батогами продолжилось и в период венгерской власти (1872–1918) — секли палками жандармы. Известно выражение «прощел как через Кусич» в память о том, что некий путник попал под батоги

¹ «Подации о населенном месте Баваниште» протоиерея и пароха баваништанского Дж. Йовановича (30–40-е гг. XX в.). Машинописная рукопись иерея Рафослава Тараича, пароха баваништанского (1983–1985 гг.). Л. 3.

в с. Кусич по распоряжению местного кнеза¹. Осталась и пословица «батина је из раја изашла», которая также отражает основной метод властей в исправлении нравов. Борьба с необузданым нравом была яростной и очевидно приносила плоды. Несмотря на то, что в Военной Границе хватало сел с неспокойными жителями, неукротимость характера по сравнению с более южными землями не была «чертой пейзажа»².

Если мы обратимся к внутренней организации домохозяйств, то обнаружим не менее строгие установления. Так, если в «друштве» было несколько женщин (жены сыновей), то они принимали распоряжения свекрови, а каждую неделю сменяли друг друга на кухне³. Готовившая называлась «редуша» и для этих занятий ей полагались переходящие особый кожух, сапоги и пояс, часто купленные свекром⁴. В с. Плавнице (Словинско-Виндская Вараждинская Военная граница) дома имели деревянную балку, державшую по своей длине поперечины и называвшуюся «тетивой». Она выходила за стену дома до 1 метра и здесь ставилась метла в знак того, что дом убран⁵.

Сохраняя «друштво» или «комун» (в литературе используется термин «задруга»), австрийские власти стремились обеспечить руки для обработки земли и для защиты рубежей от турок. Размер земли у каждого «комуна» зависел от количества его членов. Недовольство «друштвом» в той или иной форме было всегда. Известный сербский этнограф Миленко Филипович приводит пример индивидуального стремления от-

¹ Станојев Б. Јасеново. Београд, 1996. С. 647.

² Чтобы представить ситуацию к югу от Дуная, приведем один рассказ из южной Сербии. Накануне «Освобождения» на празднике Преображения Господня (19 августа) собор у церкви. В дубовой сени коло, которое ведет молодая и красивая сноха деда Стевана из Луково. Сам дед любуется снохой и время от времени бросает деньги музыкантам. Из церкви сообщают о том, что владыка распорядился прекратить музыку, так как служба Божья еще продолжается. Взвешенный Стеван кидается к церковным дверям, чтобы схватиться с владыкой, затем берет ближайшую могильную плиту и приваливает ее к входу церкви, ругаясь на чем свет стоит. И что же? Он получает от своих односельчан прозвище «Паша», а его потомки во Вранье и Луково зовутся «Пашалии» (Златанович М. Врањске легенде, предања и приче. II. Врање, 1974. С. 56).

³ Ревизор Баната в 1774 г. Иоганн-Якоб Эрлер поражался тому, как в одной задруге сербки могут столь сердечно ладить друг с другом (Ерлер J.J. Банат. Панчево, 2003. С. 21).

⁴ Filipović M. Različita etnološka grada... S. 78.

⁵ Благодарю за предоставленные сведения Милоша Бьеловитича.

делиться от «друштва»: в сремском с. Мартинци Гавра Жунич трижды наказывался 25 палочными ударами за это желание. Так как Гавра хотел отделиться любой ценой («главу или деобу»), капитан Пинтер наделил его минимумом земли, отрезанной от общинного пастбища¹.

Наследовал недвижимость «друштва» только мужчина, годный к несению нелегкой граничарской службы. Поэтому столь частым явлением был прием чужого мужчины в дом, например, зятя («домазетство»), с тем, чтобы продолжить пользование землей. Ведь если мужских наследников не оставалось, землю отбирали.

Система коммуникаций Военной Границы была тщательно организована. В Вараждинской Военной Границе каждое село имело здание, называвшееся «патрол», в котором велось постоянное дежурство. Когда из «кумпании» (места расположения начальника граничарской роты, например, капитана) в «патрол» поступало срочное сообщение, оно тут же передавалось в другое село, в котором также имелся «патрол», и так вся «Крайна» узнавала важные новости².

В с. Ульма работу почты обеспечивали три человека: кучер, заботившийся о лошадях, вооруженный человек, охранявший здание почты, а также служащий, ответственный за почтовые кареты и почту. Велось постоянное дежурство, отмененное в 1895 г., когда через Ульму прошла железная дорога и почту стали перевозить по ней, а не в каретах. В почтовые кареты запрягалось три коня. За полкилометра до почты почтальон трубил в трубу — предупреждал служащих ульминской почты, чтобы они были готовы принять и отправить почту³.

Крестьян должна была поражать имперская инженерия, решавшая задачи, которые, безусловно, были не под силу жителям села. Например, в с. Петровосело (ныне Владимирац) австрийские военные инженеры построили в период 1807–1817 гг. 9 колодцев, чтобы доставать воду с глубины 50–60 метров⁴. К началу XX в. во Владимираце имелось уже 12 колодцев, из которых в 2003 г. функционировали четыре⁵. Подобные примеры можно умножить. Поэтому неудивительно слышать от пожи-

¹ Filipović M. Različita etnološka građa... S. 16.

² Сведения предоставлены Милошем Бьеловитичем.

³ Prilog za Monografiju Uljme po sećanju Rašajski Ilije rodjenog 22 marta 1882, umro 4 avgusta 1961. Pribeležio Rašajski Ilije Tihomir. 1960 godine. S. 1.

⁴ Penca N. Monografija opštine Román-Petre, Petrovoselo, Vladimirovac (1808–1908) / Preveo sa rumunskog M. Maran. Pančevo, 2001. S. 87–88.

⁵ Благодарю за предоставленные сведения Мирчу Марана (с. Владимирац).

лых людей повсеместно в Воеводине рассказ о том, что «царица» Мария-Терезия осушила ни больше, ни меньше «Паннонское море»: построила канал и спустила воду. Фантастичность этого «общего места» отражает, помимо прочего, высокую оценку австрийских технологий, примененных на благо банатчанам. Другое оставшееся нам свидетельство австрийской инженерии — устройство определенно ориентированной сети железных дорог; сейчас мало актуальной и потому заброшенной.

Нельзя не отметить также усилий власти по разведению тутового шелкопряда. Во всех селах внедрялись посадки тутового дерева, из которого население производило сорт ракии — «дудовача». В селах могла быть также специально устроенная «бикарница», в которой держали быков-производителей.

Важный институт Военной Границы с первой четверти XVIII в. — школы. Сначала в них преподавали священники. Австрийскому военно-политическому руководству нужны были грамотные подданные на своих южных рубежах. Однако следует не забывать о том, что реформы, исходившие от Иосифа II и предусматривавшие совершенствование подготовки учителей для Военной Границы и школьной системы для граничар вообще (70-е — сер. 80-х гг. XVIII в.), не получили развития. Как отмечает выдающийся исследователь Баната Ф. Миллекер, «всегда считалось, что граничар лучше всего воюет, если он земледелец и привязан к своей земле»¹. Вместе с тем, положение учителя в селах Военной Границы было весьма почетным: только к учителю, священнику и «кнезу» с его помощниками обращались со словом «господин».

Известно различие между семьей и «фамилией». «Фамилия» — это совокупность семей, объединенных одним происхождением по мужской линии (на это часто указывает одинаковая фамилия) и обычно не заключавших браков между собой. В подобной ситуации не покажется искусственным укоренение такого явления общественной жизни, как семейное прозвище — «шицнамет» (от нем. Spitzname) или «надимак».

Ревизор Баната в 1774 г. Иоганн-Якоб Эрлер отмечал удивительную для него любовь жителей региона, в том числе сербов, к своим детям и ответное почитание стариков со стороны молодежи, выражавшееся помимо прочего в целовании руки². Замечание это было актуальным вплоть до Второй мировой войны. После нее «любим руке» — старое

¹ Миллекер С. Историја Банатске Војничке границе (1764—1873). Панчево, 1926. С. 52, 63.

² Ерлер Ј.Ј. Банат... С. 15.

приветствие младшими старших, включая незнакомых людей на улицах села, не всегда предполагало целование руки, разве только старый человек подавал ее сам.

Подробно останавливаться здесь о сельской, церковной и семейной славе не имеет смысла. Существовали, однако, любопытные особенности. Как отмечает М. Филипович, пользуясь материалами Баната, при продаже дома икона обычно остается на месте. Поэтому покупатели могут справлять две славы (дома, в который въехали и ту, с которой пришли) или только славу дома. Если икона была увезена прежними хозяевами, праздновали только свою славу. «Домазет» поступал так же, но мог и оставить себе свою славу¹. В с. Загаца говорили, что если человек пришел жить в дом и славит только славу своего рода, «домовая слава» ему приснится и напомнит о том, что он должен чтить и ее за помощь в его делах².

Сохранению памяти рода («фамилии») способствуют родословные, причем нередки генеалогии с конца XVII в. Также важное место в культе рода занимает «читуля» — семейный синодик. М. Филипович приводит любопытный факт: в с. Ярковац до Первой мировой войны каждая «фамилия» имела одну «читулю» для всех домохозяйств, образующих «фамилию», но после священник убедил каждый дом сделать собственную «читулю» (чтобы увеличить доходы? — предполагает Филипович)³. В с. Црвена Црква священник в Пасху поминает по «читуле», как правило, умерших недавно. В отношении тех, которые находятся в начале или продолжении списка, он произносит: «и всех остальных»⁴.

Для каждой семьи отводилось определенное место на кладбище. В селах Военной Границы хоронили, как правило, в склепе («костурница», «подрум»), строившемся из кирпича. По любопытному наблюдению моего сербского коллеги Любиши Вечанского, план кладбища в банатских селах (например, Иланджа, Бока, хотя последнее — не «Милиция») следует плану села: в центре села церковь, в центре кладбища крест; расположение «костурниц» повторяет размещение домов в селе.

Культ рода и семейное воспитание оказывается тесно связанным с воспитанием военной доблести.

¹ Filipović M. Različita etnološka građa... S. 91.

² Ibid. S. 91.

³ Филиповић М. Различита етнолошка грађа из Јарковца... С. 101.

⁴ Озрен Радосавлевич, с. Црвена Црква, интервью 02.08.2003 г.

Острый и одаренный наблюдатель, неутомимый путешественник (по Европе, Африке и Америке), австрийский чиновник Фридрих-Вильгельм фон Таубе выносит следующие впечатления из своей поездки вдоль турецкой границы в 1776–1777 гг.: он находит «иллиров» «одичавшими» под турецким ярмом («все иллиры много позаимствовали от турок в свои обычай и привычки, образ жизни и язык»), ревностными, хоть и суеверными православными, которых обидишь скорее несправедливостью обвинения, чем строгостью наказания за проступок. Лучший путь в «иллирскую» душу — не попустительствовать им, но не творить неправды и тогда они последуют за тобой в огонь и воду. Главные достоинства «иллиров» — верность правителью, подтвержденная помимо прочего их отказом принять участие в венгерских мятежах, гостеприимство, отвага и бесстрашие в войне. Их несовершенства: медлительность и леность, склонность к разбою и грабежу — порок, унаследованный от турок, необузданная тяга к крепкому спиртному и происходящие отсюда грехи — многоженство (тоже турецкое заимствование), разврат и супружеские измены с обеих сторон, невиданное пренебрежение будущим, презрение к искусству и науке, нелюбовь к ближнему, не знающая успокоения годами мстительность, невежество в основах религии и связанные с этим суеверие и склонность к колдовству, лукавость, плетение интриг, мошенничество в торговле, весьма себялюбивый образ мышления¹.

В 1859 г. по распоряжению военных и церковных властей священники граничарских поселений Баната представили в отношении своей паствы своеобразные историко-статистико-этнографические сводки, отличающиеся между собой по качеству, но составленные по одной программе². Вероятно, требовалось осветить следующие вопросы: география, происхождение поселения, его название и события прошлого; образ занятий и торговля; вероисповедание и его изменения; количество и «народный» состав населения; церковь, школа и др. общественные здания; болезни, смертность, продолжительность жизни; одежда; расположение и внутреннее устройство домов; пища, ритуальные блюда; слава; народные

¹ Таубе Ф. В. фон. Историјски и географски опис Краљевине Славоније и Војводства Срема... / Превео с немачког Б. Петровић. Нови Сад, 1998. С. 55–57.

² Јавор. Лист за забаву, поуку и књижевност. Нови Сад, 1880 (на разных страницах о селах Долово, Борча, Иланџа, Глогонь, Барада, Добрица, Ново Село (ныне Банатско Ново Село), Брестовац (сейчас Банатски Брестовац), Фердин (сейчас Нови Козјак), Овча, Сакуле, Уздин, Селеуш, Сефкерин, Плочице, Ковин, Делиблато, Ярковац, Црепая и Баваниште).

вера, обычаи, приметы и суеверия; праздники; «некнижные» слова (турецкие, немецкие и пр. заимствования); разница между словами «чест» и «част»; пословицы; «характер простого граничара»; песни; музыкальные инструменты; народные предания; другие группы населения (пастухи, цыгане, евреи).

В пункте «характер простых граничар», помимо похвал их благородству, бесстрашию и преданности австрийскому государю можно встретить и практические суждения: «характер прости Граничара е менлыв, на пример: како се с ныма управля, тако и оны одржу карактер» (Овча)¹ или «младежь у исполняваню дужности свое явне и приватне, выше се благим речима и озбилиносчю, нежел строгосчю натеривати може» (Делиблато)².

Важнее, однако, обратить внимание на следующее. Слова «честь» и «почитание [власти]» очевидно выходят за рамки конкретного вопроса о разнице между «чест» и «част»³ и, пронизывая большинство ответов на вопрос о характере «граничара», образуют, на наш взгляд, своеобразный центр притяжения «милитарской» идентичности. Например: «под именем «честь» разумева почитание (немец. Ehre)» (Долово)⁴; «народ... почитуе власти, и честност примерно наблюдава» (Борча)⁵; «прости Граничари есть држу на свою честь» (Иланджа)⁶, «Погранични народуважава чин и достоинство» (Баранда)⁷, «Граничари држе свою честь и дану реч неузимаю натраг» (Добрица)⁸, «под речию «честь» разуме Народ достоинство или поштоване» (Брестовац)⁹, «под именем честь разумеваю сваког чествовати» (Сакуле)¹⁰, «честь е изражение и отдаване почитании и чина» (Сефкерин)¹¹, «карактири Граничара е, по вечой части пун чести и

¹ Јавор... С. 472.

² Там же. С. 758.

³ Здесь парох Делиблатский Иоанн Григорьевич отвечает не без иронии: «ко год разумева, изражай речения чести и части, онай зна к чему се и односи» (Там же. С. 757–758).

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Там же. С. 119–120.

⁶ Там же. С. 122.

⁷ Там же. С. 187.

⁸ Там же. С. 283.

⁹ Там же. С. 408.

¹⁰ Там же. С. 504.

¹¹ Там же. С. 630.

почитания» (Ковин)¹, «характер е найпрости Границара местни подал, лажлив, може быти због сиротине; отмени и имучни честне и валян» (Делиблато)², «под именном честь знак е, да почитую стара и честна лица» (Црепая)³, «под именом честь разумева чествовати, поштовати ког» (Баваниште)⁴.

Из значений *нем.* Ehre для нас интересно более всего: «внутреннее достоинство»⁵. Если у военной элиты «австрийских» сербов слияние понятий индивидуальной чести (достоинство рода или «фамилии») и коллективной (офицерской) чести не имело отношения к учреждению Военной Границы, то «прости граничари» именно вследствие своего «границарского» опыта принимают коллективную идентичность, в центре которой находится «[войинская] честь». Вероятно, после наполеоновских войн это понятие проникает и в семейное воспитание, главным образом, через описание военных будней в Европе.

Рассказы «границар» своим потомкам об участии в битвах под Дрезденом или Лейпцигом, собственных подвигах и храбрости противника должны были звучать и после ликвидации Банатской Военной Границы (1872 г.). В с. Ясеново еще в межвоенное время употреблялось выражение «иди у Мантову за кремене», значения которого сейчас никто не знает (ходить далеко за чем-то, что лежит под ногами?; «Кремене» также топоним северной Истрии). Славко Марич помнит, как прадед Йован (1851 г.р.) говорил о том, что его отец Арсен (ок. 1820 г.р.) рассказывал о том, что «границары» ходили воевать за Австроию против Италии и он тоже участвовал в этом походе⁶.

В XIX в. банатский граничар был обязан императору 139,5 дней службы: из них 52 дня на границе, 49,5 дней внутренней службе и 38 дней военного обучения⁷. В населенных пунктах часто встречается топоним,

¹ Там же. С. 695.

² Там же. С. 758.

³ Там же. С. 823-824.

⁴ Там же. С. 892.

⁵ Ср. *нем.* выражение “Ehre verloren, alles verloren”. У В. И. Даля см. пре-
восходное определение: «внутреннее нравственное достоинство человека, до-
брость, честность, благородство души и чистая совесть». Д. Н. Ушаков предла-
гает: «моральное или социальное достоинство, то, что вызывает, поддерживает
уважение (к самому себе или со стороны окружающих)».

⁶ Славко Марич, 1929 г.р., с. Ясеново, интервью 08.08.2003 г. Вероятно, речь
идет о событиях в Италии (Мантве и др.) в сер. XIX в.

⁷ Милекер С. Историја Банатске Војничке границе... С. 84.

указывающий на стрельбище — «шицарница» (от нем. Schiessplatz), например, в Алибунаре, Ясеново, Избиште и др. В большинстве случаев местные жители не могут объяснить его значение. Также в селах существовал учебный плац («вежбалиште», «экзерцир»), о чем также позабыто¹.

Взамен нелегкой военизированной жизни и исполнения «обета чести» граничары имели ряд привилегий. Отметим, не погружаясь в детали, вслед за автором одной любопытной книги Светомиром Миловановичем: денежное довольствие, мягкий налоговый режим, покупка в полценны соли и табака у государства, разведение табака на своем участке, производство ракии, что в «Паории», по крайней мере, официально строго запрещалось делать². Как признались нам пожилые жительницы с. Неузины (обе «милитарки» из Самоша, вышедшие замуж за «паоряшай»), бытовала пословица: «Не ходи замуж в Неузину и Боку — весь год будешь работать». В «Милиции» же, по их словам, предмет заботы в хозяйстве составляют только кукуруза и пшеница.

В 1887 г. карловачкий протоиерей и сербский национальный деятель Никола Бегович с горечью писал об «этом навязанном названии «граничари»: «оно вытесняло любое другое название, точнее сравнялось с нашим народным сербским (в оригинале разрядка — Р. И.) именем»³. Даже в «златоглавой Москве (в оригинале разрядка — Р. И.) часто говорили мне умные русские: «Греничари это стойкий народ»⁴. В чем же причина? Бегович отвечает: «наши деревянные «политики» и шелковистые «дипломаты». Они и подобные им прославили «янычар», «граничар»⁵. Наконец, самую свою книгу протоиерей рассматривает не иначе, как голос «этого удивительного племени и примера, который был отстранен от развития [сербского] рода, голос героических «граничар», у которых напоследок сербское имя едва не потонуло, вера народная вся едва не поблекла, и только чуть слышно благоухала сквозь лохмотья и суеверия»⁶.

Книга Н. Беговича наполнена сведениями о том, о чем некоторые священники авторы сводок 1859 г. старались не упоминать вовсе⁷, но в

¹ Благодарю за предоставленные сведения Мирчу Самоиле (г. Алибунар).

² Миловановић С.Д. По равном Банату. Београд, 1935. С. 33–36.

³ Беговић Н. Живот Срба граничара. Београд, 1986. С. 9.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Там же. С. 323.

⁷ Бегович признается, что в бывшей Военной Границе трудно добывать данные о народной традиции: люди (как и в Боснии) сердятся, когда узнают, что рассказанное ими будет перенесено в книгу — им «срамотно» (Там же. С. 14).

ней, конечно, не уделяется никакого внимания особенностям сербского населения бывшего пограничного пояса империи или смешанному проживанию и взаимодействию разных этнических групп. Позиция его в отношении социально-культурных новшеств недвусмысленна: довольно едко протонерей высмеивает, например, одну «капетаницу», которая, одевшись подобно «госпоже», а точнее, приняв карикатурно европейский вид, ожидает «обрстара», начальника своего мужа, наученная капитаном сказать тому «динерин». «Капетаница», конечно, забывает слово и, к замешательству «обрстара», знающего сербский язык, говорит ему: «дирни ме»¹.

«Честь» в глазах Н. Беговича это, прежде всего, «народное уважение», то есть ее внешнее, почти ритуальное проявление — он апеллирует к единственно правильной, на его взгляд, балканской норме. Неслучайно Любица и Даница Янкович указывают на сходство между «орской» церемонией на Копаонике: «на собраниях жители села окружают видного гостя коло, когда еще он на коне, и этим воздают ему почести»² и вариантом «сербско-границарского» коло, описанным Н. Беговичем³.

Ясно, что такой спонтанный «органицизм» в значительной степени фольклоризирует действительность, сводит ее к некоторой модели, которая не всегда учитывает разнообразие культурных элементов и их связь между собой. Однако, оставляя в стороне риторические фигуры Беговича, зададимся вопросом, имели ли почву его опасения за «чистоту» сербского населения Военной Границы? Упомянутая нами триада (село, церковь, школа) укрепляла связи между жителями разного этнического происхождения, обусловливала взаимное, пусть и элементарное знание языка соседей или всеобщее знание языка администрации (немецкого, венгерского, сербского), и в тех случаях, когда вера была одной, мы имеем примеры этнического смешения, например, зоны осербившегося румыноязычного населения (по отношению к ним нередки наименования со стороны типа «влашко село» и похожие). Любопытно, что выходцы из Боснии, поселившиеся в с. Банатско Ново Село после Второй мировой войны и изгнания немцев, так и остались чуждыми местному старинному населению (сербам и румынам). То же мы увидим в с. Владимировац,

¹ Там же. С. 21. «Динерин» остается для нас загадкой, возможно, речь идет об искаженно-усеченном выражении типа: «womit kann ich Ihnen dienen?».

² Јанковић Љ., Јанковић Д. Прилог проучавању остатака орских обредних игара у Југославији. Београд, 1957. С. 35.

³ Беговић Н. Живот Срба граничара... С. 215.

где район сербских переселенцев межвоенного периода весьма обособлен. Учтем и распространенные среди бывших «австрийских» сербов прозвания сербов южнее Дуная — «сербиянцы» (от Княжества Сербия), «геджа» (разные толкования), «турки» чтобы понять, что опасения Богоовича возникли не на пустом месте.

Когда 1 февраля 1844 г. в Панчево впервые была исполнена песня, написанная протоиереем Васой Живковичем — «Границарска песма» («Радо иде Србин у војнике») на музыку «народного марша» барона Йовича, публика заставила спеть эту песню десять раз. В 60-е гг. XIX в. изза известных событий сербы перестали петь «Кад зажели светли цар / У смрт скаче граничар», заменив эти две строчки на «Кад зажели светли кнез / У смрт скаче Срб — вitez»¹. Но что изменилось от этого?

Итак, в среде «граничар» норма балканского общества вошла в контакт с чуждыми ей установлениями. Обойти их было невозможно, но конфликт с ними изначально минимизировался благодаря колонизационному принципу заселения, относительной религиозной свободе и много меньшему уровню неконтролируемого насилия и несправедливостей со стороны власти в отличие от Османской империи, а также выбору самих носителей нормы в пользу образа жизни под покровительством Габсбургов.

Австрийская власть внедрила в сельскую среду Военной Границы социально-культурные новшества, и они оказались весьма жизнеспособными, так как были продуманными и навязывались твердой рукой. При этом со стороны власти оказалось эффективным следующее:

1. Неизменность социально-культурных требований к общественно-семейной жизни;
2. Повсеместная и обязательная реализация унифицированных социально-экономических, образовательных и инфраструктурных проектов;
3. Систематическое применение права и неотвратимость наказания за деликты и преступления;
4. Формирование поощряемой коллективной идентичности, тесно связанной с образом жизни и занятиями населения.

В ответ сельское общество Банатской Военной Границы показало:

1. Восприимчивость к социально-культурным новшествам, чему способствовало присутствие в регионе или селе других этнических групп;

¹ Ковачевич Д. М. Васа Живковић: живот, рад и песништво. Београд, 1990. С. 131, 251.

2. Усвоение модели правомерного правового поведения;
3. Особое внимание к домохозяйству и соблюдение установленных властью правил пользования землей и наследования недвижимости;
4. Проникновение и укрепление в культе рода («фамилии») элементов «границарской» идентичности с ее ключевым понятием ««[войинская] честь» («внутреннее достоинство»).

Таким образом, можно говорить о том, что общество сербов «границар» в период XVIII–XIX вв. в значительной степени удалилось от той нормы, которая все это время питала их соплеменников южнее Дуная. Власть, изменившая социальную норму населения Банатской Военной Границы, в конце концов, исчезла, но село своей властью еще поддерживает навязанные некогда, а ныне ставшие его собственными ценности.

Шемякин А.Л.

Институт славяноведения РАН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В НЕЗАВИСИМОЙ СЕРБИИ

«Политических противников считают врагами;
против них все средства хороши...»
Любомир Давидович (1906 г.)

«Доме српски! Кућо красна
Хранилиште српске свести!
Из тебе се ћениј диже...»
(Из стихотворения начала XX в.)

Размышляя ранее в наших статьях о политической истории независимой Сербии (1878–1918), а точнее о ее политических институциях (монархия, политические партии, действовавшие в различных конституционных полях; особенности режимов, теми же многочисленными конституциями созданных¹), мы имели в виду сугубо объективные факторы, что составляют понятие «политическая система государства». Сейчас же мы предполагаем поразмыслить о субъективной субстанции, которая, как жидккий раствор кирпичи, связывает эти объективные блоки в единое целое. Речь идет о политической культуре в Сербии в годы ее независимости.

Обращение к исследованию политической культуры представляется нам крайне важным, поскольку оно — в принципе — позволяет «пре-

¹ См.: Шемякин А.Л. Обреченная конституция: сербский Устав 1889 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 64–81; Он же. Народ и власть в независимой Сербии // Двести лет новой сербской государственности. СПб., 2005. С. 176–201; Он же. Политические партии в независимой Сербии (1878–1918) // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя треть XIX — начало XX в.). СПб., 2006. С. 199–214.

одолеть ограниченность институционального анализа, ... не способного объяснить, почему, например, одинаковые по форме институты государственной власти в различных странах действуют порой совершенно по-разному¹. Кроме того, опираясь на изучение типа разделяемых людьми ценностей, локальных представлений, содержания символов и стереотипов, прочих аналогичных явлений из сферы человеческой ментальности, оно дает возможность проникнуть в мотивацию политического поведения граждан, партий и институтов; выявить истоки множества конфликтов, которые невозможно объяснить традиционными для политики причинами: борьбой за власть, распределением ресурсов и т. д.². Соответственно, нас будут больше интересовать не «факты», а «дух» — в том же смысле, в каком Шарль Монтескье писал о духе законов, а Алексис де Токвиль — о духе правления³.

Таким образом, исследование данной категории в сербском контексте поможет окончательно разобраться в степени «европейскости» страны, лишь недавно (по меркам исторического времени) начавшей выходить из сферы оттоманской цивилизации... При этом должно заметить, что в национальной историографии предпочтение по большей части отдается именно *институциональному* подходу, а потому независимая Сербия и предстает в ней столь часто «современным европейским государством»⁴.

* * *

Начнем с дефиниций.

«Политическая культура — это система исторически сложившихся, относительно устойчивых, воплощающих опыт предшествующих поколений установок, ориентаций и моделей поведения, проявляющихся в непосредственной деятельности субъекта политического процесса...»⁵. Соответственно, и структура политической культуры есть структура

¹ Пугачев В., Соловьев А. Введение в политологию. М., 2004. С. 325.

² Там же.

³ Ливоваров Ю.С. Русская политическая культура и political culture (Общество, власть, Ленин) // Pro et Contra. Т. 7. 2002. №. 3. С. 25.

⁴ См.: Батаковић Д. Успомене Панте Драшкића у српској мемоарској литератури // Драшкић П. Мемоари. Приредио Д. Батаковић. Београд, 1990. С. 19; Љушић Р. Милан Обреновић // Љушић Р. Србија 19. века. Изабрани радови. Београд, 1994. С. 142; Нова историја српског народа. Београд-Лозана, 2000, и др.

⁵ Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология. М., 2002. С. 280.

ориентаций. Во-первых, относительно институтов управления (режима). Во-вторых, относительно «другого» в политическом поле (соседа). В-третьих, относительно своих собственных политических акций (себя самого)¹... По этим трем направлениям мы и предполагаем вести анализ политической культуры в независимой Сербии.

Но перед тем, как обратиться к нему, сделаем несколько вводных замечаний, необходимых для сравнения *обнаруженного в Сербии* с неким «каноном». Для чего — из всего множества типологий «политической культуры», что предлагаются в научной литературе, выберем две, представляющиеся методологически плодотворными для нашей темы.

Итак, что касается *существа политической деятельности*, то здесь наличествуют «фрагментированная» политическая культура, когда «у населения отсутствует прочное согласие относительно путей развития общества», и культура «интегрированная», когда таковое согласие в социуме присутствует². Им соответствует *тактическая дихотомия* (средства и формы политической деятельности): «поляризованная» и «консенсусная» политические культуры. В рамках первой преvalируют радикальные силы (как правые, так и левые). В поле действия второй — центристские и умеренные.

Нет сомнения, что *интегрированная и консенсусная политическая культура* соответствует европейскому, а точнее — западному (в общем смысле: western), образцу. В качестве его особенностей можно назвать такие, как общность базовых политических ценностей и плюралистическая организация власти; склонность к легитимным формам политического участия и стремление к минимизации конфликтов через поиск согласия между политическими силами; законопослушность и чуткость к правовым регуляторам политического поведения и соблюдению процедур; высокий уровень ответственности правящих элит за свои действия и уважение к ним со стороны граждан³.

Соответственно, *фрагментированная и поляризованная* — прижилась в странах, пребывающих в состоянии «транзиции», с частым отсутствием внутреннего согласия по важнейшим вопросам их развития. Политологи выделяют четыре характерные черты такой культуры: преобладание локальной политической лояльности над национальной;

¹ Пивоваров Ю.С. Политическая культура. Методологический очерк. М., 1996. С. 9–12.

² Там же. С. 18.

³ Там же. С. 16–17.

отсутствие легитимных и действенных процедур для решения конфликтов; предельно острое недоверие социальных групп друг к другу; и, как следствие того, нестабильные и недолговременные правительства¹...

Автор этой четырехчленной конструкции, американский политолог В. Розенбаум вряд ли использовал при ее создании опыт независимой Сербии, однако все выделенные им черты данному опыту вполне соответствуют... Ниже мы и постараемся подтвердить ее оправданность на сербском материале.

* * *

Что касается политической культуры крайне немногочисленной сербской элиты, то она, разделившись в 1881 г. на партии, воспринимала свою политическую роль как *миссию*, и это окрашивало политический процесс в весьма специфические тона. Каждая партия (а особенно этим грешили радикалы, всерьез отождествлявшие себя со всем сербским народом) воспринимала себя как спасительницу Сербии², относясь к *другим* не как к политическим оппонентам, но как к непримиримым врагам. Соответственно, и политику эта партия понимала не как способ амортизации общественных противоречий (с лежащим в его основе компромиссом), но как постоянную и беспощадную борьбу с теми, кто не

¹ Там же. С. 18.

² Один из вождей радикалов, Пера Тодорович вспоминал впоследствии, как в начале бурных 1880-х гг. в партийной среде складывалось «убеждение, что именно в нас, радикалах, есть спасение Сербии и ее счастье. Мы — это те, кого историческое провидение выбрало, чтобы принести ей возрождение» (См.: Тодоровић П. Ближи односи с краљем Миланом // Тодоровић П. Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана. Приредила Л. Перовић. Београд, 1997. С. 275)... С другой стороны, либералы думали с точностью наоборот. Член их руководства, профессор Панта Сречкович утверждал в разговоре с русским путешественником: «Единственно серьезный государственный человек у нас — это, бесспорно, Ристич... Пашич, конечно умный человек, но только для себя, в обычновенных житейских делах... У него таланты не государственного деятеля, а заговорщика, ловкого агитатора. Если Сербия теперь разорена, то обязана она этим никому другому, как радикалам и отчасти напреднякам» (Марков Е. Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки // Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. С. 337–338). Другими словами — виноват, кто угодно, только не мы.

разделяет ее позицию¹. Именно поэтому в эпоху последних Обреновичей партийная борьба и приобретала столь жестокий характер, а коалиционных кабинетов практически не существовало. П.А. Кулаковский с полным правом писал И.С. Аксакову в начале 80-х гг.: «Что меня больно поражало всегда в Сербии, это то, что здесь партии ненавидят друг друга больше, чем общего врага»². Не он один констатировал сей факт. Сербский судейский чиновник Никола Крстич также зафиксировал в своем дневнике: «Да, у нас есть политические партии, но они готовы перерезать друг друга...»³. И «первый сербский ученый полицейский» Таса Миленкович писал: «Сербия — странное государство. В ней партийная борьба косит людей так же, как и осенние ветры ломают тонкие стебельки»⁴. А Милан Миличевич (известный писатель и этнограф) с горечью заметил: «Потомки с трудом поверят, сколь сильно были накалены партийные страсти в наше время»⁵. И Владан Джорджевич — премьер «октябрьского режима» (1897–1900) — позднее вспоминал: «Тяжела была судьба ответственных политиков в семидесятые, восьмидесятые и девяностые годы XIX в. Страна тогда раздиралась борьбой вошедших друг с другом в кровавый клинч нескольких партий, каждая из которых претендовала на то, что именно она — хранительница сербского патриотизма...»⁶. Как и Владимир Йованович — один из видных либералов: «Часто наша так называемая партийная борьба превращалась в самую дикую войну, во время которой не выбирались средства, чтобы дорваться до власти и удержаться подле нее. Люди не пренебрегали и самыми тяжкими преступлениями, дабы только заполучить власть»⁷.

¹ Стојановић Д. Уље на води: политика и друштво у модерној историји Србије // Димић Ј., Стојановић Д., Јовановић М. Србија 1804–2004. Три виђења или позив на дијалог. Београд, 2005. С. 130–132.

² Отдел рукописей Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома). Ф.572. Д. 44. Л.27 об. (Белград, 3 марта 1882 г.).

³ Архив Српске Академије Наука и Уметности (далее — АСАНУ). Бр.7213. Дневник Николе Крстића. «Јавни живот» (1895 г.). Запись от 17 сентября.

⁴ Дневник Тасе Миленковића — првог српског ученог полицијца. Београд, 2000. Књ.1. С. 104.

⁵ АСАНУ. Бр.9327/11. Дневник Милана Милићевића (запись от 13 мая 1882 г.).

⁶ Рукописно Одељење Матице Српске. Бр. М.14.045. Ђорђевић В. Успомене: културне скице из XIX века. Књ. 3. «У војсци». XI.

⁷ Јовановић В. Успомене. Приредио В.Крешић. Београд, 1988. С. 484.

Все так и было! К примеру, политический «террор большинства», царивший в краткий период правления радикалов в начале 1890-х гг., когда Сербия превратилось в однопартийное «радикальное царство», как назвал режим современник^{1*}, сменился после их отставки не менее жестким курсом меньшинства. Не имея опоры в народе, либеральный кабинет Йована Авакумовича предпринял самые зверские меры, вплоть до расстрела негодных, дабы вытеснить своих политических противников из местных органов власти накануне «парламентских» выборов 1892 г., каковые проводились под жесточайшим прессом полиции². А Йован Ристич — легенда Либеральной партии, — находясь на смертном одре и страдая от приступа астмы, нацарапал дрожащей рукой на листке с вопросом короля о возможной участии Николы Пашича, арестованного после «Иванданского» покушения в 1899 г.: «Достоин смерти»³. И это — старый законник, запамятовавший почему-то на склоне лет о понятии «презумпция невиновности»^{**}. А Йован Белимаркович, заслуженный боевой генерал и ветеран либерального движения, в открытую требовал от короля антирадикаль-

¹ Тодоровић П. Огледало. Знаке из прошлости. Приредила Л. Перовић. Београд, 1997. С. 206.

² Алимпие Васильевич точно подметил, что «радикальный кабинет предполил силу (большинства — А.Ш.) свободе» (*Васиљевић А. Моје успомене*. Приредио Р. Јушић. Београд, 1990. С. 155).

³ См.: Марјан В. Влада Јована Авакумовића. Покушај сузбијања радикализма у Србији. Београд., 1996.

^{**} Казимировић В. Никола Пашић и његово доба. 1845–1926. Књ. I. Београд, 1990. С. 574.

«Русская дипломатия сразу же раскусilla причины такого, совсем «неевропейского», отношения Ристича к Пашичу. Временный поверенный в делах России в Белграде Неклюдов писал в Петербург за год до описываемых событий: «Для г-на Јована Ристича г-н Пашич представляет собой лицо особенно ненастистное, не из-за династических предубеждений или политических несогласий (т. е. не из принципа! — А.Ш.), а потому, что к нему перешли те атрибуты, которые в былое время принадлежали безраздельно г-ну Ристичу, а именно: положение национального вождя и трибуна и расположение и доверие русского общественного мнения...» (Донесение опубликовано в: *Раденић А. Прогони политичких противника у режиму Александра Обреновића 1893–1903*. Београд 1973. С. 739–740). Перед нами — оборотная сторона очередного (и привычного) проявления *политического мессианизма* в Сербии. С ней напрямую и связан этот позорный пример «политической культуры».

ных мер: «Я хочу видеть, как собаки будут растаскивать радикальное мясо по брускатке на Теразиях»...

Такие взаимоотношения «верхов» органично дополнялось действиями «снизу» — смена партийных режимов часто сопровождалась уже не политическим, а физическим террором. Так, в 1887 г., после прихода к власти либерально-радикального блока, имел место буквальный линч напредняков — так называемый «народный вздох», — когда по всей Сербии прокатились погромы, и было убито 150 человек¹. И в мае 1889 г., уже в Белграде, продолжилось «линчевание» тех же напредняков прорадикально настроенной толпой. Причем инцидент этот был благосклонно воспринят, если не санкционирован, Костой Таушановичем, новым министром внутренних дел из радикалов². А всего, за десятилетие 1887–1896 гг., было убито 384 члена напредняцкой партии³...

На контрасте с перечисленными выше фактами приведем иную — умилительно благостную (линейно-европейскую) «реконструкцию» политического развития Сербии после обретения ею независимости, почерпнутую нами у одного современного автора. Он считает, что после 1878 г. «сербское общество политически созрело и вступило в партийную борьбу». Вот так! Соответственно, и крестьянство сербское тоже «созрело», научившись «публично артикулировать свои мнения и интересы»⁴. С помощью кольев, надо полагать, какими радикальные массы гоняли несчастных напредняков... Перед нами — наглядный пример того, к каким выводам может привести институциональный подход к исследованию, используемый крайне формально. Но это, к слову. Вернемся к нашей теме.

Спрашивается, как же объяснить наличие в Сербии столь жесткого внутреннего антагонизма, доходившего до неприкрытых и, порой, массовых зверств?

Ответ, думается, в первую очередь связан с тем, что на рубеже веков сербское общество во многом сохраняло традиционно-патриархальный характер. Предпринятая в начале 80-х гг. напредняцкой властью по-

¹ Антић Ч. Кратка историја Србије. Београд, 2004. С. 83.

² Подробнее об этом см.: Трифуновић М. Историја Радикалне странке (Од постanka до 1903). Београд, 1995. С. 198–200.

³ См.: Марковић С. Гроф Чедомиљ Мијатовић. Викторијанац међу Србима. Београд, 2006. С. 172.

⁴ Protic M. The Serbian Radical Movement 1881–1903. A Historical Aspect // Balcanica. Vol. XXXVI (2005). Belgrade, 2006. P. 129–130.

пытка пришпорить развитие страны, по сути захлебнулась, приведя к острому внутреннему кризису, завершившемуся отречением в 1889 г. Милана Обреновича. «Инстинкты массы, — писал современник, — все больше восставали против модернизации государства»¹. Сумев уловить их, артикулировать и трансформировать в форму мощного народного движения, традиционалисты-радикалы смели горстку реформаторов. Их предводитель Стоян Новакович позднее констатировал: «Движимые самыми благими намерениями, мы желали добиться всего быстрее, чем то соответствовало природе вещей. Потому и за результаты, которых мы достигли, было заплачено слишком дорого...»².

А раз так, то печальная судьба сербских «западников» не кажется неожиданной. Напротив — она объективна. Согласно «диагнозу» гостя из России, «для претворения формул либерализма в жизнь в Сербии не хватало малого: среднего сословия, городов и городской культуры»³. Всего-то! Сословие же среднее — этот людской ресурс любого прогресса, имело мало шансов народиться и массово развиться у сербов, ибо, по словам Милана Обреновича, они «уважали только три занятия — быть пандурами, чиновниками и крестьянами»⁴. Последними, понятно, в подавляющей части. Отсюда — их негативное отношение к «урбанизации»: «Пастухи и земледельцы, сербы не видят необходимости селиться в городах»⁵. Соответственно, и *городскую культуру* они принимали в штыки. «Крестьяне боятся на сходках: не хотим людей в пальто», — писал очевидец в 1905 г.⁶ ... А радикальный официоз, «Самоуправа», призывал: «Село и крестьянин еще сохраняют сербскую народную мысль, и им необходимо уничтожить влияние города, этого гнезда иноземщины»⁷.

¹ Николајевић Д. Краљ Милан и Тимочка буна. Београд, 1927. С. 70.

² Новаковић С. Бугарско-српски рат и оновремене кризе. 1885–1886. Мемораски листићи. Београд, 1907. С. 2.

³ Троцкий Л.Д. Балканы и Балканская война // Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. С. 510.

⁴ См.: Вуксановић-Анић Д. Са капетаном д'Ормесоном 1877. 22 дана у дво-колицама кроз Србију. Београд, 1980. С. 34.

⁵ Вейнберг Е. Сербия и сербы. Этнографический очерк // Русские о Сербии и сербах. С. 473.

⁶ АСАНУ. Бр.12877. См. также: Жујовић Ј. Дневник. Приредио Д. Тодоровић. Београд, 1986. Т. 1. С. 246.

⁷ Политички елементи у Србији пре 60. година // Самоуправа. 20. јануар 1941. Бр.1144.

Вместе с тем, город — в представлении «заведенного» радикалами крестьянства — был не только синонимом модернизации (той самой «иноземчины»), но и средоточием государственной системы — экономически немотивированной, насильтвенной машины, десятилетиями державшей сербское село под тяжким надзорно-налоговым прессом. Во время Тимокского восстания 1883 г. эти антисистемные настроения низов проявились в требовании перебить всех, носящих форму и получающих жалованье¹. Как видим, скрытая до поры до времени ненависть к полицейской форме², трансформировалась позднее в неприятие и городского «господского» костюма — в 1889 г. толпа в Белграде закидывала камнями всех, кто по своей одежде и манерам напоминал интеллигентов-напредняков. На селе же, два года ранее, селяки-радикалы в первую очередь линчевали представителей местных напредняцких властей: функционеров общин и полицейских чиновников².

Без понимания этого исторически-негативного отношения крестьянства к любой *навязанной* власти^{**} (а радикалы в своем отрицании всех правительственные новаций лишь усиливали степень его ненависти к чиновникам — представителям и проводникам ее воли***), невозможно

¹ Тимочка буна 1883. Грађа. Т. VI. Приредили Д. Тодоровић и Љ. Поповић. Београд, 1986. С. 154 (документ 899).

² Русский путешественник-очевидец и видный славист П.А. Ровинский подчеркнул, что сербы «не терпят *навязывания* и особенно через полицию, которая у всех в страшной ненависти...» (*Ровинский П.А.* Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II // Русские о Сербии и сербах. С. 72.).

² Приватни живот код Срба у деветнаестом веку. Приредили А. Столић и Н. Макуљевић. Београд, 2006. С. 74.

^{**} По мысли Радована Самарджича, несмотря на то, что «Сербское княжество, чей аппарат заменил турецкий, и означало для крестьянина достижение независимости, за которую он дрался веками», он «не желал мириться с тем, что кто-то вмешивается во внутренний уклад его жизни, причем вмешательство это шло в основном по линии возрастаания, в виду потребностей государственного строительства, его же налоговых обязательств» (*Самарџић Р.* Идеје за српску историју. Београд, 1989. С. 21).

^{***} Накануне Тимокского восстания, во время тайного собрания радикального руководства, его член из крестьян Димитрие Катич провозгласил: «Всех чиновников — под нож!» (*Тодоровић П.* Краљ Милан и Радикална странка // *Тодоровић П.* Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана. С. 212).

объяснить столь высокий градус его же антимодернизационного настроя: «закрытое общество» противилось любой попытке приоткрыть себя, особенно если та предпринималась «сверху»...

Итак, первопричиной внутреннего столкновения в Сербии был идеологический конфликт, особенно обострившийся после обретения ею независимости. Он выражался в оппозиции: «либеральная идея — традиция», органично перекликаясь со знаменитым русским спором «западников» и «славянофилов»¹.

Вторая причина того, что политическая культура в Сербии оставалась на уровне *предмодерности*, также была связана с патриархальностью — этим основным качеством сербского социума рубежа веков. В условиях, когда, как уже говорилось, местечковая лояльность превалировала над общегражданской, а «патриархальные личные связи и равенство между людьми еще не успели замениться безличными отношениями, какие порождает индустриализация» (по емкой дефиниции британского наблюдателя из 1918 г.)², политическая партия воспринималась как одна семья, *parteigenosse* — как братья, а партийный лидер — как отец.

И потому важнейшим символом для радикалов всегда и везде оставался *дом* — в идеологии, организации, внутрипартийном этосе³. Не случайно они вполне осознанно реализовывали на практике концепцию партии, пронизанную глубоко традиционными и антилиберальными идеями солидарности и равенства. По словам Раши Милошевича — крупного партфункционера и одновременно *кума* Николы Пашича, «членский билет обеспечивал его владельцу доступ в радикальные инстанции по всей стране; он был символом солидарности радикалов, где бы они ни находились, и признаком равенства всех членов партии»⁴.

¹ Perović L. Između anarchije i autokratije. Srpsko društvo na prelomu vekova (XIX–XXI). Beograd, 2006. S. 393.

² Лафан Р. Срби — чувари капије. Београд, 1994. С. 271.

³ Шемякин А.Л. Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998. С. 205–207 и далее; Стојановић Д. Србија и демократија. 1903–1914. Београд, 2003. С. 259–262.

* Показательно определение государства, которое в 1881 г. дал Никола Пашич: «Конституционное государство — это народный дом, который строится и развивается на основе братского договора» (*Пашић Н.* Писма, чланци и говори (1872–1891). Приредили Л. Перовић и А. Шемјакин. Београд, 1995. С. 95).

⁴ Милошевић Р. Тимочка буна. Успомене Раше Милошевића — члана Главног одбора Народне радикалне странке. Београд, 1923. С. 105.

Либеральная же верхушка (массовой базы либералы не имели) была переплетена *реально* родственными узами. Й. Ристич, Радивое Милойкович, Филипп Христич: через своих супруг — родных сестер и дочерей знаменитого «миллионщика» Хаджи-Томы. Й. Белимаркович приходился дядюшкой Й. Авакумовичу, причем оба принадлежали к не менее знаменитому клану Бабадуничей. На сестре последнего был женат А. Васильевич. А восходящая звезда партии Джордже Генчич называл Ристича «отчимом» — его отец и вождь либералов были побратимы со временем своей юности. Эти примеры либеральной «семейственности» можно множить и далее.

Любопытно в данной связи напомнить еще о двух деталях — местами сбора (или клубами) отдельных партий были особые «партийные» кафана, порог которых не смел переступать никто иной. Бывало, что чужих изгоняли пинками. Радикалы обыкновенно заседали в «Бульваре» и в «Москве», напредняки — в престижном «Гранде»; штабом либералов был «Золотой крест», а отковавшихся от Николы Пашича младорадикалов — «Касина»¹. И в быту, в сфере, казалась, совсем универсальной, существовали отличия. Известно, что у сербов есть один единственный танец — сербское коло. Однако на своих собраниях радикалы всегда отплясывали собственное «Радикалско (или Пашичево) коло». Оно же — «Радикалка»...

Все это придавало межпартийной борьбе характер семейных ссор, наполняло ее излишними эмоциями и страстями. Тем самым оправдывалось, становясь слишком «фамильярным», и отношение к государству — само его понятие переходило из сферы сакральной в область почти обыденной жизни. И в результате, находившиеся у власти партии, теряя дистанцию по отношению к нему, смешивали нередко общий и частный интерес. Государство, таким образом, становилось средством реализации партийных, а кое-где и личных амбиций. И... компромисс был невозможен. Потому и сама политика, повторимся, воспринималась многими не как способ «рационализации конфликта»*, но как война всех про-

¹ Стојановић Д. Калдрма и асфалт. Урбанизација и европеизација Београда. 1890—1914. Београд. 2008. С. 275—277.

* «Образ врага», пишет В.Г. Федотова, «есть продукт отрицания легитимности других интересов и результат представлений о необходимости навязать общий интерес»; в отличие от него, «рационализация конфликта» — это «согласование интересов» (Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 161).

тив всех. И, как следствие такого подхода, постоянные столкновения позиций (разница между которыми была зачастую совсем не принципиальной!), хаос и нестабильность являлись характерными чертами политического процесса в Сербии. В таких условиях *авторитарная* политическая культура, сопровождавшаяся насилием, не имела возможности измениться и дорasti до высот толерантности; соответственно, идея о бесконфликтном решении проблем была обречена на невостребованность¹.

Резюмируем: когда общественная дисциплина, да и весь *политический процесс*, базируются на личностных, а не на формальных принципах, то чувство долга к своему ближнему кругу (родственников, земляков, друзей), как того требовал старый *обычай*, проявляется у его участников заметно сильнее, чем общегражданская ответственность, закрепленная *законом*. Это мы и наблюдаем у сербов на рубеже веков. Соответственно, «другой» в их глазах представлял не как представитель *своего сообщества*, думающий по-иному, но как «чужак», отношение к которому было соответствующим. Что ж, как заметил в 1912 г. Йован Жуйович — академик и министр, — «даже у интеллигенции не всегда присутствуют основные понятия о государственной организации»².

Отсюда же и различие в восприятии *права и справедливости*, присущее сербам, которые, «часто считают неправедным даже точное исполнение закона, поскольку оно не учитывает конкретные обстоятельства во всяком отдельном случае»³. Формальная процедура в их разумении убивала человечность. Но это, с одной стороны. С другой — в самом таком подходе сквозило практическое отрицание права, а потому и конфликты, увы, столь частые в истории независимой Сербии, решались не в рамках юридических процедур, а в лобовых столкновениях. Почему и были так «популярны» политические убийства. Вспомним ликвидацию в тюрьме лидеров контрзаговорщического движения в армии братьев Новаковичей и Салоникский процесс в мае 1917 г., когда на основании сфабрикованных улик был расстрелян бывший глава майских заговорщиков, полковник Д. Димитриевич-Апис. Какая «судьба! Человек, преступивший закон и уничтоживший последних Обреновичей, сам пал затем от руки неправедной власти.

¹ Стојановић Д. Уље на води: политика и друштво у модерној историји Србије... С. 130.

² Жујовић Ј. Дневник. Т. 1. С. 226.

³ Јовановић С. Осећање правде у динараца / / Јовановић С. Један прилог за проучавање српског националног карактера. Винзор, 1964. С. 43.

Мало того, печальная традиция политических убийств в Сербии со временем не угасла и дожила до наших дней — ровно через сто лет после гибели короля Александра и королевы Драги в Белграде был застрелен премьер-министр Зоран Джинджич.

Как видим, *насилие* в различных проявлениях (причем — и «сверху», и «снизу») являлось важнейшим фактором политического развития Сербии*. В чем, собственно, в свете сказанного выше, нет ничего удивительного...

И еще одно объяснение столь *своеобразной* культуры участников политического процесса в Сербии. Оно тесно связано с особенностями менталитета сербов.

Как известно, многовековые конфликты с Турцией привели к формированию у них *конфронтационного сознания*, и это во многом определяло специфику внутренней жизни. В условиях незавершенности процесса «освобождения и объединения сербов» (что *всегда* оставалось для Радикальной партии задачей первой); в том числе и после появления в 1878 г. на сербской границе Австро-Венгрии — нового врага, «сменившего» турок и водворившегося в Боснии и Герцеговине), оно органично экстраполировалось и на отношение к «другому» внутри страны. Поэтому и рассматривали соратники Пашича напредняков — сторонников модернизации и проводников *проавстрийского* курса, — как своего рода новых Бранковичей, или же «внутренних турок». Им радикалы отказывали даже в праве на патриотизм. «Люди, которые довели Сербию до Сливницы**», — твердил их лидер, — не смеют упоминать о национальной политике, о сербском освобождении и достоинстве Сербского королевства¹.

Такой подход также можно понять — всего за сорок с небольшим лет (1875–1918 гг.) страна пережила целых шесть войн и два восстания. И, соответственно, мир для ее граждан (не важно, внешний или внутренний) был по-прежнему окрашен в *черно-белые* тона: друг — враг; свой — чужой, мы — они...

* В последней по времени книге Латинки Перович целый раздел назван: «Насилие как константа» (см.: Perović L. Izmedju anarhije i autokratije. Srpsko drustvo na prelazima vekova (XIX–XXI). S. 384–420).

** В ноябре 1885 г. вторгшаяся в пределы Болгарии сербская армия потерпела у села Сливница сокрушительное поражение.

¹ Пашић Н. Писма, чланци и говори (1872–1891). С. 333.

* * *

Констатируя низкий уровень политической культуры в обществе, отметим, что и последние Обреновичи не ушли от него слишком далеко. Известный сербский историк Слободан Йованович с полным правом заметил: «С точки зрения политических нравов, монархи из дома Обреновичей были не лучше своего народа»¹. Что, понятно, не могло не повлиять на развитие политического процесса и специфику межпартийной борьбы в стране.

Начнем с того, что отношение обоих королей к партиям было очень негативным — они воспринимали их не как явление (пусть нежелательное, но необходимое), а как потенциальную опасность для себя лично, от которой нужно избавляться. Потому и были всегда в фаворе у монархов внепартийные кабинеты, возглавляемые лично преданными премьерами — Николой Христичем, Владаном Джорджевичем, Алексеем Йовановичем, Димитрие Цинцар-Марковичем и т. д. Отношение же к партиям наглядно иллюстрирует реплика Александра Обреновича при посещении им в 1896 г. Космая. «К какой породе скота относится начальник Космайского округа», — спросил суверен Йована Жујовића. «К напреднякам», — последовал ответ². А тремя годами ранее в беседе с ним же король так «приложил» Ј. Ристича: «Презираю его и всю его банду»³.

Вместе с тем, когда политика той или иной партии отвечала личным интересам монарха — как это было, например, с напредняками в 1880–1887 гг., Милан Обренович столь бурно их поддерживал, будто являлся, как с горечью заметил Пера Тодорович, не королем Сербии, а «членом какого-то парткома»⁴. Причем его опять же интересовали не партия или идеология, но лишь конкретные люди и степень их преданности. «Какие напредняки, — говорил он о втором напредняцком кабинете, — в правительстве нет ни одного напредняка; есть я, кто приказывает, и есть Гарашанин, который слушается»⁵. Приведем другой пример монаршего

¹ Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Књ.2 / / Јовановић С. Сабрана дела. Београд, 1990. Т. 7. С. 372.

² Жујовић Ј. Дневник. Т. 1. С. 56.

³ Там же. С. 49.

⁴ Тодоровић П. Краљ Милан и радикална странка // Тодоровић П. Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана. С. 174.

⁵ Пироћанац М. Белешке. Приредила С. Рајић. Београд, 2004. С. 309.

цинизма, в котором, как в капле воды, отразились как уровень личной политической культуры короля, так и деформированность сербской модернизации вообще. В 1886 г., после поражения в Сербско-болгарской войне, Милан Обренович вел переговоры с Й. Ристичем — он был готов дать власть любой партии, которая согласилась бы провести в скупщине новый военный бюджет в 14 миллионов динаров. Либералы отвечали, что вряд ли смогут исполнить бюджет, если дадут армии 14 миллионов. «Когда же они сообщили, что средства нужны еще для школ и судов, король заявил: «Тогда закройте школы и суды. Мне на них наплевать, но для армии деньги должны быть»...»¹. К слову сказать, данный принцип и был положен в основу военной реформы 1897–1900 гг., которую многие сербские историки считают «весома успешной» с профессиональной точки зрения². Однако факт, что вылупившиеся из яиц этой реформы птенцы заклевали до смерти Александра Обреновича, ими, как правило, не учитывается. А надо бы³...

В чем же причины столь выраженного примитивизма в политической культуре последних Обреновичей? В том, что они «были не лучше своего народа»?^{**} Да, и это первое. П. Тодорович (в юности самый вдохновенный радикальный «апостол», а затем — апологет монархов) даже оправдывал все их грехи именно этим тезисом — посмотрите, мол, из

¹ Там же. С.275.

² См.: *Милићевић М.* Реформа војске Србије. 1897–1900. Београд, 2002.

³ См.: Шемякин А.Л. Народ и власть в независимой Сербии... С. 188–190.

* В сербской историографии объяснения этому феномену даются исключительно метафизические. Милич Миличевич — автор монографии о военной реформе короля Милана — так завершает свою работу: «То, что его творение (армия. — А.Ш.) и окончило существование династии, к которой он принадлежал, означало лишь одно — он смог сотворить такое, что было грандиознее и его самого. Впрочем, сделать то, что больше тебя — свойство только великих монархов» (*Милићевић М.* Реформа војске Србије. 1897–1900. Београд, 2002. С. 166).

** П.А. Ровинский еще в конце 1860-х гг. обратил внимание на сей факт, носивший, как он показал, типический характер — «В Сербии меня одно удивляло: везде в других странах люди, составляющие интеллигенцию, развиты непропорционально больше, чем масса; в Сербии напротив — интеллигенция в сущности слишком мало отделяется от массы» (*Ровинский П.А.* Белград, его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II С. 70... Как видим, прошло два-три десятилетия, но в соотношении интеллигенция — масса по большому счету ничего не изменилось.

какой среды они вышли, в каких условиях воспитывались и правили¹... Далее, в личных склонностях. По наблюдению бывшего премьера Любомира Кальевича, «его природному дару мешало отсутствие душевного равновесия и неутолимая склонность к самоволию». А потому «король Милан никогда и не смог бы стать конституционным монархом. Он сам это чувствовал, а в моменты искренности и признавал»². И, правда, признавал. «Конституционный монарх на Востоке — это бессмыслица»³, — говорил он, не раз повторяя, что «правит не по воле народа, но по праву своей династии (выделено нами. — А.Ш.)»⁴. Именно данная философия правления есть третье и наиважнейшее.

Понятно, что она в принципе не допускала никаких ущемлений власти монарха — в 1886 г. Милан Обренович заявил, что «не может позволить, чтобы ему навязывался конституционный вопрос», и что «когда политики (напредняки. — А.Ш.) хотели сделать это, причем с ограничением его прав, он буквально уперся и действовал против них»⁵. А как же иначе, если «конституционализм», по его разумению, — это режим, который «вреден для престола и порядка в стране»⁶, и следовательно, право династии на власть в Королевстве — почти то же самое, что и право господина на владение и распоряжение имением, находящемся в частной собственности: Какие уж тут ограничения!.. Именно так, позволим себе предположить, смотрел на Сербию король, притом «хвастаясь, что, кроме него, никто не умеет вести в ней политику»⁷, — еще один образчик рокового для страны «мессианства». По определению современного автора, «он не хотел или не мог придерживаться норм поведения, каковые были характерны для европейских монархий и предполагали, что венценосец несет ответственность как за государственные, так и за личные поступки»⁸.

¹ См.: Јушић Р. Пера Тодоровић — противник и пријатељ Обреновића // Пера Тодоровић. Зборник радова. Београд, 1999. С. 49–50.

² Каљевић Ј. Моје успомене. Београд, 1908. С. 53.

³ Пироћанац М. Белешке. С. 469; Perovic L. Milan Pirocanac o kralju Miljanu Obrenovici // Tokovi istorije. Beograd, 2002. Вг. 3–4. С.100.

⁴ См.: Жујовић Ј. Дневник. Т. I. С. 106.

⁵ Пироћанац М. Белешке. С. 283–284.

⁶ Каљевић Ј. Моје успомене. С. 46.

⁷ Пироћанац М. Белешке. С. 325.

⁸ Богуновић Н. Коекуде Србијо. Српске историјске теме. 1804–1918. Београд, 2006. С. 341.

Русский мемуарист, описывая одного русского императора, заметил: «Власть он воспринимал не как священную обязанность с вытекающей из нее ответственностью, а как данную ему лично привилегию, которая позволяла, не размышляя, следовать своим капризам»¹. Под эту формулу прекрасно подпадает и Милан Обренович. Причем такое отношение к власти в конечном итоге окажется роковым не только для него лично, но и для династии вообще — его наследник Александр, увы, ушел недалеко от родителя... Из этого-то единого корня и произрастала их «семейная» политическая культура.

Столь откровенно заявленное стремление Милана и Александра Обреновичей к личной власти («При моем темпераменте я не могу согласиться с положением, которое занимают монархи Румынии и Греции», — повторял король-отец²) имело последствием то, что Корона постоянно стравливала политических оппонентов и разжигала тлеющие антагонизмы между партиями — для усиления своих позиций. С этой целью отменялись конституции; чередовались, как перчатки, кабинеты (за пятнадцать лет, в 1888—1903 гг., их сменилось двадцать два); совершались перевороты (за десять лет правления короля-сына — четырежды)... А что в итоге? Какая национальная сверхзадача была реализована сербскими монархами, полагавшими, что укрепление их абсолютного господства и есть гарантия прогресса Сербии и ее пути в Европу?

Этим важнейшим вопросом задавались и некоторые современники, в частности, первый напредняцкий премьер Милан Пирочанац. В своем дневнике он так размышлял о сложившейся в стране ситуации: «Грамотно руководить и ввести в стране полезные институции, уравновесить бюджет и изменить основу налоговой системы — всего этого вряд ли возможно добиться, проводя политику, целью которой является перманентный конфликт всех партий». И еще вопрос: «Король делает то, что делают и другие монархи — сохраняет статус кво, в границах которого он является самой сильной фигурой, но спрашивается — для чего же он нужен, этот статус кво», когда «династия Обреновичей правит страной почти 30 лет без перерыва, но до сих пор не решены вопросы, каковые должны были быть решены еще прошлыми поколениями? (выделено нами. — А.Ш.)»³.

Все верно. Вступив первой на Балканах на путь национального освобождения, Сербия забуксовала, теряя историческое время. Внутренняя

¹ Врангель Н.Е. Воспоминания. От крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 250.

² Пирочанац М. Белешке. С. 110.

³ Там же. С. 110, 292.

борьба (в том числе и меж-династическая), обескровливала страну, которую просто рвали на части — причем как приверженцы монархического абсолютизма, так и сторонники парламентаризма¹. Прав современный сербский историк Чедомир Антич: «В истории Сербии Нового времени сербские политические элиты часто испытывали потребность в абсолютной власти»². К чему и стремились в постоянной грызне между собой. Понимание же того, что власть и политика могут иметь какой-то иной характер, у них, как мы говорили выше, еще не сложилось. Не та оказалась политическая культура!.. Чем все закончилось, известно — очередным политическим убийством и переворотом 1903 г.

Кстати, с переворотом 29 мая связан еще один наглядный пример политической культуры, характерной для Сербии того времени. Речь идет о ликвидации (параллельно с убиением королевской четы) и военного министра, генерала Милована Павловича — кавалера русского ордена Св. Георгия IV степени, проживавшего во втором этаже дома, принадлежавшего «Обществу реконструкции Врачара», что и ныне стоит на Негошевой улице... Мы здесь — о пушкинской «милости к падшим», свойственной, впрочем, лишь натурам высоким. Так вот, после штурма квартиры генерала, храбро отбивавшегося от убийц и погибшего «как герой»³ (по выражению русского военного агента, полковника И.Н. Сысоева), его жилище было полностью разрушено, о чем зять покойного, Божидар Янкович писал бывшему премьеру В. Джорджевичу: «Относительно вида квартиры, в которой эти разбойники хозяйничали целых 10 минут, вы получите ясное впечатление, когда я скажу, что после нападения она выглядела так, как будто ее грабили и жгли черкесы. Довольно вам заметить только, что «Общество реконструкции Врачара», коему принадлежит здание, заплатило 2700 динаров за ремонт и... обвинило мою тещу в разрушении стен и порче деревянных частей, требуя от нее компенсации (выделено в оригинале. — А.Ш.)»⁴... Vae victis!

¹ См.: Шемякин А.Л. Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации (1880-е годы) // Славянские народы: общность истории и культуры. К 70-летию чл.-корр. РАН В.К.Волкова. М., 2000. С. 244–248; Димић Љ. Србија 1804–2004 (суочавање с прошлошћу) // Димић Љ., Стојановић Д., Јовановић М. Србија 1804–2004... С. 61–62.

² Антић Ч. Кратка историја Србије. С. 136.

³ Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.400. Оп. 4. Д.313. Л.31 об. (И.Н. Сысоев — В.П. Целебровскому. Белград, 4 июня 1903 г.).

⁴ Архив Србије (далее-АС). Фонд В.Ђорђевића. Бр.151 (Б. Јанковић – В. Ђорђевићу. Крушевац, 7. јануар 1910.).

* * *

После майского переворота 1903 г., устранившего Обреновичей и вернувшего на престол Карагеоргиевичей в лице престарелого и неагрессивного Петра I, политическая ситуация в Сербии, казалось бы, нормализовалась. Действительно, Народная скупщина одобрила новую демократическую конституцию, в рамках которой функционировала парламентская система; монарх же, в отличие от Обреновичей, не вмешивался открыто во внутренние дела, строго следя заповедям Основного Закона.

Однако, под всем этим «внешним лаком цивилизации»¹, в сфере политической культуры, мало что изменилось. Отношения большинства и меньшинства в парламенте оставались прежними — большинство как угодно стремилось навязать свою позицию, полагая ее единственno верной; меньшинство же агрессивно демонстрировало, что по каждому вопросу имеет свой, отличный от правящих, взгляд². Обструкции оппозиции с блокированием кворума, нецензурщина, оскорблений действием — вполне заурядные явления в эпоху «золотого века сербского парламентаризма», как частенько трактуется в национальной историографии период 1903—1914 гг.²

¹ Мале А. Дневник са српског двора. 1892—1894. Превела и приредила Љ. Мирковић. Београд, 1999. С. 204.

• Никола Пашич, будучи сам далеко небезгрешен (о чем мы скажем ниже), точно охарактеризовал поведение оппозиции в одной из своих речей: «Это, братья, политика упрямства (в оригинале — *ината*). Ослепленные ненавистью к своим политическим противникам они забыли об интересах страны...» (Сто говора Николе Пашића. Вештина говорништва државника. Приредио Ђ. Станковић. Књ. 1. Београд, 2007. С. 326)... Отдавал себе отчет в «специфичности» сербского парламентаризма и король Петр, десятки лет проживший в Швейцарии и прекрасно знакомый с «классической» его моделью. По словам английского журналиста, интервьюировавшего монарха в сентябре 1903 г., тот не скрывал разочарования: «Немалая проблема состоит в том, что люди, его окружающие, не обладают подлинно парламентскими понятиями и ощущениями, а каждая партия и фракция считает, что конституционные свободы даны исключительно ей...» (Посланство Краљевине Србије у Великој Британији — Министарству иностраних дела Краљевине Србије. 11 / 25.IX.1903. г. // Документи о спољној политики Краљевине Србије. 1903—1914. Књ. 1. Свеска 1. Приредио А. Раденић. Београд, 1991. С. 496).

² Поповић М. Борбе за парламентарни режим у Србији. Београд, 1939. С. 89; Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1982. С. 282—283; Историја Српског народа. Београд. 1983. Књ. 6. Т. 1. С. 92; Екмечић М. Стварање

А как же иначе, ведь по словам Милана Протича — одного из авторов крайне претенциозной «Новой истории сербского народа», «динамика политической борьбы, как мотор развития, есть главный критерий парламентской демократии...»⁶⁸. Дефиниция, заметим, сколь броская, столь и мало что в политической жизни Сербии после 1903 г. объясняющая.

На самом деле, «несмотря на то, что идеологических причин для столь острого соперничества часто уже не имелось, оно продолжалось с большой ожесточенностью. У представителей партий, особенно тех из них, кто был избран депутатом скупщины, отсутствовало (кроме редких исключений) чувство ответственности в использовании свободы политического действия, которую дает парламентская система. И вскоре стало ясно, что многие из сербских политиков просто не понимают, как применять систему, основанную на свободе и терпимости. Борьба между партиями, а равно и внутри них самих, часто велась с необузданной страстью, причем без особой разницы — шла ли речь о жизненных государственных интересах или второстепенных вопросах»⁶⁹.

Следствием же такой «борьбы» были частые роспуски парламента — ни один его состав не доработал отведенный ему по конституции срок...

Но, несмотря на это, политическим гегемоном на протяжении всего предвоенного периода оставалась старорадикальная партия во главе с бессменным лидером Николой Пашичем. При этом и вождь, и партия мало изменились как в своем «messianstvye» («Я уверен, что одна только Радикальная партия способна сохранить и усилить Сербию, а также реализовать все наши идеалы»⁷⁰, — писал Н. Пашич в 1907 г.*), так и в восприятии демократии, парламентаризма, плюрализма, политической

Југославије. Београд. 1989. Књ. 2. С. 546; Живојиновић Д. Краљ Петар I Кађорђевић. Београд, 1990. Књ. 2. С. 115; Протић М. Радикали у Србији. Идеје и покрет (1881–1903). Београд, 1990. С. 17; С. 20–22; Јушић Р. Историја српске државности. Књ. 2. Србија и Црна Гора — нововековне српске државе. Нови-Сад, 2001. С. 203–204.

⁶⁸ Нова историја Српског народа. С. 189; Protic M. The Serbian Radical Movement 1881–1903. A Historical Aspect... Р. 131.

⁶⁹ Вучковић В. Унутрашње кризе у Србији и први светски рат // Историјски часопис. Књ. XIV–XV. Београд, 1965. С. 175.

⁷⁰ АСАНУ. «Pasic collection». Бр. 14924/22.

* Важно заметить, что данная цитата взята нами из черновика выступления Пашича в скупщине. В самом выступлении она не прозвучала (что видно из сборника речей вождя радикалов). И следовательно, здесь мы можем говорить не о банальном демагогическом приеме, а о реальном убеждении.

культуры. Они по-прежнему рассматривали демократию как неограниченное право большинства на монопольную власть, а парламентаризм — как институционализацию такого права, с порога отвергая плюрализацию власти и считая исключительно себя выразителями интересов всего народа¹. И, соответственно, те, кто думал иначе, оставались для радикалов врагами, а не оппонентами, компромисс с которыми был исключен начисто. Старинный принцип «партийного государства», как следствие выраженной одномерности их сознания, по-прежнему являлся стержнем радикальной политической культуры*.

В стране «победившего парламентаризма», как видим, сложилась по сути дела «полуторапартийная система»: с одной стороны — радикалы, с другой — все остальные. «Вместо власти одного человека, — анализировал ситуацию С. Новакович, — в Сербии под маской демократии установлена власть одной-единственной партии»², в которой, по оценке Йована Скерлича, «наличествует личный режим, или олигархия нескольких лидеров, каковые держат в своих руках не только партию, но и страну»⁷³. Однако, такая власть одной партии была добровольно принята и поддержана сербским крестьянством. Вершителями судеб Королевства до самой Мировой войны были Никола Пашич и его радикальная генерация, которым, следовательно, удалось укротить анархичность низов, «примирив их с государственной идеей». И, соответственно, — национальное согласие в стране вызревало после 1903 г. на базе традиционных понятий о власти, ее носителях и их политической культуре³...

¹ Стојановић Д. Србија и демократија... С. 259–267.

* Логика радикалов, при объяснении ими концепции «партийного государства», предельно проста. «Разве крестьянское государство может реализоваться как-то иначе, кроме единственного способа, когда государственная власть поставлена на службу крестьянской же партии?», — задавали они риторический вопрос. Но зачем в принципе это им было надо? Есть у них и на то ответ: «Такое партийное понимание государства облегчило бы примирение крестьянских масс с государственной идеей» (Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Књ.1 // Сабрана дела Слободана Јовановића. Т. 6. С. 108).

² АС. Фонд Стојана Новаковића. Бр.428. Л. 3.

³ АСАНУ. Заоставштина Живана Живановића. Бр.14423/734. Л. 28.

⁴ См.: Шемякин А.Л. Народ и власть в независимой Сербии... С. 191–196.

* * *

Завершая наши размышления, позволим себе одну параллель. Говоря в одной из работ о специфике сербского общества, мы констатировали, что экономический человек в независимой Сербии «еще не проснулся, несмотря на "квазиевропейские" формы его существования»¹. Что касается политической культуры, то в принципе, ее результатом и мерой, по оценке ученых, является «политический человек и качество политической жизни общества в целом»²... Так вот, как мы старались показать, этот *политический человек* европейского типа также спал в Сербии глубоким сном.

¹ *Он же.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX — начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.). СПб., 2004. С. 53.

² Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология. С. 281.

Вишняков Я.В.
МГИМО (У) МИД РФ

ИДЕОЛОГИЯ СЕРБСКОЙ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ В КОНТЕКСТЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗИТИЯ СЕРБСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Немецкий историк и философ Ф. Ратцель еще в середине XIX в. отметил: «Быстрый упадок государств уравновешивается прочностью жизни племен. Когда первые распадаются, из прежних племен возникают новые царства. Семья кровных родственников в своем общем длинном доме или деревне представляет в тоже время политическую единицу, которая от времени до времени может соединяться с подобными себе, быть может, связанными с ней отдаленным родством; эта единица может оставаться, однако, в полном спокойствии до тех пор, пока сила, действующая извне, не нарушит этого самодовлеия»¹. Данное утверждение вполне согласуется с особенностями становления и развития сербского государства.

Известно, что начало возрождения сербской государственности напрямую связано с первым сербским восстанием 1804–1813 гг. Так, например, уже летом 1804 г. карловацкий митрополит Стефан Стратимирович направил российскому императору Александру I соответствующую записку с идеей создания славяно-сербского государства, в которой подразумевалось создание конституционной монархии во главе с одним из представителей династии Романовых. Большую роль в разработке основ будущей сербской государственности сыграли Б. Груйович и М. Ненадович. Именно в эти годы создаются скупщина, правительство (правительствующий сенат); идет постепенное формирование аппарата как гражданской, так и военной власти, а в 1808 г. вождь повстанцев Карагеоргий был провозглашен верховным наследственным правите-

¹ Ратцель Ф. Народоведение // Классика geopolитики. XIX век. М., 2003. С. 180.

лем страны, что вполне согласуется с курсом на построение в Сербии полностью суверенного государства¹. Этот процесс, однако, имел ряд важных особенностей, которые отразились на последующем развитии страны.

Немецкий философ и социолог Н. Элиас (1897–1990) ввел в научный обиход понятие «habitus». Речь идет о неких схожих для людей чертах и особенностях, общем отпечатке, наложенном на них социальными структурами и другими институтами, что влияет на индивидуальные особенности, которую он обозначал как соотношение понятий «Я — Мы»². Применительно к Сербии, российские исследователи убедительно доказали, что в процессе возрождения государственности сербские лидеры естественным образом обращались к многовековым народным традициям «задруги» — семьи. «Именно поэтому шумадийский селяк и воспринимал свое нарождающееся государство как многократно увеличенную копию своего же микромира», отмечает российский исследователь А.Л. Шемякин³. «Переход повстанческой Сербии от патриархального уклада жизни турецкой райи к предполагаемой независимости и национальной государственности порождал инверсивные политические конструкции, в которых “старое” иногда декларативно выдавалось за “новое”, “традиционное” за “современное”, — добавляет в этой связи М.В. Белов⁴. Все это формировало архаичное представление общества о характере центральной власти, когда монарх, в глазах народа был скорее главой семьи, чем неким сакральным правителем. Такое, «семейное», восприятие народом своего монарха являлись естественным выражением отношения традиционного крестьянского общества к собственному государству, когда правитель выдвигался из своей же собственной среды и

¹ Проблемы, связанные с формированием основ сербского государства, являются предметом серьезных исследований как российских, так и сербских историков. Среди них особо можно выделить работы В.П. Грачева, И.С. Достяна, М.В. Белова, Р. Люшича и др. авторов.

² Обоснование этой концепции см. в: Элиас Н. О процессе цивилизаций. М.-СПб., 2001.

³ Шемякин А.Л. Народ и власть в независимой Сербии. // Двести лет новой сербской государственности. СПб., 2005. С. 177.

⁴ Белов М.В. Проблема институализации и легитимации власти в Сербии 1804–1830 гг. // Человек на Балканах. Государство и его институты. Гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX — начало XX в). СПб., 2006. С. 54.

ею же мифологизировался¹. Подобное положение вещей не ускользнуло и от внимательного взгляда русских современников. И.С. Аксаков, совершивший в 1860 г. путешествие в Сербию, так писал о восприятии сербами к тому времени уже престарелого князя Милоша Обреновича: «Народ его очень любит, рассказывает про него тысячу анекдотов, сложил тысячу песен; казни его признал справедливыми и восхваляет его доброту и грозное правосудие»². Подобные представления народа о власти налагали отпечаток на формирование всех государственных структур страны.

Казалось бы, необходимость установления в стране европейских политических норм и нового государственного порядка была очевидна, в связи с чем на повестку дня был поставлен вопрос о переустройстве всех общественных отношений, возникла проблема утверждения новых гражданских и политических структур, замены турецкого управленческого аппарата своим собственным. Подобные процессы были свойственны возрождающемуся сербскому государству. В 1830 и 1833 гг. в соответствии с Адрианопольским мирным договором 1829 г. были подписаны султанские хатт-и-шериfy о предоставлении Сербии автономии. Милош Обренович стал верховным сербским кнезом. В 1838 г. был введен так называемый «Турецкий» устав, а в 1869 г. — принята первая национальная конституция страны. Провозглашение в 1878 г. государственного суверенитета Сербии, кроме всего прочего, поставило вопрос о способе включения традиционного сербского общества в европейскую модель социально-экономического и политического развития.

С другой стороны, общеизвестно, что современное государство является по сути устойчивой корпорацией, т. е. обладает собственным юридическим лицом, не зависящим от личности правителя; имеет правительственный аппарат, своих собственных подданных, четко определенные границы, а также существует при условии признания его другими государствами. Для Европы конца XIX — начала XX в. сербская государственность была скорее номинальным явлением. Несмотря на то, что после 1878 г. в Сербии сложилась собственная бюрократия, хотя весьма слаборазвитая, имелась своя национальная валюта, правда не способная развиться до уровня международно-признанного платежно-

¹ Именно поэтому мы не видим на сербском престоле представителей иностранных династий. См.: Шемякин А.Л. Указ. соч. С. 177. Данная точка зрения также раскрыта в работах М.В. Белова, посвященных изучению источников, идеинных основ и особенностей формирования сербской «повстанческой государственности».

² Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. С. 21.

го средства, были принятые символы государственности и конституция 1888 г. (заметим, кстати, одна из самых демократических в Европе), сформировались политические партии и прочие атрибуты государства, но традиции «крестьянской демократии», когда за монархом, как за главой семьи, по справедливому замечанию А.Л. Шемякина признавалось «лишь первенство, но не превосходство»¹, привели к тому, что к началу XX в. значительная часть сербского населения оставалось в положении, при котором оно никак не могло влиять на правительство, но, что важнее, не могло им и контролироваться.

Известный русский философ К.Н. Леонтьев отметил в этой связи: «Сербы, нечего и говорить, все демократы; и у них эпическая патриархальность как нельзя лучше переходит в самую простую буржуазную утилитарность. У них есть военные и чиновники, сверх докторов и купцов и т. д. Но чиновники и военные нигде не составляют родового сословия, которое воспитывало бы своих членов в определенных впечатлениях; они набираются где попало, и между ними могут быть люди всякого образа мыслей. Вчерашний чиновник или военный завтра — свободный гражданин и член оппозиции или даже явный предводитель бунта. Как воспитана вся интеллигенция сербская, так воспитаны и служащие правительству люди. Залогов для неограниченной монархии мы в Сербии не видим»². Попытки же центральной власти вовлечь население в более или менее упорядоченную политическую жизнь оканчивались неудачей. Политика в Сербии стала, по выражению политолога Мартина Ван Кревельда «игрой в “музыкальные стулья” между очень небольшими группами людей»³, что прекрасно иллюстрируется деятельностью трех основных политических партий страны — Напредняцкой, Либеральной и Радикальной. Условий для развития парламентаризма западноевропейского образца и культуры политической борьбы на сербской почве просто не могло сложиться, а становление европейских политических норм стало несовместимо с патриархальной моделью развития монархической власти. «Власть, переходя из рук в руки, от одной партии к другой, часто теряет характер государственный. Чего держалась или держится одна партия, то для партии правительственный или министерской считается неудобным, и берется поэтому прямо противоположное. Отсюда — во внутренней жизни государства бесконечные перемены, и целые толпы здоровых и молодых чи-

¹ Шемякин А.Л. Указ.соч. С. 192.

² Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 121.

³ Кревельд М. Расцвет и упадок государства М., 2006. С. 375.

новников, получающих пенсии, обирают казну», — писал известный учёный и публицист П.А. Кулаковский¹. А не менее замечательный русский историк-славист В.И. Ламанский тонко подметил: «Простые умные сербы очень верно отражают эту общественную болезнь Сербии, говоря: “У нас та беда, что каждый серб хочет быть министром, а каждый министр князь”»². Таким образом, можно резюмировать, что формирование партий и политической элиты в Сербии являлось простым процессом верхушечной трансформации, которому свойственна череда государственных интриг и насилиственная смена династий. Свержение Милоша, возведение на престол Александра Карагеоргиевича, а потом опять низвержение последнего в пользу Обреновичей, майский переворот 1903 г. — убийство последнего из Обреновичей — Александра, были обычными чиновничими «революциями», связанными с перманентной борьбой бюрократических лидеров за преобладание и власть. Именно поэтому для развития сербской государственности достаточно типичен институт регентства, прошедший через всю историю существования двух сербских династий³.

Подобное состояние не могло не отразиться на особенностях формирования сербской государственной идеи, тесно связанной с вопросом о сплочении славян в единое государство. И проблем в этой связи было достаточно. Предстояло не только определить границы будущего государства, но и решить вопросы этнической, культурной, языковой, конфессиональной интеграции⁴. Однако и здесь мифологическая героика, являясь естественной, составной частью сербской культуры, была возведена в ранг национальной идеологии, накладываясь при этом на отсутствие в стране системы образования и воспитания, основанной на европейских нормах, где она рассматривается как общественное благо, способное развить у учащихся не только конкретные знания, но и сформировать из них особый социальный капитал, воспитать у них особую культурную традицию, чтобы сделать из них подлинных граждан государства. Серб-

¹ Русские о Сербии и сербах. С. 275–276.

² Там же. С. 29.

³ Одной из значительных фигур являлся Й. Ристич, бывший регентом при Милане и Александре Обреновичах. А в 1914 году принцем-регентом при своем старом отце стал Александр Карагеоргиевич.

⁴ См. подробнее: Кузьмичева Л.В. Сербская государственная идея в 60–70 гг. XIX в. Проблема идеологического выбора. // Двести лет новой сербской государственности. С. 152

ские лидеры, «сербиянцы»¹, выдвинувшие идею образования будущей нации, не были, да и не могли, вследствие ее отсутствия, быть продуктом всеобщей национальной системы образования. Это были выходцы из патриархального, достаточно компактного и статичного сельского общества, которое не имело ни политического единства, ни собственной «энати», ни продолжительной европейской культурной традиции, тем более, что на территории Сербии достаточно долго доминировал инородный османский правящий класс, т. е. по определению М. Хроха — представители «недоминантной этнической группы»². Именно поэтому еще в годы первого сербского восстания 1804–1813 гг. у лидеров национального движения впервые ярко стало проявляться стремление исследовать языковые особенности, характерные культурные и исторические черты сербского народа и попытаться закрепить их в сознании современников³. В то же время, с 30-х г. XIX в., представителями хорватских «иллирийских» кругов и сербскими деятелями культуры, в основном группировавшимися на сербских землях Австрийской монархии, делаются попытки сблизить в языковом и культурном отношении всех южных славян, что выражалось в признании хорватскими и сербскими филологами единства сербохорватского языка как языка единого народа. Не случайно знаменитый сербский филолог Вук Караджич, проводя реформу сербского литературного языка, взял за основу именно штокавский диалект, на котором говорили сербы и большинство хорватов-католиков. Его языковая реформа была поддержана представителями иллиризма — особенно Л. Гаем, мечтавшим о создании независимого югославянского государства и заявлявшим в этой связи, что хорваты и сербы не являются двумя разными нациями, говорящими на разных языках⁴.

¹ Сербиянцами принято называть сербов, живших южнее Дуная. «Сербиянский» политик — это политический деятель Сербии в ее границах до 1914 г.

² Хрох М. От национальных движений к сформировавшейся нации // Нации и национализм. М., 2002 С. 123.

³ Идея о создании «славяно-сербского» государства стала одной из политических программ Первого сербского восстания 1804–1813 гг. Подобные настроения были свойственны и черногорским митрополитам Петру I и Петру II Негошам. Последний прямо соглашался признать именно Сербию политическим лидером югославянского объединения, видя себя в будущем государстве главой церкви.

⁴ Сербохорватский язык представляет совокупность трех диалектов: «штокавского», «кайкавского» и «чакавского» (названия диалектов происходят от различного произношения слова «что»). См: Гудков. В.П. Славистика, сербистика Сб. статей. М., 1999; Чуркина И.В. Национальное возрождение югославянских народов Габсбургской монархии // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX вв. М., 1997. С. 19–21.

В 1844 г. с помощью лидеров польской эмиграции в Сербии была составлена известная программа «Начертание», содержащая план создания обширного государства — Великой Сербии, основанной на принципе: «одна национальность — одна территория — одна нация — одно государство», надолго определившая политические ориентиры княжества и королевства. Однако попытки практического воплощения программы в 60-е гг. XIX в. потерпели неудачу¹. И дело было не только в том, что конкретные исторические условия не позволили это сделать. Сами понятия «сербство» и «югославизм» были весьма условны и не четко сформулированы и потому не были понятны, а события 1875–1878 гг. вообще вызвали глубокий кризис идеей «югославизма», который продолжался до 90-х гг. XIX в.

Таким образом, «революционная», насильтвенная ломка традиционных элементов, попытки выхода за рамки «промежуточной цивилизации» привели к трагическим последствиям как для династии Обреновичей, так и для всей Сербии. В тоже время стала очевидна невозможность возвращения к традиционному обществу, ликвидации современных общественных отношений и подавления всего европейского на бытовом уровне. К.Н. Леонтьев с горечью отмечал: «Сербы не только не могли выработать у себя каких-нибудь новых характерных и особенных культурных признаков славизма (юридических, религиозных, художественных и т. д.), но стали утрачивать в последнее время и те славянские особенности, которые у них существовали издревле. Они до сих пор не только не явились творцами чего-либо новославянского, но были и слабыми хранителями древнесербского, своего. Они не довольствуются в княжестве старой скопшиной в одну палату, а стремятся утвердить у себя две законодательные камеры, по демократическим образцам. Они бросают вовсе свои живописные одежды и пляски; военные одеваются по-австрийски, штатские и женщины по общеевропейским образцам»².

С другой стороны, обретение Сербией независимости в 1878 г. естественным образом вызвало новый всплеск идей «неославизма» среди новых политических лидеров страны, а сербское государство, по их мысли, должно было стать своеобразным «Пьемонтом» в деле созиания югославянских земель. Заметим, что основать большое сербское государство

¹ Достаточно вспомнить деятельность Михаила Обреновича по созданию Балканского союза, который так и не был сформирован в том числе и по причине убийства князя весной 1868 г.

² Леонтьев К.Н. Указ. Соч. С. 117.

предполагалось путем их присоединения к сербскому княжеству. При этом, даже решение конкретных внутриполитических проблем политические лидеры Сербии всегда напрямую увязывали с реализацией внешнеполитической программы, той самой «заветной мысли сербской», что сближало позиции ведущих политических сил страны.

Однако, в конце XIX — начале XX вв. при формировании идеологической доктрины сербского государства, выработке его внутри- и внешнеполитического курса, тесно связанного с проблемой инкорпорации югославянских народов в сербское государство, среди лидеров страны удивительным образом переплетались две концепции: принцип национальной, территориальной государственности и принцип «личной» национальности. Первый исходил из того, что территориальное государство естественным образом порождает единый народ, а второй предусматривал то, что народы Балканского полуострова имеют право на создание собственных государств. Для подтверждения нашего тезиса сравним национальные программы трех ведущих сербских политических партий, представив их, для удобства читателя в виде небольшой таблицы¹:

<p><i>Из программы Народной радикальной партии</i></p> <p>...</p> <p>...</p> <p>...</p> <p>...</p> <p>...</p>	<p>Нашей целью мы считаем: во внутренней политике благосостояние и свободу, а во внешней политике достижение независимости, освобождение и объединение всех частей сербства. <...> Внешняя политика исходит из того, что политические и экономические интересы нашего народа всегда должны быть защищены, и должно быть достигнуто единство со всеми соседними братскими народами, путем борьбы за создание союза балканских народов, и прежде всего заключение союза с Черногорией и Болгарией. Организация культурной поддержки рассеянным и не освобожденным частям сербства, также как осознание единства с отдаленными сербскими частями, которые покорены инородными элементами.</p>
---	--

¹ Крестић В. Љушић Р. Програми и статути српских политичких странка до 1918 године. Београд 1991.

<i>Из программы Напредняцкой партии</i>	Ощущая международную изоляцию, наша политика состоит в сохранении и укреплении национальной самобытности как Сербии, так и сербов проживающих за границами княжества, а также в укреплении связей как в великой семье славянских народов, так и с соседними народами на основе взаимоуважения и поддержки друг друга, на основе главного принципа: Балканы принадлежат только балканским народам.
<i>Из программы Народной либеральной партии</i>	Либеральная партия рассматривает единство сербских земель на Балканском полуострове как божью правду, которая должна свершиться как ручательство мира и прогресса на Балканах. В этом смысле внешняя политика либеральной партии уважает законные права соседних народов и государств, но требует защиты прав и своего народа. А в основном, исходя из мирного пути развития восточнославянских и балканских народов, стремится к их сближению, общности интересов защите своего государственного и народного существования и самостоятельного развития. Средством к осуществлению этих задач может служить сначала таможенный, а затем и политический союз балканских народов.

С другой стороны, проблема самоидентификации, вопрос: «кто мы?», в начале XX в. получил новое преломление, вылился за пределы политических дискуссий, приобрел широкий общественный резонанс как собственно в Сербии, так и за ее пределами. Известная общественная деятельница начала XX в., член ЦК партии кадетов, писательница Ариадна Владимировна Тыркова, подобно многим своим соотечественникам, совершила путешествие на Балканы и в Османскую империю. Вот, что мы читаем в ее дневнике за октябрь 1911 г.: «Славяне — с одной стороны, немцы и мадьяры — с другой. Поезд ехал по югу Венгрии. Пожилой господин, с седыми усами и огромными живыми глазами заговорил со мной по-сербски.

«— Србиянская речь наилучшая, — с наивной хвастливостью заявил он и сейчас же покорил болгар за грубость речи.

Мы с ним легко понимали друг друга. Он напомнил мне, что молитвы у нас одинаковые, в доказательство стали мы с ним читать “Отче наш”.

А в коридоре стояла молодая девушка и все поглядывали в ее сторону. Потом заговорила со мной по-славянски. Оказалась словенка, дочь

пастора, пронизанная серьёзным национализмом. Терпеть не может мадьяров, мечтает о возрождении. В Россию смотрит не то с надеждой, не то, как младший на старшего. Понимать друг друга нам было сложновато. Против нас сидел усатый господин. Молчал. Потом вскочил и заговорил по-немецки.

— Ну, конечно, все славяне ругают мадьяров. Притесняем. Ну чем, скажите мне?

— Мы не ругаем, — спокойно ответила она, патриотка. Оставьте нам наш язык.

— Кто его трогает? Сердито сказал господин. Но ведь должен же быть государственный язык. Русины по своему, поляки по своему, сербы, румыны, бог знает что! А что с мадьярами будет?

— Пусть мадьяры остаются мадьярами, — все также невозмутимо возразила молодая девушка. Нельзя маленьких детей заставить учиться на чужом языке.

— Да они не ходят в школы, ваши дети.

— Оттого и не ходят, что вы их не так учите.

Её невозмутимость сердила собеседника. И чем больше он сердился, тем больше мне казалось, что он и сам не мадьяр, а скорее всего еврей. Они очень большие венгерские патриоты¹. И подобные настроения встречали живой отклик в Сербии, особенно после событий 1908–1909 гг.

Вместе с тем, сербские правители прекрасно понимали, что решение данных приоритетных задач напрямую связано с укреплением внутриполитического режима, опорой которого должна была стать современная и хорошо вооруженная армия. Начало ее становления относится ко времени первого сербского восстания 1804–1813 гг., когда воевода Яков Ненадович получил от новосадского митрополита Йовановича первую пушку, впервые примененную в бою при Шабаце в июне 1804 г². Курс на создание регулярных вооруженных сил был начат князем Михаилом Обреновичем и продолжен последующим руководством страны. В 1861 г. был объявлен указ о создании народной армии. Началось формирование собственного офицерского корпуса. Так в 1850 г. под руководством генерала Ф. Заха в Белграде была открыта Артиллерийская школа для всех родов войск. К 1876 г. — времени ее закрытия в связи сербскотурецкой войной, ее закончили около 100 сербских офицеров. В 1861 г. эту школу закончил Савва Груич, ставший в 1887 г. генералом, пять

¹ ГАРФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 17. Л. 2–3(об).

² Данић Д. Српска војска у XIX — почетком XX вјека. АСАНУ. Бр. 13611. Л. 6.

раз занимавший должность председателя сербского правительства, бывший военным министром, председателем государственного совета и три раза — министром иностранных дел. С 1878 г. Артиллерийская школа стала называться Белградской военной академией.

Особое значение имели военные преобразования короля Милана Обреновича, направленные на создание лично ему преданной армии — опоры его власти. Так, например, в 1882 г. в Сербии была введена всеобщая воинская повинность, армия перешла на новую организационно-штатную структуру, появились новые рода войск, в том числе и жандармерия. В 1882 г. сербская армия имела в своем составе 19729 низших чинов и 836 офицеров¹. В 1884 г. были открыты «Курсы генерального штаба». В 1896 г. был принят закон об устройстве армии, а вернувшийся из Европы Милан² стал ее фактическим главнокомандующим. «Странную смесь представляла Сербия как политический организм. Князь, призванный народом, преданным ему, как сыну народного героя, сподвижники которого еще не сошли в могилу, не верит народу, попирает его права в лице скупщины, и окружив себя бюрократией на австрийской закваске, замыкается в своем конаке (дворце) и остается глух и слеп ко всему, что делается в стране. Все внимание сосредоточено на полиции и войске», — заметил еще в 1868–1869 гг. известный историк-славист П.А. Ровинский во время своего путешествия по Сербии³.

И на первых порах армия оправдывала возложенные на нее задачи, примером чего может служить подавление тимокского восстания 1883 г., что было использовано Миланом для удара по оппозиции и, прежде всего, по лидерам Радикальной партии. Вместе с тем углубление королевского кризиса естественным образом втягивало в него и его главную опору — армию, что поставило существование режима Обреновичей в зависимость от лояльности к нему офицерских кругов. Политическую же оппозицию королю составила Радикальная партия во главе с Николой Пашичем. Развитию властного кризиса способствовали и не-

¹ Овсяный Н.Р. Сербия. Исторический очерк, общая статистика, вооруженные силы. СПб., 1883 С. 105.

² В 1889 г. Милан Обренович отрекся от престола в пользу своего 12-летнего сына Александра и покинул страну. При малолетнем монархе был создан регентский совет. 1 апреля 1893 г. Александр Обренович фактически совершил государственный переворот, и, объявив себя совершеннолетним, распустил регентский совет. В январе 1894 г. Милан вернулся в страну.

³ Русские о Сербии и сербах. С. 76.

обдуманные шаги сына Милана — короля Александра, а именно его решение жениться на своей фаворитке Драге — вдове инженера Машина (в девичестве Луневица) и бывшей фрейлине королевы Натальи (жены Милана), женщине значительно его старше и к тому же имевшей весьма сомнительную репутацию. Этот шаг Александра отвернул от него значительную часть сербского общества, вызвав в 1900 г. отставку кабинета Владана Джорждевича. Даже Милан Обренович отказался от собственного сына. Находясь в это время за границей, он после объявления помолвки порвал с ним и, отказавшись возвращаться на родину, вскоре умер. Не приняли Александра и в России. Весной 1901 г. предполагалось посещение Александром и Драгой С.-Петербурга. Однако этот визит неоднократно откладывался, и, в конце концов, сербская королевская чета так и не была принята российским императорским двором, что еще больше уронило авторитет сербского короля в глазах общества и способствовало активизации деятельности заговорщиков — сторонников провозглашения королем Сербии Петра Карагеоргиевича. Да и устаревшая система подготовки армейских кадров вызывала все большее раздражение, особенно у молодых офицеров. Б. Симић, известный под псевдонимом Марко, писал: «Опыт войн 1877–1878 и 1885–1886 гг. не внес ничего нового в нашу армию, хотя все командиры бригад и полков участвовали в тех войнах. Почти до самого переворота 29 мая тактические занятия сводились к построению прямых и твердых линий и использованию лафетных пушек, стрелявших спереди»¹.

Неизбежность переворота была очевидна, что и произошло 29 мая 1903 г. Почву для свержения Обреновичей подготовили радикалы², поддержанные либералами — Д. Генчичем, А. Новаковичем и напредняком Д. Райовичем. Сам же переворот был с особой жестокостью осуществлен офицерами 6-го пехотного полка³. Однако это убийство было не просто следствием политической борьбы и устранением неугодной династии.

¹ РГВА (особый архив). Ф.579. Ед. хр. 50. Л. 14–15.

² Лидера радикалов Н. Пашича поставили в известность о готовящемся перевороте за 5 дней до его осуществления по просьбе Генчича, который активно участвовал его подготовке. Пашич предпочел немедленно уехать за границу, откуда и следил за развитием белградских событий. // АСАНУ. Оставшина М. Живановића. Бр.14434/8.

³ См. например: Вишняков Я.В. «Население Белграда совершенно терроризировано местными войсками». Военный переворот 29 мая 1903 года и его последствия для политической жизни Сербии // Военно-исторический журнал. № 3. 2001. С. 68–77.

Молодые сербские офицеры напрямую увязывали эти события с решением национальных задач. Об этом прямо пишет Ч. Попович — полковник, впоследствии вошедший в руководство тайной офицерской организации «Черная Рука»: «Главная причина участия молодых офицеров в заговоре 29 мая 1903 г. состояла в ширившемся среди широких слоев населения, а особенно в офицерских кругах, ощущении отсутствия какой-либо национальной работы. Все полагали, что последние Обреновичи занимались исключительно политической борьбой с целью укрепления династии, забыв о национальных акциях. Эту мысль активно пропагандировала оппозиция тогдашнего режима, особенно радикалы. И действительно, после публикации известного документа — текста тайной конвенции между королем Миланом и Австрией, мы видим, что это мнение было оправдано». Он же добавляет в этой связи: «Объединение нашего народа может произойти только революционной работой на еще не освобожденных территориях¹. И действительно в 1903 г. для организации четничества в Старой Сербии и Македонии, по примеру Болгарии было организовано общество «Народная Оборона», где видную роль играли военные. Уже тогда девизом общества было: «Объединение или смерть».

Однако события 1903 г. не только не сплотили общество, но и внесли полную сумятицу и неразбериху в политическую жизнь страны. Если о существовании заговора против Обреновичей знали многие сербские политики, то его жесткое осуществление стало для них полным шоком. Стоян Протич, ставший после событий 29 мая министром внутренних дел, не веря, что вошел в состав нового кабинета, прямо спрашивал одного из участников заговора — поручика Стояна Нешича об обстоятельствах переворота, а Любу Живковича — нового министра юстиции, вообще пришлось вести в министерское кресло под дулом пистолета! Поверив, однако, что Обреновичей больше нет, он произнес возле белградского театра пламенную, но весьма показательную речь, где, в частности, отметил: «Друзья! Не думайте, что это военный переворот! Армия сделала это, чтобы помочь сербскому народу и никогда не сделает ничего без него и против него!»². Народ же встречал новых министров овациями³.

¹ «Нова Европа» 11 јуна 1927 г. // РГВА (Особый архив). Ф. 579. Оп.1 Ед. хр. 71. С. 397–398.

² АСАНУ. Оставштина М. Живановића. бр. 14434/8. См. также: *Vасић Д. Деветсто трећа. Мајски преврат. Београд. 1925* (2002). С. 109–110.

³ В наспех сформированный кабинет министров, под председательством либерала Йована Аввакумовича, вошли: Стоян Протич, ставший министром

Таким образом, после воцарения Петра Карагеоргиевича, внутрисербский конфликт только усилился, приобретя, однако, новые формы, что связано с началом, с одной стороны, открытого противостояния лидеров Радикальной партии и офицерским корпусом страны, а с другой, вовлекло в бурные обсуждения политической жизни широкие слои сербского общества, прежде всего на страницах сербской прессы. Известный большевистский лидер Л.Д. Троцкий, будучи на Балканах как корреспондент российских газет справедливо заметил: «Революционное офицерство, явившееся инструментом государственного переворота, оказалось, разумеется, совершенно неприспособленным к роли руководящей политической силы. Оно вынуждено было посторониться перед штатскими людьми, которые воспользовались плодами военного заговора, чтобы немедленно провозгласить принцип: "Армия должна стоять вне политики". По самому характеру своему пронунциаменто могло охватывать только небольшое, идеально- aristократическое меньшинство офицерства. Остальные чувствовали себя отстраненными, роптали против преторианцев нового режима и выделили из себя ядро контр-заговорщиков. Это окончательно парализовало армию как политический фактор. Оказавшаяся в этих условиях полной хозяйствкой положения радикальная партия, как массовая партия, выросшая из оппозиции и пришедшая к власти через революционно-династический переворот, основала свое господство на парламентских основах»¹. И он же отмечает: «Прессой руководит молодое поколение, которое не проделало революционной борьбы с Обреновичами, но успело разочароваться в ее результатах. Радикальный режим придал конституционную форму политической власти и установил свободу собраний и печати, но экономическое развитие Сербии, в тисках ее международного положения, шло по прежнему медленным темпом; а во внешней политике, которая стоит здесь неизменно в центре общего внимания, одно разочарование следовало за другим. Создался целый слой городской интеллигенции, которая мало чему училась, не имела за собой никаких идейных заслуг, но проникнута уверенностью, что будущее Сербии принадлежит ей»².

внутренних дел, Любомир Кальевич — министр иностранных дел, Георгий Генчић — министр торговли, Любомир Живкович — министр юстиции, Йован Атанацкович — военный министр, Воислав Велькович — министр путей сообщения, Любомир Стоянович — министр просвещения.

¹ Русские о Сербии и сербах. С. 527.

² Там же. С. 523–524.

Развитию кризиса способствовал и раскол в рядах сербской армии. Сами заговорщики, не имея ни лидера, ни политической платформы или какой-либо программы, просто не могли установить режим военной диктатуры, и, получив после переворота влиятельные посты в армии, стали преториацами уже нового режима¹. Не случайно депутаты Скупщины, печать, да и сами военные требовали скорейшего удаления из армии организаторов этого жестокого убийства, ставя им в вину попрание всех моральных норм. Центрами борьбы против заговорщиков стали Ниш и Крагуевац, где оппозиционное движение возглавил капитан Милан Новакович. В 1906 г. Петр Карагеоргиевич вынужден был пойти на встречу этим требованиям, подписав долгожданный указ об удалении из армии пяти наиболее одиозных офицеров — участников майского переворота. В отставку были отправлены командир дунайской дивизии полковник Попович, начальник главного генерального штаба полковник Машин², подполковник Мишич, командующий белградским гарнизоном подполковник Лазаревич и командир гвардии короля майор Костић.

Вместе с тем, события на Балканах развивались стремительно. Армия показала свою политическую силу в Османской империи, что привело к младотурецкой революции, которая в свою очередь, в немалой степени, вызвала аннексионный кризис 1908–1909 гг. В связи с этими событиями, патриотический подъем охватил все слои сербского общества. Организо-

¹ Российская либеральная газета «Новое Время» весьма показательно охарактеризовала реакцию части офицерского корпуса Сербии на свершившийся переворот: «Покончил, как уверяют, самоубийством подполковник генерального штаба Живанович. В кармане сюртука покойного короля найдено не распечатанное письмо Живановича, отправленное им королю накануне катастрофы вечером и предупреждавшее его о том, что заговорщики намерены убить его ночью. Александр положил письмо в карман, не распечатал его, со словами: "Мне весело, не хочется заниматься делами". Другой офицер застрелился, как говорят, вследствие того, что его не посвятили в заговор, третий впал в умопомешательство» // Новое Время 4 (17) июня 1903 г.

² «Новое Время» отмечало, что «Машин был одной из наиболее ненавистных населению креатур Милана, с непонятной жестокостью исполняя его сумасбродные приказы и в Цетинье вел себя самым безобразным образом, как сербский посланник за время министерства Владана Георгиевича (Джорджевича — Я.В.), ухаживая за австро-венгерскими агентами и оскорбляя черногорский двор. Он перешел в оппозицию вместе с Владаном Георгиевичем (Джорджевичем — Я.В.), когда после бракосочетания короля Александра с Драгой его удалили из дворца и даже из Белграда» // Новое Время. 31 мая 1903 г.

вывались национальные патриотические союзы. Даже женщины страны не остались в стороне, основав патриотический клуб «Коло Сербских Сестер». Вопрос стоял в том, какая политическая сила возглавит это движение, тем более что аннексия в 1908–1909 гг. Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины рассматривалась сербами как национальное унижение, а идея освободительной войны, объединения славян витала в воздухе. Офицеры, участники майского переворота, встав в оппозицию к своим бывшим товарищам, которые искали в перевороте только личных выгод, в 1911 г., создали тайную политическую организацию с вполне характерным названием — «Объединение или смерть», более известную как «Черная Рука». Руководители «Черной Руки» — Д. Димитриевич (Апис), В. Танкосич, Ч. Попович, Л. Йованович-Чупа стремились, в противовес Радикальной партии, сплотить вокруг себя общество для реализации этих государственных и внешнеполитических задач.

На создание данной организации повлияли события в других балканских государствах, особенно в Греции, где в 1909 г. была создана «Военная лига» во главе с полковником Н. Зорбасом, основные требования которой свелись к следующему:

1. Возвращение к двухлетнему сроку службы.
2. Уничтожение штаба главнокомандующего.
3. Удаление из действующей армии королевичей.
4. Несменяемость морского и военного министров.
5. Приглашение иностранных специалистов для стрелковой и кавалерийской школ.
6. Пополнение недостающих боевых запасов, при соблюдении в заказахальной экономии.

Правительство Д. Раллиса, который стал премьером незадолго до означенных событий, отказалось вести переговоры и принять делегацию офицеров. В ответ на их прекращение Н. Зорбас отдал приказ всем войскам афинского гарнизона собраться в предместье греческой столицы Гуди. Город фактически оказался под контролем военных. Король вынужден был принять требования офицеров: из армии были удалены члены королевской семьи, Д. Раллис вынужден был уйти в отставку, на службе были восстановлены уволенные ранее офицеры¹. «16 августа, построив в Гуди войска, полковник Зорбас объявил об исполнении всех требований “союза офицеров”, поздравил с успехом и заявил, что

¹ Улунян Ар.А. Политическая история современной Греции. (конец XVIII–90-е гг. XX в.) М., 1998. С. 90–91.

«союз» будет продолжать следить за точным исполнением требований, не позволяя никому безнаказанно дурного управления страной, как это было до сих пор; после чего Зорбас провозгласил троекратную здравницу королю, подхваченную войсками», — отмечал В.А. Артамонов, в то время российский военный агент в Греции¹. Эти события являются собой еще один яркий пример осуществления верхушечного военного переворота, который, также как и переворот 29 мая 1903 г., не затронул основ существующей политической и социально-экономической системы.

Успех «революции Гуди» серьезно отразился на настроениях и программах сербской военной элиты. Объясняя причины создания организации «Черная Рука» то же В.А. Артамонов, в то время уже российский военный агент в Сербии, подчеркивал: «Между тем, хотя ценой займов за последние три года сербская армия снабжена в достаточной мере вооружением, боевыми припасами и прочею материальной частью, но в моральном отношении улучшения отнюдь не последовало. В политической жизни страны тот же разлад, те же раздоры партий. Переносимые на армию, на ее личный состав, на касающиеся ее вопросы... Непрерывно возникали разного рода аферы с поставками для армии, сыпались грязного рода обвинения, по партийным соображениям не выяснявшиеся до конца; подвергалось сомнению качество оружия и боевых припасов, с которым войска пойдут в бой... И все это в целях партийной борьбы, личных счетов и т. д. Недовольные настоящим положением ставят в вину правительству следующее: во внутренней политике — преследование личных целей; во внешней — неопределенность и нерешительность вообще; промедление в осуществлении национальных идеалов; недостаточный интерес к соплеменникам, находящимся под игом Турции и Австрии; излишнее подчинение сербского правительства взглядам доброжелательных Сербии государств.

Из приведенного видно, какое деморализующее влияние приписывается недовольными настоящему правительству. Причин для образования общества или партии, проникнутой национальными стремлениями, как видно, имеется достаточно². А вот что мы читаем в циркуляре «Черной руки»: «Внутренняя политика правительства Королевства Сербии — партийна, а внешняя неопределенна и нерешительна в такой степени, что внешние события застанут нас врасплох и неготовыми. Обязанность всякого члена — словом, делом и всякими другими средствами направлять

¹ РГВИА ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 855. Л. 129.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 7371. Л. 28 (об).

всех и каждого в смысле идей нашей организации. Пусть каждый член будет уверен в том, что наша армия в материальном отношении, принимая во внимание соседей, вполне готова ко всем событиям»¹. К этому же свелись основные положения программы «Черной Руки», заметим, кстати, весьма схожие с требованиями греческих офицеров:

1) власть короля, ставшего слишком конституционным, должна быть усиlena;

2) военный министр назначается королём и не сменяется при отставке кабинета;

3) правительство должно строить свою политику главным образом на национальных интересах сербского народа и в связи с политикой России;

4) в случае, если Россия не окажет Сербии поддержки при движении Австрии к Салоникам, общество объединяет всех сербов для борьбы с Австроией во что бы то ни стало во имя принципа, давшего само название обществу: «объединение или смерть»².

Подобные настроения были свойственны и членам российской дипломатической миссии. Н.Г. Гартвиг — российский посланник в Сербии, в январе 1911 г. писал в С.-Петербург: «Ведь скоро уже два года, как политические и общественные круги и печать различных направлений широкомасштабно толкуют о Балканской федерации, сближении и единении славянских народностей, а сближение это не сделало ни шагу вперед; ведь, пожалуй, наступит момент, когда и подходить-то будет некуда. Жизнь, политическая жизнь в особенности, не ждет, а развивается с поразительной быстротою: Балканский полуостров, быть может, на кануне мировых событий, а славянские государства, видимо, и не пытаются выйти из стадии академических собеседований, рискуя быть захваченными врасплох тем вражеским миром, который не дремлет»³.

Данные цитаты ярко иллюстрируют то, что в начале ХХ в. сербская военная элита, в условиях аграрного общества, являлась антагонистом политической и экономической модернизации страны, поскольку видела в ней угрозу потери национальной самобытности, что угрожало разрушению устоявшейся общественной иерархии. А приведенная выше программа «Черной Руки» показывает также невозможность (в контексте модернизации) перехода Сербии от мобилизационного к инновационному пути развития, что и показали последующие события, связанные с на-

¹ Там же. Л. 42.

² Там же. Л. 49.

³ Там же. Ед. хр. 7366. Л. 113.

чалом Балканских войн 1912–1913 гг., когда у сербской военной элиты появилась реальная возможность осуществить свои планы по созианию «еще не освобожденных земель» и по осуществлению курса на создание в стране «националистического режима». Трудно в этой связи не согласиться с Ю.А. Писаревым, отмечавшим: «Засилье военщины явилось признаком слабости сербской монархии¹. Не случайно, чувствуя свою силу и влияние, Д. Димитриевич-Апис мог дерзко заявить престолонаследнику Александру, ставшему в 1911 г. главным инспектором сербской армии: «Вы что думаете, что мы рисковали головой, чтобы вы ругались и игрались престолом? Поверьте, мы в состоянии еще раз рискнуть своими головами»².

Сербское общество и армия с нетерпением ждали начала Первой балканской войны, рассчитывая взять реванш за 1908 г. Резко возросла боеспособность армии. Побывавший летом 1910 г. на смотре войск, российский военный агент В.А. Артамонов отметил, что «многими выскакивалось, что они видят в Сербии войска, а не милицию, причем рвение сербов и их успехи приписываются толчку, данному аннексией Боснии и Герцеговины»³. И он же, в одном из своих донесений, приводит слова сербского генерала Ж. Мишича, кстати, также участника переворота 1903 г.: «Минута благоприятна; она не повторится и откладывать нельзя: население Старой Сербии не может более переносить уничтожения: оно уже и так потеряло веру, что есть бог на земле; теперь оно вооружено и подготовлено: сыграть отбой невозможно. Да откладывать и бесполезно. Дипломаты никогда не столкнутся — в этом году неудобно воевать одной державе, в следующем году — другой...» При этом В.А. Артамонов добавляет: «Я нашел в нем не только солдата, исполняющего данное свыше приказание, но и человека глубоко убежденного, что данную минуту нельзя упускать, что останавливаться поздно и нежелательно»⁴. К 1912 г. в составе сербской армии было 2400 офицеров и 30 тыс. человек нижних чинов. «Будущий театр войны хорошо изучен. Географический отдел Генерального штаба издал 16 листов карты Старой Сербии и Ново-пазарского санджака в масштабе 1:150 000. Тыл хорошо подготовлен. Армия, благодаря большому кадру офицеров и пополнению одной национальностью, сплоченная. Мобилизация совершена в образцовом

¹ Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 90.

² АСАНУ. Бр. 11451.

³ РГВИА. Ф. 2000. Ед. хр. 7371. Л. 2.

⁴ Там же. Ед. хр. 7382 Л. 53 (об) – 54.

порядке»¹. В итоге в Первую балкансскую войну Сербия выставила 9 пехотных и одну кавалерийскую дивизию, а общая численность армии составила 160 тысяч человек.

Итогом Балканских войн стало включение в состав Сербии значительной части территории Новопазарского санджака, создание общей границы между Сербией и Черногорией. В состав Сербии вошла также Вардарская Македония. Расширилась не только территория королевства, почти в два раза — до 4,5 млн. человек увеличилось и население страны. Казалось бы, мечта о новом «Пьемонте» близка к осуществлению. Однако вхождение в состав королевства новых территорий, населенных не сербским населением, требовало решить проблему их интеграции в состав Сербии, что только усугубило внутриполитический кризис между правящей Радикальной партией и офицерским корпусом. «С окончанием первой войны отношения радикалов и военных вообще стали натянутыми, как из-за вопроса о способе управления новыми краями, так и по поводу сербо-болгарских отношений. Опасаясь возобновления “милановщины”, личного режима, пользуясь армией против радикалов, последние стараются держать военных в руках. Некоторые полагают даже, что разлад в офицерском корпусе считается радикалами до известной степени благоприятным явлением, с партийной точки зрения», — отмечал В.А. Артамонов².

Вопрос об управлении и статусе новых земель вообще занимал ключевое место, а политические лидеры страны оказались не готовы его решить, прежде всего, из-за расплывчатости национальной программы. Не случайно, в конце 1913 г. для освобожденных краев Радикальной партией было разработано дискриминационное «Положение об общественной безопасности», фактически дискредитировавшее всю систему сербской власти на данных полиэтнических территориях, что усилило проблему межнациональных и межэтнических отношений. Согласно его статьям, «не признающие государственной власти, скрывающиеся от нее, только за это проявление возмущения наказываются до 5 лет каторжных работ. Свидетельством наличия такого уголовного дела является решение полицейских властей, объявленное в общине, откуда родом мятежник (бунтовщик, непокорный). Подобного мятежника имеют право убить все находящиеся на государственной службе, а также и военные лица, если он не сдается им по первому требованию. Если в какой-либо общине произойдет несколько случаев непризнания государ-

¹ Малые войны первой половины XX века. Балканы. СПб., 2003. С. 145–146.

² РГВИА. Ф. 2000. Ед. хр. 3168. Л. 11–11(об).

ственной власти (мятежа) и мятежники в 10-дневный срок не вернутся по требованию полицейских властей по домам, то полицейские власти имеют право расселить их семью, куда будет признано удобным. Точно также могут быть расселены обитатели тех домов, в коих укрывалось оружие или вооруженные люди, или преступники вообще; кроме того, виновные подвергаются еще и наказанию согласно настоящего положения. Решение о расселении выносит начальник округа, в котором находится селение. Решение выполняется немедленно и безаппеляционно. Кто, зная совершившего какого-либо преступления, не пожелает об этом донести, наказуется каторжными работами до 5 лет»¹.

Подобные попытки осуществить на практике расплывчатые национальные идеалы приводили к усилению националистических настроений, как среди сербской военной элиты, так и среди лидеров Радикальной партии, считавших итоги балканских войн первым шагом к освобождению всех сербов. «В Сербии наиболее выдающиеся и образованные люди являются самыми ярыми националистами, настроенными особенно воинственно, — заметил русский военный историк Е.И. Мартынов² — свидетель событий балканских войн. А избыток патриотизма, как известно, может привести к войне.

Такие настроения еще больше усиливали внутрисербский конфликт между гражданской властью и военными «политиками». Донесения российского военного агента В.А. Артамонова изобилуют подобными примерами. Вот, например, как он излагает причины отставки военного министра М. Божановича в январе 1914 г.: «Главною, однако, причиной недовольства кабинета генералом М. Божановичем является подозрение, если не убеждение, что генерал действует по указанию «военной партии», основанной для борьбы с радикалами, мешающимися в дела армии, разводящими «аферы» и недостаточно энергично стремящихся к объединению всех сербов в одном государстве»³. Еще одним предметом разбирательства стала ревизия деятельности Офицерской задруги, прекратившей с января 1911 года выплаты процентов по займу в 4 млн. франков в С.Петербургский народный коммерческий банк. К апрелю 1914 г. задолженность по просроченным векселям составила 2143023,40 франков, а по векселям, срок платежа которых еще не по-

¹ РГВИА. Ф. 2000. ед. хр. 3166. Л. 10–11 (об).

² Русские о Сербии и сербах. С. 564.

³ РГВИА ф. 2000. ед. хр. 3168 Л. 11.

дошел — 1625000 франков¹. «Оппозиция воспользовалась случаем для нападок на правительство и вступилась за оскорбленный офицерский корпус, обвиняя правительство в дурном управлении новыми краями, в стремлении унизить офицерский корпус, и т. д. Правительство в лице министра внутренних дел старалось обвинить некоторую часть офицерского корпуса (пресловутую «Черную Руку») в стремлении к преторианству, а Задругу в плохом бесконтрольном управлении, неисполнении своих обязательств по отношению к С. Петербургскому банку и расходовании управляющим Задругой чиновником Ч. Йовановичем² средств Задруги на посторонние цели (например, на издание газеты «Пьемонт, органа военной партии и т. п.). Вероятно эти вопросы (о старейшинстве властей, об упорядочении дел в Офицерской Задруге) могли бы быть решены и приведены к благоприятному результату без шума и без создания недовольства в известной части офицерского корпуса. Нетактичность, резкость, грубость некоторых членов правительства (С. Протича, В. Янковича) сплотила против правительства офицерский корпус и заставила в лице его делегатов на выборах управления Офицерской Задруги выступить демонстративно против правительства. Остается сожалеть об этом, так как такого рода столкновения подрывают престиж и правительства и офицерского корпуса за границей, а вместе с тем в бесплодных прениях тратится время на заседаниях Скупщины, тогда как спешные заказы вооружения ожидают, когда дойдет до них очередь», — доносил российский военный агент³.

Таким образом, после окончания Балканских войн «Черная рука» стала совершенно самостоятельной политической силой, проникнутой серьезной националистической доктриной. «Партия войны» получила свое окончательно оформление. До рокового выстрела в Сараево остался всего один год.

¹ Международные отношения в эпоху империализма. Серия III., 1914–1917. М.-Л., 1931. С. 131.

² Ч. Йованович входил в состав организации «Черная Рука». В.А. Артамонов, указывая, что «известные суммы расходовались на «патриотические великосербские цели, на поддержание великосербского журнала «Пьемонт», пишет о причастности к этим делам не только известного сербского генерала Р. Путника («многое очевидно, делалось с молчаливого согласия или попустения воеводы Путника»), но и самого наследника Александра. «Как мне весьма доверительно сообщил посолщик, осведомленный Н. Пашичем, — перед ревизией Задруги вексель генерала Путника на 9000 франков, полученных им из Задруги, был погашен королевичем Александром из личных средств». См:РГВИА. Ф.2000 ед. хр. 3168. Л. 18–18(об).

³ Там же. ед. хр. 3168. Л. 15–15(об).

Хлебникова В.Б.
МГУ

ОСОБЕННОСТИ ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И МЕЖПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕРНОГОРСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА (1905–1914 гг.)

Возникновение черногорских политических партий неразрывно связано с драматической историей становления парламентаризма в княжестве. 18 октября 1905 г., на следующий день после того, как русский царь Николай II опубликовал Манифест об усовершенствовании государственного порядка, князь Николай тоже обратился к своим подданным с заявлением. Он обещал собрать народных представителей в Цетинье «в целях лучшего устройства отечественных дел». Слухи о том, что подобное развитие событий возможно, уже некоторое время ходили в столице Черногории, жители которой знали, что Николай предложил нескольким чиновникам обстоятельно изучить сербскую конституцию. 14 ноября 1905 г. прошли выборы в специальную Скупщину, которая собралась в начале декабря. Задача этого народного представительного органа состояла только в том, чтобы одобрить дарованную князем Николаем конституцию. И хотя законодательным это собрание не было, его состав заслуживает интереса, так как показывает, какие слои населения были больше всего вовлечены в политическую жизнь страны и могли в будущем стать создателями своих собственных политических партий. Состав самой первой Скупщины был таким: 22 офицера, 12 окружных начальников (капетанов), 11 штатских чиновников, 1 инженер, 1 учитель, 1 пенсионер (бывший начальник полиции), 4 православных священника и 1 католический, 11 человек из торговой и других сфер экономики. Таким образом, среди народных избранников мы видим преобладание военных и гражданских чиновников. Собирая их, князь не сомневался в полном послушании подданных и был несколько удивлен, что депутаты проявили особое внимание к тем положениям конституции, в которых речь шла о его праве досрочно распускать будущие парламенты. Тем не менее, в целом дарование Устава прошло гладко и принесло правительству

дополнительный вес, а Скупщина, выполнив необходимые процедуры, разошлась¹.

Началась подготовка к выборам в первый настоящий парламент, причем особенностью этих выборов было отсутствие политических партий, которые могли бы предложить избирателям свои предвыборные программы. Этот вакуум решило восполнить само правительство. С января 1906 г. стала выходить газета «Уставност» («Конституционность»), которая формально принадлежала частным лицам, а фактически выражала позицию властей. Сам министр внутренних дел на страницах газеты обучал патриархальных черногорцев основам конституционной жизни. Кроме того, «Уставност» полемизировала с воображаемой оппозицией, выходя победителем из споров с несуществующим противником. В сентябре 1906 г. появился реальный оппонент. В Никшиче стала выходить газета «Народна мисао» («Народная мысль»), которую издавали на свои средства представители немногочисленной черногорской интеллигенции. Редколлегия обратила внимание читателей на то, что, не дожидаясь выборов и открытия парламента, правящие круги торопились издать важные законы, касавшиеся национальных интересов, например, о деятельности иностранных компаний в княжестве. Между тем, подобные законодательные проекты были небесспорными. Кроме того, «Народна мисао» писала о начинаниях правительства, не увенчавшихся успехом или не давших ожидаемых результатов. То есть, газета пыталась заставить избирателей задуматься над тем, кто достоин чести заседать в Скупщине, нужно ли чрезмерное засилье чиновников в будущем законодательном органе. Современники сравнивали содержание газетных материалов, и это сравнение было не в пользу власти. По словам русского дипломата Е.Ф. Штейна, «Уставност» «рекламировала все казенные мероприятия, восхваляя мудрость Господаря», а «Народна мисао» выпустила несколько весьма интересных номеров, в которых «приступила к просвещению своих читателей о положении разнообразнейших отраслей народной жизни и хозяйства с попутной критикой правительенных по ним распоряжений и упущений»².

Следовательно, еще до открытия парламента наметилось политическое противостояние, на почве которого было возможно формирование

¹ Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1915. Т. III.

² Донесение № 52 поверенного в делах в Цетиње Е.Ф.Штейна министру иностранных дел от 20.09.1906 г. — Државни музеј — Цетиње. Архивско одељење. Фонд «Приновљени рукописи», фас. LIVB, 1906 г. (далее — ф. Прин. рук.).

партий. Проправительственные элементы, уверенные в своих силах, не смогли облечь свои взгляды в привлекательную форму, не слишком усердствовали в борьбе за избирателей, работу среди которых вели довольно вяло и формально. Критически настроенные черногорцы, напротив, постарались привлечь в свои ряды как можно больше сторонников, придав своим газетным публикациям актуальную и доступную форму. Князь Николай был обеспокоен наметившимся конфликтом, поэтому совершил поездку в Никшич и соседние населенные пункты. Он выступил перед народом с призывом «не поддаваться наущениям недовольных; пусть всего остерегаться школьных учителей, литераторов и журналистов и горячо советовал производить выборы из сословия чиновного — блюстителя законности и порядка, и военного — носителя боевой славы страны и оплота ее безопасности»¹. Такие же поездки были вынуждены совершить члены правительства. Можно сказать, князь точно указал на тот строительный материал, из которого получатся две политические партии Черногории начала XX века — чиновничество и интеллигенцию.

Выборы прошли 14 сентября 1906 г., их результат оказался таким: 22 чиновника, из них 9 юристов и 2 врача, 4 православных священника и 1 мусульманский, 14 пенсионеров — бывших госслужащих, 17 человек из других сфер. По конституции в работе Скупщины должны были участвовать главы трех конфессий (митрополит, архиепископ и муфтий), члены Госсовета, председатели Великого суда и Государственного контроля, а также три назначенных князем военачальника. Опять приходится констатировать значительный перевес чиновников в депутатском корпусе. 25 октября 1906 г. работа парламента началась торжественной тронной речью монарха. В эти дни в Черногории произошло важное событие, которое наложило отпечаток на политическую жизнь и ускорило появление оппозиции в Скупщине. Во время предвыборной кампании 16 студентов, учившихся в Белграде, опубликовали брошюру, в которой содержалась резкая критика черногорских властей, виноватых, по мнению авторов, в коррупции, злоупотреблениях, доведении народа до полного обнищания и т. д. Правительство Черногории начало судебное преследование, но неожиданно столкнулось с тем, что в защиту составителей брошюры выступили студенты, обучавшиеся в других странах. Они засыпали Скупщину телеграммами, в которых просили вступиться за своих товарищей. 1 ноября 1906 г. в переполненном народом зале суда было

¹ Донесение № 49 Е.Ф. Штейна министру иностранных дел от 10.09.1906. (Там же).

предъявлено обвинительное заключение, главным пунктом которого была клевета. Но обвиняемые зачитали 2 личных письма, написанных друзьям тем самым чиновником, который огласил обвинение. Содержание писем было куда резче того, что писали они в своем памфлете. Затем были приведены факты, подтверждавшие содержание брошюры. Судьям пришлось ограничиться выговором в адрес студентов, подчеркнув, что авторитету князя они не причинили никакого вреда. Как видим, страсти накалились еще до того, как парламент начал полноценное обсуждение текущих проблем.

Скупщина с первых дней своей работы обнаружила, по мнению Е.Ф. Штейна, «задорный характер». С одной стороны, обструкции подверглось правительство, работу которого единодушно оценили как неудовлетворительную. С другой, депутаты посягнули на текст конституции, чего не имели права делать. Некоторые ораторы выражали недовольство тем, что вместе с выбранными народом людьми заседают высшие чины, облеченные исполнительной властью. Лейтмотивом всех выступлений было стремление сократить бюрократический аппарат, ставший непосильным бременем для княжества. Патриархальная прямота и искренность депутатов, не выбиравших парламентских выражений, делала заседания Скупщины весьма бурными. Е.Ф. Штейн так описал одно из ноябрьских заседаний: «Среди неистового шума по адресу министерства слышались крики: воры, мошенники, кровопийцы; одни кричали, чтобы их немедленно вытолкали в шею, другие, чтобы они предварительно дали в своих действиях полный отчет и уже после того убирались по добру по здорову. Министры пробовали что-то возражать, но голоса их были заглушены такою отборной руганью, что председатель счел своевременным положить конец начинавшемуся скандалу, объявив перерыв, после которого заседание в этот день уже возобновлено не было»¹. Очевидно, что начало парламентских дебатов обнажило огромное общественное недовольство, назревавшее много лет. Форма проявления этого недовольства была чрезмерно эмоциональной, депутатам явно не хватало опыта и сдержанности; того, что обычно называют парламентской политической культурой и что не появляется в одночасье, но создается кропотливой длительной работой. Конечно, нет смысла упрекать в неискушенности начинавших черногорских парламентариев. Но это обстоятельство очень важно учитывать, анализируя историю межпар-

¹ Донесение № 69 Е.Ф.Штейна министру иностранных дел от 10.11.1906. (Там же).

тийной борьбы в начале XX века. Результатом первых политических схваток в Скупщине стала отставка правительства. Именно этот момент можно считать временем зарождения двух политических партий Черногории. К марта 1907 г. они практически сформировались.

Одна из них стала называться Народная партия, она представляла большинство в Скупщине первого созыва. Эта партия основала первый в истории Черногории политический клуб, поэтому ее сторонников в народе называли «клубаши». Состав партии был причудливым, в нем четко выделяются два разнородных компонента. Во-первых, это были высокопоставленные в прошлом государственные фигуры, которые находились в опале по двум причинам. Либо они не справились со служебными обязанностями, либо, что случалось гораздо чаще, навлекли на себя гнев князя Николая неосторожными поступками и высказываниями. В качестве примера можно назвать родственника черногорского правителя воеводу Шако Петровича или крупнейшего землевладельца Черногории, тоже бывшего воеводу Лазо Сочицу. Среди них был и известный министр иностранных дел в отставке Гавро Вукович, которого современник назвал «политическим хамелеоном». Такие члены партии позволяли себе критиковать действующее правительство за то, что сами делали или допускали, будучи во власти. В их критике было много личного и субъективного. В Скупщине они видели не инструмент волеизъявления народа, а своего рода мост, по которому можно вернуться к высоким постам. По наблюдениям российского министра-резидента П.В. Максимова, они были похожи на тех, кто умышленно разжигает страсти, а не на тех, кто защищает своих избирателей. Став членами Народной партии, эти люди пошли по проторенному пути политических спекуляций, обмана, фальши. Некоторые из них распускали слухи, что Россия не станет выплачивать никаких субсидий до тех пор, пока они не станут министрами¹. Такие деятели скорее нанесли урон авторитету своей партии, чем помогли ей набрать силу и опыт.

Второй составляющей названной партии стали относительно молодые люди, не имевшие в прошлом никакого отношения к правительству. Их репутация не была запятнана никакими политическими скандалами и сомнительными методами борьбы. По профессии это были те самые «учителя, литераторы и журналисты», сторониться которых призывал князь Николай. Политическую карьеру они начинали обычно как со-

¹ Донесение № 52 министра-резидента в Цетинье П.В.Максимова министру иностранных дел от 10.11.1907. Там же, фас. LVA, 1907 (I).

трудники редколлегии газеты «Народна мисао». Самые типичные примеры — это секретарь окружного суда Спасо Пилетич или учитель Янко Тошкович. Оба оставили мемуары о времени, когда их партия появилась и была разгромлена властями¹, оба позже подвергались политическим репрессиям. Отличительной чертой этого молодого поколения Народной партии была искренняя вера в возможность демократического развития Черногории. Они слишком серьезно отнеслись к октроированной конституции и поверили в возможности парламентаризма. К тому же они явно недооценивали властолюбия и жестокости черногорского монарха. Их взгляды и политическая деятельность вызывали у избирателей симпатии и сочувствие. Но их политическая неопытность, вообще свойственная молодости, сделала их почти беззащитными перед правительством и позже подтолкнула к роковым ошибкам, вроде увлечения политическим террором. Кстати, при всей своей неопытности, молодая генерация Народной партии поняла, какой урон ее репутации наносят политики старшего поколения, и призывала очистить свои ряды от самых одиозных лидеров.

Под влиянием молодых политиков Народная партия сформулировала основные положения своей программы, главным пунктом которой стал вопрос об ответственном кабинете. Конечно, неискушенные руководители «народников» не сформулировали этого тезиса четко и ясно. Но они твердо настаивали на парламентском расследовании деятельности предыдущего правительства (это расследование тогда называли «анкетой»), наказании тех чиновников, которые нарушили закон, и на том, чтобы впредь во власти были люди, репутация которых не будет вызывать сомнения у народных представителей. Трудно сказать, насколько сами руководители Народной партии понимали, что вольно или невольно вторгаются в прерогативы князя. Но опытные российские дипломаты, занимавшие позиции наблюдателей и аналитиков, сразу отметили, какие серьезные политические изменения повлечет за собой претворение в жизнь этих требований. П.В. Максимов доносил в Петербург: «Меня лично князь уверял, что он смотрит на Скупщину, как на ничего не знающую величину и что он будет держать народных представителей в кулаке, он глубоко ошибся в своих расчетах. Князь Николай проиграл

¹ Прибиљешке о Црој Гори. Рад Спасоја Пилетића. Архивска грађа Историјског института Црне Горе. Фас. 266 ; Тошковић Ј. Мемоари. Биљешка из уставне владавине краља Николе и њеног трагичног свршетка од 1905 до 1918 г. Цетиње, 1971.

игру, и недавно еще вполне властный и народом любимый и уважаемый правитель, сам вместо Скупщины, того и гляди обратится в совершенно не значащую величину¹. Само собою, именно это положение программы вызвало отпор со стороны исполнительной власти и привело к острому конфликту и роспуску Скупщины. Другие требования Народной партии касались хозяйства и экономического развития страны, в первую очередь «народники» предлагали поднимать аграрную отрасль и реформировать финансовую систему. Много внимания было уделено самоуправлению общин. Еще одна актуальная задача — развитие народного просвещения, ликвидация неграмотности, создание профессиональных учебных заведений. Позже Народная партия обратила особое внимание на массовую эмиграцию черногорцев, вынужденных ехать за границу в поисках заработка. Были названы и другие наболевшие вопросы, затрагивавшие интересы широких слоев населения. Во внешней политике партия выступила за прочную дружбу с Россией и Сербией. «Народники» высказались против лавирования и попыток играть на противоречиях великих держав на Балканах. Такую программу можно назвать демократической, она была направлена на защиту материальных и духовных интересов рядовых черногорцев от произвола и злоупотреблений власти.

Вторая политическая партия, появившаяся в Черногории после введения конституции, стала называть себя Истинная народная партия. В народе ее называли «вирильцы», видимо потому, что она состояла из официальных лиц, пользовавшихся доверием монарха и заседавших в парламенте в силу своего служебного положения. Ее душой и строителем был лично князь, который оказался самым опытным из всех черногорцев политиком. Появление активной оппозиции заставило Николая действовать стремительно и жестко. С одной стороны, он сделал опорой своей партии тех, кто заседал в Скупщине «по положению». Так как это были чиновники высшего ранга, они без колебаний встали на сторону двора, понимая, что критика депутатов в первую очередь адресована именно им. С другой стороны, князь Николай провел серьезную «организационную» работу среди оппозиции. Люди, не имевшие твердых убеждений, подверглись настоящей политической атаке со стороны правителя. Он переманивал, запугивал, подкупал тех, кто, по его мнению, составлял колеблющуюся

¹ Депеша № 12 П.В. Максимова министру иностранных дел от 27.02.1907. (Ф. Прин. рук., фас. LVIX, 1907).

часть зарождавшейся Народной партии, особенно депутатов, стремившихся к карьерному росту. Николай «очень умело, отчасти увещеваниями, а отчасти угрозами, не более как в три недели перевел из рядов Народной партии все недостаточно сплотившиеся с нею элементы на сторону вирильцев, так что Скупщина явилась разделеною на два почти равных лагеря», — доносил в Петербург П.В. Максимов¹. Теперь оставалось дезорганизовать работу Скупщины настолько, чтобы ее распуск стал неизбежным. Так и случилось в скором времени. Еще не сформулировав никаких программных положений и не определив лица своей партии, депутаты из придворного лагеря стали бойкотировать заседания парламента, лишив его кворума. Уже в апреле 1907 г. князь приостановил работу Скупщины на три месяца. В те же дни сторонниками властей была разгромлена типография газеты «Народна мисао» в Никшиче. Вскоре парламент был распущен окончательно, на октябрь 1907 г. были назначены новые выборы. Из предвыборных заявлений Истинной народной партии трудно было понять ее внутриполитические задачи, но ясно выяснилась внешнеполитическая часть: князь и «вирильцы» заявляли, что Народная партия выполняет задание Белграда, будучи подкуплена королем Петром, она добивается уничтожения династии Петровичей². Поэтому себя члены Истинной народной партии считали спасителями отечества. Такие утверждения и восхваление властей заменили им политическую программу.

Отсутствие четкой предвыборной программы у партии власти было компенсировано тем, что представители оппозиции были поставлены практически вне закона. В 1907 г. политическая борьба в княжестве вышла далеко за рамки парламентских методов. С.Пилетич описал в своих мемуарах весьма непростую обстановку в стране накануне выборов, утверждая, что на «клубашей» велась «настоящая охота»³. Из сел вербовали крестьян, которые составляли вооруженные отряды, патрулировали улицы городов и угрожали физической расправой членам Народной партии. В столице члены партии стали получать письма, в которых были угрозы поджога домов. Были уволены с государственной службы многие депутаты распущенной Скупщины, поддержавшие «народников». Случалось, что кандидаты Народной партии подвергались аресту в тот момент,

¹ Донесение № 17 П.В. Максимова министру иностранных дел от 31.03.1907. (Там же).

² Там же.

³ Прибиљешке о Црној Гори. Рад Спасоја Пилетића. С. 68–71.

когда шла регистрация лиц, решивших баллотироваться в парламент. То есть некоторые политики не имели физической возможности подать соответствующие документы окружным властям. К тому же многие члены Народной партии не отвечали цензам (владение определенным имуществом или доходом в виде жалования), предусмотренным статьей 63 Закона о выборах. Казалось, у этой партии не осталось шансов на то, чтобы попасть в Скупщину второго созыва. Напротив, кандидаты Истинной народной партии беспрепятственно занимались предвыборной агитацией, совершая частые поездки по стране.

В этот переломный момент проявился еще один специфический фактор черногорской политической жизни, сделавший партийное строительство в княжестве непохожим на другие страны Балканского полуострова. Речь идет о племенной солидарности. Неопытный политик, но активный агитатор и кандидат Народной партии, С. Пилетич в своих мемуарах подробно рассказал, как ему удалось принять участие в выборах 1907 г. По словам автора, его племя (Пиперы), как и другие, не проявило особого интереса к нововведениям князя Николая в 1905–1906 гг. Народ не очень понимал, что такая конституция и парламент, мало реагировал на рассуждения о преимуществах конституционной монархии, не слишком активно участвовал в первых выборах. Но после распуска Скупщины, отношение к новым политическим институтам стало меняться буквально на глазах. Племена не понимали, почему в предвыборной гонке их земляки поставлены в неравные условия по сравнению с другими кандидатами, они усмотрели в таком положении и политическую, и племенную дискриминацию. Поэтому именно родственники С. Пилетича постарались устраниć все препятствия на его пути в парламент. Пиперы подарили ему участок земли с небольшим домиком и стадо овец, сами зарегистрировали его как кандидата в депутаты, когда он был арестован и не имел физической возможности вовремя подать документы, и вообще демонстрировали местным властям свое недовольство тем, что их выдвиженцу мешают участвовать в политической борьбе. В этот момент некоторые руководители Народной партии, оскорбленные предвзятым отношением двора, предлагали бойкотировать выборы, но С. Пилетич отказался к ним присоединиться, считая невозможным обмануть ожидания своих единоплеменников. Он был убежден, что та поддержка, которую ему оказали, свидетельствовала о пробуждении политического сознания народа и о стремлении черногорцев защитить свою политическую свободу. Можно согласиться с этим мнением с одной только оговоркой: Гражданское равенство жители Черногории приравнивали к равенству племен, соединяя старые общественные ценности (приоритет

своего племени и своих сородичей) с новыми идеалами (свобода слова, мнений, выборов).

Весьма активно вели себя избиратели в день выборов, несмотря на то, что в стране по существу было введено чрезвычайное положение. На некоторых избирательных участках были расположены воинские подразделения. Тайное голосование, предусмотренное конституцией, заменили открытым. А избирательные комиссии прибегли к наивному приему, надеясь в последнюю минуту помешать голосовать за кандидатов оппозиции: не поставили избирательных урн для бюллетеней нежелательных кандидатов (для голосования за каждого кандидата полагалась отдельная урна). Однако боевой дух черногорцев дал о себе знать. Давление администрации многие восприняли как вызов. Характерно поведение Пиперов на избирательных участках: одни земляки С. Пилетича выбрасывали бюллетени, протестуя таким образом против дискриминации, другие отправились жаловаться князю Николаю, который встретил ходоков враждебно и разговаривал с ними грубо. Как видим, избежать акций протesta и заставить народ послушно исполнять волю двора не получилось. Описанные С. Пилетичем политтехнологии, примененные правительством, дают основание думать что, вводя конституцию, правитель Черногории и придворная камарилья не были готовы к полноценной межпартийной борьбе и к наличию политической оппозиции. Такая нетерпимость властей к проявлению любого, в том числе партийного инакомыслия, конечно, еще больше обострила взаимные нападки и политические обвинения, спровоцировала неадекватную ответную реакцию оппозиционеров. Молодое поколение Народной партии стало искать альтернативы правлению князя Николая, рассматривать возможность прихода к власти одного из его сыновей и прибегло к политическому террору, что стало причиной жестокого преследования «народников» и репрессий против лиц, оказавшихся причастными к покушениям¹. Вопрос о подготовке террористических актов 1908 и 1909 гг. и судьбе их участников выходит за рамки настоящего сообщения и заслуживает отдельного внимания, о нем много написано в черногорской историографии. Здесь же важнее посмотреть, какой результат имели перечисленные методы политической борьбы, и в каком состоянии находились партии Черногории после того, как закончился период их становления, и остались в прошлом первые схватки за места в парламенте.

¹ Тошковић Ј. Мемоари. С. 66–89.

Боснийский кризис 1908 г. и последовавшие за ним Балканские войны в значительной степени переключили внимание черногорской общественности с внутриполитических проблем на внешние. Князь Николай умело играл на национальных чувствах славян, особенно своих подданных, внушая им, что война решит все вопросы. Похоже, он сам в это искренне верил, не останавливаясь ни перед какими жертвами. Однако это не означало, что правящие круги Черногории пустили на самотек политическую жизнь страны. Наоборот, усилилось идеологическое давление на общество, внушалась мысль о том, что всеми успехами черногорский народ обязан лично своему монарху. Для закрепления пропагандистского эффекта, а также для достижения известных целей в соревновании с сербской династией, Николай провозгласил себя королем. Для такого особенного события был выбран юбилейный год, в 1910 г. исполнялось 50 лет с вступления Николая на престол. Вся пресса Черногории прославляла монарха. Критические публикации появлялись только за границей. Несмотря на объявленную амнистию, власти не спешили выпустить из тюрем репрессированных политиков. К этому времени выборы в Скупщину стали проводить по системе «официальных кандидатов», разработанной и успешно применяемой во Франции в годы Второй империи. Следует напомнить читателям, что некоторое время в юности Николай жил и учился во Франции. Система безальтернативных выборов, когда в бюллетени вносились только фамилии правительственный кандидатов, применялась на выборах в 1911 и 1913 гг. В архиве Института истории Черногории хранится донесение окружного управителя Никшича министру внутренних дел, написанное в сентябре 1911 г., когда шла предвыборная кампания. По содержанию этого документа нетрудно восстановить те приемы, с помощью которых правительство добивалось победы на выборах официальных кандидатов. Во-первых, в донесении говорится о новой тактике, которую выбрали оппозиционно настроенные черногорцы, не имеющие возможности выдвинуть кандидатами в депутаты Скупщины своих единомышленников. Они предлагали землякам вообще неходить на избирательные участки, бойкотируя выдвиженцев власти. Во-вторых, рассказано о том, какие строгие инструкции были выданы чиновникам, отвечающим за успешное проведение выборов. Им прямо предписывалось обеспечить явку избирателей вплоть до того, что названы цифры, сколько человек должны обязательно проголосовать. В-третьих, окружной начальник провел собеседования с теми людьми, которые были заподозрены в нелояльности по отношению к выдвинутым правительством кандидатам. Вообще, судя по донесению, на контроль брались все, кто выражал хоть малейшее недовольство тем, как протекает предвыборная кампания. С

этими людьми велись постоянные «разъяснительные» беседы. Наконец, сообщалось о том, насколько активно местные чиновники вели предвыборную агитацию в пользу ставленников правительства, а тех, кто, по мнению автора донесения, не проявил должностного рвения, предлагалось немедленно уволить с государственной службы¹. Понятно, что состав Скупщины был таким, каким хотел его видеть черногорский правитель. Этот парламент был лоялен и послушно одобрял распоряжения исполнительной власти. Но даже при таком тотальном давлении на избирателей, монархия не смогла добиться абсолютного послушания. В одном из округов депутатом Скупщины был избран представитель Народной партии².

Однако такая просчитанная и хорошо контролируемая система официальных кандидатов дала сбой в 1913 г. Экономическая и политическая ситуация в стране была настолько тяжелой, а участие в войнах 1912–1913 гг. до такой степени ухудшило материальное положение черногорцев, что невозможно было избежать проявлений недовольства и критики в адрес короля Николая. На этот раз в роли оппозиционера оказался представитель Истинной народной партии, официальный кандидат, член Государственного совета воевода Йован Пламенац. Этот человек был очень близок ко двору, именно он расправлялся с теми, кто принимал участие в заговорах 1908–1909 гг. Некоторые современники изображали Пламенца спасителем монархии³. И вдруг, в декабре 1913 г. Й. Пламенац обратился к черногорцам с избирательной программой, которая почти полностью повторяла программу Народной партии 1907 г. В ней говорилось о необходимости внести поправки в конституцию с целью улучшения работы парламента, предлагалось разработать продуманную стратегию социально-экономического, в первую очередь аграрного развития Черногории. Также ставилась задача добиться уменьшения эмиграции в Америку, подчеркивалась необходимость снизить налоги, улучшить работу судов и администрации, поднималась проблема упадка системы народного образования и т. д. Реакция двора была незамедлительной. Председатель правительства потребовал немедленной отставки Й. Пламенца с государственной службы⁴. Уже отпечатанное обра-

¹ Извештај о досадашњем раду и изгледу за избор народних посланика у Никшићкој области. 4.09.1911 г. Архивска грађа Историјског института Црне Горе. Фас. 99.

² Тошковић Ј. Мемоари. С. 93.

³ Архивска грађа Историјског института Црне Горе. Фас. 81.

⁴ Там же.

щение к избирателям было конфисковано. Казалось, возрождавшаяся оппозиция задушена в зародыше. Состав последней Скупщины формально был таким, каким его хотел видеть монарх: 44 чиновника, 12 пенсионеров, 3 крестьянина, 3 торговца. Фактически же последний черногорский парламент снова оказался оппозиционным. Из 62 депутатов только 16 человек были представителями придворной камарилии («вирильцами»). 25 парламентариев считали себя сторонниками Народной партии. 17 человек были членами Истинной народной партии, которая теперь выступала с теми же программными требованиями, что и Народная партия. 5 депутатов заявили, что являются участниками молодежного движения («Омладина») и готовы были повторить те обвинения в адрес властей, которые когда-то содержались в студенческой брошюре 1907 г.¹ Таким образом, черногорская монархия проиграла самые последние в своей истории выборы. Собравшаяся накануне Первой мировой войны Скупщина попыталась начать социальные преобразования, приняв законы о помощи инвалидам войны и семьям тех, кто погиб при исполнении служебных обязанностей, о пенсиях для госчиновников и учителей др. Война помешала этой работе и поставила точку в истории самостоятельного черногорского государства и его политических институтов.

Подводя итог рассмотрению вопроса о создании первых политических партий в Черногории и о том, как они боролись за места в парламенте, попробуем суммировать те особенности, которые удалось выделить на основании архивных материалов и мемуарной литературы. Во-первых, все авторы сходятся в том, что в момент введения в княжестве конституционных порядков народ не был готов к полноценному участию в политической борьбе и вел себя пассивно до тех пор, пока власть не стала подавлять оппозицию насилиственными методами. Те, кто составил эту оппозицию, представляли собой не единую социальную среду или определенный экономический класс, а немногочисленную просвещенную часть общества, которую принято называть черногорской интеллигенцией. Несмотря на то, что образованных людей, способных критически оценить результаты деятельности правительства, было очень мало, они проявили хорошие организаторские способности. Создатели Народной партии быстро научились использовать печать для достижения поставленных целей, сформулировали программу действий, которая отражала

¹ Јовановић Ј. Стварање Црногорске државе и развој црногорске националности. Историја Црне Горе од почетка VIII вијека до 1918 г. Цетиње. 1948. С. 407.

интересы широких слоев населения, правильно определили основные направления предвыборной и парламентской работы, искренне надеясь добиться улучшения экономической и политической ситуации в княжестве. Проправительственная группировка в Скупщине выглядела менее убедительно, хотя на ее стороне были все преимущества, а организатором этой партии стал сам князь Николай, опытный и одаренный политик, не останавливавшийся ни перед какими трудностями. Такая чрезмерная активность монарха в деле создания политической партии, которая должна служить опорой трону, составляет вторую особенность межпартийной борьбы в Черногории. Конечно, в любом монархическом государстве правительство старается опереться на монархические партии, но в Черногории такая партия вообще вряд ли появилась бы без усилий князя Николая. Черногорская бюрократия была безвольным инструментом в его руках.

Еще одна особенность партийного строительства в начале XX века — племенной фактор, который активизировался в 1907 г. и показал, что народ не очень готов защищать политические идеалы, но ни за что не оставит без помощи соплеменника, оказавшегося в положении преследуемого. Осознание своих гражданских прав постепенно приходило к черногорцам через племенную солидарность и стремление оберегать интересы своего братства. Племенные пережитки давали о себе знать во всех сферах государственной и политической жизни, проявились они и в борьбе политических партий. Следующая специфическая черта государственного развития княжества — абсолютное нежелание монарха и придворной камарильи терпеть возражения и инакомыслие, критику в свой адрес. Любое несогласие двор расценивал как измену, искал в оппозиции иностранные происки, не допуская мысли о том, что не внешние, а внутренние обстоятельства породили недовольство отдельных групп населения. Полная неспособность к конструктивному диалогу и оправданным уступкам, проявленная князем Николаем и его окружением, репрессии и нетерпимость правительства привели к результату, противоположному ожиданиям власти имущих. Произошло сближение двух партий, которые на первых порах своего существования выглядели непримиримыми врагами. Народная партия и Истинная народная партия, в конце концов, пришли к одному знаменателю, осознали, что целью их политического существования является исправление тех коренных пороков политической системы Черногории, которые не давали стране развиваться и прогрессировать. Само собою разумеется, что главным недостатком политической системы было чрезмерное сосредоточение власти в руках монарха и его двора, склонного путать свои интересы с интересами на-

рода. То, что две противоборствовавшие партии остановились на одних и тех же программных положениях, является самым убедительным доказательством того, что эти требования объективно отражали самые насущные проблемы черногорской жизни. Таким образом, можно констатировать, что исследователи, писавшие о формальном характере черногорской конституции и о том, что от конституционных начинаний князя Николая не было особой пользы, несколько упростили историческую картину. Конечно, черногорский правитель не стал демократичнее в своих поступках, а жизнь народа не стала легче. Но политическая борьба партий помогла всему обществу постепенно осознать свои важнейшие интересы в экономике и политике, определить приоритеты в национальном развитии, а также, очевидно, повлияла на судьбу монархии. Династия Петровичей перестала олицетворять черногорскую самобытность и суверенитет, не ассоциировалась с дальнейшим прогрессом Черногории, поэтому в 1918 г. народ сделал выбор в пользу объединенного югославянского государства.

Миколенко Д. В.

Харьковский национальный университет

ПРАВОЦЕНТРИСТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ: БОЛГАРСКИЙ ВАРИАНТ (1899–1903 ГГ.)

Статус оппозиции в Болгарии не определялся отдельным законом, но основные конституционные права и свободы (слова, собраний и т. п.) давали ей возможность выполнять свою главную функцию — контролировать работу исполнительной ветви власти. После отставки кабинета К. Стоилова (14 января 1899 г.) и назначения нового правительства Д. Грекова (19 января 1899 г.) роль оппозиции стала заметнее, что было результатом продолжавшегося развития многопартийной системы и относительной либерализации режима.

1899–1903 гг. — период политической нестабильности в Болгарии. На протяжении этих лет в статусе оппозиции успели побывать все правоцентристские партии: Народная (1899–1901, 1901–1903 гг.), Либеральная (1900–1903 гг.), Демократическая (1899–1901, 1902–1903 гг.), Прогрессивно-либеральная (1899–1901 гг.), Народно-либеральная (1899–1901, 1901–1903 гг.). К числу оппозиционных политических сил принадлежали и левые — социал-демократы, а также образованный в конце 1899 года Болгарский земледельческий народный союз.

3 февраля 1899 года Центральный клуб (ЦК) Народной партии («народняков») — одной из наиболее консервативных политических сил Болгарии, обратился к своим провинциальным представительствам с письмом, где сообщалось, что их партия оставляет власть, «руководствуясь желанием оставаться верной своим принципам»¹. Лидеры «народняков» рекомендовали всем региональным клубам обратить внимание на свое организационное состояние и начать укрепление партийной структуры, а сторонникам, которые занимают выборные должности, не торопиться с отставкой, но готовиться к новым выборам². Первые ме-

¹ Николова В. Между консерватизма и либерализма: Народната партия 1894–1920 г. София, 2004. С. 107.

² Николова В. Възгledи и стопанска политика на Народната партия (1894–1912) // Общественно-политически живот на България, 1878 — 1944. София, 1990. С. 89.

сияци оппозиционной деятельности поставили перед «народняками» важную задачу — очистить свои ряды от сомнительных и ненадежных элементов, потому что, как свидетельствовала практика, часть членов партии, стремясь сохранить за собой чиновничьи должности, не выполняла распоряжений Центрального клуба и не обращала внимания на организационное состояние региональных представительств¹. Многие члены партии присоединились к ней, когда «народняки» были у власти, стремясь получить поддержку и высокую должность. Бывший премьер-министр К. Стоилов подчеркивал, что пребывание в оппозиции станет для партии своеобразным «чистилищем», которое покажет «настоящий характер человека». «Не так важно иметь много сторонников, — писал он, — в первую очередь, необходимо окружить себя честными и порядочными людьми»². Таким образом, главным критерием отбора членов партии К. Стоилов считал их моральные принципы.

Часть сторонников Народной партии покинула ее ряды по политическим соображениям. Например, в Сливене некоторые «народняки» присоединились к «цанковистам» (члены умерено-либеральной партии во главе с С. Даневым) по причине своего несогласия с правительством К. Стоилова в деле железнодорожного строительства³. Та же причина, а также 290-миллионный кредит, взятый кабинетом министров, вынудили группу бывших «соединистов» (восточнорумелийских консерваторов) во главе с К. Величковым выступить против политики Народной партии. По их мнению, этот кредит был невыгодным для Болгарии и мог привести к потери ею экономической независимости. В феврале 1899 г. состоялось собрание «народняков», которое осудило действия К. Величкова. В защиту «соединистов» выступил лишь один влиятельный «народняк» — С. Бобчев. В своем письме к К. Стоилову он назвал группу К. Величкова искренними и бескорыстными политиками. Но лидер «народняков» настоял на срочном исключении бывших «соединистов» из партии. В марте 1899 года К. Величков и его сторонники освободили свои места в Центральном клубе «народняков».

¹ Ангелова Р. Народната партия в опозиция на вътрешната политика на правителствата (19 януари 1899 — 12 януари 1901) // Минало. 2004. № 3. С. 57.

² Николова В. Между консерватизма и либерализма... С. 108.

³ Ангелова Р. Мемоарите на Михаил Маджаров като източник за дейността на Народната партия (януари 1899 — февруари 1901) // Исторически преглед. 2004. № 1–2. С. 193.

Вместо них в состав ЦК вошли бывшие министры и некоторые депутаты — К. Стоилов (стал председателем), И. Гешов (его заместителем), Т. Теодоров, И. Вазов, М. Маджаров, Н. Бенев, Г. Згурев, С. Бобчев, Д. Марков, Д. Яблански, генерал И. Иванов, Г. Найденов, Д. Шишков, Д. Соселов, Г. Даскалов, Д. Кесяков и Н. Антиков. По предложению К. Стоилова и в соответствии с решением ЦК в январе 1899 года М. Маджаров стал главным редактором партийной газеты «Мир»¹. Именно благодаря его усилиям она превратилась в своеобразный болгарский «Таймс». «Мир» начал отличаться богатством информации и сдержаным стилем ее подачи².

С приходом к власти коалиционного правительства Д. Грекова (в его составе либералы-«радослависты» и «стамболовисты» — наравне с «народняками» наиболее консервативная партия) ЦК «народняков» начал переговоры с руководством «цанковистов» и демократов о совместной предвыборной кампании. Как отмечала газета «Мир», в широкий альянс оппозиционных партий следовало бы включиться социалистам, «разумным» «радославистам» и «стамболовистам». К. Стоилов симпатизировал идее объединения с некоторыми политическими силами. По его мнению, оппозиция не имела повода для ссор, ей нужно было действовать сообща. «Коалиция должна поддержать кандидатов, которые имеют больше шансов победить на выборах, независимо от их политической окраски», — писал лидер «народняков»³. Принципиальным для Народной партии оставался вопрос о железной дороге, возникший в связи с желанием нового правительства Д. Грекова использовать стратегически важные пути как залог для кредита. По мнению руководства Народной партии, железная дорога не должна была попасть в руки иностранных компаний. Именно это стало главным предвыборным лозунгом «народняков».

Переговоры между представителями трех партий затянулись. В апреле 1899 года в Софийском клубе Народной партии состоялось общее собрание, на котором выступили К. Стоилов, И. Гешов и «цанковист»

¹ Новакова К. Печатът и личният режим на Фердинанд. София, 1975. С. 23.

² Ангелова Р. Развитие и дейност на Народната партия (1899–1911). Велико Търново, 2003. С. 123.

³ Идеология этой партии строилась на принципах классического европейского либерализма.

⁴ Николова В. Народната партия в партийно-политическата система на България в края на XIX в. // България 1300: Институции и държавна традиция. София, 1983. Т. 3. С. 38.

М. Балабанов. Решение относительно коалиции так и не было принято. О выдвижении общего списка кандидатов «народняки» договорились с демократами — от Софийской околии, а с «цанковистами» — лишь от нескольких сел¹. Все три партии обвиняли друг друга в «прошлых грехах» и в стремлении достичь корыстных целей за счет коалиции. Именно это стало главной причиной провала переговоров.

5 апреля 1899 г. «народняки» включились в предвыборную гонку. Партия организовала встречи своих лидеров с избирателями в Пловдива, Старой Загоре, Новой Загоре, Бургасе, Варны, Русе. В столице южной Болгарии собрания прошли успешно, а вот в Старой Загоре, Варне и Русе они завершились неприятными скандалами, спровоцированными сторонниками провластных партий — либералов и «стамболовистов».

По результатам апрельских выборов 1899 г. «народняки» получили семь мест в парламенте. Депутатами стали К. Стоилов, В. Димчев, И. Москов, И. Балтаджиев и другие. После дополнительных выборов фракция Народной партии увеличилась до девяти человек. К ней присоединился И. Гешов. Другим известным «народнякам» — Т. Теодорову, М. Маджарову, С. Бобчеву — так и не удалось получить депутатские мандаты. Таким образом, Народная партия потеряла значительную часть своих сторонников. Главными причинами этого явились скандалы в конце деятельности правительства К. Стоилова вокруг строительства параллельной железнодорожной линии и кредита².

В июле 1899 г. проправительственные газеты обвинили бывший кабинет министров в коррупции, подняв вопрос о состоянии безотчетных фондов, которые, по мнению журналистов, расхищались. 28 июля 1899 г. парламентское большинство приняло решение о том, что К. Стоилов должен возместить крупную сумму. В ответ лидер «народняков» представил правительству отчет о расходах. Новая власть была вынуждена снять все обвинения.

С началом работы очередного парламента «народняки» заняли довольно агрессивную позицию относительно власти, фракций проправительственных партий и других оппозиционных политических сил — демократов и «цанковистов». «Мир», который раньше отличался сдержанностью подачи материала, начал печатать на своих страницах провокационные материалы о применении министром внутренних дел В. Радославовым

¹ Иван Евстратиев Гешов: лична кореспонденция / Съст. Р. Попов, В. Танкова. София, 1994. С. 123.

² Николова В. Народната партия в партийно-политическата система... С. 38.

грубой физической силы во время выборов в X-e Обыкновенное народное собрание, о тайных агентах С. Стамболова, о финансировании Г. Вылковичем некоторых газет и даже о строительстве демократом П. Славейковым собственного дома.

Руководство Народной партии обратило внимание на финансовую политику нового правительства — выступило против подписанной 15 марта 1899 г. конвенции с Товариществом по эксплуатации Восточных железных дорог, называя ее шагом к потере Болгарией экономической независимости. Условия кредита, которые планировало получить правительство Д. Грекова, «народняки» характеризовали как крайне тяжелые. Партия организовала митинги протеста против займа в Плевене, Елене, Враце, Шумене, Ловече и других городах.

После того, как в сентябре 1899 г. правительство Д. Грекова подало в отставку, и новый кабинет министров возглавил Т. Иванчов, критика «народняками» внутренней политики «радославистов» стала острее. Народная партия выступила против налоговой реформы либералов, связывая ее с их стремлением лоббировать интересы сторонников власти. Газета «Мир» опубликовала серию статей, где осуждалось введение десятини и стремление либералов путем дискредитации старых чиновников поставить на их места людей лояльных к правительству¹. В некоторых городах «народняки» принимали активное участие в митингах. Несколько акций протesta лидеры партии организовали вместе с другими политическими силами — 5 декабря 1899 г. в Шумене, 25 января 1900 г. в Разграде, 10 февраля 1900 г. в Русе. «Мир» требовал от князя наложить вето на Закон о натуральной десятине и остановить террор в стране. Реакция власти была молниеносной — весь тираж газеты конфисковали, а главного редактора М. Маджарова обвинили в умышленном оскорблении монарха.

Таким образом, не имея в целом намерения способствовать социальному противостоянию, Народная партия решительно выступила против линии поведения правительства и присоединилась к акциям протеста. Кроме того, движение за отмену натуральной десятине дало «народнякам» возможность дискредитировать «радославистов» и получить поддержку со стороны крестьян, которые в начале XX в. все чаще поддерживали новую левоцентристскую партию — Болгарский земледельческий народный союз.

¹ Мир. 1899. 13 ноември.

Во время работы переходного правительства Т. Иванчова и служебного кабинета министров Р. Петрова «народняки» окончательно отказались от коалиции с «каравелистами» и «цанковистами» в будущем XI Обыкновенном народном собрании. Поиск новых политических партнеров сблизил Народную партию с Д. Грековым и генералом Р. Петровым. Газета «Мир» призывала к толерантному поведению по отношению ко второму переходному кабинету министров. Выбор партнера был неслучайным, так как еще летом 1899 г. Д. Греков, который боролся против расширения влияния «радославистов» в правительстве, предложил К. Стоилову образовать альянс. В то время лидер «народняков» дипломатично отклонил предложение премьера. После отставки Д. Грекова и изменения внутриполитической ситуации в Болгарии в начале XX столетия К. Стоилов сам предложил лидерам «стамболовистов» Д. Грекову и Н. Генадиеву заключить политический союз между партиями. Быстрому налаживанию этих контактов способствовали личные приятельские отношения между К. Стоиловым и Д. Грековым, а также заинтересованность в альянсе премьера Р. Петрова, который мечтал образовать авторитетную политическую силу и таким образом победить на парламентских выборах. Поддержка же популярных «народняков» должна была помочь ему в этом¹.

Когда стало известно о возможной коалиции, против нее выступили некоторые региональные представительства обеих партий. Например, председатель дряновского бюро «народняков» Б. Лафчиев заявил, что союз со «стамболовистами» приведет к дискредитации Народной партии, так как возможные партнеры не собирались проводить свободные выборы, а готовили фальсификации. Вскоре стало очевидным, что коалиция между Народной и Народно-либеральной партиями в провинции немозможна. Невзирая на близость основных принципов внутренней политики «стамболовистов» и «народняков», их союз оказался нежизнеспособным — в памяти старых членов обеих партий еще оставались былые обиды и конфликты.

Итак, накануне выборов «народняки» так и не вошли в коалицию ни с одной из намечавшихся партий.

По результатам январских выборов 1901 г. «народняки» получили 23 мандата, а после дополнительных — еще 6. Депутатами стали в большинстве своем наиболее известные члены партии. Партия получила возможность делегировать своих представителей в правительство

¹ Николова В. Между консерватизма и либерализма... С. 132.

при условии ее присоединения к коалиции. 10 февраля 1901 года в доме К. Стоилова лидеры «народняков» приняли решение не вступать в альянс со «стамболовистами», которые имели 45 мест в парламенте. Уже 12 февраля начались переговоры с представителями Демократической и Прогрессивно-либеральной партий¹. Вскоре они отказались войти в состав правительства, обещая поддерживать мероприятия коалиции «каравелистов» — «цанковистов» в парламенте².

23 марта 1901 г. не стало К. Стоилова, который болезненно переживал поражение своей партии на выборах. 24 мая новым председателем Центрального бюро «народняков» был избран И. Гешов (заместитель К. Стоилова) — в прошлом активный деятель восточнорумелийских «соединистов». Смена лидера в Народной партии совпала с трудностями, вставшими перед новым правительством, что давало повод «народнякам» все чаще критиковать провластные партии. 16 января 1901 г. «Мир» обвинил «цанковистов» в использовании имени России для достижения личных целей³. Финансовый кризис заставил правительство искать возможности получения кредита в иностранных банках. Как альтернативу этому стремлению кабинета П. Каравелова, лидер «народняков» И. Гешов предложил свой вариант преодоления кризиса — внутренний кредит в Болгарском народном банке и Земледельческих кассах⁴. Ответом П. Каравелова и С. Данева стали обвинения Народной партии в нарушении обещания поддерживать правительство, в то время как ее фракция голосовала против займа, что и стало одной из причин отставки кабинета министров П. Каравелова⁵.

22 декабря 1901 года новое правительство возглавил лидер Прогрессивно-либеральной партии С. Данев. «Народняки» же окончательно перешли в оппозицию. Они продолжали голосовать против кредита во французских банках, и, в противовес кабинету министров, выступали против назначения серба Фирмилиана митрополитом в Скопье. «Мир» опубликовал ряд статей, где приводились данные о численности и эт-

¹ Гешов Ив. Възглед и дейност. София. 1926. С. 59.

² Гешов Ив. Спомени и студии. София, 1928. С. 139

³ Мир. 1901. 16 януари.

⁴ Четири речи на Царибродския народен представител Теодор Теодоров, произнесени на 1-та редовна сесия на 11-то Обикновено народно събрание. София, 1901. С. 77.

⁵ Бобчев С. Програмата на Народната партия въ думи и дела // По случай 25-годишнината на Народна партия. София, 1919. С. 23.

ническом составе населения Македонии¹. Газета «народняков» доказывала болгарский этнический характер населения области. Кроме того, члены Народной партии принимали участие в акциях протеста против позиции кабинета С. Данева в «Фирмилианском вопросе». На местах они образовали союзы с другими правоцентристскими политическими силами². Партийная газета заявила о «беспочвенности обещаний С. Данева обеспечить реформы в Македонии с помощью России»³. 4 января 1903 г. «Мир» писал: «Два обстоятельства делают правительство «цанковистов» непопулярным — это заем во французских банках и недемократично проведенные выборы»⁴.

Когда начался второй правительственный кризис (март 1903 г.), И. Гешов заявил о своей готовности сформировать новый кабинет министров. Фердинанд поддержал это предложение, но поставил лидеру «народняков» свои условия — полковник М. Савов должен стать военным министром, а Д. Попов — министром общественных работ. Кроме того; И. Гешов должен был гарантировать получение военного кредита в размере 10 миллионов левов. Но Гешов не принял условий главы державы, не желая, чтобы его кабинет стал послушным орудием в руках Фердинанда⁵.

«Мир» достаточно сдержанно реагировал на принятие «прогрессистами» важного для страны Закона о чиновниках, намекая, что существовали законы и «лучше», чем «цанковистский». Однако партийный орган «народняков» положительно оценил принятие парламентским большинством автономного таможенного тарифа⁶.

Таким образом, оппозиционная деятельность Народной партии на протяжении 1899–1903 гг. демонстрирует ее умеренный и консервативный характер (протесты против кардинальных решений «радославистов», продажи правительством Д. Грекова стратегически важных объектов — прежде всего, железных дорог — иностранцам, кредита во французских банках), а также ее склонность к национализму (позиция по «Фирмилианскому вопросу»).

¹ Дюлгерова Н. Българският национален въпрос въпрос в политиката на Русия и Австро-Унгария, 1894–1903. — София, 1994. С. 39.

² Централен държавен архив. Ф. 52 к. «Р. Петров». Оп. 1. Д. 49. Л. 294.

³ Мир. 1903. 2 февруари.

⁴ Там же. 4 януари.

⁵ Стателова Е. Иван Евстратиев Гешов или трънливия път на съзиданието. София, 1994. С. 33.

⁶ Мир. 1903. 22 март.

Другой наиболее консервативной политической силой Болгарии конца XIX — начала XX столетия была **Народно-либеральная партия** — последовательная сторонница монархического института и лично Фердинанда. Она пребывала в оппозиции при правительствах Д. Грекова и Т. Иванчова (июль 1899 г. — ноябрь 1900 г.), а также П. Каравелова и С. Данева (февраль 1901 г. — май 1903 г.). Ее выход из провластной коалиции стал главной причиной отставки правительства Грекова. 16–18 ноября 1899 г. в Софии состоялся первый съезд партии, который принял новый устав и объявил Д. Грекова лидером «стамболовистов». Этот документ свидетельствует об умеренности политических целей Народно-либеральной партии — уже первый пункт устава гласил о «поддержке («стамболовистами» — Д. М.) князя Фердинанда и его династии»¹. Как и все другие правоцентристские силы, фракция «народных» либералов выступала против натуральной десятины, хотя активного участия в движении за ее отмену партия не принимала. Сохранились лишь единичные свидетельства об акциях «стамболовистов» тех времен. Так, в одном из своих писем лидер горноярховских либералов сообщал В. Радославову о митинге «стамболовистов» против десятины, который состоялся 27 марта 1899 года². Пассивность Народно-либеральной партии во время движения за отмену злосчастного налога является подтверждением умеренности взглядов ее членов и их негативного отношения к социальным выступлениям.

При переходных правительствах Т. Иванчова и Р. Петрова, когда общественность Болгарии активно обсуждала тему будущей правящей коалиции, лидеры «стамболовистов» начали диалог с «народняками». Противостояние региональных представительств обеих партий не позволило воплотить в жизнь эти замыслы. Один из наиболее последовательных сторонников дела С. Стамболова в Пловдиве И. Андонов отметил, что не может допустить мысли о компромиссе с «народняками», так как соглашение с ними — это приговор «стамболовистам». Искреннее сотрудничество с «убийцами» бывшего лидера и основателя Народно-либеральной партии, по его мнению, было бы «предательством»³.

¹ Програми, програмни документи и устави на буржоазните партии в България. 1879–1918 / Съставители В. Николова и Д. Саздов. София, 1992. С. 97.

² Научен архив на Българската академия на науките. Ф. 45 к. «В. Радославов». Оп. 1. Д. 179. Л. 1.

³ Николова В. Между консерватизма и либерализма... С. 127.

«Стамболовисты» имели оригинальное мнение относительно актуальной в 1900 году проблемы амнистии политическим осужденным. 23 февраля их печатный орган «Нов век» писал: «Амнистия — это наивысшая степень умиротворения политического противостояния, но, наряду с этим, она снижает авторитет закона»¹. В конце февраля 1900 г. «Нов век» обвинил правительство Т. Иванчова в провоцировании массовых митингов, так как «...принимая Закон о натуральной десятине, кабинет не спрашивал мнения граждан»². «Нет ничего противозаконного в том, что народ проводит митинги»³. При этом в газете отмечалось, что «в условиях, когда митинги переросли в откровенные бунты, власть не может не вмешиваться в события»⁴. «Народные» либералы постоянно обращались к князю, который, по их мнению, должен был отправить в отставку кабинет «радославистов»⁵.

В начале XX столетия партии «стамболовистов», демократов и либералов не обошли центробежные процессы. Группировка Гатева — Антонова объединила вокруг себя часть «народных» либералов, которых не удовлетворяло руководство во главе с Д. Грековым. Эти политики выступали против бессменного лидерства и стремились к демократизации партии. Но, в отличие от «молодых» демократов и либералов, им не удалось создать стойкого объединения в парламенте. Вскоре эта группировка прекратила свое существование. В целом же на протяжении работы правительства Т. Иванчова и Р. Петрова «стамболовисты» воздерживались от активной оппозиционной деятельности. Между ними и «иванчовистами» не возникло противостояния из-за близости их идеологии⁶.

Результатом парламентских выборов в XI Обыкновенное народное собрание в 1901 году стал относительный успех Народно-либеральной партии, которая получила 45 депутатских мест. Но это не гарантировало ей участия в формировании правительства. Попытки договориться с «народняками» закончились безрезультатно, поэтому новый кабинет министров образовали «цанковисты» и «каравелисты», а «стамболовисты»

¹ Нов век. 1900. 23 февруари.

² Там же. 27 февруари.

³ Там же. 10 март.

⁴ Там же.

⁵ Там же. 24 април.

⁶ Как правые «радослависты», так и члены Народно-либеральной партии поддерживали Фердинанда, а во время правления кабинета Р. Петрова «стамболовисты» даже претендовали на роль проправительственной партии.

снова перешли в оппозицию¹. Фракция Народно-либеральной партии голосовала против основных мероприятий правительства П. Каравелова. Ее не удовлетворял государственный бюджет, который, по мнению «стамболовистов», предусматривал недостаточно средств на содержание армии. Вместе с «радославистами», «народняками» и левыми партиями они выступали против договора о кредите и, таким образом, спровоцировали правительственный кризис 1901 года².

4 сентября 1901 г. тырновские «стамболовисты», стремясь вернуть популярность партии, обратились к Р. Петрову с предложением возглавить их группировку³. Но эта инициатива оказалась бесперспективной — генерал отказался, а «стамболовисты» провалили парламентские выборы 1902 года. По результатам голосования фракция Народно-либеральной партии в XII Обыкновенном народном собрании состояла лишь из восьми депутатов. Все они поддержали призыв Фердинанда голосовать за договор о кредите во французских банках и вместе с «цанковистами» и «каравелистами» содействовали его ратификации. Подобная резкая смена позиции «стамболовистов» относительно вопроса о кредите объясняется более лояльными для Болгарии условиями договора (французские банкиры согласились предоставить заем без залога табачной монополии), а также желанием депутатов от Народно-либеральной партии поддержать стремления князя⁴.

Ратификация договора о кредите — один из немногих примеров поддержки «стамболовистами» мероприятий правительства. В целом Народно-либеральная партия жестко критиковала распуск правительством общинных советов и внешнеполитический курс кабинета С. Данева, особенно его позицию относительно македонских комитетов и «Фирмилианского вопроса»⁵. Ее лидеры принимали участие в акциях протesta против пассивности власти в связи с назначением серба митрополитом в Скопье. Эти мероприятия способствовали усилению популярности

¹ Николова В. Въпросът за лидерството в Народнолибералната партия (1887–1903) // Известия на Института по история. София, 1983. С. 247.

² Николова В. Към характеристиката на Народнолибералната партия (1894–1903) // Исторически преглед. 1976. № 2. С. 74.

³ Централен държавен архив. Ф. 52 к. «Р. Петров». Оп. 2. Д. 44. Л. 1.

⁴ Николова В. Народнолибералната партия и вътрешнополитическото развитие на България (1894–1903) // Проблеми на политическата история на България (1878–1944). София, 1979. С. 101, 104.

⁵ Нов век. 1902. 20 март.

«стамболовистов» среди избирателей. 29 марта 1902 года «Нов век» отмечает: «Русофильство — главный козырь политики правительства; «цанковисты» присвоили его себе и теперь говорят от имени российского царя¹. Кроме того, «стамболовисты» критиковали правительство С. Данева за сокращение численности армии.

Итак, в начале XX века положительные отношения с главой государства, давние традиции, умелая агитация и достаточная финансовая поддержка превращали Народно-либеральную партию в одну из наиболее влиятельных политических сил страны.

Что касается Прогрессивно-либеральной партии, то она по результатам парламентских выборов 1899 года получила 18 мест — второй результат (после демократов) среди всех оппозиционных политических сил. Их фракция решительно выступала против отмены мандатов народных представителей оппозиционных партий, а также против финансовой политики правительства Д. Грекова. В начале июля 1899 года софийское центральное и провинциальные бюро партии организовали митинги в знак протеста против передачи иностранным компаниям части болгарских железных дорог, а также удержаний значительного процента от зарплат чиновников и учителей.

Образование 1 октября 1899 года нового правительства во главе с Т. Иванчовым стало началом перехода «прогрессистов» в более жесткую оппозицию по отношению к власти. Они принимали активное участие в движении за отмену натуральной десятины, организуя митинги и собрания, требуя от князя наложить вето на соответствующий закон. Газета «цанковистов» «България» подчеркивала общенародный характер земледельческого движения и его важное значение для государства².

В начале февраля 1900 г. Фердинанд организовал прием для всех лидеров правоцентристских политических сил страны, среди которых был и С. Данев. Именно ему, а также П. Каравелову, глава державы уделил наибольшее внимание. Такое поведение князя объясняется желанием видеть при власти новую коалицию правоцентристских сил³. Этим князь спровоцировал актуализацию идеи объединения «цанковистов» и «каравелистов» в одну партию, активно обсуждавшуюся весной 1900 года, но не нашедшую поддержки у большинства членов обеих политических

¹ Там же. 23 март.

² България. 1900. 18 февруари.

³ Научен архив на Българска академия на науките. Ф. 43 к. «Д. Цанков». Оп. I. Д. 14. Л. 1.

сил. 2 мая лидер Прогрессивно-либеральной партии С. Данев в письме к Д. Цанкову обратился с просьбой избрать вместо него нового главу Центрального бюро ввиду его чрезмерной занятости¹. Это предложение не нашло своего воплощения в жизнь — С. Данев продолжал возглавлять партию.

Осенью 1900 года Фердинанд пригласил для личного разговора вслед за П. Каравеловым С. Данева — лидера «прогрессистов». Князь выразил желание образовать новый коалиционный кабинет министров из представителей оппозиции. **Так, в 1899–1900 гг. Прогрессивно-либеральная партия превратилась в наиболее влиятельную политическую силу страны** (выделено мн. — Д.М.), с которой считался князь. Критика финансовой политики правительства Д. Грекова и Т. Иванчова, а также активное участие в движении за отмену Закона о натуральной десятине добавили ей популярности среди народа.

Во время правления переходных кабинетов министров Т. Иванчова и Р. Петрова «цанковисты» активно критиковали премьеров за их попытки остаться у власти путем образования проправительственных политических партий. Лидер «прогрессистов» С. Данев высоко оценил организацию выборов 1901 года кабинетом Р. Петрова: «Необходимо признать, — писал он, — что это были по-настоящему свободные выборы — их результатом стало пестрое по составу Народное собрание, в котором принимали участие все партии»².

Переход большинства «радославистов» в оппозицию совпал с отставкой первого правительства Т. Иванчова 22 ноября 1900 г. Именно тогда либералы начали работу по консолидации своей партии с целью вернуть потерянные позиции. Политическая борьба «радославистов» имела два направления — деятельность в парламенте и попытки публичной координации действий правительства. Они обвиняли «иванчовистов» в расколе Либеральной партии, а премьер-министра в намерении образовать политическую группировку, которая бы обслуживала его «чиновничье» правительство. В 1901 г. после январской отставки второго кабинета министров Т. Иванчова либералы окончательно покинули государственную администрацию. Новое правительство Р. Петрова «радослависты» обвиняли в попытке установить военную диктатуру. Они обращались к народу с возвнанием предупредить образование «парламента под командой».

¹ Там же.

² Данев Ст. Мемоари / Съст. и ред. Е. Стателова и К. Гергинов. София, 1992. С. 85.

Выборы в XI ОНС оказались для либералов неудачными. Они получили лишь шесть мандатов¹. Депутатами стали П. Пешев, доктор П. Табурнов, Д. Десев и три малоизвестных провинциальных деятеля. В конце декабря 1900 года ЦБ либералов обратилось к местным представительствам с воззванием мобилизовать силы (особенно это касалось районов, где «радослависты» имели незначительное влияние) и не объединяться с группой Иванчова — Тончева, называя ее главной виновницей правительского кризиса 1900 года и раскола партии. Безуспешно закончились попытки либералов образовать коалицию с другими партиями. «Стамболовисты» ответили на предложение «радославистов» отказом; так как надеялись на поддержку со стороны Р. Петрова.

Одной из главных причин поражения либералов на выборах 1901 г. стал недостаток средств и неправильно избранная тактика. Так, Т. Ахтаров — ответственный за предвыборную кампанию «радославистов» в городе Трын — отчаянно умолял руководство выделить 3–4 тыс. левов, без которых партия была обречена на поражение. Свою кампанию либералы построили на защите инициатив первого правительства Т. Иванчова, а также на критике кабинета министров Р. Петрова, который они обвиняли в стремлении возобновить авторитарный режим 1887–1894 гг².

Первой реакцией либералов на результаты выборов в XI ОНС стал призыв к роспуску парламента, так как, по мнению «радославистов», представленные в Народном собрании партии не могли образовать жизнеспособную коалицию. Позже либералы присоединились к требованиям «стамболовистов» сформировать правительство из наиболее авторитетных представителей парламента (без учета партийной принадлежности). Таким образом «радослависты» получали шанс принять участие в разделе власти. Сближение «народняков», «цанковистов» и «каравелистов» привело к изоляции либералов на выборах в общины советы, распущенные Р. Петровым. Софийские «радослависты» бойкотировали эти выборы, мотивируя свой шаг незаконными действиями администрации. Так они намеревались завуалировать свою принадлежность к поражению. Последние надежды либералов на роспуск парламента также не оправдались. Образование правительства во главе с П. Каравеловым вынудило либералов заволноваться. В газетах про-

¹ Палангурски М. Либералната (радославистска) партия в системата на българската парламентарна демокрация (ноември 1900 — юни 1904). Велико Търново, 1995. С. 149.

² Там же.

властных партий время от времени появлялись статьи о незаконных действиях представителей «радославистских» правительств, а в парламенте началась дискуссия относительно ликвидации депутатских мандатов либералов. Небольшая фракция «радославистов» отчаянно защищалась до тех пор, пока министр юстиции А. Радев не призвал прекратить склоки и утвердить окончательный состав парламента по результатам честно проведенных выборов¹.

Чтобы не скомпрометировать себя, фракция «радославистов» не голосовала против ликвидации Закона о натуральной десятине. Она выступила против административной реформы правительства, обвинив его в намерении отменить территориальные единицы, где оппозиционные партии имели наибольшее влияние. «Радослависты» активно включились в дискуссию с правительством по поводу Закона об амнистии участникам движения за отмену натуральной десятины. Они не протестовали против амнистии крестьянам. Либералов не удовлетворяла позиция кабинета министров и провластных фракций относительно чиновников и военных, которые принимали участие в подавлении движения и которых правительство не освобождало от ответственности. Либералы же требовали амнистии для всех².

Вскоре «радослависты» заняли еще более жесткую позицию относительно мероприятий правительства — критиковали бюджет, предложенный кабинетом министров П. Каравелова по всем его параграфам. Особенно это касалось сокращения финансирования образования, дипломатических представительств и армии. Летом 1901 года В. Радославов предвидел наступление быстрого политического кризиса правительства, как спровоцированного противостоянием между соправящими партиями. Довольно резкий тон лидера либералов объяснялся важной причиной — привлечением к ответственности бывших министров кабинета Т. Иванчова. Кроме того, В. Радославова тревожили частые жалобы на власть со стороны провинциальных представителей его партии³.

7 октября 1901 года состоялись дополнительные парламентские выборы, по результатам которых «радослависты» не получили ни одного места в парламенте. Главной причиной столь неудачной для либералов ситуации стало противостояние в их среде. Часть провинциальных пред-

¹ Там же. С. 150.

² Там же. С. 151.

³ Научен архив на Българска академия на науките. Ф. 45 к. «В. Радославов». Оп. 1. Д. 292. Л. 1.

ставительств, несмотря на сопротивление ЦБ партии, пошла на союз с другими политическими силами. Например, «радослависты» поддержали в Плевене «стамболовистов», а в Горной Оряховице — провластные политические силы¹.

После выборов «радослависты» сосредоточили свое внимание на финансовой политике правительства. Они обвинили П. Каравелова, который договорился с Россией о четырехмиллионном кредите, в нарушении Конституции, ведь подобный шаг премьер сделал без санкции Народного собрания. Серьезное сопротивление действиям правительства либералы развернули осенью 1901 г. Тогда они выступили против кредита во французских банках, подчеркнув, что его условия намного жестче, чем в договоре о кредите 1899 г. «Радослависты» отметили, что подобные шаги правительства приведут к экономической зависимости Болгарии. 2 декабря 1901 г. ЦБ либералов — Д. Вачов, К. Доцев, П. Пешев, Ж. Бакалов, Х. Попов — организовало многочисленный митинг протesta. На нем была принята резолюция, которая призвала депутатов голосовать против займа, а князя — наложить вето в случае его принятия парламентом.

Отставку правительства П. Каравелова 4 декабря 1901 года «радослависты» встретили с энтузиазмом. Для них начался новый период борьбы за власть, первостепенным шагом в которой был распуск парламента и назначение новых выборов. На протяжении лета и осени 1901 года их партийный орган «Народни права» критиковал государственный строй Болгарии, обращая внимание общественности на необходимость его реформирования: «Князь назначает Совет министров, выборы в Народное собрание и, как правило, получает необходимое большинство мест. Такая система свидетельствует о триумфе личного режима в Болгарии².

Новый кабинет министров С. Данева «радослависты» назвали «не-конституционным», объясняя его назначение желанием князя достигнуть своей цели — получить кредит во французских банках. Предвыборная кампания либералов в 1902 году прошла намного организованнее, чем предыдущая. 15 и 16 января ЦБ партии провело общее собрание, где призвало своих сторонников мобилизовать силы. На нем присутствовали и «иванчовисты».

Итак, либералам удалось преодолеть раскол. Кроме того, резолюция, принятая собранием, запретила местным представителям вступать в

¹ Палангурски М. Либералната (радославистка) партия... С. 149.

² Там же. С. 159.

союз с другими партиями без разрешения ЦБ. Это должно было предотвратить раскол в будущем.

Свою предвыборную агитацию «радослависты» построили на критике табачной монополии и договора о кредите, настаивая на необходимости не допустить его ратификации. Трезвый анализ политической ситуации показал незначительность шансов «радославистов» на выборах в общинные советы. Именно поэтому в Чирпане они образовали союз с «стамболовистами», в Шумене — с «земледельцами», а в Софии — с демократами и «народняками».

Неутешительные для либералов результаты выборов (7 депутатских мест) — результат все той же непопулярной среди народа политики правительства Т. Иванчова, а также выступления Д. Тончева и его сторонников с самостоятельными списками. Это привело к расколу малочисленного избирателя «радославистов». В XII Обыкновенном народном собрании либералы голосовали против кредита, невзирая на отсутствие в новом договоре пункта о залоге на табачную монополию. Скорее всего, такое поведение «радославистов» — дань предвыборным обещаниям. Принимая участие в голосовании, они не вступали в дискуссию. Только Д. Тончев критиковал правительство за ограничения денежного оборота, за проведение фискальной политики без предварительной договоренности с банками и др¹. После ратификации договора «радослависты» указывали на недостатки в новом бюджете, обвиняя кабинет министров в попытках ограничить общинное самоуправление и отменить часть депутатских мандатов оппозиции. В конце 1902 — начале 1903 года либералы не сделали важных шагов, направленных на возвращение общественного доверия. Больше внимания они уделяли не парламентской работе, а судебным процессам над бывшими министрами кабинета Т. Иванчова².

Находясь в оппозиции «радослависты», резко реагировали на события, связанные с международным положением Болгарии. Их выступления на митингах 2 февраля 1902 г. в Софии — это попытка обратить внимание международной общественности на болгарский национальный вопрос и поддержать македонские революционные комитеты, отноше-

¹ Кацарова Р. Димитър Тончев — опит за политически портрет // Исторически преѣд. 1998. № 3–4. С. 129.

² Танкова В. Иван Евстратиев Гешов — между общественика и държавника // Български държавници. 1878–1918. София, 1994. Кн. 1. С. 49.

ние к которым со стороны второго правительства Т. Иванчова и кабинетов министров Р. Петрова, П. Каравелова, С. Данева было негативным¹. Они критиковали позицию правительства «цанковистов» по «Фирмилианскому вопросу», который называли покушением на целостность нации², и требовали от кабинета министров решительных действий³.

Итак, будучи в 1900–1902 гг. в оппозиции, «радослависты» пытались вернуть себе доверие избирателей с помощью обращения к либеральным ценностям. Яркое тому подтверждение — активное обсуждение ими необходимости реформ государственного устройства⁴. Большинство же других шагов партии следует расценивать как проявление политической демагогии. Среди них — критика административной реформы правительства П. Каравелова, а также необоснованные обвинения некоторых действий Фердинанда, который в действительности на протяжении 1900–1902 гг. не нарушал статей основного закона.

После отставки правительства К. Стоилова новый премьер Д. Греков сделал попытку образовать коалиционный кабинет министров из представителей всех правоцентристских партий. Среди возможных министров фигурировала и фамилия П. Каравелова. Д. Греков, при поддержке Г. Начовича, пригласил лидера демократов для личной беседы, но П. Каравелов категорически отказался принимать участие в формировании правительства⁵. Демократы остались в оппозиции, выразив при этом недовольство действиями Фердинанда, который доверил должность премьера «беспартийному» Д. Грекову.

«Каравелисты» жестко раскритиковали программу нового кабинета министров, обратив внимание на отсутствие в ней плана борьбы с финансовым кризисом. Накануне новых парламентских выборов лидеры Демократической партии активно обсуждали возможность объединения с «цанковистами». К этой идеи их подтолкнули партии власти — либералы и «стамболовисты», которые предприняли шаги к образованию единой политической силы. Альянс «каравелистов» и «цанковистов»

¹ Илчев И. Родината ми — права или не! Външнополитическа пропаганда на балканските страни (1821–1923). София, 1995. С. 342.

² Народни права. 1904. 18 май.

³ Кшиклиева П. Д-р Васил Радославов — предател или патриот? // Исторически преглед. 1998. № 5–6. С. 199.

⁴ Николова В. Българския парламент: опитите за превръщането му в действен орган (1887–1912) // Исторически преглед. 1988. № 5. С. 14.

⁵ Кожухаров К. Петко Каравелов. София, 1968. С. 94.

давал оппозиции больше шансов успешно противостоять провластной коалиции на предстоящих выборах. Но все попытки договориться завершились безрезультатно — среди демократов и прогрессистов победили сторонники самостоятельных действий. Оппозиционные партии пошли на выборы разными путями.

С первых дней своей деятельности новое правительство начало политику, направленную на замену старого административного аппарата, главной целью чего было внедрение в органы администрации своих единомышленников. **Демократическая партия** организовала митинги протеста против таких мероприятий правительства. Один из них состоялся 21 февраля 1899 г. в Габрово. В общинной администрации этого города преобладали «каравелисты». 23 марта в Видине местное бюро «каравелистов» провело митинг, в котором приняло участие около тысячи человек. Лидеры демократов — Н. Цанов и А. Филипов — выразили недоверие новому правительству¹.

Агитационная деятельность демократов получила широкое распространение. Во время предвыборной гонки П. Каравелов посетил Троян, Видин, Русе, Силистру, Ловеч, Севлиево, Габрово, Велико Тырново, Горна Оряховицу, Попово, Разград, Варну и другие города². Каждый раз он выступал с политическими заявлениями, в которых отражалась либеральная платформа «каравелистов». Эти мероприятия оказались не напрасными, так как в результате выборов демократы заняли первое место среди оппозиционных партий по количеству отданных за них голосов и получили 10 мест в парламенте.

Для X Обыкновенного народного собрания было характерным жесткое противостояние между провластными партиями и оппозицией. Финансовый кризис вынудил правительство искать возможность получения нового конверсионного кредита. Как уже отмечалось, планировалось отдать под залог часть болгарской железной дороги. В мае 1899 года оппозиционные партии организовали собрание, которое осудило действия правительства. После ратификации договора о кредите депутат И. Белинов выступил в парламенте с речью, критикуя политику власти, называя ее несоответствующей национальным интересам страны.

Местные бюро Демократической партии активно организовывали митинги и собрания. 9 июня 1899 года видинское представительство

¹ Неделчев М. Радикалдемократизъм — опит за либералното политическо поведение в България. София, 2000. С. 122.

² Пеев П. Петко Каравелов. София, 1946. С. 46.

«каравелистов» начало акцию против договора о кредите, а 20 июня эти мероприятия поддержали шуменские демократы во главе с Х. Тодоровым и П. Байновым. Софийское бюро Демократической партии 3 июня 1899 г. обратилось с «Манифестом к болгарскому народу», а 5 июня с «Воззванием к столичным гражданам». В этих документах оно выражало протест против законодательной деятельности парламентского большинства и приглашало жителей Софии 6 июня принять участие в митинге.

Демократы предлагали два варианта преодоления финансового кризиса — или новый 60-миллионный заем без продажи железнодорожной линии, или жесткая экономия бюджетных средств путем сокращения количества государственных учреждений, дипломатических представительств, армии и снижения зарплат, пенсий, стипендий. Главным злом для Болгарии «каравелисты» продолжали считать решение финансовых проблем за счет потери экономической независимости.

После отставки правительства Д. Грекова новый кабинет министров Т. Иванчова, где «радослависты» получили ключевые должности, инициировал принятие Закона о натуральной десятине. Демократы осудили этот шаг правительства, местные бюро их партии начали организацию манифестаций и других акций протеста. Центральный орган «каравелистов» — газета «Пряпорец», ввиду критической ситуации в стране, призывал Фердинанда распустить X ОНС и назначить новые свободные выборы. Выступая в парламенте, П. Каравелов подчеркнул, что натуральная десятина не разрешит финансовые проблемы Болгарии, нужно искать другие пути преодоления кризиса.

Своеобразной была реакция демократов на образование Земледельческого союза: «Стремления нашей незрелой молодежи создать отдельную партию бессмысленны с точки зрения общих интересов Отчизны, — писал «Пряпорец». — Вопрос о земледельческой организации должен идти отдельно от политических взглядов ее участников»¹.

Весной 1900 года вновь актуализировалась идея объединения демократов и «цанковистов» в одну партию. Ее сторонники, ввиду нестабильного положения в стране, стремились образовать крепкую многочисленную политическую силу, которая бы имела больше шансов победить на выборах. Но противоречия и идейные разногласия между лидерами партий, а также сопротивление со стороны противников объединения, вновь заставили отказаться от этого шага. В конце лета 1900 г. демо-

¹ Пряпорец. 1900. 5 януари.

кратическая партия организовала самостоятельный конгресс, главной целью которого была разработка и принятие политической программы. Эти мероприятия демократов происходили в условиях правительенного кризиса, результатом которого стала отставка 22 ноября 1900 года «радославистского» кабинета министров¹.

Авторитет и влияние «каравелистов» в конце XIX века, а также критическое финансовое положение Болгарии во время «радославистского» управления, заставили Фердинанда согласиться на образование 19 февраля 1901 года коалиционного правительства Каравелова — Данева, просуществовавшего почти десять месяцев, после чего демократы вновь перешли в оппозицию.

Во время подготовки к новым парламентским выборам в первой половине 1902 года «каравелисты» неоднократно обращали внимание на нарушения правительством С. Данева Конституции. Депутат М. Такев обвинил кабинет министров в использовании административного ресурса, особенно в Пештерской, Станимакской, Старозагорской и Пловдивской околяниях. Позиции демократов в XII ОНС были слабыми — их правое крыло во главе с П. Каравеловым представляли семь депутатов, а левую группировку Н. Цанова — шесть. Демократическая партия вновь раскололась во время голосования по договору о кредите во французском банке. «Старые» демократы во главе с П. Каравеловым поддержали мероприятия правительства, «молодые» же вместе с «народняками» и социалистами голосовали против займа. Несмотря на то, что «каравелисты» поддержали Прогрессивно-либеральную партию во время голосования по кредиту, они не потеряли возможности для критики внутриполитической деятельности кабинета С. Данева.

В начале 1902 г. демократы решительно выступили против позиции правительства в «Фирмилианском вопросе». Они обвинили С. Данева в пассивности в отношении сложившейся ситуации, подчеркивали негативные последствия такой пассивности для Болгарии, которая может навсегда потерять Македонию². 4 мая 1902 г. «Пряпорец» пишет: «Если правительство заявляет, что Фирмилианский вопрос не важен для него, то его политика не будет иметь смысла»³. Назначение в июне 1902 года серба митрополитом в

¹ Р. Атанасов

¹ Лисицата и лъвът: Фердинанд I на фона на българската психологическа и политическа действителност, 1886–1902 / Съст. Д. Давчева, С. Овчаров. София, 1994. Т. 1. С. 62.

² Андреева Р. Нация и национализъм в българска история. София, 1998. С. 68.

³ Пряпорец. 1902. 4 май.

Скопье «каравелисты» встретили враждебно, называя это реваншем Белграда за поражение при Сливнице в 1885 году¹. Оппозиционеры принимали участие в многотысячных акциях протesta, требуя от правительства занять твердую позицию и помочь болгарской экзархии защитить национальные интересы². В Народном собрании правоцентристские оппозиционные фракции выступали с осуждением этого назначения³.

На протяжении почти всего лета 1902 года борьба между оппозицией и провластной партией велась вокруг выборов в местные и окружные советы, назначенных на 11 августа 1902 г. Попытки министра внутренних дел А. Людсканова заменить служащих в администрации сторонниками прогрессистов вызвали недовольство со стороны демократов. На этих выборах «каравелисты» окончательно отказались от своего старого партийного принципа — самостоятельно участвовать в предвыборных гонках. В зависимости от решений региональных бюро они образовывали союзы с «народняками», «стамболовистами» и «радославистами». Например, в общинный совет столицы представители всех оппозиционных правоцентристских партий шли по единому списку. В целом же противоречия среди демократов, неудовлетворительные результаты выборов 1902 года, а также смерть П. Каравелова (24 января 1903 г.) привели партию к глубокому кризису⁴.

Итак, характер оппозиционной деятельности Демократической партии в 1899–1903 гг. свидетельствует о либеральном настрое этой политической силы⁵. Она выступала против незаконных действий правительства, требовала отказаться от проведения недемократических мер. После падения кабинета министров П. Каравелова раскол в среде демократов усугубился⁶. Приверженцы Н. Цанова постепенно выделялись в самостоятельную группировку, занимая место на левом фланге политического спектра Болгарии вместе с социалистами и БЗНС.

¹ Малинов Ал. Страницки от нашата политическа история. София, 1903. С. 56.

² Казасов Д. Улици, хора, събития: София през първите години на 20-я век. София, 1968. С. 122.

³ Кореспондентът на «Таймс» съобщава от София / Съст. К. Пандев, В. Александров. София, 1982. С. 129.

⁴ Каравелов П. Демократическата партия. София, 1946. С. 3.

⁵ Стоянова Р. Демократическата партия в отстояване принципите на парламентарна демокрация (1901 – 19 май 1934) // 100 години Демократическа партия. Копривщица, 1996. С. 19.

⁶ Спомени за Петко Каравелов / Съст. Е. Стателова. София, 1991. С. 111.

Таким образом, правоцентристская оппозиция в Болгарии на протяжении 1899–1903 гг. проявила себя самостоятельностью действий каждой отдельной партии. Только в отношении движения за отмену натуральной десятины в 1899–1900 гг. и противостояния по «Фирмилианскому вопросу» в 1902–1903 гг. можно говорить об их совместных действиях. Различие в идеологических взглядах, личные амбиции лидеров, прежние обиды, отсутствие традиций легальной демократической борьбы за власть, в том числе практики образования коалиций, — вот комплекс причин, который не позволил правоцентристской оппозиции выступить одним фронтом.

О низком уровне политической культуры элит в Болгарии (выделено мн. — Д.М.) свидетельствует работа X, XI и XII Обыкновенных народных собраний и соответствующих правительств. Лоббирование корпоративных интересов, использование власти во имя расправы с оппонентами, систематические нарушения законов, работа в парламенте далеких от политики людей — вот главные ее проявления.

Период политической нестабильности в Болгарии 1899–1903 гг. ярко продемонстрировал идеиные разногласия между правоцентристскими партиями. Наиболее либеральными среди них были «каравелисты», а «радослависты». Находясь у власти, они проводили довольно жесткую внутреннюю политику, направленную на усиление исполнительной власти, несмотря на то, что Либеральная партия декларировала в своей программе чуть ли не наиболее демократические лозунги. «Народнякам» традиционно была присуща умеренность, а «стамболовисты» проявили себя самыми последовательными сторонниками Фердинанда.

Все это дает повод рассматривать последние две партии как наиболее консервативные. «Прогрессивные» либералы, по сравнению с «каравелистами», находились в политическом спектре правее, так как их реформы 1902–1903 гг. отличались умеренностью. Из такого расклада выходит, что «цанковисты» были типичными правоцентристами.

Гришина Р.П.

Институт славяноведения РАН

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО. БОЛГАРИЯ 1912–1913 ГГ.

Согласно теории, Власть и Общество находятся в постоянном взаимодействии между собой. Однако, как субъекты, они далеко не равноправны между собой. Кажется очевидным, что власть обладает значительно большими средствами для воздействия на общество. Случаются ли обратные ситуации? Думается, что события 1912 г. в Болгарии дают как раз такой нестандартный пример.

Период Балканских войн 1912–1913 гг. явился переломным в истории страны. Это было время глубокого внутреннего кризиса, когда отношения между обществом и властью проявились очень резко и крайне противоречиво, пройдя путь от эйфорического мобилизационного единения между значительной частью населения и правящими структурами Болгарии до последовавшего затем его глубокого расстройства.

О Балканских войнах существует огромная литература. Страстная, противоречивая, обвиняющая; объективная, по мнению почти каждого автора, или специально запутывающая. Словом, разная, различная. Не берусь здесь детально анализировать ее. Свою задачу вижу в том, чтобы попытаться ответить на некоторые вопросы, связанные с *политической культурой* болгарского общества и болгарской власти начала XX в., поскольку ее невысокий в целом уровень явился, на мой взгляд, одним из факторов, неблагоприятно отразившихся на характере внутриполитического кризиса 1912–1913 гг. в стране и на происхождении Балканских войн, их подготовке, ходе и результатах.

Сначала несколько слов об особенностях складывания властных структур в Болгарии, как они видятся некоторым современным болгарским авторам. После Освобождения 1878 г. пишет, например, П. Ганчев, болгарское общество, лишенное своей аристократии, стало производить элиту из обычных учителей, торговцев, ремесленников, пастухи становились «апостолами». Свободная Болгария оказалась с очень тонким слоем политической элиты, рекрутированной из прежних бесприютных революционеров-эмигрантов, уцелевших «апостолов», чорбаджийской и народной интеллигенции. Между тем потребности управления создава-

ли хорошие условия для быстрого проникновения в политические ячейки общества людей, недостаточно готовых к этому, полуобразованных или совсем необразованных. Они-то и заполнили поры государственного аппарата. «Люди из народа», продолжает П. Ганчев, быстро «ползут на верх», и нередко полуграмотные становятся даже министрами¹. Именно эта малокультурная масса, заключает он, рекрутированная из бывших крестьян, торговцев и ремесленников, способствовала тому, что низкий уровень политической культуры воспринимался как норма, превращаясь в традицию.

Важными соображениями в этом отношении делится другой болгарский автор — Ст. Влахов-Мицов. По традициям средневековой Болгарии, указывает он, власть у нас всегда была источником прямых благ; «османское рабство закрепило эту негативную тенденцию, превратило ее в правило. Дух приспособления у болгарского народа вместе с коррумпированными институтами империи способствовали в последнее столетие дооформлению отношения к власти как к бескомпромиссной борьбе за ее завоевание и ухаживанию за теми, от кого она зависит». Подкупы, доносы, коррупция османских институтов переносились в болгарские учреждения, т. к. отношение к власти психологически оставалось тем же у тех, кто ею не обладал².

Коррупция как едва ли не профилирующая компонента государственного управления в любой стране, начиная со времен Сократа и Платона, накладывалась в Болгарии на глубокий непрофессионализм власти³, носившей по большей части любительский характер. Как покажет наше дальнейшее изложение, даже высокообразованные политики, честно изучавшие «политические науки» за границей, попадая в балкансскую политическую среду, где понятия *государственной политической культуры* и правил поведения не имели *должной традиции*, теряли точки опоры в своей политической практике и, нередко, терпели крах.

Формирующееся в Болгарии буржуазное общество периода первоначального накопления капитала развивалось сравнительно быстро. Свою

¹ Ганчев П. Съвременният български политически елит: социално представителство, социално-психологически характеристики и идеини ориентации // XX век. Елити и доктрини. Варна. 2002. С. 271–272. Они же, по мнению автора, составили большую часть премьер-министров Болгарии до 1944 г., включая и самых прославленных среди них — Ст. Стамболова и Ал. Стамболовского.

² Влахов-Мицов Ст. Владетели в примка. Книга за княз Батенберг, цар Фердинанд и цар Борис III. София. 1992. С. 66.

³ Добрев П. За държавата и властта. В миналото и днес. София, б/д. С. 27.

роль играло свободное пользование крестьянами собственностью, возрастание возможностей для расширения социальных связей. Крестьянство постепенно втягивалось в политический процесс: участвовало в выборах — местных и парламентских, с начала XX века имело свою партию Болгарский земледельческий народный союз, свой партийный орган.

Распространение живой разнообразной печатной продукции составило, пожалуй, одну из самых своеобразных черт общественной жизни Болгарии после ее Освобождения. Партийные газеты были особенно важны в годы, когда аппарат партий только выстраивался; но и позже, уже став традицией, они играли подчас ключевую роль в формировании *общественного мнения*. Газетные полосы наполнялись острыми злободневными материалами, написанными нередко чрезмерно язвительным языком. При слабости болгарской политической системы в целом партийная печать несла как бы добавочную функцию, восполнявшую «тело» такого важного в парламентской системе органа, как партии.

Помимо прессы, питательным источником для формирования у населения потребности в общественной информации служила хорошо с внешней стороны наложенная работа парламента. Регулярно публиковались стенографические отчеты о его заседаниях, принятых законах, о деятельности комиссий Народного собрания, о депутатских запросах и т. п. «В народе» обсуждались выступления отдельных ораторов, столкновение позиций партийных парламентских групп. Свою лепту в «разговоры в обществе» вносили материалы о съездах политических партий, о качествах сменяющихся лидеров и т. п. Все это способствовало сравнительно быстрой модернизации общественного сознания, постепенному складыванию у разных групп населения потребности публично выражать свое мнение по тем или иным вопросам повседневной жизни или в связи с кризисными обстоятельствами.

Когда в 1880–1890-е гг. число партий стало быстро увеличиваться за счет дробления старых и возникновения новых, говорить об их посреднической роли между монархом и населением стало все труднее. Дело в том, что в Конституции Княжества Болгария такая политическая форма, как партия, вообще не упоминалась, специального закона о партиях не существовало, и их деятельность никак не регламентировалась. При «разгульной» свободе в годы первоначального накопления капитала партии и их лидеры первостепенной задачей стали считать овладение властью или хотя бы приближение к ней; главным стало извлечение максимальной пользы от близости к власти, удовлетворение собственных интересов. Смотреть на управление меркантильно стало своего рода нормой. Вокруг политических партий начало концентрироваться

люмпенизированное чиновничество. Партийные лидеры и их антураж стремились использовать свою близость к монарху, заботы о каких-либо национальных или государственных интересах отходили на задний план. А поскольку понятия корректности в политическом обиходе на Балканах в то время вообще не существовало, традиционная межпартийная борьба вносила лишь сумятицу в общество, мешала его консолидации.

Впрочем в первое десятилетие XX в. политические партии уже более или менее устойчиво дифференцировались, их программы стали приобретать собственное выражение. И почти в каждой из них предлагался вариант решения вопроса об объединении болгарского народа воедино, включая часть населения, остававшегося в пределах Османской империи — в Македонии и Одринской области. Полное объединение болгар и их независимое развитие было одной из самых важных черт *общественного идеала*, сложившегося в эпоху Возрождения. Как таковой он сохранял свою силу и воздействие на общество в целом и после Освобождения Болгарии в 1878 г. Во вновь образованном государстве — Княжестве Болгария уже как *национальный идеал* он приобрел определенную легитимацию в статусе «Сан-Стефанской Болгарии»¹.

Но как ни парадоксально, лидеры партий, приходя к власти, воздерживались от программного изложения политики своего правительства по национальному вопросу. Ни одна из партий не предусматривала участия Болгарии в подготовке национальной революции в Македонии и Одринской Фракии, замышлявшейся ВМОРО и ее комитетами². Иными словами, в стране, где правящие круги непрестанно фантазировали по поводу македонского вопроса и Сан-Стефанской Болгарии, *отсутствовала практическая государственная программа по национальному вопросу*. Подтверждая этот факт, Д. Саздов пишет, что не существовало

¹ Разграничывать понятия общественного и национального идеала впервые предложил болгарский историк П. Петков. См.: Петков П. Съдбата на българския възрожденски идеал (бележки върху развитието на идеите за държавно устройство и политическото управление и реализацията им през XIX и XX в.) // Дванадесетият век. Опит за равносметка. София. 2003. С. 134.

² Саздов Д. «Войната» като път за разрешаване на българския национален проблем в програмите и програмни документи на буржоазните партии от началото на XX в. // 90 години организирани военноисторически изследвания в България. София. 2004. С. 347. При этом Д. Саздов замечает, что именно революционный путь национального освобождения «мог бы в случае победы предотвратить дележ исконных болгарских земель», как это получилось в результате Балканских войн.

не только публичной, т. е. общедоступной, но даже тайной общей национальной концепции, конкретизированных сроков или этапов полного разрешения проблемы национального идеала¹. Эти обстоятельства он объясняет (но не оправдывает!) сложностью самого вопроса и подозрительностью соседних государств по отношению к Болгарии. Таким образом, складывается впечатление, что *верхняя часть* болгарского общества, постепенно утверждаясь с начала XX века в необходимости войны с Турцией за национальное объединение, боялась или не хотела в этом признаться. И общество в целом находилось в неведении относительно конкретных внешнеполитических планов государства.

В этих условиях инициатива оказалась в руках «македонствующих». Раскол ВМОРО после поражения Ильинденско-Преображенского восстания 1903 г., а в 1908 г. и роспуск ее вооруженных частей в обмен на обещание помочи со стороны младотурок, казалось, «обесточили» действие македонского фактора. Но лишь на время. В начале 1911 г. был избран новый состав ЦК ВМОРО, куда вошла группа «более молодых деятелей»: П. Чаулев, Хр. Чернопеев и Тодор Александров² (30-летний школьный учитель и член местных революционных руководящих органов в Македонии в 1903–1904 и 1907 гг.), а также в качестве запасного члена ЦК ВМОРО Александр Протогеров — 44-хлетний офицер действительной службы, один из основателей офицерских братств и член Верховного македоно-одринского комитета — ВМОК (легальный орган в Софии), и в то же время — участник Горноджумайского 1902 г. и Ильинденско-Преображенского 1903 г. вооруженных восстаний на территории Македонии против турецких властей.

О деятельности нового состава ЦК ВМОРО открытых сведений немного. Можно предположить, что настроения и планы у его руководителей были боевыми, точнее — революционными. Тревожная международная обстановка в Европе после событий 1908 г. заставляла торопиться. Кроме того, на горизонте появилась еще одна претендентка на часть европейских владений Турции — Албания европейские великие державы готовились предоставить статус автономии. Ход начавшейся летом 1911 г. Итalo-турецкой войны, свидетельствовавший об ослаблении сил Османской империи, как бы подсказывал ВМОРО план действий — мобилизовать все имеющиеся в Болгарии промакедонские силы, чтобы склонить правительство и царя Фердинанда не упустить момент и вооруженным путем решить македонский вопрос.

¹ Там же. С. 348.

² Куманов М. Македония. Кратък исторически справочник. София. 1993. С. 57.

Задача была непростой, несмотря на то, что многотысячная «болгаро-македонская диаспора» в Болгарии, состоявшая из нескольких волн иммиграции и сосредоточенная по большой части в столице и других городах, поддерживалась в своих желаниях и настроениях болгарскими армейскими чинами, офицерскими братствами, частично чиновниками государственных учреждений и, кроме того, имела горячих сторонников почти во всех политических партиях Царства.

Но царь Фердинанд внутренне к войне был, видимо, не готов. Одним из признаков этого служит, на мой взгляд, утверждение им сформированного как раз в марте 1911 г. нового кабинета министров во главе с лидером Народной партии Ив. Евстр. Гешовым. Правительство Гешова было коалиционным, в него входили также представители Прогрессивно-либеральной партии. Даже беглого взгляда на состав этого Совета министров достаточно, чтобы усомниться в том, что *такой* кабинет мог быть связан планами царя Фердинанда развязать войну. Что касается общества в целом, то отражением *мирных*, в основном социальных, ожиданий людей, явились результаты выборов в парламент, проведенных в сентябре 1911 г., — они подтвердили доверие населения к партиям правительской коалиции.

Глава нового кабинета был выходцем из богатой торговой семьи. Патриотически настроенный с молодых лет и прошедший курс финансовых и политических наук в Манчестере Иван Евстр. Гешов много сделал для развития экономики и культуры Болгарии. О себе он говорил: «До 1912 года я был самым большим миролюбцем в Болгарии»¹. Эту его характеристику не однажды подтвердили современники. По природе и воспитанию, пишет фактически его биограф Ел. Стателова, Гешов — человек мирного просветительского труда, ему чужды рискованные революционные акции и их непредсказуемые последствия². Он стал известен как разумный экономист, банкир, публицист, переводчик, меценат, работал в нескольких правительствах. Будучи родственником известного богача и финансиста, а затем и главным его наследником, Ив. Гешов участвовал в создании Болгарской академии наук, в строительстве здания Софийского университета, совершил множество других благотворительных акций. Как экономист и предприниматель, первым выступил за

¹ Гешов Ив. Евстр. Балканският съюз. Спомени и документи. 2-ро изд. София. 1915. С. 9.

² Стателова Ел. Иван Евстратиев Гешов или трънливият път на създанието. София. 1994. С. 19.

политику поощрения местной промышленности, предоставлении ей льгот, способствовал созданию торгово-промышленных палат, был одним из инициаторов и организаторов ставшей известной Первой болгарской сельскохозяйственной и промышленной выставки в 1892 г. в Пловдиве. С 1901 г. возглавил Народную партию русофильской в основном ориентации.

В состав своего правительства Гешов пригласил авторитетного деятеля Народной партии — богатого финансиста Теодора Теодорова, работавшего до этого в нескольких правительствах (учился в Николаеве, Одессе, Париже), а также своего зятя Димитра Ябланского, крупного акционера, экономиста и хозяйственного деятеля, сторонника аграрной ориентации экономики Болгарии. Министром просвещения в правительстве Гешова стал Стефан Бобчев — человек разносторонних, преимущественно гуманитарных способностей (юрист, фольклорист, славист), среднее образование он получил в Константинополе, затем изучал медицину, право в Москве. Как и Гешов, Бобчев стал одним из создателей Болгарской Академии наук и Софийского университета.

Что можно сказать о таких людях, даже без особой личностной характеристики их, опираясь только на оставленный ими Болгарии культурный и экономический багаж? Зачем нужна была им война, если каждый из них столько сил и личных финансов вложил в строительство экономики и культуры нового государства. Учитывая еще, что в начале XX века экономика страны переживала большой по своим масштабам экономический бум (так называемые «семь жирных лет»). И прерывать хозяйственные успехи войной?! Нельзя не добавить, что в составе кабинета Гешова в 1911 г. не было военного министра. Лишь с января 1912 г. в этом качестве стал работать 22-хлетний Никифор Никифоров, за два года до этого окончивший Военное училище в Софии.

Приведенный достаточно подробно состав кабинета Ив. Гешова свидетельствует о сравнительно высоком образовательном уровне этой ветви исполнительной власти в Болгарии в указанные годы. Но приходится согласиться с болгарской исследовательницей Д. Мишковой, утверждающей, что даже такие центры власти тонули в болоте нерасторопного управляемого аппарата, который составлялся преимущественно из представителей среднего класса — слабого экономически, политически и в образовательном отношении¹. Однако, по моему мнению, это только одна сторона дела. Вторая сторона заключается в том, что сама

¹ Мишкова Д. Българският опит в политическата вестернизация // Bulgarian Quarterly. Т. 1. Кн. 3. Зима. 1991. С. 31.

эта болгарская элита, хотя и имеющая заграничное образование и даже приобретшая некоторый внешний лоск, оставалась ментально связанный все с той же полуархаичной-полумодернизированной балканской социокультурной средой, и, как таковая, была только высшим культурно-историческим выражением своего времени. И если верно утверждение, что образование — это еще не культура, то тем большим является расстояние между образованием и культурой социально-политической, управляемческой. Невысокий уровень последней особенно остро дал о себе знать в кризисное время Балканских войн, когда в наибольшей степени нужны были тонкая дипломатия, продуманная программа действий, сплоченность высшей власти, взаимодействие гражданского и военного руководства и многое другое. Центральная власть в целом не могла обеспечить этих условий.

По большому счету во многом не отвечал задачам момента и премьер Ив. Гешов. Безусловная честность, признанная современниками, помноженная на излишнюю доверчивость и наивность, отсутствие навыков считать возможные варианты политического решения, иметь разработанную альтернативу и т. п. — все это негативно отражалось на событиях 1912–1913 гг., а для самого Гешова вылилось в личную тяжелую драму. В числе других он оказался в списке виновников тяжелого военного поражения Болгарии, подлежавших суду.

Став премьер-министром, Гешов сразу же оказался втянутым в сети политики ВМОРО, направленной на разжигание милитаристской общественной реакции в Болгарии с целью ускорить решение македонского вопроса военным путем. Приглашенный 11 / 24 марта 1911 г. занять пост премьера и министра иностранных дел, первой своей обязанностью напишет Гешов позже (когда ему уже приходилось оправдываться за свои действия), я посчитал заниматься злосчастным македоно-одринским вопросом, который с Берлинского конгресса терзал Болгарию; македоно-одринская *анархия* (выделено мною. — Р.Г.) создавала столько опасностей, что «само будущее Болгарии могло быть скомпрометировано их гибельным действием»¹. С таким пониманием тогдашнего состояния македоно-одринской проблемы, очевидно, связано и намерение Гешова «взять македонский вопрос из рук повстанческого комитета»². Выстраивая свою политику, он еще попытался летом 1911 г. урегулировать отношения с Турцией, вступить в переговоры с турецким посланником в Со-

¹ Гешов Ив. Указ. соч. С. 9.

² Там же. С. 20.

фии на предмет заключения соглашения между странами. Но турецкое правительство не сделало ни шагу к новой политике.

Для миролюбивого Гешова наступление «македонствующих» явилось большим испытанием. Он вынужден был отступить: «Ни одно правительство в парламентской стране, писал он, не может бороться с общественным мнением»; и это будет настоящим несчастьем, если наша миролюбивая политика рухнет под натиском возбужденного не по нашей вине общественного мнения¹. Но именно так и случилось: с целью «приобрести общество» дважды — в ноябре 1911 г. в Штипе и в августе 1912 г. в Кочани — члены ЦК ВМОРО Т. Александров и Ал. Протогеров провели террористические акции против турецких властей. Ответом на них стала массовая резня болгарского населения турками, бегство в Болгарию новой волны беженцев, масштабная милитаристская кампания в болгарской прессе.

ЦК ВМОРО с его радикальным лозунгом «Свобода или смерть!» добился своего — именно погромы в Штипе и Кочани были провозглашены в царском Манифесте от 5 октября 1912 г. поводом к войне, которую Болгария объявляла Турции². Как говорится, «повёлся» на провокацию не только царь Фердинанд (хотя может быть теперь уже и сознательно используя момент), но и огромная часть болгарского общества, разгоряченного несколько месячной активной агитацией в прессе в пользу войны, митингами и пр. В пропагандистской милитаристской кампании «македонствующих» акцент был поставлен психологически верно, удачение сделано на самую болевую для болгарского народа точку: на страдания братьев, еще находящихся под властью Османов, на жестокости и зверства турок. Эмоциональный фактор сыграл очень большую роль в развязывании войны³. Поддался общему настроению, не разглядев провокации и премьер-министр Гешов. Вот его запись: «Не только участились пограничные инциденты, которые так сильно возбуждали болгарское общественное мнение, но и резня, как в Штипе и Кочани, убийства и грабежи, истязания и преследования, систематическое унижение болгарских солдат в турецкой армии, все это так увеличило число молодых болгар, бегущих из Македонии и Одринско, что и наиболее миролюбивые болгарские государственные деятели должны были ужаснуться

¹ Там же. С. 11.

² Държавен вестник. София. 1912. № 225. 5 окт.

³ Ср.: Илчев И. България и Антантата през първата световна война. С., 1990. С. 6–7.

и спросить, не связано ли это с планомерным намерением младотурок обезболгарить и обесхристианить Македонию и Одринско, чтобы таким образом радикально решить македоно-одринский вопрос»¹.

Еще 17 сентября 1912 г. царь Фердинанд подписал указ о всеобщей мобилизации. Спонтанное воодушевление охватило софиянцев, заполнивших улицы города, люди обнимались, поздравляли друг друга. Воинственный энтузиазм продемонстрировали и депутаты Народного собрания, созванные 27 сентября на чрезвычайную сессию для объявления в стране военного положения. Тронная речь царя была встречена криками «ура!» и бурными аплодисментами. Гешов в своем выступлении с большим удовлетворением говорил о заключении Балканского союза как о соглашении четырех христианских балканских государств, называл союз «эпохальным делом» и «историческим событием», которое создаст условия для мирного «добрососедского житья» на Балканах². Представители всех партий горячо поддержали предложение правительства о военном положении. Эмоции были через край³. Героическим одиночкой оказался лишь социал-демократ Я. Сакызов. Он заявил, что премьер гораздо больше порадовал бы болгарский и все балканские народы, если бы объявил не о мобилизации армии, а о соглашении между балканскими странами «на почве экономической, культурной, а затем и политической, и только напоследок, если необходимо, — военной». Это вызвало смех в зале, оратора прерывали, откровенно ругали. Заседание пришлось прервать на полчаса. Но Сакызов не сдавался: А что вы будете делать потом, пророчески продолжал он, объединенные сегодня, разве завтра вы не наброситесь друг на друга? Не выдержав «противоестественных» выпадов, депутаты стали покидать зал⁴.

Но нужное решение законодательный орган принял. Главное было достигнуто. «Никогда народ и правительство, — писал современник, — не были так единодушны, так едины, так сплочены для разрешения национальной задачи, относительно которой все имели совершенно определенное представление»⁵.

¹ Гешов Ив. Указ. соч. С. 13.

² Кшиклиева П. (составитель). Балканските войни по страниците на българския печат. 1912–1913. София. 1999. С. 6.

³ Къорчев Д. Време на надежди и катастрофи. 1905–1919. Дневници и политически студии. София. 1994. С. 102.

⁴ Там же. С. 103.

⁵ Там же. С. 143.

Итак, Балканская война против Турции началась. За ней последовала 2-я Балканская война — уже между союзниками. Болгарские войска одержали ряд важных побед, их успехи были настолько убедительными, что вызывали удивление даже у западных наблюдателей. Но понесенные жертвы оказались напрасными — военный угар сменился страшным поражением. Десятки современников событий и специалистов-историков более позднего времени «до дна» проанализировали неутешительные итоги политической и дипломатической подготовки войны, ее организации, хода и поражения. Пожалуй, наиболее выразительными являются горькие слова Г. Маркова: «Непростим проигрыш войны еще до ее начала»¹.

Здесь отметим только некоторые эпизоды, характеризующие невысокий уровень политического руководства Болгарии, проявившийся в событиях 1912–1913 гг., его непрофессионализм, явившийся одним из факторов фатального итога Балканских войн.

Речь, во-первых, об одном из аспектов хода переговоров между болгарской и сербской сторонами о заключении соглашения, положившего начало Балканского союза. Ив. Гешов и Д. Ризов, вели переговоры, не допуская мысли, что им могут быть поставлены дипломатические ловушки, открыто и упорно отстаивали — в случае успеха войны против Турции — идею будущей автономии Македонии. В противовес им союзники, в том числе Греция, требовали только *дележа* турецких владений. Болгарские партнеры словно бы не понимали, что настаивание на тезисе об автономии Македонии, которая по примеру Восточной Румелии 1885 г. могла быть легко присоединена к Болгарии, являлось настоящей дразнилкой и для Сербии, и для Греции. А они отнюдь не желали территориального и государственного усиления Болгарии, не желали «Великой Болгарии» с ее новыми претензиями, превосходившими балканский раздражитель 1878 г. — проект Сан-Стефанской Болгарии. Недаром болгарский историк Иван Илчев писал, правда, по другому поводу: Соединение 1885 г. стало примером для болгар и пугалом для остальных². Это понимали и сторонние наблюдатели, но, видимо, не понимали болгарские политические деятели, которые действовали по принципу: хотим все и сейчас.

В ходе переговоров сербская сторона вроде бы соглашалась на автономию, «если для этого возникнут условия», но потом, перед самой вой-

¹ Марков Г. Поуки от Балканските войни 1912–1913 гг. // Военноисторически сборник. София. 2003. № 1. С. 24.

² Илчев И. Македонският възел // Bulgarian Quarterly. Т. 1. Кн. 3. Зима. 1991. С. 77.

ной, когда отступать уже было некуда, к удивлению болгар главным оказался принцип дележа. Более того, в начале мобилизации выяснилось, что «союзница Сербия после заключения договора и подписания всех военных конвенций считает *своими* городами Прилеп, Кичево, Охрид, Дебар и др.»¹. Гешову, испытывавшему внутренний восторг от того, что Балканским союзом удалось создать «настоящее славянское единство», пришлось закрывать глаза на одностороннее изменение еще до начала военных действий будущих границ предварительно «поделенных» турецких владений.

Позволю себе небольшое отступление. Союз Болгарии с Сербией был воспринят в болгарском обществе с большим воодушевлением. Хотя условия его держались в секрете, сам факт доброжелательных отношений с западным соседом, по-видимому, отвечал внутренним потребностям болгарского населения, в основном, как известно, крестьянского. Это видно из дневниковых записей В. Коларова, участвовавшего в войне в качестве младшего офицера. Вот его запись от 4 октября 1912 г. на марше колонны, двигавшейся по направлению к Македонии: «После обеда сербские войска идут непрерывно мимо нас. «Ура!» — «Живо!» звучит со всех сторон. Неописуемый восторг, радость, слезы. Здесь браются две армии, два народа с готовностью сражаться плечом к плечу и умирать за общую цель, создавать связи между собой. Ах, останутся ли эти связи и после предстоящих испытаний!»². Так крестьяне в солдатских шинелях воспринимали свою балкансскую общность, для которой государственные границы лишь помеха.

Другим примером политической непредусмотрительности премьер-министра Болгарии стало его беззаботное отношение в период подготовки Балканского союза к официально неоформленному нейтралитету Румынии. Когда же Румыния предъявила весьма большие территориальные притязания к Болгарии в качестве компенсации за свое неучастие в войне (не ударила Болгарии в спину), Гешов пришел в полное расстройство от такой для него неожиданности. В письме Ст. Бобчеву, болгарскому представителю в Петербурге, он писал 12 декабря 1912 г.: «Если бы нам сказали передвойной, что потребуют у нас землю, я, по крайней мере, не решился бы, чтобы мы воевали»³. Он считал достаточ-

¹ Къорчев Д. Указ. соч. С. 147.

² Коларов В. Победи и поражения. Дневник. София. 2001. С. 34.

³ Гешов Ив. Евстр. Лична кореспонденция. Съст. Р. Попов, В. Танкова. София. 1994. С. 245.

ными некие договоренности, перечисляя их в том же письме: «У нас есть в архиве уверения германского дипломата, государственного секретаря по внешним делам А. фон Кидерлен-Вехтера и российского дипломата С. Свербеева, «что румыны не будут требовать болгарские города» \...\ Прошу очень серьезно (выделено в тексте. — Р.Г.) поговорить по этому поводу с г. Сазоновым, сказав ему, что русские гарантировали нам целостность территории»¹.

К сожалению, Гешов не уловил момента, когда после первого успешного для болгар этапа войны положение в стане союзников стало все более запутываться. Преданный русофил он не сразу понял, почему Россия соглашается на «ампутацию», как он это понимал, Болгарии в пользу Румынии, а потом и в пользу Сербии, почему российское императорское правительство постоянно советует болгарам проявить «разумную уступчивость». Русские советы производили тяжелое впечатление на Гешова и министров, — констатирует болгарская исследовательница П. Кишкилова². И совсем тяжелым испытанием для премьера, который весной 1913 г. фактически уже не контролировал обстановку, стала для него новость о том, что копии болгарских депеш из российского МИДа попадали российскому посланнику в Сербии Н. Гартвигу и сообщались Пашичу³. Тем сильнее были личные терзания Гешова. Слишком поздно он осознал, что «Россия делает свою, а не славянскую политику на Балканском полуострове, \что\ она требует более сильной Сербии, чтобы использовать ее как орудие против Австрии»⁴.

В недавно вышедшей статье отечественного автора Е.А. Степановой публикуется интересный документ, имеющий непосредственное отношение к поднявшемуся вопросу. Это «весъма доверительное письмо» А.А. Нератова, временно замещавшего Сазонова и писавшего от лица последнего, Н.Г. Гартвигу от 23 апреля 1913 г. Документ, сообщает Е.А. Степанова, в свое время не вошел в публикацию «Международные отношения в эпоху империализма». Приведу выдержки из письма Нератова:

«К точке зрения права присоединяется оценка, исходящая из принципа политической целесообразности. И сербами, и греками указывается

¹ Там же.

² Кишкилова П. България 1913. Кризата във властта. София. 1998. С. 12.

³ Гешов Ив. Евстр. Лична кореспонденция. С. 261. Письмо Гешова Бобчеву от 18 апреля 1913 г.

⁴ Там же. С. 256. Письмо И. Гешова М. Маджарову (болгарский посланник в Лондоне) от 7 апреля 1913 г.

на подавляющее превосходство, которое получит Болгария при размежевании, отдающем в ее владение территории, значительно превосходящие объем тех, которые выпадают на долю остальных Балканских государств. Сербия, по-видимому, опасается, что болгарское правительство, завершив процесс племенного объединения болгарского народа, охладеет к общеславянским интересам и будет склонно завязать близкие отношения с Австроией за счет своих соседей. Опасения эти подтверждаются политикой венского кабинета, несомненно, стремящегося сблизиться с Софией и в той же мере посеять недоброжелательство между нею и Белградом, и одновременно взрастить зародыш взаимного недоверия и подозрения между ними и балканскими государствами. \...\ Укрепление и усиление Сербии представляет в наших глазах интерес первостепенного значения. Сознание важности этой цели усугубляется в нас всеми событиями Балканской войны. В ней Сербия воочию доказала свою жизнеспособность и дисциплину — народную и военную. Отныне возможность создания прочного заслона для дальнейшего проникновения Австроии на Балканский полуостров является самоочевидным. Будущие перспективы в Сербии, которая только начинает процесс своего племенного объединения, в то время как Болгария, быть может, его закончила, рисуются нам не в призрачном, а в реальном виде. Для России представляется несомненным интерес содействовать всемирному достижению Сербией ее национального и государственного идеала¹. Далее Нератов пишет о трудностях положения России, которой «политическая целесообразность» предписывает всецело поддержать сербские пожелания, хотя именно Россия стояла у истоков Балканского союза, засвидетельствовавшего договоренности между союзниками.

Из процитированного видно, что и российская дипломатия оперировала не столько реальными, сколько приблизительными представлениями о состоянии болгарского общества, как уже закончившего свое объединение, а сербского — как только приступающего к этому. Или это были только случайные, придуманные аргументы. Но свои геополитические позиции Россия определила точно. И письмо Нератова в целом достаточно красноречиво, чтобы понять, в каком безысходном положении оказывалась в результате Болгария, во время, когда назревала Мезоюзническая война. Против нее были не только бывшие союзники — Сербия

¹ Степанова Е.А. Ни мира, ни войны: МИД России и сербо-болгарский спор (1913) // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. IV. М., 2007. С. 165–166.

и Греция, не только вскоре присоединившаяся Турция, но, хотя и не воевавшая открыто, — Россия.

Гешов, пытавшийся всеми силами предотвратить войну между союзниками, писал 18 марта 1913 г. Бобчеву: «Плохо, если не сумеем посмотреть на наше положение с государственной точки зрения и позволим быть зажатыми обручем союзных врагов (выделено мною. — Р.Г.). Поэтому я не перестаю проповедовать здесь умеренность в отношении всех, благоразумие во всем»¹. Но было уже поздно. Ах, если бы все это, или хотя бы часть случившегося, предусмотреть заранее! 17 мая 1913 г. Ив. Евст. Гешов подал в отставку.

К тому времени единство, меньше года тому назад демонстрировавшееся обществом, распалось. Подняла голову оппозиция, требовавшая раскрытия содержания соглашений Балканского союза, которое держалось в тайне, испортились отношения между представителями коалиционных партий внутри кабинета министров; военное командование стало действовать «на свою голову», усилив разногласия между Дворцом, правительством и главнокомандующим. Царь, забыв о своих посреднических функциях главы государства, пошел ва-банк. «Царь Фердинанд, — пишет Г. Марков, — поступил как «верховный начальник» и поставил правительство перед свершившимся фактом»; он без согласия правительства приказал войскам пойти в атаку на сербские позиции роковым днем 16 июня 1913 г., начав таким образом 2-ю Балкансскую войну; правительство попыталось остановить боевые действия, не поставив опять-таки царя в известность об этом².

Ив. Гешов был только одним из представителей политico-государственного класса Болгарии, который как премьер-министр в силу обстоятельств не смог и не мог справиться с чудовищным кризисом 1912—1913 гг. В социокультурном плане болгарская политico-государственная страта далеко еще не созрела, чтобы ставить перед обществом выполнимые и разумные задачи. Чтобы понять, что мечта народа об объединении, это еще *не реальная необходимость*. Что всему свое время. И если говорить о взаимоотношениях между властью и обществом, то в 1912 г. острое возбуждение общественного мнения было использовано властью фактически против долговременных интересов Болгарии. Г. Марков признает, что «судьбоносное лето действительно фатального 1913 г. стало *поворотным пунктом* (выделено мною. — Р.Г.) в новой

¹ Гешов Ив. Евст. Гешов. Лична кореспонденция. С. 251.

² Марков Г. Указ. соч. С. 27.

истории болгарского народа»¹. Это верно. Но, по моему мнению, дело обстояло серьезнее, и скорее следует говорить о точке невозврата в деле реализации национального идеала.

Это обстоятельство не было глубоко осознано болгарскими политика-ми, дипломатами, военными в 1913 г. Соглашусь с Ив. Илчевым, считающим, что боль поражения была очень острой и деформировала анализ, что на первый план выступили эмоции — чувства обиды и оскорбленной справедливости, а потому, пишет он, действия политиков иногда исходили из «параллельной реальности», т. е. не из самой действительности, а из представления о ней². В самом деле только в шоке от произошедшего погрома можно было спустя два года «полезть на новую Голгофу».

¹ Там же. С. 25.

² Илчев И. Указ. соч. С. 6–7.

Искендеров П.А.

Институт славяноведения РАН

СЕРБО-АЛБАНСКОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СЕРБИИ В 1913–1914 ГГ.

Процесс сербо-албанского разграничения после Балканских войн — понятие гораздо более сложное и неоднозначное, чем простая делимитация в соответствии с подписанными соглашениями. Ведь решения, принятые относительно новых границ Сербии на Лондонском совещании послов великих держав в 1913 г., мало кого удовлетворили в самом королевстве. Правда, Россия в ожесточенных спорах с Австро-Венгрией удалось отстоять за Сербией целый ряд территорий со смешанным сербо-албанским населением, в том числе города Призрен, Дебар, Печ и Джаковица. Однако Белград был лишен столь желаемого им выхода к Адриатическому морю через Албанию; к тому же намеченная в Лондоне линия сербо-албанской границы оставляла за пределами Сербии важные стратегические высоты, делая ее приграничные районы беззащитными перед вторжениями вооруженных албанских отрядов.

Неудивительно, что разграничение с Албанией с самого начала приобрело для сербского общества гораздо более широкий смысл — учитывая, что самого независимого Албанского государства в тот период не существовало. Следовательно, разграничение проходило не на основе договоренностей двух равноправных сторон, а под диктовку и по лекалам великих держав, слабо осведомленных о специфике балканских реалий и менталитета, но зато имевших в регионе собственные гораздо более значимые интересы, нежели определение национально-государственной принадлежности городов, сел и местечек.

Главная проблема в вопросе обеспечения режима сербо-албанской границы заключалась в условности этого явления применительно к данному региону — да и не только к нему. Границам между балканскими государствами исторически была свойственна мобильность. Это объяснялось их изменчивым характером, глобальностью требований государств, активно и умело апеллировавших для оправдания своих великодержавных программ к «преданьям старины глубокой», а главное — этнической

чересполосицей и пестротой тех самых этнических элементов, которые — во всяком случае, по замыслам великих держав — эти границы и должны были разделять. Поэтому неудивительно, что самого понятия сербо-албанского разграничения и фиксированной сербо-албанской границы не существовало ни для сербов, ни для албанцев.

Вопрос о границах Албании, как не раз отмечалось на заседаниях Совета министров Сербии и в заявлениях главы правительства Николы Пашича, являлся, с момента вынужденного отказа в 1912 г. сербских властей под нажимом великих держав от североалбанского адриатического порта Дуррес (Драч, Дураццо), той проблемой, вокруг которой были сосредоточены все помыслы сербов¹. Так, говоря еще в период работы Лондонского совещания послов великих держав о выдвинутом австро-венгерской делегацией требовании присоединения к Албании Джяковицкого и Дебарского округов, сербский премьер отметил, что Россия должна самым энергичным образом выступить против этого требования. По его словам, «ни армия, ни сербский народ никогда не согласятся очистить земли, занятые ценой неисчислимо тяжелых жертв, и ни одно правительство не в силах будет противиться патриотическому народному движению». Одновременно российский посланник в Сербии Н.Г. Гартвиг сообщал 8 февраля 1913 г. из Белграда, что и в сербской армии, и в политических кругах все более проявляется недовольство правительством Пашича из-за его уступчивости, в связи с чем, по мнению российского дипломата, удержаться у власти оно может лишь при условии благоприятного для Сербии разрешения сербо-албанского пограничного вопроса. В противном случае, по его наблюдениям, существовала вероятность возникновения в стране серьезных внутриполитических осложнений и перехода власти от радикалов к военной партии, которая будет вооруженными методами бороться против реализации постановлений международной мирной конференции, идущих, по мнению ее представителей, вразрез с сербскими национальными вожделениями².

¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.531. Л. 9. По образному выражению российской исследовательницы Е.Ю. Гуськовой, хотя создавали независимую Албанию великие державы, сербское правительство не шло ни на какие уступки по поводу Косово и Метохии, называя их «святой землей» сербского народа, с которой начиналась сербская государственность — Подробнее см.: Гуськова Е.Ю. Кризис в Косове. История и современность // Новая и новейшая история, 1999, № 5.

² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.531. Л.12.

В соответствии с постановлениями Лондонской конференции, представители великих держав обратились к правительствам балканских государств с коллективным посланием, в котором подчеркивалась необходимость принятия ими всех надлежащих мер к ограждению прав и интересов национальных меньшинств в присоединенных к ним новых областях. В том, что касается Сербии, дипломатические представители великих держав в Белграде сделали 17 августа 1913 г. официальные представления в вышеуказанном смысле, а также особо подчеркнули факт продолжавшегося пребывания сербских войск на албанской территории, вопреки соответствующим постановлениям Лондонской конференции. В ответ Пашич в циркулярной ноте, направленной европейским правительствам, а также в личных объяснениях по этому вопросу с их дипломатами указал на беспочвенность подобных требований по отношению к его стране, так как Сербия уважает все положения Берлинского трактата, касающиеся прав национальных меньшинств и вероисповедальных групп¹, а, кроме того, в стране действует «одна из самых либеральных в мире» конституций, которая обеспечивает в полном объеме политические и иные права всех граждан несербской национальности, при условии соблюдения ими законов страны². Он также заверил иностранных представителей в том, что сербские войска уже покинули Албанию, за исключением Орошской области, где продолжались антисербские выступления по причине, по его словам, отсутствия в этом районе организованной местной власти. Позднее, однако, глава кабинета сделал сообщение уже в существенно ином смысле, указав, что, хотя главнокомандующий сербской армии уже отдал своим войскам категорическое распоряжение об их выводе с занятых албанских территорий,

¹ Имелась в виду, в частности, статья XXXV, гласившая: «В Сербии различие в религиозных верованиях и исповеданиях не может послужить поводом к исключению кого-либо или непризнанию за кем-либо правоспособности во всем том, что относится до пользования правами гражданскими и политическими, доступа к публичным должностям, служебным занятиям и отличиям или до отправления различных свободных занятий и ремесел, в какой бы то ни было местности.

Свобода и внешнее отправление всякого богослужения обеспечиваются как за всеми сербскими уроженцами, так и за иностранцами, и никакие стеснения не могут быть делаемы в иерархическом устройстве различных религиозных общин и в сношениях их с их духовными главами» — Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. М., 1952. С. 197.

² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.2912. Л. 3.

тем не менее, данная операция еще не завершена, так как ее осуществление требует определенного времени¹.

В ответ на сделанное 2 сентября 1913 г. представление великих держав об открытии для населения Албании свободного доступа в города Джаковица и Дебар и о выводе сербских войск со всех территорий, которые Лондонское совещание решило передать Албании, управляющий министерством иностранных дел М. Спалайкович первоначально дал вполне благоприятный ответ, заявив, что к допущению албанцев в указанные города сербское правительство не видит никаких препятствий — «при условии конечно соблюдения, согласно мнению совещания послов, местных таможенных и полицейских постановлений»².

Однако несколько дней спустя, во время встречи с поверенным в делах России в Сербии В. Н. Штрандтманом, Спалайкович сообщил, что председатель сербского правительства Пашич неодобрительно встретил его заявление, ибо сам он намеревался сделать свое заявление по тому же вопросу в другом смысле, поставив положительный ответ Сербии на представление европейских стран в зависимость от действий самих албанцев; последних же он намеревался вынудить присоединиться к Сербии путем создания препятствий к переходу ими границы³.

Как сообщал из Белграда Штрандтман, сербское правительство «считает эту меру необходимой не только для действий против албанцев, но и ввиду брожения среди сербских мусульман»⁴. По словам военно-го министра М. Божановича, имевшего встречу со Штрандтманом, обстановка в районе боевых действий сложилась весьма серьезная, и она может потребовать новой крупномасштабной экспедиции в Северную Албанию. Он, как и ранее Спалайкович, выразил уверенность в том, что Австро-Венгрия воздержится от каких-либо враждебных в отношении Сербии шагов, как и ослабленная недавней войной Болгария. Одновременно министр иностранных дел Сербии попросил Штрандтмана довести до сведения российского внешнеполитического ведомства, «что Моравская дивизия, двинутая против албанцев, по мере возможности не переступит линии Черного Дрина. Остальные мобилизованные войска предназначаются для охраны порядка в стране»⁵.

¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.531. Л. 315, 317.

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913. Оп.470. Д.113. Л. 355.

³ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.531. Л. 334; Там же. Д.530. Л. 164.

⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913. Оп.470. Д.113. Л. 371.

⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913. Оп.470. Д.113. Л. 378.

Озабоченный сложившейся ситуацией, а также судьбой оказавшегося под угрозой сербского займа министр финансов Сербии Л.Пачу, временно исполнявший обязанности председателя Совета министров, призвал находившегося в отпуске Пашича немедленно вернуться к исполнению своих обязанностей в надежде, что этот многоопытный государственный деятель найдет выход из создавшегося положения и сумеет избежать нежелательных в данный момент политических осложнений¹.

В самой Сербии, в связи с вышеуказанными событиями на границе с Албанией общественное мнение и политические круги пришли в сильное возбуждение и призвали правительство предпринять самые решительные меры против албанцев. Это привело к возникновению серьезного внутриполитического кризиса. Оппозиционные депутаты в скупщине потребовали от кабинета Пашича представить всесторонний отчет о своей деятельности и наказать тех должностных лиц, по вине которых безопасность государства была поставлена под угрозу. Реальная возможность отставки нависла над военным министром Божановичем и министром финансов Пачу, не пожелавшим в свое время ассигновать необходимые кредиты на содержание дополнительных воинских контингентов в южных областях Сербии. Правительство нашло, однако, возможность возложить всю ответственность за кризис на бывшего ближайшего помощника воеводы Путника генерала Ж. Мишича, подготовившего, по мнению правительственных кругов, непродуманный план размещения сербских гарнизонов вдоль сербо-албанской границы, имевшей протяженность около 500 км². Король Петр издал указ о его уволь-

¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.530. Л.167. Заключенный правительством Сербии с консорциумом французских банков контракт на пятипроцентный заем в 250.000.000 франков сроком на 50 лет был подписан 8 сентября 1913 г. Согласно данному документу, размер немедленного аванса составил 20.000.000 франков, причем 8.000.000 франков должны были быть выплачены уже 9 сентября. С сербской стороны заем был гарантирован доходами сербских государственных монополий, дававших в течение предыдущих лет до 13.700.000 франков чистого свободного остатка, который и должен был послужить основой для покрытия годовых взносов по заключенному займу, предусмотренных в размере 12.500.000 франков по процентам и 1.200.000 франков по платежам — АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.530. Л. 153. Однако сам процесс котировки займа затянулся до начала 1914 г., в первую очередь, вследствие осложнения внешнеполитического положения Сербии из-за ее политики в албанском вопросе — АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.531. Л. 467.

² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.530. Л.171, 180а.

нении, что, в свою очередь, вызвало новую волну протестов и нападок на кабинет Пашича, положение которого, в свете предстоявшего открытия заседаний скупщины и готовившихся оппозиционными партиями целого ряда запросов по вопросам внутренней и внешней политики, потеряло прежнюю устойчивость¹.

В сербском правительстве существовали два взгляда на задачи «текущего момента». С одной стороны, присутствовало понимание необходимости использовать мирную передышку, наступившую после двух Балканских войн, для того, чтобы организовать административное управление, судебные власти, пограничную и иные службы в присоединенных к Сербии областях, а с другой стороны, — и этот взгляд превалировал — среди членов правительства существовало твердое убеждение в том, что «Австро-Венгрия и Италия не дадут порядку вдовориться в Албании и, что, следовательно, необходимо теперь же добиваться исправления установленной на Лондонской конференции послов, невыгодной для Сербии в стратегическом и экономическом отношениях, границы»².

В это время российский поверенный в делах в Сербии В.Н.Штрандтман, имевший неоднократные беседы с управляющим сербским министерством иностранных дел М.Спалайковичем, передал в МИД России изложение той программы, которую кабинет Пашича решил взять на вооружение в албанском вопросе.

По его сведениям, сербское правительство пришло к выводу о возможности использования внутренних неурядиц в Албании в целях решения двух задач: добиться пересмотра в свою пользу пограничной сербо-албанской линии, намеченной решениями Лондонского совещания послов великих держав, и содействовать приходу к власти в Албании правительства, не находящегося под влиянием Австро-Венгрии и проявляющего дружеское расположение по отношению к Сербии. С этой целью оно решило оказать посильное содействие Эссад-паше, боровшемуся против правительства Исмаила Кемали, поставив условием получение Сербией, в случае его прихода к власти, соответствующего увеличения сербской территории.

Фигура Эссад-паша — харизматическая для истории Албании рассматриваемого периода и для проблематики сербо-албанских отноше-

¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.530. Л. 163.

² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.531. Л. 350.

ний. В ней как в капле воды отразились все противоречивые явления и тенденции в албанском освободительном движении, лидеры которого, лавируя между великими державами и балканскими странами, не гнушились получать финансовое содействие сразу из нескольких источников и не отличались разборчивостью в выборе путей и методов достижения своих амбициозных целей. Родившийся в 1863 г. в Тиране выходец из влиятельного феодального семейства Топтани, Эссад начал свою карьеру подобно многим другим крупным албанским землевладельцам. Будучи собственником крупных земельных наделов в Центральной Албании, он быстро поднимался в османской иерархии — став в начале XX века командующим турецкой жандармерии в Янинском вилайете. Это не помешало ему в 1908 г. активно поддержать младотурецкое движение и избраться в турецкий парламент от Дурреса. В 1909 г. именно Эссад-паша вручил султану Абдул Хамиду II заготовленный заранее декрет, которым тот собственноручно отрекался от власти.

Накануне первой Балканской войны Эссад уже командовал жандармерией в Скутарийском вилайете. Там у него завязались активные торговые контакты с итальянцами — коим Топтани предоставлял концессии на эксплуатацию местных лесов.

В начале 1913 г. турецкие власти доверили Эссад-паше командование гарнизоном крепости Скутари (Шкодер) — осажденной союзными сербо-черногорскими войсками. Он проявил на этом посту незаурядные полководческие способности; однако 23 апреля 1913 г., когда в крепости свирепствовали голод и эпидемии, все же был вынужден сдать Скутари черногорцам, вы требовав, правда, почетные условия капитуляции: право покинуть крепость во главе отрядов в полном боевом вооружении. Поскольку к этому времени Совещание послов великих держав в Лондоне уже в принципе приняло решение оставить крепость в границах автономного Албанского княжества, ее сдача на почетных условиях представлялась Эссаду мудрым политическим решением¹.

Кроме того, вооруженная сила была необходима Эссаду для начала ожесточенной борьбы за верховенство в Албании, в которой к тому времени участвовали несколько влиятельных группировок. И в этой борьбе он рассчитывал не только на поддержку влиятельных мусульманских лидеров Центральной Албании (на территории между Дурресом и Тираной), но и на помощь славянских союзников в лице Сербии и Черногории.

¹ Подробнее см.: *Батаковић Д.* Есад-паша Топтани и Србија 1915. године // Србија 1915. године. Београд, 1986. С. 299–303.

Уже 5 мая 1913 г. он проинформировал черногорского короля Николу о намерении провозгласить себя князем Албании и готовности сотрудничать с Балканским союзом. Он заявил, что албанский народ обязан своей свободой другим балканским народам, и пообещал совместными усилиями, без участия великих держав, определить границы Албании. В ходе встречи в Дурресе с сербским дипломатом Живоином Балугджичем Эссад подчеркнул свое желание заключить соглашение с Белградом. Дипломат поверил собеседнику и постарался убедить сербские власти в искренности его намерений, поскольку, по словам самого Балугджича, «в общем и целом его поведение выражало искреннее желание достичь соглашения с Сербией, которую он считал средоточием действующих на Балканах сил»¹⁵. И Белград после определенных колебаний согласился иметь дело с Эссад-пашой.

У сербского правительства были свои резоны «подружиться» с Эссадом. В условиях нарастания противоречий с Болгарией вокруг дележа македонских земель белградское правительство стремилось обезопасить себя от одновременного нападения албанских отрядов. Такие влиятельные албанские лидеры, как Иса Болетини и Хасан Приштини (являвшиеся близкими соратниками главы временного правительства во Влере Исмаила Кемали), имели в своем распоряжении до 20.000 «штыков». Единственной силой на пестрой албанской сцене, способной противостоять попыткам албанских лидеров спровоцировать антисербское восстание в Косово и Македонии с тем, чтобы потом прийти на помощь со-племенникам, оставался в создавшейся ситуации Эссад-паша.

Вторая Балканская война стала еще одним искушением для Эссада. Стремясь свести счеты со своей недавней союзницей Сербией, Болгария решила сделать ставку на албанских лидеров — в первую очередь, группировавшихся вокруг Исмаила Кемали. В обмен на их вооруженное выступление против Сербии им были обещаны территориальные компенсации за счет сербских земель. Расчеты Софии строились на том, что восставшие против Сербии албанцы провозгласят автономию на территории Македонии, а затем Болгария аннексирует интересующие ее районы под предлогом обеспечения безопасности. В результате реализации данного плана, говоря словами сербского историка Душана Батако-

¹⁵ Балугџић Ж. Кад се стварала Албанија // Српски књижевни гласник. Београд, 1937. С. 521–522; Микић Ђ. Албанци и Србија у балканским ратовима 1912–1913 // Историјски гласник. 1985. № 1/2. С. 75; Документи о спољној политици Краљевине Србије. VI, 3. № 75, 77, 80, 86, 93, 100, 105, 124, 130, 135.

вича, «через Македонию пройдет албано-болгарская граница». С военной же точки зрения болгарский Генеральный Штаб рассчитывал на 20 тысяч албанских вооруженных бойцов из Старой Сербии и Македонии, которые после первой Балканской войны нашли прибежище в Албании. Повести это войско в антисербские сражения и должны были заседавшие к тому времени во Влерском правительстве Хасан Приштини и Иса Болетини.

В Белград поступала информация о том, что болгарские комитаджии активно готовили албанские отряды для партизанских действий внутри Сербии; оружие и финансовые средства исправно поступали из Вены. Однако Эссад остался верен союзническим обязательствам в отношении Сербии и не только отказался присоединиться к албанским главарям, но и со своей стороны держал сербское правительство в известности о происходящем¹.

В итоге организовать скординированное албанское выступление против Сербии так и не удалось. Влияния Эссад-паши хватило для нейтрализации усилий и Болгарии, и Австро-Венгрии с Италией. Две последние великие державы действовали в унисон с Софией, пытаясь — через своих агентов в лице священников и школьных учителей — натравить албанцев на Сербию, и заодно дискредитировать Эссада как главного противника данных усилий². В результате в мае-июне 1913 г. дело ограничилось разрозненными нападениями на сербские пограничные посты и отдельные передовые отряды.

Подписание 10 августа 1913 г. Бухарестского мирного договора не успокоило страсти в венских, римских и софийских политических и военных коридорах. Правительство Австро-Венгрии направляло суда с оружием в Албанию, а болгарские комитаджии обучали албанские вооруженные отряды навыкам партизанской войны. Со своей стороны, сербское правительство — осведомленное о происходившем в албанском лагере, в том числе через Эссада — направило на переговоры с албанскими лидерами Богдана Раденковича. Он, правда, не преуспел в посреднической миссии, и правительство Пашича по-прежнему могло рассчитывать лишь на Эссада — который единственный из албанских вождей не ориентировался однозначно на настроенные антисербски Вену, Рим или Константинополь³.

¹ Подробнее см.: Храбак Б. Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988. С. 33–38, 60–61.

² Документи о спољној политици Краљевине Србије. VI, 3. № 194, 239, 253.

³ Храбак Б. Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988. С. 33–38.

Готовившееся при активном содействии извне новое нападение албанских вооруженных отрядов на Сербию произошло лишь во второй половине сентября. Во главе отрядов стояли известные албанские вожди Иса Болетини, Байрам Цурри, Риза Бей, Элез Юсуф и Къясим Лика. Они действовали по прямому распоряжению Исмаила Кемали, который заверил их в поддержке со стороны Австро-Венгрии и Италии и пообещал, что все занятые в результате наступления территории станут частью Албании. Непосредственное командование частями осуществляли офицеры болгарской армии.

Единственным из албанских лидеров, кто отказался примкнуть к военной коалиции, стал Эссад-паша — проинформировавший о развитии событий и своей собственной позиции власти Белграда¹.

Разгром силами регулярной сербской армии албанских отрядов, финансировавшихся и вооружавшихся австрийцами, предоставил Эссад-паше удобный повод провозгласить себя правителем Албании со штаб-квартирой в Дурресе — что и было им сделано 12 октября 1913 г. при поддержке лидеров мусульманских албанских племен и крупных землевладельцев Центральной Албании. Австро-Венгрия расценила данный шаг как очередное свидетельство просербской ориентации Топтани. Сербия, со своей стороны, поспособствовала Эссаду в укреплении его позиций среди отдельных племен, находившихся в оппозиции к временному правительству Исмаила Кемали. Как подчеркивает Д. Батакович, союзнические отношения между Эссад-пашой и властями Белграда никогда не были зафиксированы в специальном договоре; однако глава сербского правительства Никола Пашич отдавал своим представителям указания снабжать его оружием и деньгами. По выражению сербского исследователя, Эссад-паша являлся для Белграда противовесом великокалбанским кругам, группировавшимся вокруг Исмаила Кемали.

Как справедливо отмечает Батакович, нежелание Эссад-паши опираться на Австро-Венгрию — игравшую на Лондонском совещании ключевую роль в албанских делах — имело под собой веские причины. Албанский феодал понимал, что в условиях, когда соседние балканские страны — в первую очередь, Греция, Сербия и Черногория, но также и Италия — не скрывали своих претензий на районы Албании, он может укрепить свои позиции внутри Княжества, наладив контакты с балканскими союзниками. В его цели входило объединение под своей властью

¹ Документи о спољној политици Краљевине Србије. VI, 3. № 347, 351, 359, 378, 379, 406, 418.

северных и центральных районов Албании с преимущественно мусульманским населением — что требовало опоры на Сербию, Черногорию и ту же Италию. По мнению Батаковича, в основе военно-политических маневров Эссад-паша однозначно лежал религиозный фактор. Он полагал, что менее обширная по территории, чем было предусмотрено решениями в Лондоне, но зато более гомогенная в религиозном смысле Албания окажется гораздо более стабильной, и потому считал своими стратегическими противниками как ориентировавшиеся на Вену севроалбанские католические племена, так и православное население Южной Албании (которую греческие власти именовали Северным Эпиром). С этим и была связана его ориентация на православную Сербию — проявившаяся также и в годы первой мировой войны¹. Как тут не привести точные слова британского албаниста Оуэна Пирсона, отмечавшего, что албанцы не случайно еще в 1908 г. «страшились полной независимости, полагая, что немедленная независимость сделает их страну жертвой для более сильных балканских народов»²!

Однако вернемся в белградскую осень 1913 г. Сообщив Штрандтману о планах сербского правительства использовать Эссад-пашу, Спалайкович стал убедительно просить российского дипломата сохранить данную информацию в строгой тайне и не сообщать ее в Санкт-Петербург, из опасения крайне нежелательной для Сербии огласки. Он также привел некоторые конкретные детали указанного плана. В частности, в ближайшие же дни специальное доверенное лицо должно было отправиться из Белграда через Салоники и Афины в Дуррес. Эссад-паше, испытывающему финансовые затруднения, будут посланы необходимые денежные средства. От самого же Эссада, с которым сербское правительство уже в течение некоторого времени находилось в тесном контакте, Пашич ожидает военного разгрома и изгнания находящегося во Влере албанского правительства в лице Исмаила Кемали, а также Исы Болетини, и занятия им поста генерал-губернатора. Своим первым указом Эссад-паша должен будет признать суверенитет турецкого султана (о лояльности Эссада к Турции свидетельствовал, в частности, его флаг с орлом и полумесяцем) и согласиться на пересмотр сербо-албанской границы

¹ Балугцић Ж. Кад се стварала Албанија // Српски књижевни гласник. Београд, 1937. С. 521–522.

² Pearson O. Albania and King Zog. Independence, Republic and Monarchy 1908–1939. London, New York, 2004. P. 1.

в соответствии с требованиями Сербии. Вслед за этим сербские войска оккупируют уступленную территорию под предлогом своего временного пребывания там в интересах сохранения порядка и на основании соответствующей просьбы самого Эссад-паша. Наконец, после укрепления своих позиций внутри страны Эссад-паша должен будет провозгласить себя албанским князем.

В ответ Штрандтман обратил внимание Спалайковича на серьезные негативные последствия, с которыми неминуемо столкнется его страна в случае осуществления вышеуказанного плана, ибо великие державы единодушно и решительно выступят против подобной политики. В ответ управляющий сербским министерством иностранных дел принялся убеждать российского дипломата, что «страна не должна довольствоваться Лондонской границей, которую Австрия создала для того, чтобы Сербия не могла приступить к мирному развитию своих сил; что добрососедские отношения с Эссадом обеспечат спокойствие на Балканском полуострове; что нынешняя благоприятная минута не повторится, так как через три года Австрия перевооружится и Болгария оправится и, наконец, что сербское правительство сумеет успокоить Европу, указав в особом обращении к державам на вынужденный и чисто временный характер принимаемых военных мер, обусловленных вторжением албанцев на сербскую территорию»¹. Одновременно он заявил, что сожалеет по поводу принятого несколько дней назад сербским правительством решения о выводе войск из Албании, ибо последнее албанское нападение (закончившееся взятием Люмы, Джяковицы, Дебара, Охрида, Струги и Гостивара) могло бы быть отбито с гораздо меньшими потерями со стороны сербских войск, если бы они находились на прежних стратегических позициях в глубине албанской территории. Спалайкович, правда, согласился со своим собеседником в том, что и в этом случае Сербия не могла бы рассчитывать на свою полную защищенность от нападения албанцев, ибо численность сербского пограничного отряда, занимавшего позиции в албанских ущельях, не превышала одного батальона.

Как уже говорилось выше, информация о состоявшейся беседе была немедленно доведена Штрандтманом до сведения российского внешнеполитического ведомства. Вслед за этим он получил из Санкт-Петербурга две секретные телеграммы, датированные 28 и 29 сентября 1913 г. и подписанные товарищем министра иностранных дел Нератовым. В них

¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.531. Л. 352.

говорилось, что, несмотря на заявления Спалайковича о якобы строго секретном характере сообщения, он поделился своими соображениями относительно нового направления сербской политики в албанском вопросе также и с итальянским дипломатическим представителем в Белграде. Последний немедленно поставил в известность свое правительство; причем управляющий министерством иностранных дел Сербии заявил итальянскому дипломату, что данный план уже встретил полную поддержку со стороны правительства России. В связи с этим Нератов дал указание Штрандтману в кратчайшие сроки поставить Спалайковича в известность о позиции России, всегда выступавшей против намерений Сербии следовать авантюрной и создающей угрозу международной безопасности политике, а также сообщить ему, что по сведениям, имеющимся у российского правительства, личность Эссад-паши в любом случае не может внушать доверия, ибо его поддержка может быть получена лишь путем выделения ему крупных денежных сумм, а в этом отношении Сербия не может составить конкуренции Австро-Венгрии, также как и в отношении вооруженных сил — вне зависимости от сроков перевооружения австро-венгерской армии¹. Кроме того, по словам товарища ministra, предание международной огласке тайных замыслов Сербии неминуемо вызовет «самое решительное осуждение со стороны всех держав, утомленных длительным политическим кризисом и стремящихся к возвращению прочного мира»².

После получения данных инструкций Штрандтман ознакомил с их содержанием Спалайковича, который в ответ заявил, что «Сербия ни в каком случае не сделает опрометчивого поступка, который мог бы иметь гибельные последствия, прежде всего, для нее самой и что и впредь она будет вести политику строгого благородства»³.

¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.531. Л. 358–359. Что же касается показателей, характеризующих Сербию и Австро-Венгрию в военном отношении, то к началу первой мировой войны кадровая численность сербской армии в мирное время составляла 52,000 человек, а союзной с ней Черногории — 2,000 человек; в случае же военной опасности их боевая численность могла составить 247,000 человек у Сербии и 60,000 у Черногории. Численность же предвоенной армии, имевшейся в распоряжении Австро-Венгрии, составляла 478,000 человек. В случае же начала военных операций ее командование могло поставить «под ружье» 1,421,250 человек — Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 гг. Том первый. Кампании 1914–1915 гг. М., 1938. С. 20–21.

² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.531. Л. 358.

³ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.531. Л. 362.

Возвращаясь спустя несколько дней к разговору о тайных связях сербского правительства с Эссад-Пашой, Спалайкович сообщил российскому представителю, что, по полученным в Белграде сведениям, «Эссад Паша вошел в сношения с Портою и, по-видимому, работает в пользу Сербии. Со стороны Турции кандидатом в албанские князья выставляют Абдул Межеда, брата наследника. Доверенное лицо, посланное Черногорией в Дураццо (Дуррес — Авт.) к Эссаду сообщило, что последний находится в смертельной вражде с Валонским правительством, которое, равно как и дибрские (дебарские — Авт.) албанцы, настаивает на выступлении Эссада против Сербии. Он от этого уклоняется, надеясь, что Сербия займет часть албанской территории, ему же предоставит роль спасителя Албании¹. Сообщая об этом Штрандтману, Спалайкович заверил того, что «он решился не идти навстречу этим предложениям, несмотря на мольбы Эссада, не получающего по-видимому ответа и от Турции»².

Тем временем сербский премьер Никола Пашич отправился в Париж, где поднял вопрос о деятельности Эссад-паши в несколько иной плоскости. Как сообщал 1 октября в Санкт-Петербург поверенный в делах России во Франции М.М. Севастопуло, «Пашич, с которым я имел продолжительную беседу о сербо-албанских отношениях, считает, что центр тяжести всего положения находится в Константинополе, вследствие близких отношений, существующих между Эссад Пашой и турками. Он убежден, что Эссад получает денежную помощь из Константинополя и является орудием сего последнего, точно так же, как Валлонское правительство зависит от Вены. По мнению Пашича, в интересах Турции создать затруднения Сербии, как союзнице Греции, дабы быть в более выгодных условиях для ведения переговоров с Афинами. Он считает поэтому воздействие в Константинополе наиболее целесообразным средством для прекращения сербо-албанских столкновений, так как сам Эссад никаких неприязненных чувств к Сербии не питает. Он подтвердил мне, что Сербия ни о каких завоеваниях за счет Албании не мечтает; но, по его мнению, в высшей степени желательно в интересах мира, чтобы разграничительная комиссия, не нарушая Лондонских решений, отвела бы Сербии некоторые стратегические пункты для обеспечения ея границ».

Посетив в начале октября 1913 г. Вену, глава сербского кабинета Н. Пашич подробно разъяснил министру иностранных дел Австро-Вен-

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп.470. Д.113. Л. 385.

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп.470. Д.113. Л. 385.

грии графу Л. Берхтольду логику своей страны в отношении сербо-албанского разграничения. Сославшись на обстоятельства, побудившие его правительство занять ряд стратегических пунктов в тех местностях, где намеченная Лондонским совещанием пограничная линия еще подлежала утверждению Международной разграничительной комиссией, и указав на несправедливость по отношению к Сербии и несостоительность с точки зрения топографических условий выработанной в Лондоне сербо-албанской пограничной линии, отступающей от естественных горных преград и облегчающей для албанских отрядов проникновение на сербскую территорию, сербский премьер, тем не менее, заверил министра иностранных дел Австро-Венгрии в том, что Сербия «не питает никаких агрессивных замыслов и ожидает для своего внутреннего спокойствия установления Европой правильного режима в автономной Албанской провинции»¹. Он заявил, что его правительство не имеет намерения нарушать постановления конференции, и подчеркнул, что «состоявшееся ныне занятие сербскими гарнизонами некоторых стратегических позиций является временной мерой самозащиты впредь до установления в Албании порядка, который обеспечивал бы Сербию от повторения разбойничьих нашествий албанцев»².

Однако объяснения Пашича Вену не удовлетворили. 18 октября Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум, в котором Белграду предлагалось в восьмидневный срок очистить албанскую территорию под угрозой принятия Австро-Венгрией более решительных мер в случае неудовлетворительного ответа³. Вслед за этим министр иностранных дел Австро-Венгрии Берхтольд пригласил к себе сербского посланника в Вене и категорически заявил ему, что монархия Габсбургов предпримет самые решительные действия против Сербии «в случае оставления хотя бы одного сербского солдата вне определенной Конференцией границы»⁴.

Ультиматум вызвал сильное возбуждение в правительственные кругах Сербии. Ряд членов кабинета высказались за категорическое отклонение требований Австро-Венгрии. Однако в итоге возобладала более умеренная позиция главы правительства. Посетив российскую миссию сразу после заседания Совета министров, Пашич сообщил, что кабинет принял решение

¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.530. Л. 177.

² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.530. Л. 181.

³ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.530. Л. 183–184.

⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.531. Л. 385.

вывести из Албании сербские гарнизоны, подчиняясь в данном случае не угрозам со стороны монархии Габсбургов, а исключительно благожелательным советам России. При этом Пашич пояснил, что гарнизоны будут переведены на сербскую сторону пограничной линии и размещены с таким расчетом, чтобы при первом же появлении с албанской стороны вооруженных отрядов последние могли бы быть подвергнуты массированному удару сербских войск. Одновременно председатель Совета министров сообщил, что его правительство решило в самое близкайшее время обратиться к европейским державам с настоятельной просьбой о скорейшем создании в Албании международной полиции и жандармерии, которые явятся существенной гарантией спокойствия на сербо-албанской границе¹.

Согласно извещению сербского верховного военного командования, к десяти часам утра 25 октября 1913 г. — то есть на двадцать четыре часа ранее установленного ультиматумом срока — сербские войска полностью покинули албанскую территорию².

Что же касается реакции на австро-венгерский ультиматум в сербских политических кругах и общественном мнении, то, наряду с осуждением действий Австро-Венгрии, в печати и среди политиков появились обвинения главы сербского кабинета в малодушии, ибо, по их мнению, австро-венгерское правительство никогда бы не осмелилось претворить свои угрозы в жизнь³.

Иную позицию заняла лишь одна политическая сила — сербская социал-демократия. Ее лидер Д. Туцович — являвшийся в руководстве Сербской социал-демократической партии (ССДП) главным специалистом по проблемам, связанным с сербо-албанскими отношениями, — резко осудил политику, проводившуюся кабинетом Пашичем в отношении албанцев. Он подчеркнул, что правительство старорадикалов использует восстание в приграничных с Албанией районах, которое само же спровоцировало вследствие установленного в новых областях Сербии жестокого по отношению к местному албанскому населению военного режима. По словам Туцовича, сербским кабинетом двигало стремление под предлогом защиты сербо-албанской границы осуществить силами армии новый поход на адриатическое побережье и подготовить почву для оккупации всей Северной Албании⁴.

¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.530. Л. 184.

² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.530. Л. 187; Д. 531. Л. 385.

³ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.530. Л. 185.

⁴ Туцовић Д. Сабрана дела. Књига седма. Београд, 1980. С.133.

Партия организовала ряд митингов и других акций протеста против втягивания страны в новую военную авантюру, названную социал-демократами «третьей Балканской войной»¹. На митинге, состоявшемся 28 сентября 1913 г. — в день объявления новой мобилизации — была принята резолюция, указывавшая, что рабочий класс Сербии протестует против захватнических устремлений буржуазии, которая, стремясь получить выход к морю, толкает страну в кровавую авантюру, связанную с неизбримыми несчастьями².

На заседании Скупщины 8 апреля 1913 г., выступая в ходе дебатов о предложении финансового комитета продлить действие государственного бюджета за 1912 г. на оставшиеся восемь месяцев 1913 г., депутат от ССДП Т. Кацлерович, наряду с остальным, отметил, что на освобожденные в ходе войны с Турцией области (в том числе с албанским населением) должны быть распространены гражданская власть и действие парламентской системы вместо того всевластия Верховного военного командования, которое там сейчас существует. Кроме того, он обвинил

¹ Туцовић Д. Сабрана дела. Књига седма. Београд, 1980. С. 141.

² Историјски архив Комунистичке партије Југославије. Том III. Београд, 1950. С. 246, 271; См. также: Лапчевић Д. Рат и српска социјална демократија. Београд, 1925. С. 114–117. По данным Т. Кацлеровича (одного из руководителей ССДП), который ознакомил с собранной партией информацией по данному вопросу европейскую общественность, в ходе осуществления экспедиции сербских войск в Северную Албанию осенью 1913 г. были сожжены 35 албанских сел и убиты десятки тысяч албанцев — См.: *Извештај Т. Кацлеровића Кинталској социјалистичкој конференцији // Bulletin de la commission socialiste internationale à Berne. 1916, N 3.* В ходе кампании имели место многочисленные случаи прямого уничтожения мирного населения со стороны сербских войск. Так, в Люмской области только в одном селе, занятом сербской армией, в течение двух часов было убито около 500 человек, в основном женщин и детей, после чего трупы были сложены в дома, а сами дома подожжены с тем, чтобы скрыть следы преступления. В официальной сербской печати сообщалось о том, что албанское село в Люме было уничтожено из-за того, что албанцы забаррикадировались в своих домах и оказали вооруженное сопротивление сербским солдатам — Радничке новине, 1913, 4. нов.

Что же касается ожидавшихся Туцовичем новых выступлений албанского населения, что они не заставили себя долго ждать. Уже в марте 1914 г. в Косово вновь вспыхнуло албанское восстание, на этот раз в районе Призрена и Дреницы, которое было подавлено лишь после вмешательства отрядов регулярной сербской армии, направленных сюда из Скопье — Радничке новине, 1914, 30. март.

правительство в том, что оно вплоть до нынешней сессии не предоставляло Скупщине какого-либо отчета или сообщения о своих действиях. Мы, указал депутат от ССДП, «как народные посланники и как Народная скупщина не имеем никаких оповещений и не знаем, какую политику правительство проводило в Албании, что оно хотело там, почему вело военные операции, почему эта армия сейчас должна возвратиться...»¹.

На заседании Скупщины 9 апреля 1913 г. в выступлении по поводу правительского проекта строительства новых железных дорог, другой депутат от ССДП, Д. Лапчевич (один из лидеров партии) указал, что в настоящее время главной задачей Сербии является создание таможенного союза путем заключения соответствующих соглашений со всеми балканскими государствами, в том числе и с Албанией, что привело бы к нормализации действующей и созданию новой структуры и сети транспортных путей на Балканах, а Сербия получила бы выход к новым портам и торговым путям.

Осенью 1913 г. Д. Туцович находился в составе сербской армии, дислоцированной на границе с Албанией. Этот позволило ему на основе собственных непосредственных впечатлений углубить разработку проблемы и более четко сформулировать основные положения программы сербской социал-демократии по албанскому вопросу.

11 сентября 1913 г. Туцович отправил из Врнячкой-Бани (где он находился на лечении) письмо в Белград Д. Лапчевичу, в котором дал характеристику ситуации, сложившейся на сербо-албанской границе. Туцович указывал, что военные действия на границе были спровоцированы Сербией и имеют гораздо более далекие цели, нежели отеснение албанцев. По его словам, «готовится военный поход на Адриатическое море, а в ходе дальнейших событий — оккупация Северной Албании»². В связи с этим Туцович рекомендовал сербским социал-демократам развернуть самую острую кампанию против сербского правительства, которое не защищает границу, а втягивает страну в третью Балкансскую войну.

Там же, во Врнячкой-Бане, Д. Туцович написал статью «Длительная война», которая была опубликована в центральном органе ССДП газете «Радничке новине» 14 сентября. В ней он подверг всестороннему и глу-

¹ Народна Скупштина. VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX и XX редовни састанак држани 21, 26, 27, 29 и 30 марта; 2, 4, 5, 6, 8, 9, 10 и 11 апреля 1913. године у редовном сазиву. Стенографски записници. Београд, 1913. С. 267.

² Туцовић Д. Сабрана дела. Књига седма. Београд, 1980. С. 133.

бокому анализу сложившуюся ситуацию. Туцович отмечает, что правительство Сербии, используя средства массовой информации, обращаясь к великим европейским державам и проводя военные приготовления (в частности, осуществляя пополнение пограничных полков до состава военного времени), стремится, по его же собственным словам, облегчить или оправдать повторное занятие стратегических точек, которые армия недавно вынуждена была оставить и которые необходимы для защиты границы от вторжений албанцев на территорию Сербии.

По словам Туцовича, реализация этих планов представляет цель нынешней правительственной политики по отношению к Албании. На деле «бои на сербо-албанской границе не причина, а только повод для приготовлений к оккупации новых албанских территорий, к новому завоевательному походу»; при этом цель, выдвигаемая правящими кругами, превосходит потребности обеспечения охраны границы от албанских вторжений и мятежей¹. В основе этих планов лежит непреодолимое стремление сербского капитала получить выход к Адриатическому морю, которое в прошлый раз не было реализовано из-за вмешательства Австро-Венгрии и Италии, первоначально не принимавшегося в расчет. Правительство, выражавшее интересы капиталистического класса, «хочет использовать пограничные столкновения, которые являются естественным следствием действий нашей армии по отношению к албанским племенам, в качестве повода для возрождения старой опасной авантюры, которая была увенчана на поле боя Брицием, а в дипломатии эвакуацией из Скадара»².

7 октября 1913 г. в газете «Радничке новине» — центральном органе ССДП — появилась обширная статья Д. Туцовича под заголовком «Стратегические пункты в Албании», об отправке которой в редакцию газеты он написал в письме Д. Лапчевичу от 11 сентября 1913 г. Статья была призвана сделать достоянием гласности позицию сербской социал-демократии по албанскому вопросу в сложившейся ситуации. В ней автор указывал, что правительство Сербии оправдывает продолжающиеся военные действия следующим образом: первая Балканская война велась за освобождение, вторая — за поддержание равновесия на Балканах, а третья («пограничные столкновения») — за стратегические точки в Албании; ради этого, пишет Туцович, «мы рубимся с соседом, половина населения которого остается в наших новых границах»³.

¹ Туцовић Д. Сабрана дела. Књига седма. Београд, 1980. С.137.

² Туцовић Д. Сабрана дела. Књига седма. Београд, 1980. С.137.

³ Туцовић Д. Сабрана дела. Књига седма. Београд, 1980. С.141.

В статье далее говорится о том, что территория, о которой идет речь, изрезана, полна обрывов и большая ее часть практически непроходима. При этом ее население находится «на самой примитивной ступени хозяйства» и воинственно и враждебно настроено¹. Поэтому «разумное и осмотрительное правительство должно было бы сначала хорошо подумать, нужно ли эти области принять и тогда, когда бы их население просило об этом, и когда никто в мире этому присоединению не противодействовал бы... Миллионные денежные средства необходимы, чтобы прорезать самые необходимые коммуникации, по которым в эти области можно было бы доставить необходимое чиновничество и снабжать продовольствием гарнизоны, которые там должны были бы содержаться. С экономической точки зрения вся территория... в балансе представляла бы для нас большой и постоянный дефицит»; не говоря уже о том, что новый поход в Албанию «за стратегическими точками» привел бы к новым многочисленным жертвам с сербской стороны, в результате чего Шумадию в конечном итоге пришлось бы заселять албанцами из Косово, Дреницы, Метохии и Подрима².

Туцович подчеркивает, что правительенная политика «Адриатического моря, равновесия и стратегических точек», неминуемо ведущая к вышеуказанным последствиям, является выражением захватнических устремлений сербской буржуазии. Однако, продолжает он, Сербия, отведя свои войска от Адриатического моря на пограничную линию, определенную на Совещании послов великих держав в Лондоне, «признала, что она может (обходиться — Авт.) и без этих точек; и почему сейчас она не может без них?»³. Правительство не смогло укрепить новую сербо-албанскую границу более сильными гарнизонами в пограничных городах и тем самым дало повод для албанского вторжения, которое вызвало, в свою очередь, новую мобилизацию в Сербии и привело к новым многочисленным человеческим и материальным жертвам. Нельзя забывать, делается вывод в статье, что «границу с албанцами должны охранять не наши полки на Паштрине, Шените и других горах, а лучшая и более культурная политика по отношению к албанцам, в самом худшем случае — более сильные гарнизоны в трех пограничных городах»⁴.

¹ Туцовић Д. Сабрана дела. Књига седма. Београд, 1980. С. 142.

² Туцовић Д. Сабрана дела. Књига седма. Београд, 1980. С. 142—143.

³ Туцовић Д. Сабрана дела. Књига седма. Београд, 1980. С. 144.

⁴ Туцовић Д. Сабрана дела. Књига седма. Београд, 1980. С. 145.

В начале 1914 г. увидело свет основное произведение Д. Туцовича по проблематике сербо-албанских отношений — книга «Сербия и Албания» (подзаголовок — «Очерк критики завоевательной политики сербской буржуазии»). В стремлении сербского правительства присоединить часть албанской территории и получить выход к морю автор выделяет две стороны. Первая из них имеет непосредственный экономический смысл и заключается в достижении страной экономической самостоятельности от Австро-Венгрии, которая чинила и продолжает чинить препятствия вывозу Сербией сельскохозяйственной продукции и продуктов ее первичной переработки, составляющих 88% всего объема экспорта. В данном смысле интересы господствующей буржуазии и широких крестьянских масс совпадают.

Однако у этих планов, продолжал Туцович, есть и другая, не лежащая непосредственно на поверхности, сторона. Дело в том, что «в территориальном расширении и выходе к морю правящая буржуазия видела ту цель своей классовой политики, которая вытекала из индустриализации страны и развития капиталистического производства», поскольку «именно в этом лежало спасение всей финансово-хозяйственной системы буржуазии, на которой держалось ее господство; это единственный выход из состояния, которое с каждым днем становилось все более критическим» — указывает Туцович¹.

Далее автор отмечал, что у Сербии имелись два естественных направления, по которым она могла получить выход к морю. Во-первых, это путь через Черногорию и Бар, а во-вторых — через Вардарскую долину и Салоники, который по своей природе и географическому положению является самым подходящим для осуществления экономических связей Балкан с остальным миром. Однако, вместо того, чтобы добиваться получения выхода через них путем создания экономической (и не только экономической) общности балканских народов, сербская буржуазия «взяла за основу переговоров с союзниками сепаратизм» и в результате «сама себе закрыла оба естественных направления выхода к морю», предпочтя пробиваться «через албанские скалы, в направлении, которое ведет через области с компактным чужим элементом, элементом, который представлял наиболее способную к сопротивлению силу в бывшей Европейской Турции»². Кроме того, Адриатическое море само по себе к этому времени во многом потеряло свою изначальную

¹ Туцовић Д. Сабрана дела. Књига осма. Београд, 1980. С. 81.

² Туцовић Д. Сабрана дела. Књига осма. Београд, 1980. С. 88.

стратегическую роль в силу зависимости от общей экономической ситуации в мире и уже не оправдывало тех больших потерь (прежде всего, в хозяйственном отношении), которые неизбежно бы сопровождали попытки укрепиться на его побережье. Таким образом, делает вывод Туцович, «выход на Адриатическое море, оплаченный завоеванием Албании, является для Сербии экономическим абсурдом», а сама она, желавшая получить наряду с ним также и колонию «в лице» Албании (хотя она могла решить свою «экономическую» задачу при помощи «простого соглашения при дружеском участии освобожденного албанского народа»), «осталась без выхода к морю, а из задумавшейся колонии создала кровного неприятеля». В этом и заключалось, по мнению Туцовича, полное поражение завоевательных устремлений сербской буржуазии, которая столкнулась в Албании с двумя великими державами, имевшими там влияние большее, чем сама Турция; в результате чего «порабощение албанского народа, как средство получения выхода на море, показало себя и как политический абсурд»¹.

Говоря далее об отношениях Сербии и Албании, Туцович отмечает, что существуют объективные возможности и предпосылки их кардинального улучшения, начиная с близости сербского и албанского народов, совместного их участия в борьбе против османского господства и заканчивая существующими взаимными экономическими интересами: сербы заинтересованы в получении выхода к Адриатическому морю, а албанцы — в получении хлеба. Однако, с сожалением продолжает автор, «Сербия вошла в Албанию не как брат, а как завоеватель. Более того, она вошла не как политик, а как грубый солдат»; иными словами, «Сербия как неприятель вошла в Албанию и как неприятель вышла»². Такое не могло не привести к появлению у албанского народа безграничной враждебности к сербам. Туцович называет этот факт первым «позитивным» итогом завоевательной политики сербского правительства (прикрывавшегося лицемерными рассуждениями о неспособности албанцев к самостоятельному национальному развитию), а в качестве второго, еще более опасного, он выделяет укрепление в Албании позиций Австро-Венгрии и Италии, чья политика представляет собой постоянную и непосредственную угрозу для балканских народов. В заключение Д. Туцович вновь повторяет свой основополагающий лозунг, ставший основой политики ССДП в национальном вопросе: «Политическое и эко-

¹ Туцовић Д. Сабрана дела. Књига осма. Београд, 1980. С. 90–91.

² Туцовић Д. Сабрана дела. Књига осма. Београд, 1980. С. 108–109.

номическое объединение всех народов на Балканах, включая албанцев, на основе полной демократии и полного равенства»¹.

Отстаивая свои программные требования в целях урегулирования межнациональных и межгосударственных проблем на Балканах — заключавшиеся в первую очередь в образовании Балканской федерации, а также в развитии экономических взаимоотношений (или, как сегодня можно говорить, в экономической интеграции) — ССДП объективно выступала двигателем особой модели балканской интеграции в сфере межнациональных отношений, одинаково отвергая как западноевропейскую модель в виде насаждения готовых вариантов территориального и административного разграничения, так и традиционную сербскую, во многом патриархальную, модель обустройства национального государства и его взаимоотношений с соседями. Сербские социал-демократы хорошо понимали невозможность отгородиться от балканских проблем границами в традиционном общеевропейском понимании этого слова — а такого понимания как раз и недоставало многим в столицах великих держав.

Тем временем главный, а по сути единственный союзник Сербии в разношерстном и шумном албанском лагере, Эссад-паша активно пытался позиционировать себя в качестве общеалбанского лидера. В середине декабря 1913 г. он сообщил международной Контрольной комиссии, что нет никаких оснований опасаться нападения албанцев на сербские гарнизоны в районе Дебара и Люмы, где в данное время ведет свою работу направленная им лично специальная комиссия для организации в указанных областях гражданской администрации².

Тем не менее, сербо-албанские отношения продолжали оставаться напряженными. Находившиеся в окрестностях Шкодры албанцы-уроженцы из областей, отошедших к Сербии, отказывались возвращаться на родину без получения гарантий безопасности со стороны сербского правительства. В связи с этим Австро-Венгрия и Италия решили обратиться к кабинету Пашича с официальным представлением о необходимости обеспечения свободного доступа албанского населения в места его постоянного проживания на основании постановлений Лондонского советования, которые предусматривали доступ албанцев на рынки Дебара и Джяковицы, а также равное положение албанцев с представителями других народов с точки зрения их гражданских прав. Это требование было также поддержано российским правительством с оговоркой, что

⁵¹ Туцовић Д. Сабрана дела. Књига осма. Београд, 1980. С. 110.

⁵² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.2908. Л. 37.

албанцы, находящиеся на сербской территории, должны подчиняться законодательным положениям, установленным сербским правительством¹.

В соответствии с указаниями российского министерства иностранных дел, Гартвиг имел специальную беседу с Пашичем, в ходе которой обратил внимание главы сербского кабинета на необходимость создания благоприятных условий для беспрепятственного возвращения албанских беженцев на свою родину. Со своей стороны, Пашич подчеркнул, что «сербское правительство не только не препятствует, а, напротив, оказывает всяческое облегчение возвращению иноплеменным уроженцам земель, отошедших к Сербии, при условии, конечно, подчинения их установленным законоположениям, приравнивающим всех к коренным сербам»². Тем не менее, председатель Совета министров сообщил, что его правительство, в соответствии с указаниями России и в предупреждение возможного официального представления Австро-Венгрии, не замедлит подтвердить посредством телеграфных сообщений манифест короля Сербии о всеобщей амнистии, с изъятием из нее, правда, «лиц, совершивших уголовные преступления и известных главарей, продолжающих подстрекать албанцев к восстанию, как Болетинац, Риза-бей и другие»³.

Но даже и в эти недели второй половины 1913 г. власти Сербии не оставляли попыток установить взаимовыгодные контакты с отдельными влиятельными албанскими лидерами в интересах стабилизации обстановки и встречали позитивный отклик со стороны последних. Назначенный сербским консулом в Дурресе Симич в беседе с российским представителем в международной Контрольной комиссии А.М. Петряевым весьма деликатно сообщил последнему 17 декабря 1913 г., что он «имеет доверительное поручение вступить с Эссад-Пашой в переговоры по вопросам, интересующим Сербию и Албанию»⁴.

Российский дипломат также принял активное участие в попытках воздействовать на сербское политическое руководство и общественное мнение в умиротворяющем смысле. В ответ на запрос министерства иностранных дел России Петряев представил свои соображения относительно выдвинутых сербским правительством предложений, касав-

¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.531. Л. 428.

² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.531. Л. 430.

³ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.531. Л. 430.

⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп.470. Д.19. Л. 49.

шихся мероприятий, которые, по его мнению, должны быть реализованы европейскими государствами в целях предотвращения дальнейших нападений албанских вооруженных отрядов на Сербию. Данные меры включали в себя оккупацию Албании международными войсками и организацию в этой стране — силами великих держав — местной администрации и жандармерии. В своей депеше от 7 ноября 1913 г. Петряев подчеркнул, что предлагаемая в качестве первоначальной меры международная оккупация Албании представляет собой чрезвычайно сложную и на деле трудно выполнимую задачу, и что державы могут решиться на осуществление подобной операции «в самом крайнем случае и не столько для ограждения сербской границы, сколько по соображениям «высшей политики»¹. При этом, по его оценкам, оккупация реально достижима лишь в узкой прибрежной полосе албанской территории, и в связи с этим она не принесет Сербии никаких выгод.

Организация администрации и жандармерии, по мнению Петряева, являются единственным средством установления порядка в приграничных с Сербией албанских областях, но фактически едва ли возможно в ближайшем будущем надеяться на установление прочной власти среди албанских племен, проживающих в труднодоступных горных местностях, прилегающих к новой сербской границе.

В силу указанных топографических и этнографических особенностей Албании установление в ней политической стабильности инейтрализация многочисленных вооруженных группировок, по мнению комиссара, могут начаться лишь от адриатического побережья и распространяться вглубь страны исключительно медленными темпами, и займут в конечном итоге несколько лет, несмотря на все усилия Контрольной комиссии и иностранных инструкторов жандармского корпуса.

По его словам, в данных условиях сербское правительство должно само предпринять необходимые усилия для нормализации сербо-албанских отношений и поставить дело охраны своих границ на сугубо практическую почву. По мнению Петряева, Сербия должна извлечь для себя уроки из того обстоятельства, что последнее восстание албанцев было во многом подготовлено извне при помощи специально направленных к албанцам профессиональных агитаторов и выделенных им значительных денежных средств. В связи с этим сербское правительство могло бы немедленно попытаться установить доброжелательные отношения с приграничными албанскими племенами. В этих целях ему необходимо

¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.2908. Л. 15.

вступить в тайные сношения с влиятельными албанскими байрактарами и за известную плату поручить им охрану сербо-албанской границы. По словам российского представителя, этот метод уже был опробован в находившихся под турецкой властью областях Старой Сербии для обеспечения охраны монастырей и сел и принес там успешные результаты. Что же касается предъявления сербской стороной денежных претензий, то, по мнению Петряева, белградское правительство могло бы немедленно оговорить для себя данное право, передав впоследствии указанный вопрос на рассмотрение Международного суда в Гааге, как только в Албании будет образовано единое и признанное европейскими державами правительство¹.

В свете сербо-албанских негласных контактов на предмет разграничения и решения других взаимных проблем представляется интерес и депеша Гартвига, отправленная 4 ноября 1913 г., в которой, со ссылкой на только что полученные сербским правительством сведения, говорилось о том, что «двоем из наиболее выдающихся албанских главарей — Иса Болетинац и Риза-бей — заявили королевским пограничным властям, что они горят желанием жить в мире и согласии с сербами, к которым албанский народ питает доверие», объясняя недавнее албанское восстание подстрекательской деятельностью эмиссаров Австро-Венгрии, «ложившим обещаниям которой они более не поддадутся»².

В данных обстоятельствах Эссад-паша, у которого установились близкие отношения с сербским генералом Дамьяном Поповичем, когда последний в период первой Балканской войны находился с сербским отрядом под Скутари, направил делегацию из четырех албанских нотаблей в сопровождении сербского офицера, переодетого в штатскую форму, в Белград для секретных переговоров с сербским правительством³. После прибытия в сербскую столицу нотабли были приняты Пашичем, которому они заявили, что не признают находящееся во Влере правительство Исмаила Кемали, но и не желают иметь в качестве князя назначенного европейскими государствами принца Вильгельма Вида — ибо во главе Албании, большинство населения которой составляют мусульмане, должен стоять и политический деятель-мусульманин, чьи интересы они и собираются защищать; дав одновременно понять, что имеют в виду Эссад-пашу.

¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.2908. Л. 15.

² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.530. Л. 189–190.

³ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.2908. Л. 38.

Пашич был крайне осторожен в своих высказываниях, стараясь не связывать себя конкретными обязательствами. Относительно избрания албанского князя глава сербского кабинета заявил, что этот вопрос находится в компетенции европейских держав, среди которых Сербия не имеет права голоса. Он заверил нотаблей в искреннем желании сербов жить в мире с соседними племенами и вручил им денежную помощь в размере 30,000 франков, с условием ее использования в целях установления порядка на сербо-албанской границе и оказания помощи албанским семьям, пострадавшим от действий сербских войск. 18 декабря 1913 г. нотабли, вполне удовлетворенные — понятное дело! — результатами переговоров, отбыли из Белграда¹.

В июне 1914 г. — в разгар внутриполитического кризиса в Сербии — фигура Дамьяна Поповича вновь привлекла пристальное внимание сербского общества. Он оказался в центре эпизода, получившего широкий резонанс в политических кругах страны и использовавшегося оппозиционными партиями в критике правительства Пашича и в целях усиления своей агитации среди сербских офицеров и военачальников. Данное осложнение было вызвано тем, что за последнее время в присоединенных к Сербии областях отмечались неоднократные случаи конфликтов между местной военной и гражданской администрациями вокруг вопроса о приоритете. Наиболее значительное столкновение произошло в Битоли между командиром дивизии генералом Дамьяном Поповичем и начальником местного округа. В сложившихся условиях министр внутренних дел Стоян Протич, желая положить конец данным недоразумениям, издал специальную «Наредбу» — указ о приоритете гражданских властей перед военными. В ответ генерал Попович подал в отставку. Этот факт получил широкую огласку в оппозиционной печати, причем особую активность проявляли младорадикалы, стремившиеся использовать его в целях компрометации министра внутренних дел. К оппозиционному блоку примкнула также группа отставных и состоящих на действительной военной службе офицеров — участников переворота 1903 г., входивших в тайную организацию «Черная рука». Однако убийство в Сараево эрцгерцога Франца Фердинанда и последующие события, приведшие к первой мировой войне, перевели проблему сербо-албанских отношений и их места в сербском общественном мнении в новую плоскость.

¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.531. Л.449; Д.532. Л. 55–56.

Кузьмичева Л.В.
МГУ

ПРАВЯЩИЕ ДИНАСТИИ СЕРБИИ И ЧЕРНОГОРИИ В ВОСПРИЯТИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДОМА РОМАНОВЫХ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

В 1878 г., после провозглашения независимости Сербского и Черногорского княжеств, в русской дипломатической, внутриполитической, военной и культурной практике особое место занимают контакты с династиями Обреновичей, Карагеоргиевичей и Петровичей¹. Существует обширный источниковый массив, характеризующий русское видение судьбы этих династий и их представителей. Это дипломатические донесения, очерки, письма, путевые заметки и сведения военной разведки. Объясняется такое обилие свидетельств как глубокой включенностью России в сербские и черногорские дела и судьбу молодых балканских государств, так и особенностями восприятия «единоверного и единоплеменного народа».

Наряду с серьезной аналитической оценкой места и роли молодых династий в политической и духовной жизни Сербии и Черногории дипломатическими и военными ведомствами России, существует и обширный пласт очерков и заметок русских писателей и журналистов, хлынувших на Балканы в последней четверти XIX в. Каждый из них оставил свой портрет увиденных им представителей сербских и черногорских правящих династий, поскольку многим удалось получить и личные аудиенции².

¹ Признанию равнородности династий Петровичей и Карагеоргиевичей в русской дипломатической практике и усилиям России по включению молодых балканских правителей в европейскую монархическую семью см. *Кузьмичева Л.В. Балканские принцессы в семье европейских монархов (К вопросу о признании равнородности черногорской и сербской династий)* // Человек на Балканах. Социокультурные измерения модернизации на Балканах (середина XIX–XX в.) СПб., 2007. С. 342–373.

² Выдержки из ряда этих сочинений, касающихся Сербии, компактно представлены в недавно вышедшем сборнике: «Русские о Сербии и сербах». Т. 1. Письма, статьи, мемуары. / сост., вступ. ст., закл. А.Л. Шемякина; ком. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. СПб., 2006.

Однако, помимо этих широко вошедших в научный оборот материалов, существуют источники, которые в российской исторической науке были практически невостребованными, мало известными и долгое время частично запрещенными. Речь идет о воспоминаниях представителей семьи царствующего Дома Романовых об Обреновичах, Карагеоргиевичах и Петровичах.

В настоящей статье уделено внимание именно этой группе источников: личным контактам Романовых с Карагеоргиевичами и Петровичами, что нашло отражение в их мемуарах, дневниках и переписке. Эта сторона русско-сербских и русско-черногорских отношений представляется чрезвычайно важной по нескольким соображениям.

Во-первых, речь идет о признании равнородности молодых балканских династий и характере их инкорпорации в европейскую монархическую элиту. Равнородной Романовым была признана династия Петровичей в конце 80-х гг. XIX в. после заключения браков черногорских принцесс с русскими великими князьями. Из сербских династий равнородной Романовым была признана только династия Карагеоргиевичей, что следует из заключения междинастического брака между Романовыми и Карагеоргиевичами, но не Обреновичами¹. Следует оговориться, что предшествующие попытки Йована Ристича в качестве регента породниться с Романовыми путем брака князя Милана Обреновича или престолонаследника Александра Обреновича с одной из представительниц Дома Романовых были безуспешными.

Во-вторых, интересен сам процесс включения Петровичей и Карагеоргиевичей в начале XX века в состав высшей русской аристократии, в семью великих князей и княжен и лиц императорской крови. Российский Императорский Дом первыми принял в свое лоно представителей черногорской династии Петровичей. Речь идет о браках дочерей черногорского князя Николы Петровича — Милицы и Станы с великими князьями из Дома Романовых. Но особый интерес представляет брак «сербской королевны», как называли в России Елену Петровну Карагеоргиевич, дочь короля Петра Карагеоргиевича, вышедшую замуж за великого князя Иоанна Константиновича.

В-третьих, поскольку большинство мемуаров представителей Дома Романовых появилось, когда они уже были лишены и родины, и титулов, а именно в изгнании, можно говорить об определенной включенности проблемы судьбы Карагеоргиевичей в поиск ответа на вопрос — в чем причина кризиса монархических режимов в Европе в целом, и в Восточной Европе, в частности.

¹ Кузьмичева Л.В. Указ.соч. С. 363–372.

Итак, объект нашего исследования — воспоминания представителей Дома Романовых о своих венценосных братьях в Сербии и Черногории. Мемуары эти по большей части были опубликованы несколько лет спустя, после описываемых в них событий. Однако в России они были изданы лишь в течение последних десяти лет¹. По степени наполненности сведениями о Карагеоргиевичах и Петровичах они сильно разнятся: от незначительного поверхностного упоминания до глубокого анализа.

Так, например, весьма содержательны сведения о Елене Карагеоргиевич, содержащиеся в мемуарах Великой княгини Марии Павловны, двоюродной сестры последнего русского императора. Она подробно описывает свою работу вместе с Еленой Петровной в полевых госпиталях Красного Креста в годы Первой мировой войны²: «Принцесса Елена, сестра Сербского короля Александра, занялась организацией полевых госпиталей, содержание которых она и семья ее мужа предполагала взять на себя». Из этих же воспоминаний мы узнаем, что Елена была хозяйкой Павловска в 1916–17 гг., где, кстати, находилась во время революции вместе со своей родственницей (теткой мужа) королевой Греции Ольгой Константиновной³. И, наконец, сербская тема вдруг неожиданно всплывает в рассказе об убийстве Распутина. Как известно, в этом убийстве участвовал великий князь Дмитрий Павлович, любимый брат Марии Павловны, за что был выслан на Персидский фронт и, несмотря на просьбы представителей императорского Дома, не прощен Николаем II. Однако, по-видимому, он пользовался благосклонностью кого-то из представителей Сербии. Мария Павловна приводит поразительный факт — опальный Дмитрий в декабре 1916 г. получает через посыльного таинственную посылочку: «На дне коробки аккуратно упакованный в вату и салфетки, сверкал голубой эмалью сербский орден»⁴. Есть в этих воспоминаниях и портретная зарисовка будущей жены короля Югославии Александра Карагеоргиевича, принцессы Марии Румынской⁵.

¹ Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. М., 2001, 2005; Мемуары великой княгини Ольги Александровны. М., 2003; Великая княгиня Мария Павловна. Мемуары. М., 2003; Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. Мемуары. М., 2004; Великий Князь Кирилл Владимирович. Воспоминания. М., 2006 и некоторые другие.

² Великая княгиня Мария Павловна. Мемуары. М., 2003. С. 144–162.

³ Там же. С. 280.

⁴ Там же. С. 324

⁵ Там же. С. 335–336.

Однако наиболее интересны для нас материалы, связанные с семьей известного русского поэта и писателя (писавшего под псевдонимом «К.Р.»), крупного культурного деятеля, — великого князя Константина Константиновича(1858–1915).

Личность эта только сейчас становится объектом исследования в нашей стране. За последние 8 лет вышло несколько работ, посвященных ему и его деятельности. Это и не удивительно: поэт и драматург, написавший несколько значительных драматических произведений и поэм, президент Академии наук, знаток музыки и хороший пианист, активно переписывавшийся с П.И. Чайковским, Великий князь Константин Константинович обладал большим авторитетом в научных, литературных и композиторских кругах. Он пользовался авторитетом и в раздираемой ссорами Императорской семье, где оставил по себе добрую память¹.

Даже двоюродный брат Александра III, Великий князь Александр Михайлович, у которого мало для кого из родственников нашлись добрые слова, писал о нем: « ...великий князь Константин Константинович был талантливым поэтом и очень религиозным человеком, что до известной степени как бы и суживало и расширяло его кругозор. Он был автором лучшего перевода шекспировского «Гамлета» на русский язык и любил театр, выступая в главных ролях на любительских спектаклях в Эрмитажном театре Зимнего Дворца. Он с большим тактом нес обязанности президента Императорской Академии наук и был первым, который признал гений биолога Павлова. Он писал поэмы, драматические произведения и рассказы, подписываясь псевдонимом К.Р., и его талант признавался даже органами печати, враждебными существующему в России строю. [...] Будучи в течение многих лет начальником Главного управления военно-учебных заведений, он сделал многое, чтобы смягчить суровые методы нашей военной педагогии»².

Далее в своих мемуарах Александр Михайлович сетует на то, что великий князь Константин Константинович не принимал участия в делах

¹ Чаще всего современные исследователи пользуются для характеристики жизни и деятельности Великого князя Константина Константиновича неоднократно издававшимися мемуарами его сына Гавриила Константиновича. Представляется, что гораздо более полную картину дает дневник Константина Константиновича и его переписка, хранящиеся в фондах Государственного Архива Российской Федерации и Санкт-Петербургского Отделения РАН.

² Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. Мемуары. Минск, «Харвест», 2004. С. 137–138.

политических: «Казалось бы, что такой гуманный и просвещенный человек, как великий князь Константин Константинович, был бы неоценимым помощником государя в делах управления империей. Но, к сожалению, Константин Константинович ненавидел политику и чуждался всякого соприкосновения с политическими деятелями. Он искал, прежде всего, уединения в обществе книг, драматических произведений, ученых, солдат, кадет и своей счастливой семьи, состоящей из жены — великой княгини Елизаветы Маврикиевны (принцессы Саксен-Веймарской), шести сыновей и двух дочерей»¹.

Действительно, семейное счастье Константина Константиновича служило предметом зависти многих его родственников. Но судьба этой семьи печальна: сам великий князь скончался в возрасте 57 лет в 1915 г. от сердечного приступа через полгода после смерти от ран любимого сына Олега, участвовавшего, как и четверо других его братьев, в сражениях первой мировой войны. Его второй сын Гавриил сумел эмигрировать из революционной России, но три его брата — Иоанн, Константин и Игорь были казнены большевиками в 1918 г. Смерть их была ужасной и мучительной. Они живыми были сброшены в шахту под Алапаевском, а затем заброшаны гранатами. Из России сумела выбраться вдова Константина Константиновича с двумя младшими детьми — Верой и Георгием, а также невестка Елена Петровна со своими двумя детьми — Всеволодом² и Екатериной. Именно Екатерина Иоанновна считалась на протяжении последних лет, вплоть до своей кончины 13 марта 2007 г.³ старейшим представителем Династии Романовых.

¹ Там же. С.138.

² Всеволод Иоаннович (1914–1973) умер бездетным. Но до самой своей кончины стоял под первым номером в списке претендентов на титул главы Российской Императорского Дома в случае смерти Владимира Кирилловича.

³ Екатерина Иоанновна скончалась в Монтевидео. Характерно, что в своем официальном сообщении об этом печальном событии Посольство Российской Федерации в Уругвае именует ее последним членом Российского Императорского Дома: «13 марта с.г. в Монтевидео скончалась последний член Российского Императорского Дома, двоюродная племянница Императора Николая II, Ее Светлость Княгиня Екатерина Иоанновна Романова. Княгиня оставалась последним Членом Российского Императорского Дома, чье имя (под № 55) приводится в Придворном календаре за 1917 год. Ее Светлость родилась 12/25 июля 1915 года в г. Павловске и приходилась праправнучкой Государю Императору Николаю I. Она эмигрировала из России в 1918 году и затем проживала в различных европейских странах. В 1937 году Княгиня Екатерина

Итак, получилось, что династическая линия Романовых прервалась со смертью ребенка от брака Романовых и Карагеоргиевичей. Мог ли предположить столь невероятный конец Российского Императорского Дома сам Великий князь Константин Константинович? Конечно же, нет, хотя он много и часто размышлял о будущем России и ее правящей династии в своих письмах и дневниках. Думал он и о судьбе славянских стран — Сербии и Черногории, и не только потому, что был связан родственными узами с правителями этих государств. Еще до того, как внучка черногорского короля и одновременно дочь короля Сербии — Елена стала его невесткой, он уже тесно познакомился с Черногорией, ее историей и народом.

В 1899 году великий князь Константин Константинович был направлен в качестве официального представителя Дома Романовых на свадьбу престолонаследника Черногории принца Данило (1871–1939) и принцессы Мекленбург Стрелецкой Юты (после перехода в православие — Милицы (1880–1946).

Сведения об этой поездке, как, впрочем, и о других интересующих нас событиях, связанных с династиями Петровичей и Карагеоргиевичей содержит чрезвычайно интересный дневник великого князя Константина Константиновича, хранящийся в Государственном Архиве Российской Федерации и лишь частично опубликованный.

4 июля 1899 г. великий князь пишет: «Я получил приказание все-таки ехать в Черногорию». И сообщает здесь же, что при прощании царь Николай II вручил ему бриллиантовое ожерелье для невесты, после чего, записывает свою беседу с царем: «Говорили и о славянстве: он вспомнил, что есть у Пушкина стих об этом, и я поспешил привести этот стих наизусть: «Славянские ручьи солются ль в русском море, Оно ль иссякнет?»¹.

Иоанновна вступила в брак с итальянским дипломатом Маркизом Руджеро Фараче ди Вилафореста, явившимся с 1963 по 1967 г. послом Италии в Восточной Республике Уругвай. От этого брака у нее родились две дочери — Николетта и Фиаметта, а также сын Иоанн. В последние годы жизни Княгиня вместе с дочерью Николеттой проживала в Уругвае. Она была похоронена 16 марта с.г. на частном кладбище «Лос Фреснос» в престижном районе «Карраско» г. Монтевидео. По желанию семьи покойной церемония проходила в узком кругу родственников и друзей. Монтевидео, 23 апреля 2007 г. <http://www.urguguay.mid.ru/press/066.html>

¹ К.Р. Великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., Искусство. 1998. С. 264.

Константин Константинович находился в Черногории с 9 по 18 июля 1899 г. Судя по его обширным дневниковым записям, страна, и особенно ее люди, произвели на него неизгладимое впечатление. Он чрезвычайно воодушевлен, восхищается черногорцами: «Я здесь утопаю в блаженстве: чудный по красоте, солнцем пригретый край; глаз не видит темных, опошленных сторон гражданского развития. Нет западной плоскости культуры. Народ нам родной, православный, слышна речь близкая к родной, своя одежда, живописная, красивая, не заменена европейской. Все мало, но есть какая-то благородная простота и достоинство»¹. Дает он и портретные зарисовки представителей черногорской династии Петровичей, в частности, младшего сына князя Николы Мирко (1879–1918): «Меня встречает Мирко, второй сын князя, молодец, 20-летний красавец, с прекрасным, каким-то «соколиным» лицом. Мы знакомы с 96 года [имеется в виду коронация Николая II в 1896 г. — Л.К.], оба сочувствуем друг другу. Расцеловались. С ним наш поверенный в делах К.А. Губастов, его чиновник С.А. Лермонтов, воспитатель Мирка русский полковник Сумароков и два молодца черногорца, назначенные при мне состоять»².

Константин Константинович присутствовал и при присоединении к православию принцессы Юты. Он пишет, что растолковал ей, в чем сущность православия, и подчеркнул, что «ее присоединение состоится по тому же обряду, по которому наше вероисповедание приняла императрица Александра Федоровна, и прибавил, что оба наши вероучения христианские, и что лютеранам ни от чего отрекаться не надо, а надо только принять ко всему существующему еще кое-что новое...»³.

Набожный и глубоко религиозный Великий князь критически отозвался о матери невесты: «Ходили с Ники в дом наследника прощаться с великой герцогиней. Она слывет не очень умной и не вяжется с Черногорией; эти немецкие принцессы с узеньким миросозерцанием и придворною церемонностью здесь не на месте [...] Прощаться с черногорским семейством было очень жалко. Проводили меня как родного»⁴.

Общее благоприятное впечатление от представителей династии Петровичей не испортили даже нелестные характеристики, данные русским посланником: «Я расспрашивал нашего посланника Губасто-

¹ Там же. С. 266.

² Там же.

³ Там же. С. 268

⁴ Там же. С. 269.

ва о здешних делах и услышал от него многое такое, что разочаровало меня. Он видит немало темных сторон в Черногории: беспорядочность финансов, не всегда точное исполнение требований Князя, которые в свою очередь бывают часто противоречивы и непоследовательны. Сыновей Князя Губастов считает избалованными, плохо воспитанными, пустыми, ленивыми. Даниил будто бы не любим в стране, невнимателен; даже резок и груб, оттирает от отца его главных советчиков и способных людей, стараясь получить над ними преобладающее влияние, окружает себя ничтожными людьми... Мирко, по мнению Губастова, лучше старшего брата, но мало способен и пустоват, ничего не читает. Мне было больно слышать это: я видел здесь все в розовом свете и не замечал темных сторон; все же мне кажется, Губастов преувеличивает эти темные стороны»¹.

Таким образом, для Константина Константиновича приоткрылись многие ранее не известные стороны черногорского настоящего, но он все же составил для себя самое благоприятное мнение о братской славянской стране: «Давно мне не случалось за границей не радоватьсяозвращению в Россию. Здесь, в родной Черногории, я чувствовал себя не за границей, а как бы дома. Очень мне жаль, что сербский язык мне неизвестен. Просил здесь достать мне Библию в сербском переводе (Ветхий Завет — Даничича, а Новый — Караджича) и читаю Евангелие; кое-как справляюсь и понимаю, но говорить не могу»².

Черногория оставила серьезный след и в его поэтическом творчестве, что составляет собой сюжет для отдельного рассказа.

В то время, когда еще только намечалась поездка Константина Константиновича в Черногорию, в России был глубокий траур в связи со смертью брата царя, цесаревича-наследника Георгия Александровича, скончавшегося от туберкулеза 28 июня 1899 г.

О том, что он командирован в Черногорию, «несмотря на траур, и, не дожидаясь погребения Цесаревича», Константин Константинович сообщает своему постоянному корреспонденту литератору и издателю Л.Н. Майкову³ и спрашивает у него: «Не знаете ли Вы русских переводов поэтических произведений Князя Николая Черногорского, а также сведений о сербских святых, чествуемых в Черногории, например, о Василии Острожском? У Ровинского о них сказано очень мало». А по

¹ Там же. С. 268.

² Там же. С. 269.

³ К.Р. Избранная переписка. СПб., 1999. С. 512.

возвращении Константин Константинович присыпает Л.Н. Майкову для печати свои поэтические произведения, посвященные Черногории. Это лирическая поэтическая зарисовка «У моря в Антивари» и большое стихотворение «Черногории. Посвящается князю Черногорскому Николаю I»¹.

Второе стихотворение имеет и свою историю публикации. Оно увидело свет лишь через 16 лет после написания и виной тому причины политические. Рассказывая аллегорически о борьбе Черногории против ее угнетателей и завоевателей, автор затронул деликатную тему русско-австрийского соперничества на Балканах. Приведем этот отрывок:

«...Противу полчищ Магомета
 Держалась горсть богатырей.
 Дож и Калиф забыли споры;
 Сковав кольцо несметных сил,
 Они твои сдавили горы;
 Тебе конец уж приходил.
 Венецианский лев лукавый
 Занес уж лапу над тобой.
 Тебе готовил пир кровавый
 Стамбул, увенчанный луной.
 Но мощною тебя десницей
 Великий Петр оборонил,
 И царственою багряницей
 От злых насильников прикрыл.
 Шли годы... Как в былое время
 За волю билося с чалмой
 Юнаков доблестное племя...
 И пал над бездною морской
 Крылатый лев святого Марка.
 Уж твой, казалось, к морю путь
 И свежесть волн лазури яркой
 Вдохнет израненная грудь.
 В ту пору чуждые народы
 Русь избавляла от цепей,
 Мы блага мира и свободы
 Им расточали все щедрей;

¹Там же. С. 513–516.

И только брати соплеменной
 Единоверная страна
 Державе алчной и надменной
 В угоду нами ж отдана.
 Где кровь твоя лилась ручьями,
 В сердца твоих прибрежных сел
 Вцепился жадными когтями
 Двуглавый Австрий орел...»

Безусловно, такая трактовка истории противоборства великих сил по вопросу о судьбе Черногории была чрезвычайно смелой, если учесть, что ее автором был двоюродный дядя российского императора. Автор понимал это, и замечал Майкову, что стихотворение «требует предварительной Высочайшей цензуры»¹. Но Николай II напечатать его не позволил. Вот как об этом пишет в своем дневнике сам автор стихотворения 8 августа 1899 г. : «После семейного праздника Царь похвалил мое стихотворение «Черногория» (я вручил его накануне), позволил послать его князю Николаю, но не пожелал, чтобы оно было напечатано, покуда жив нынешний император австрийский»².

Как известно, австрийский император Франц-Иосиф прожил еще 16 лет, но стихотворение все же было опубликовано при жизни этого монарха, такочно и фатально связанного с Россией обстоятельствами восшествия на престол, своей судьбой и судьбой своей страны.

В тяжелые дни Первой мировой войны Константин Константинович переживал гибель в октябре 1914 г. на фронте сына Олега. Драматические страницы дневника Константина Константиновича, рассказывающие о прощании с умирающим сыном, трудно читать без волнения³.

Блестящее образованный и чрезвычайно талантливый Олег был самым близким по духу Константину Константиновичу, о чем безутешный отец писал своему другу известному юристу А.Ф. Кони: «Господу угодно было взять у меня того из сыновей, который по умственному складу был наиболее мне близок. Да будет Его Господня воля»⁴. Примечательно, что писал он в эти дни тому же корреспонденту и о славянской пробле-

¹ Там же. С. 514.

² К.Р. Великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., Искусство.1998 С. 271.

³ Там же. С. 350–352.

⁴ Там же. С. 441.

ме: «Сердце сжимается от мысли, что Болгария поддается австро-германским дипломатическим козням и наущениям»¹. А в дневник заносит в конце октября 1914 г следующую информацию: «был у меня издатель Ник. Ник. Сергиевский, просидевший 3 месяца в Ростоке в плену у немцев [...] Он вскоре выпускает (своим, а не моим изданием) сборник избранных моих стихотворений. Туда будет включена и не печатавшаяся до сих пор моя «Черногория» (письмо к князю Николаю Черногорскому от 1899 года). Говорили о напечатании отдельным томом всех моих статей в прозе...»².

Итак, впервые это стихотворение опубликовано в 1914 г.³ В это время, как никогда актуально, прозвучали его заключительные строки:

Но близок день освобожденья:
Сознав грехи былых годов,
Их промахи и заблужденья
Мы сбросим гнет твоих оков.
Недаром с высоты престола
Был голос Белого Царя
И грому вещего глагола
Внимали суша и моря.
Недаром голос Государя
Вещал грядущему в завет,
Что черногорцев господаря
У нас вернее друга нет⁴...

Прошло 12 лет после посещения Константином Константиновичем Черногории в 1899 г. и два высокородных поэта — король Никола Черногорский и великий князь Константин Константинович Романов породнились. Внучка короля Николы Елена Карагеоргевич стала женой старшего сына Константина Константиновича. Этому событию посвящены многие страницы дневника К.Р.

¹ Там же. С. 443.

² Там же. С. 353.

³ Наша старина. 1914. № 11. С. 903–905.

⁴ Имеются в виду знаменитые слова Александра III, что у него лишь один верный союзник — князь Черногории.

Здесь можно найти вполне рельефный портрет короля Карагеоргииевича, который оказывается еще 10 марта 1910 г. приезжал зондировать почву о возможном браке сына Александра и дочери великого князя Татианы. Знакомы они были давно, и даже вместе плыли из Триеста в Дубровник в 1899 г., и (тогда еще князь) Петр Карагеоргииевич был «с прелестными двумя сыновьями Георгием и Александром 11-ти и 10-ти лет»¹.

В марте 1910 г. Константин Константинович записывает в свой дневник: «Вторник. 9. В 4.1/2 в павильоне царской железнодорожной ветки встреча Сербского Короля Петра. Был Государь. Почетный караул от лейб-гусар, в 7.1/2 в Большом Дворце парадный обед, без дам. Царь говорил тост по-русски, а Король по-сербски».

А на следующий день Петр Карагеоргииевич, король Сербии, на правах старого знакомого посетил супругу Великого князя. Вот как этот визит отражен в дневнике К.Р.: «Когда вернулся домой, у жены был Король. Он собрался уезжать, да встретясь со мной в прихожей, пожелал поговорить со мной. Я провел его в мою приемную. Тут с глазу на глаз он заговорил о видах своего наследника Александра на нашу Татиану. Еще летом писали мне об этих видах, но через министерство иностранных дел ответили, что Татиана не расположена согласиться на переговоры, и я думал, что дело кануло в воду. Таким образом, Король застиг меня врасплох. Не мог же я сказать Королю, что противлюсь этому браку ввиду того, что сербская династия недостаточно утвердилась на своем шатком престоле. Сослался на Татиану, что все зависит от нее. Король спрашивал, нельзя ли где-нибудь устроить свидание. Я ответил, что у нас пока нет никаких предположений на лето, и неизвестно, будем ли мы за границей, где встречу было бы легче устроить. Тем и кончилось². Перспектива видеть свою дочь будущей королевой Сербии, как видим, в это время не очень воодушевляла Константина Константиновича. Его пугала «шаткость сербского трона».

Но уже через год он все же породнился с королем Петром и сербской династией. Его дочь Татиана вступила в брак неравнородный, что вызвало, переживания родителей и способствовало созыву серьезного совещания в Императорском Доме³. Татиана вышла замуж за князя Ба-

¹ К.Р. Великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., Искусство. 1998 С. 265.

² Там же. С. 325.

³ Императорская фамилия есть семья Его Величества. Материалы Семейного Совещания Романовых 1911–1912. // Исторический архив 2005. № 5.

гратиона¹ сразу же после того, как ее брат князь императорской крови Иоанн Константинович вступил в брак с сербской принцессой Еленой Петровной Карагеоргиевич.

Здесь следует сделать небольшое отступление о странностях судьбы, которая все-таки привела Татиану в Сербию. Она бежала туда из России после гибели своего мужа Константина Багратиона-Мухранского и смерти второго мужа. Именно здесь, в Сербии, теперь уже в Югославии ее сын Теймураз Константинович Багратион-Мухранский (1912–1992), двоюродный брат племянников короля Александра Карагеоргиевича от его сестры Елены, получил образование. Он закончил в Белой Церкви Первый русский великий князя Константина Константиновича кадетский корпус, а «затем югославскую Военную Академию, десять лет прослужил в гвардейском конно-артиллерийском полку югославской армии, в рядах которой принял участие в войне против Германии»². Не состоявшийся жених великой княжны Татианы, теперь король Югославии Александр Карагеоргиевич предоставил убежище ее семье, как и тысячам других русских беженцев. Интересно и то, что князь Теймураз Константинович Багратион-Мухранский первым браком был женат на внучке выдающегося сербского и югославского политического деятеля Николы Пашича — Екатерине Рачич.

Великий князь Константин Константинович не отдал дочь за сербского престолонаследника Александра, зато на его сестре Елене женил своего сына, породнив, таким образом, Романовых сразу и с Петровичами и с Карагеоргиевичами.

Итак, проанализированные выше источники позволяют нам не только дополнить картину сербско-русских связей, но и представить целый пласт ранее не исследованных материалов о формировании сербской высшей родовой аристократии и роли в этом Российского Императорского Дома. Мемуары и дневники представителей Дома Романовых о балканских монархах и их семьях представляют особый интерес, так как позволяют понять, насколько соответствовали представители молодых балканских династий своему статусу с точки зрения одной из самых авторитетных династий Европы — Романовых.

¹ Об обстоятельствах этого брака пишет исследовательница жизни и творчества великого князя Константина Константиновича: Матонина Э.Е. Татьяна и Багратион. // Москва. 2002. № 11.

² <http://xx13.ru/kadeti/bagration.htm>

Яковкина Е.В.

Ставропольский государственный
педагогический институт

НАЦИОНАЛИЗМ¹ КАК ИДЕОЛОГИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ ПОЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX — НАЧАЛА XX в.)

Начиная со второй половины XIX в. одной из новых и важнейших тенденций европейской истории становится постоянно увеличивающееся внимание к национальному вопросу.

Для стран Центральной Европы, большинство которых не имело в рассматриваемый период собственной государственности, неразрешенность данной проблемы являлась одной из особенностей политического процесса.

В польских землях вопрос взаимоотношений с государствами—разделителями и возможных путей достижения независимости определял характер политической жизни вплоть до 1918 г., когда мировое сообщество признало необходимость создания независимого Польского государства.

Между тем, если отойти от традиционных историографических подходов и попытаться рассмотреть польский национальный вопрос в рамках модернизационной парадигмы, то на первый план, на наш взгляд, выходят две проблемы. Во-первых, — это вопрос о том, каким образом складывались взаимоотношения между обществом (в лице населения польских земель) и властью (в лице государств-разделителей) и какие это имело последствия с точки зрения направленности модернизационных процессов в польских землях. Особый интерес в этой связи имеют альтернативные революционным способы решения национального вопроса, поиск которых интенсивно шел в польских землях после пора-

¹ В рамках данной статьи понятие «национализм» не является идеологически окрашенным и подразумевает борьбу за национальную независимость, за возможность создания независимого государства для группы населения, определенной по национальному признаку.

жения восстания 1863–1864 гг. Во-вторых, — это проблема объяснения очевидной взаимосвязи между включением польских земель в процесс капиталистической реконструкции и ростом политической активности крестьянства.

Прежде чем перейти к анализу интересующих нас вопросов, рассмотрим, в общих чертах, социально-экономическую и общественно-политическую ситуацию в польских землях в последней трети XIX в¹. (период, когда активизировались трансформационные процессы, связанные с развитием капиталистических отношений) до начала XX столетия — времени, когда зарождаются массовые движения, происходит становление массовых политических партий, а национально-освободительная борьба постепенно приобретает организованный характер.

Неравномерный характер развития польских земель в рассматриваемый период в определяющей степени был обусловлен ходом и степенью развития капитализма в государствах-разделителях.

Благоприятная экономическая ситуация сложилась на землях, отошедших к Пруссии (и вошедших позже в состав Германской империи), где проведение аграрных реформ способствовало переходу помещиков и крестьянства к капиталистическим методам хозяйствования, ознаменовалось применением в хозяйствах сельскохозяйственных машин и удобрений, в результате чего сельское хозяйство постепенно приобретает товарный характер.

Проведение в 1864 г. аграрной реформы в польских землях, находившихся в составе Российской империи — Царстве Польском — также стало завершающим этапом в создании условий, необходимых для утверждения капиталистических отношений. Последняя треть XIX столетия прошла для Царства Польского под знаком начавшейся индустриализации, в результате чего уже к концу столетия эти земли приобретают аграрно-индустриальный характер. При этом оставался целый ряд нерешенных проблем, главными из которых были малоземелье и растущая парцелляция земельных наделов.

Наиболее отсталыми являлись польские земли, находившиеся в составе империи Габсбургов. Галиция даже накануне Первой мировой войны имела самую отсталую структуру землевладения, огромное число

¹ Нижнюю хронологическую границу можно установить и более точно: нас будет интересовать период со времени подавления восстания 1863–1864 гг. в Царстве Польском.

безземельных и малоземельных крестьян, а также практически неразвитую крупную промышленность. Низкий уровень экономического развития привел к тому, что за этими землями закрепился статус поставщика сырья и дешевой рабочей силы.

Новым для всех польских земель явлением, непосредственно связанным с перестройкой системы хозяйствования на капиталистический лад, становится экономическая миграция. В течение всего XIX столетия и вплоть до образования в 1918 г. независимого государства польские земли были одним из основных «экспортеров» эмигрантов в мире. Начиная с 1870-х гг. основную массу мигрантов составило крестьянство¹. Масштабы крестьянского миграционного движения были настолько велики, что его, зачастую, называли «социальной эпидемией». За счет притока из деревни пополнялось, прежде всего, городское население. Кроме того, шло активное перемещение по территории польских земель, а также по всей территории Германской, Российской, Австро-Венгерской империй и за их пределы. В развернувшейся с конца XIX в. массовой эмиграции в Западную Европу, Северную (США, реже Канада) и Южную Америку (Бразилия, Аргентина) участвовало население всех частей Польши.

Таким образом, в последней трети XIX столетия польские земли, в большей или меньшей степени, оказались вовлечены в процессы, связанные с капиталистической реконструкцией.

Что же касается общественно-политической ситуации, то она складывалась следующим образом.

В Царстве Польском и польских землях Германской империи основным направлением государственной политики стало «слияние» их с метрополией, выразившееся, в том числе, и в усилении национального гнета. Подавление восстания 1863–64 гг. имело своим непосредственным следствием русификацию административного аппарата, судебных органов, системы образования. Ряд мер был направлен и против католической церкви. В германской политике, начиная с 70-х гг. XIX в., польский вопрос рассматривался как «центробежный фактор»², а католицизм — как духовная основа опасного для Германской империи

¹ См.: Historia chłopów polskich. Historia chłopów polskich: Organowanie zbrojowe pod redakcją S. Inglota. Warszawa, 1972. Т. II. С. 421. Первая волна миграционного движения пришла на 1890–1892, вторая — на 1899–1903, третья — на 1911–1913 гг.

² См.: Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. Пер. с польск. М., 2004. С. 353.

сепаратизма. Администрация, суд, школьное образование подверглись германизации. В 1871 г. под лозунгом «культуркампфа» началось наступление на католическую церковь. Ситуация осложнялась еще и тем, что с 1866 г. функционировала т. н. Колонизационная комиссия, целью деятельности которой стало вытеснение поляков с их земель и замена их немецкими поселенцами. В 1894 г. с этой же целью было создано «Объединение немцев восточных провинций», широко известное как Гаката. Подобную ситуацию английский историк Эрик Хобсбаум характеризует следующим образом: «Государственный национализм [...] был опасным оружием для тех, кто им пользовался. Мобилизая в политическом отношении одних жителей страны, он способствовал отчуждению других — тех, кто не принадлежал (или не хотел принадлежать) к нации, признанной «государственной». Другими словами, он способствовал формированию национального сознания у людей, исключенных из официально признанной национальности, путем выделения общин, сопротивлявшихся, по тем или иным причинам, утверждению официального государственного языка и идеологии»¹.

Отечественный исследователь И.С. Яжболовская, анализируя процесс формирования национальной идеи в Польше и специфику ее содержания, подчеркивает, что на рубеже XIX–XX веков и, особенно, перед воссозданием польского национального государства энергично эксплуатировались идеологемы и мифологемы исторического содержания, призванные воспитывать народ в духе мобилизации национальной идеи на дело интенсификации освободительной борьбы. «Патриотическое воспитание *volens nolens*, — пишет Яжболовская, — базировалось на своеобразии польской истории, на мобилизации нации на борьбу за освобождение от угнетения соседних государств, особенно Российской и Германской империй»².

В политическом отношении наиболее благоприятным было положение Галиции. К 70-м гг. XIX в. эти земли получили статус автономии. Польский язык был введен в систему образования (включая университеты, где, кстати, преобладала польская профессура), а также был признан официальным в деятельности административных и судебных орг-

¹ Цит. по: Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. Пер. с англ. Ростов-н/Д., 1999. С. 222.

² Цит по: Яжболовская И.С. Национальная идея в Польше: история и современность // Национальная идея на европейском пространстве в XX веке. М., ИВИ РАН, 2005. С. 230.

ганов. Все это, по словам русского историка А.Л. Погодина, делало из Галиции «единственную страну, где польская национальная жизнь приобретает полную возможность для всестороннего развития»¹.

Очевидно, что в рассматриваемый исторический период содержание польской национальной идеи составлял культивированный культ вооруженной борьбы, общезначимое нравственное предписание положить жизнь на алтарь Отечества, отдать ее за свободу и независимость Родины². Однако, как известно, все попытки завоевания независимости и объединения польских земель вооруженным путем потерпели сокрушительное поражение. Национально-освободительные восстания 1830–31, 1846, 1848, 1863–64 гг., возникавшие в различных частях разделенной Польши, были подавлены. После преобразования в 1867 г. Австрийской империи в дуалистическую монархию, лишившего поляков венгерского союзника, и поражения пропольски настроенной Франции во франко-прусской войне 1870–1871 гг., окончательно были утрачены и надежды на иностранную помощь в решении национального вопроса. Кроме того, в ходе освободительных восстаний проявилась неспособность учесть и удовлетворить интересы основной массы населения, что подорвало лидирующие общественные позиции польского дворянства. Окончательно утрачивает свою силу и значимость понятие «шляхетского народа», явившееся основным в польской национально-освободительной идеологии, начиная с середины XVIII столетия, и опиравшееся, в первую очередь, на критерии не этнические, а социально-политические³. Наконец, вопрос достижения государственной независимости отошел на второй план по сравнению с проблемой денационализации в условиях проводимой российским и немецким правительствами активной ассимиляторской политики. Важное значение имели и социально-экономические преобразования в польских землях. Как отмечает немецкий историк Х. Ханн, «модернизационные изменения создали в польских землях специфическую ситуацию. Началось соперничество не только в вопросе о том, кто извлекает пользу, но и в том, кто инициирует и реализует программу социально-экономической модернизации: правительства госу-

¹ Цит. по: Погодин А.Л. Краткий очерк истории славян. М., 1915. С. 52.

² См.: Яжборовская И.С. Указ. соч. С. 229.

³ Подробнее см.: Липатов А.В. Европейское Просвещение и концепция национальной культуры в Польше XVIII в. (к постановке проблемы) // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 136–147.

дарств-захватчиков, стремящиеся к интеграции, а на самом деле, ассимиляции поляков, или польское общество, которое должно возглавить эти преобразования, чтобы избежать грозящей ему гибели...»¹. Совокупность всех этих факторов повлияла на изменения в массовом сознании польского общества и на пересмотр польской политической и интеллектуальной элитой методов решения «национального вопроса».

Поиск новых общественных сил, способных справиться со стоявшими перед польским обществом проблемами и заменить сходящую с политической сцены шляхту, привел к тому, что начали набирать силу социалистические и националистические идеи. Сторонники последних возлагали свои надежды на крестьянство как основу польской нации. Польская политическая и интеллектуальная элита постепенно приходит к осознанию того, что крестьянство может и должно стать социальной основой национального единства². Именно с признанием важной роли крестьянства в жизни польской нации и государства был связан интерес польской интеллигенции к проблемам деревни, что нашло выражение в организации разного рода кооперативных организаций, призванных повысить экономическое благосостояние крестьянства (организация крестьянских банков, сельскохозяйственных ассоциаций для ввоза и закупки техники, семян, скота, коммерческих ассоциаций для продажи сельскохозяйственной продукции и т. д.); в активизации фольклорно-этнографических исследований, цель которых в определяющей степени была обусловлена стремлением сохранить и возвеличить духовные ценности своего народа и показать его героическое прошлое; позже — в попытках предложить решение проблемы крестьянской эмиграции, в которой многие видели угрозу польским национальным интересам, пу-

¹ См.: Hahn H.H. Przymus modernizacyjny i ucisk integracyjny — rola państwa w kształtowaniu mentalności politycznej polaków w drugiej poowie XIX wieku // Ideologie, poglądy, mity w dziejach Polski i Europy XIX i XX wieku. Poznań, 1991. S. 291.

² Подобное отношение сохранилось и после создания независимого польского государства. Так, отечественный полонист Г.Ф. Матвеев указывает, что даже в начальный период независимости Польши основными аргументами в пользу признания за крестьянством особой роли в государственной жизни и права на помещичьи земли было, в том числе, и «подчеркивание его особых заслуг в сохранении нации и государственной территории». См.: Матвеев Г.Ф. «Третий путь? Идеология аграризма в Чехословакии и Польше в межвоенный период. М., 1992. С. 222.

тем создания специальных Товариществ помощи крестьянам-мигрантам. И хотя идеи силового решения польского вопроса не утратили своей популярности, подтверждением чему может служить деятельность таких тайных организаций, как «Союз сынов отчизны», Лига польская, Лига народовая¹, польское общество все же попыталось перестроиться, приспособиться к изменившейся политической и социально-экономической ситуации. Можно констатировать, что нерешенный национальный вопрос во многом стимулировал, используя терминологию современных теоретиков модернизации, появление «новаторски ориентированных и нацеленных на создание условий для процветания убеждений и установок» или создание «позитивной ментальной модели»².

Идеологические ответы на вызовы модернизации имели различные формы, что во многом определялось сложившимся в польских землях характером взаимоотношений между обществом и властью³, но в целом строились в русле программы т. н. «органической работы» («ргаса organiczna», «теория малых дел», «позитивная работа»), получившей распространение на территории всех польских земель. Суть ее сводилась к пропаганде среди всех слоев польского населения (и прежде всего в среде крестьянства) повседневного кропотливого труда, накопления материальных богатств и укрепления позиций поляков в освободительной борьбе за счет развития экономики, образования, науки, культуры, улучшения уровня жизни.

Изначально идеи и практика органического труда получили свое развитие в Великой Польше, где появление их было связано с именем врача К. Марчинковского. В 1841 г. он создал Общество научной помоши и Польский базар, ставший центром политической жизни Познани. Была организована кредитно-ссудная система, открывались библиотеки, издавались газеты и журналы. Подобный курс был ориентирован на со-

¹ Подробнее см.: Общественное движение на польских землях. Основные идейные течения и политические партии в 1864–1914 гг. М., 1988. Гл. 2.

² См.: Фэйрбенкс М. Преобразуя сознание нации: о ступенях, ведущих к процветанию // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. Пер. с англ. М., 2002. С. 257, 263.

³ Например, в Галиции существовали возможности для ведения политической деятельности, в Царстве Польском и Великой Польше, где создание любого рода политических и даже просветительских польских организаций находилось под запретом, единственной легальной сферой деятельности была экономика.

хранение и развитие всего польского. При этом нужно заметить, что не исключались и другие формы борьбы за сохранение поляков как нации. Именно в прусской части Польши идея движения к независимости путем наращивания экономической мощи была осуществлена в полной мере¹, а в ее реализацию были вовлечены все социальные слои — от крупных землевладельцев, предпринимателей, священников до крестьян и рабочих. Создавались земледельческие кружки, кредитно-сберегательные кассы, парцелляционные общества, кооперативы по сбыту сельскохозяйственной продукции². Весьма успешное развитие экономики польских районов Германской империи, обеспечивавшее достаточно высокий уровень жизни значительной части поляков, во многом позволило им противостоять экономическому и политическому наступлению германизации. Политика германского правительства по отношению к польскому населению имела безусловно негативные последствия для самой Германской империи, но если говорить о ее влиянии на самих поляков, то представляется более верным применить формулировку «восприятие через отрицание», ведь альтернативой идеалу поляка-революционера стал именно сформировавшийся в славянском мире образ немца, как человека расчетливого, педантичного, бережливого и прилежного, для которого неаккуратность в одежде считается таким же грехом, как небрежная работа³. Да и сама идея «органического труда» очень напоминает польский вариант протестантской трудовой этики, адаптированный, так сказать, «для внутреннего пользования».

Что касается функционирования принципов «теории малых дел» на других польских землях, то свою интерпретацию они получили в движении «станчиков» и людовском движении в Галиции и у позитивистов Царства Польского.

В Галиции сторонники ненасильственных методов отстаивания польских интересов сосредоточили свои усилия на политической деятельности. «Станчики» были участниками восстания 1863–64 гг., близкими к

¹ В 1886 г. в Познани был основан Земельный банк, в 1890-е гг. возникли Народные банки в Бытоме и Ольштыне, сбережения которых направлялись на поддержку польского ремесла и торговли и противодействие немецкой колонизации. Крестьянство широко участвовало в скупке парцелляционной земли и в итоге к концу столетия полякам удалось отстоять свои права на землю.

² См.: Общественное движение на польских землях... С. 102.

³ См.: Мельникова Е.В. Культура и традиции народов мира (этнопсихологический аспект). М., 2006. С. 98–102.

его умеренному крылу, т. н. «белым», еще в ходе восстания высказывавшимся о неэффективности и вреде вооруженной формы борьбы за свободу. После подавления восстания «станчики», среди которых были не только политические деятели (например, неоднократно назначавшийся наместником Галиции граф А. Голуховский), но и интеллигенция (университетские профессора Ю. Шуйский, С. Тарновский, М. Бобжинский) попытались выработать новую политическую программу на основе анализа польской истории. Не разделявшие ни ценностей шляхетской демократии, ни идей политических движений, занимавшихся социальной агитацией в необразованных слоях общества, «станчики» видели главную ценность в государстве и считали, что если уж власти Австро-Венгрии склонны к уступкам в польском вопросе, то и поляки должны идти на компромиссы, поддерживая монархию и принимая активное участие во внутренней политике. Методы же отстаивания польских интересов должны носить исключительно парламентский характер¹.

Именно в Галиции с ее относительно благоприятными для поляков условиями участия в общественной и политической жизни зародилось, как организованное политическое движение польского крестьянства, людовское движение. Начало ему было положено еще в 1870-е гг. деятельностью ксендза С. Стояловского, который издавал газеты «Wieniec» («Венок») и «Pszczółka» («Пчелка»), где проповедовались националистические идеи, а также звучал призыв к созданию агрономических кружков и экономическому хозяйствованию. Решающую же роль в формировании программных концепций этого движения сыграла деятельность Б. Выслоуха и его сторонников в среде демократической интеллигенции. Выслоух полагал, что борьба за польскую национальную независимость должна строиться, прежде всего, на культурно-идеологической работе, а не на пропаганде и реализации идеи насильтственного свержения существующего режима. Будучи убежденным сторонником того мнения, что достижение независимости Польши невозможно без опоры на трудящихся (главным образом — крестьян) — «люда», которые составляют большинство нации, Выслоух, посредством издавшихся им журналов «Przegląd społeczny» («Общественное обозрение», 1886—1887 гг.) и «Przyjaciel ludu» («Друг народа», 1889—1902 гг.), пытался политически активизировать крестьянство, привлечь его к участию в политической борьбе посредством участия в выборах, создания

¹ См.: Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. Указ. соч. С. 361—362.

крестьянских избирательных комитетов. Деятельность Выслоуха и его сторонников имела определенный успех: на выборах в июле 1889 г. в галицийский сейм были избраны четыре крестьянских депутата¹. А в 1895 г. была создана и первая политическая партия крестьянства — Крестьянская партия (*Stronnictwo ludowie*). В 1897 г. людовцы, а также сторонники С. Стояловского, объединившиеся в Христианско-крестьянскую партию, довольно успешно участвовали в выборах в рейхсрят.

Несмотря на очевидное различие позиций «станчиков» (с характерным для их взглядов консерватизмом) и активистов людовского движения, объединяет их одно — признание законных, легальных средств и способов борьбы и стремление добиваться поставленных целей именно этими способами, главным из которых является участие в политической деятельности. Как представляется, жизнеспособность подобной позиции во многом обеспечивалась самой метрополией за счет предоставления Галиции автономии, возможности участвовать в работе парламента и т. д. Не случайно и польские исследователи отмечают, что «наличие гражданских и национальных прав способствовало формированию галицийского крестьянства как самостоятельной политической силы»².

Если говорить о Царстве Польском, то здесь альтернативой идее достижения независимости путем вооруженной борьбы стала программа позитивизма, нацеленная на ускоренное развитие капитализма и приспособление польского общества к новым социально-экономическим условиям³. Невозможность проводить открытую политическую деятельность привела к тому, что главной стратегической задачей для позитивистов стало не столько создание независимого польского государства, сколько формирование единой, сплоченной польской нации. Варшавские позитивисты, среди которых встречаем имена А. Свентоховского, Б. Пруса, Г. Сенкевича, призывали к «политическому реализму», «органической работе» (в первую очередь — в крестьянской среде) ради прогресса и демократизации общества. Основными ценностями позитивисты считали экономическое развитие и науку, в которых видели элементы прогресса. Наука, по их мнению, должна была служить преобразованиям в

¹ См.: Общественное движение на польских землях... С. 100–102; Краткая история Польши. С. 180–182.

² См.: Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. Указ. соч. С. 360.

³ Как образно выразился поэт-позитивист: «Нет, не пушки нас сегодня защитят и укрепят. Наша крепость — мастерская, школа, цех и кабинет». Цит. по: Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. Указ. соч. С. 362

области экономики. Повышение уровня жизни населения сгладило бы социальные противоречия. Просвещение и культ знаний должны были способствовать сплочению низших слоев населения в рамках единой национальной общности. Правда, к 1880-м гг. эта идеология либеральной буржуазии приобретает все более умеренный характер, сосредоточившись, главным образом, на достижении уступок культурно-языкового характера и распространении на Царство Польское либеральных реформ, осуществленных в России. Однако позитивистские идеи, несомненно, повлияли на общественные настроения, прежде всего на идеологию зарождавшегося в Царстве Польском крестьянского движения. Например, известно, что большой популярностью пользовались в крестьянской среде такие периодические издания, созданные прогрессивной интеллигенцией, как газеты «*Zorza*» и «*Gazeta Świąteczna*», издававшиеся специально для села. В начале XXв. идейным и организационным центром активизировавшегося крестьянского национального движения стала газета «*Zaranie*», занимавшая радикально-демократические, антиклерикальные позиции. По оценкам уже упоминавшегося А.Л. Погодина, успехи в области промышленности и торговли Царства Польского после подавления восстания 1863–64 гг. объясняются во многом именно тем, что «романтические веяния в польском обществе сменились очень трезвыми настроениями»¹.

К началу XX столетия теория «позитивной работы» как политическая стратегия постепенно уходит в прошлое под влиянием программ, выдвигаемых новыми политическими партиями. Однако концепция «органического труда» оказала существенное влияние на идеологию таких набравших силу к началу XX в. политических течений, как польский социализм и национализм (особенно это касается национализма), сторонники которых, не порывая с традициями повстанческой идеологии, критикуя позитивистскую тактику политической пассивности и выступая за активные действия, направленные на достижение национального освобождения², подчеркивали, тем не менее, необходимость в первую

¹ См.: Погодин А.Л. Указ. соч. С. 51.

² Речь идет, в частности, об активистах социалистического и националистического движений Л. Варынском, создавшим в Варшаве первую социалистическую партию «Пролетариат»; группе еженедельника «Голос» во главе с А. Венцковским, выступавшей за завоевание независимости Польши в границах до разделов; Р. Дмовском, З. Балицком, Я. Поплавском, лидерах созданной в 1893 г. общепольской организации «Лига Народовая» («Национальная Лига»), видевших свою цель в сплочении всех поляков, независимо от социального положения, для борьбы за восстановление национальной государственности.

очередь экономического и культурного развития польской нации, видя главную национальную задачу в самоорганизации польского общества, в достижении им способности к успешному экономическому и культурному соперничеству с другими нациями¹.

Традиции «теории малых дел» нашли свое очевидное отражение и в идеологии крестьянских партий и движений, для которых вопросы восстановления национальной независимости, демократизация общественной и политической жизни, защита интересов крестьянства были не отделимы от идеи просвещения и прогресса в сельскохозяйственном производстве, в крестьянском хозяйстве. Отсюда вытекали лозунг всеобщего бесплатного обязательного обучения на польском языке и практика создания культурно-просветительских обществ, агрономических школ, курсов, кружков, кооперативов.

Таким образом, очевидно, что переориентация польского общества после поражения восстания 1863–1864 гг. на осуществление идеи «органической работы» означала одновременно и его включение в процесс «самомодернизации»². Подобная деятельность, направленная на осознание и решение наиболее трудных — экономических и социальных — проблем, была не менее важна (особенно с точки зрения перспектив дальнейшего развития и преуспевания нации), чем борьба за восстановление единого независимого польского государства. Более того, после создания в 1918 г. независимой Республики Польши на смену освободительному содержанию национальной идеи приходит именно задача консолидации польского общества с целью реализации концепции лучшего будущего для всего народа. А содержание польской национальной идеи составили не только национально-исторические интересы государства, но и национально-религиозные добродетели³.

Но возникает и другой важный вопрос: почему выдвинутая политической и интеллектуальной элитой идея «органического труда» (которую можно расценивать не только как альтернативу вооруженной борьбе за

¹ См.: Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. Указ. соч. С. 363–365.

² Ср.: Отечественный исследователь Р.П. Гришина, подчеркивая значимость такого фактора, как «сознательный выбор направления мобилизационных усилий общества», приводит в пример ситуацию в Дании после ее поражения в 1864 г. в войне с Пруссией. См.: Гришина Р.П. Модернизация по-балкански: диктует матрица (конец XIX — середина XXв.) // Славяноведение. 2004. № 3. С. 42–43.

³ См.: Яжборовская И.С. Указ. соч. С. 231.

независимость, но и как способ «приближения к Западу», т. е. как стратегию не только политическую, но экономическую и идеологическую, сохранившую свое действенное влияние и на протяжении XX столетия) была воспринята польским обществом, нашла в нем отклик и оказалась весьма своевременной именно для того социального класса, который расценивался одновременно и как объект и как субъект ее реализации, т. е. крестьянства? На него невозможно ответить без учета социокультурных факторов и выявления тех изменений, которые произошли в системе ценностей и установок польского крестьянства в процессе становления на польских землях индустриального общества.

Еще в первой четверти XX столетия, когда крестьянство становится и объектом анализа молодой социологической науки, на эти изменения обратили внимание авторы фундаментального исследования «Польский крестьянин в Европе и Америке»¹, инициированного американским социологом В. Томасом и осуществленного при непосредственном участии польского философа и социолога Ф. Знанецкого. Несмотря на то, что выводы авторов базируются, главным образом, на оценке ситуации в Царстве Польском (хотя привлекается и материал по Галиции и Великой Польше), представляется, что они могут быть экстраполированы и на другие польские земли (разница, как и в случае с социально-экономическими и политическими процессами, лишь в степени интенсивности проявления этих новых социокультурных явлений). Авторы «Польского крестьянина...», в частности, делают вывод о том, что в результате процессов индустриализации, урбанизации, миграции, в которые вовлекается польское крестьянство с 70-х гг. XIX в., в крестьянском социуме не только появляются новые ценностные ориентации — стремление к индивидуализации и стремление к преуспеванию² — и изменяется отношение к таким базовым ценностям хозяйственной культуры как труд, собственность, богатство, предприимчивость, что свидетельствует о формировании нового типа крестьянина, близкого по своей сути к классическому *«homo oeconomicus»*, но и происходит трансформация самого этого социума: ранее замкнутое в границах большой семьи, общины, прихода, крестьянское сообщество постепенно становится частью того, что определяется

¹ См.: Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. V. I. II. N.Y., 1927.

² Современные исследователи определяют их как «ценности самовыражения». См.: Инглгардт Р. Культура и демократия // Культура имеет значение... С. 111.

как «the wider community», «более широкое сообщество»¹, а в конечном итоге — и «большого общества» в лице польской нации².

Современные историки, социологи, культурологи сходятся во мнении, что национальное самосознание, отсутствие которого является одной из характерных черт традиционной культуры, составляет необходимый элемент высокоразвитых культур, является индикатором зрелости культуры³. Так, польский историк Я. Вержбицкий подчеркивает, что процесс формирования национального самосознания в среде польского крестьянства на ментальном уровне отразился в дополнении к эмоционально-окрашенному понятию «малая родина» («private fatherland»), понятия «Родина» («ideological fatherland»), отражавшему восприятие себя как члена макрообщества, что было новым для большинства крестьян. Подобная самоидентификация была, преимущественно, результатом развития коммуникаций, специфическим выражением взаимодействия между различными индивидами, живущими в рамках одной социальной системы и способных передавать друг другу новые идеи. Процесс развития национального самосознания в крестьянской среде, отмечает Вержбицкий, необходимо рассматривать как закономерный результат эволюции личности крестьянина⁴. Хотя, несомненно, не следует преувеличивать степень развитости национального самосознания польского крестьянства. Зачастую отношение к «чужому» носило еще вполне традиционный характер, и крестьянин проявлял себя в первую очередь как член крестьянского коллектива, думающий о сохранении традиционной системы отношений⁵.

¹ Оно может быть представлено, например, крестьянскими кооперативными объединениями или образовано читателями крестьянских газет, или образоваться за счет новых знакомств в ходе экономической миграции и т. д.

² См.: Thomas W., Znaniecki F. Op. cit. V.II. Part II: Disorganisation and Reorganisation in Poland. Pp. 1117–1467.

³ Ср.: «Не выделяющий себя из «рода», из общности индивид [...] типологично-сословен и регионально-специфичен. Отсюда его (само)сознание», ограниченное малой группой и «малой» родиной, корпоративно и партикулярно. Оно не может быть ни общегражданственно, ни общенационально». Цит. по: Кузьмин М.Н. Переход от традиционного общества к гражданскому: изменение человека // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 59.

⁴ См.: Wierzbicki J.T. The Development of National Consciousness in the Polish Peasant // Rural Socio-Cultural Change in Poland. S. 181–184, 190, 198–199.

⁵ Это замечательно показано в том же «Польском крестьянине...». См.: Op.cit. V.II. Pp. 1134–1265.

Еще на заре формирования модернизационной парадигмы, в начале 1960-х гг., один из ее ранних представителей — У. Ростоу, делая попытку обобщить ход общественно-экономического развития на основе технического прогресса, выделил пять универсальных стадий экономического роста, через которые, каждая по-своему, проходят все страны. Ростоу, в частности, указывал, что на второй стадии («переходное общество»), когда в обществе создаются предпосылки для подъема и появляется новая элита, возникает и национализм, который является реакцией на влияние более развитых стран и становится движущей силой перемен, средством превращения модернистских идей элиты в реальную общественную силу¹. У. Ростоу определял это как «реактивный национализм». Другие авторы, не меняя содержания, употребляли термин «модернирующий национализм»². Пожалуй, именно с таким явлением мы сталкиваемся применительно к польской истории рассматриваемого периода. И, дополняя выводы марксистской историографии о том, что «...национализм стал формой оппозиции польской буржуазии чужеземной государственной власти и главным ее идеально-политическим направлением»³, можно сказать, что для поляков национализм (который в разумных своих формах означал стремление к созданию независимого государства) смог стать еще и «рычагом социальных изменений», идеологией модернизации, объединить польское общество, несмотря на существовавшие внутри его социально-экономические противоречия. Нерешенность национального вопроса и фактически отсутствие диалога между властью в лице государств-разделителей и польским обществом (причем, польское общество хотело его едва ли намного больше, чем официальные власти⁴), как ни парадоксально, стимулировали изменения в экономической (в случае западных польских земель и Царства Польского) и политической (в случае Галиции, где формируются организованные политические движения) сферах.

Однако нельзя утверждать, что польские земли дают на пример исторической закономерности. Ведь не смогли же идеи «борьбы за объеди-

¹ См.: Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 6.; Крупина Т.Д. Теория модернизации и некоторые проблемы развития России конца XIX — начала XX в. // История СССР. 1971. № 1. С. 195.

² См.: Крупина Т.Д. Указ. соч. С. 195.

³ См.: Политические системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1917-1929 гг. М., 1988. С. 99.

⁴ Например, даже говоря о таких либеральных общественных деятелях, как по-зитивисты А. Свентоховский и Б. Прус, польские исследователи отмечают, что они «...считая неприемлемым соглашательство с российскими властями [...] не могли и не хотели идти даже на незначительные компромиссы». См.: Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. Указ. соч. С. 362.

нение целостного народа» стать подобным «толчком» для балканских стран¹. Да и национализм, как показывает историческая практика, вполне может стать и отражением традиционалистской идеологии (национализм как неотрадиционализм), и служить средством провинциализации, закрепления отсталости². Думается здесь мы опять должны учитывать влияние неосязаемой, но очень ярко себя проявляющей, сферы социокультуры. Об этом говорят сегодня и историки, и философы, и социологи, подчеркивая, что модернизация требует наличия социального контекста, способного обеспечить ее осуществление. С учетом этого становится возможным ответить и на вопрос, почему удалось польский «национальный проект» — видимо, во многом благодаря наличию благоприятного социокультурного контекста. Иными словами, польское общество (и, прежде всего — крестьянство) было «социокультурно-адекватно»³ тем идеям, которые выдвигались политической и интеллектуальной элитой. С другой стороны, и элита вовремя осознала и попыталась решить свою главную задачу — выразить предпочтения общества, предложить возможные стратегии их реализации, а не пытаться их игнорировать или навязывать взамен другие. В случае с польскими землями эти два условия в рассматриваемый период благоприятно совпали (чего не скажешь, например, о ходе отечественного исторического развития⁴), а национальная идея выступила как фактор интеграции общества, обеспечив относительный «классовый мир», и, одновременно, как способ инкорпорирования крестьянства в «большое общество», что было особенно важно в условиях прогрессирующей капиталистической модернизации.

¹ Ср.: Гришина Р.П. Предисловие // Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.): Сб. статей. СПб., 2007. С. 10–11; Она же. Модернизация по-балкански... С. 40–41; Шемякин А.Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX — начала XXв. глазами русских // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / сост., вступ. ст., закл. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. СПб., 2006. С. 664–666.

² Ср.: Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995. С. 162–164; Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. Гл. VI; Хобсбаум Э. Указ. соч. С. 228.

³ Термин М.Н. Кузьмина. См.: Кузьмин М.Н. Указ. соч. С. 64.

⁴ Ср.: «Русское общество хотело модернизации, но плохо умело использовать свои собственные предпосылки для ее осуществления». Цит. по: Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Указ. соч. С. 115.

Стыкалин А.С.

Институт славяноведения РАН

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЕВРЕЙСКОЙ БУРЖУАЗИИ В МОДЕРНИЗАЦИИ ВЕНГРИИ И ЭВОЛЮЦИИ ОТНОШЕНИЯ ВЛАСТЕЙ И ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ К ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ (1900–1940-е годы)

В конце XIX века в Королевстве Венгрия (представлявшем собой составную часть Австро-Венгерской монархии) существовали более благоприятные, чем в большинстве европейских государств, условия для продвижения евреев по ступеням социальной лестницы. Отчасти это было связано с давними традициями веротерпимости в мультиконфессиональных обществах земель короны «Святого Стефана» (Иштвана). Достаточно сказать, что управляемое венгерской знатью Трансильванское княжество было первой страной, где еще в 1571 г., за год до Варфоломеевской ночи во Франции, был принят закон, по существу уравнивший в правах католиков, кальвинистов и лютеран. Однако в первую очередь истоки благоприятствования венгерских властей евреям надо искать в особенностях этнической структуры Венгерского королевства. Как известно, венгры составляли всего около 50% населения восточной (управляющейся из Будапешта) половины дуалистической Австро-Венгрии. В этих условиях правительство в противовес центробежным национальным движениям сознательно стремилось увеличить удельный вес венгерского элемента в монархии за счет ассимиляции тех национальных групп, которые легче ей поддавались. Это касалось в первую очередь еврейского меньшинства, которое при отсутствии каких-либо дискриминационных мер проявляло склонность к далеко идущей мадьяризации.

Политика, проводимая венгерскими правительствами по отношению к евреям, способствовала их притоку в пределы Венгрии (главным образом из Галиции) и успешной культурно-языковой ассимиляции. К началу XX в. евреи составляли около 5% населения Венгерского королевства и около трех четвертей из них были мадьяроязычны, в том числе большинство евреев в исторических областях, где преобладали невенгры (Трансильвания, будущие Словакия и Закарпатская Украина). Школа, пресса, многочисленные

культурные общества не просто внушали венгерским евреям убежденность в преимуществах ассимиляции, но трактовали этот объективный процесс в моральных категориях, подавали его как «некий чрезвычайно важный, достойный всяческих похвал и признания нравственный, угодный нации поступок»¹. Именно венгерские евреи, по выражению цитируемого нами здесь европейски известного мыслителя Иштвана Бибо, превратились в своего рода «программных ассимилянтов», и недаром все сионисты, начиная с основоположника этого учения Т. Херцля, считали именно евреев Венгрии самыми заядлыми и неисправимыми приверженцами ассимиляции.

В последние десятилетия XIX в. в благоприятных для этого условиях, исключавших дискриминацию (по крайней мере на государственном уровне), происходит оживление еврейского капитала. Исторически сложившаяся в еврейской среде Средней Европы способность быстро и рационально приоравливаться к меняющимся экономическим обстоятельствам, выискивать новые экономические возможности, поставила евреев по мере развития капитализма в более выгодное положение в сравнении с выходцами из венгерского дворянства, опутанными сетью унаследованных от феодализма традиций и условностей. Историки могут привести немало примеров того, как бизнесмены еврейского происхождения за считанные годы сколачивали баснословные состояния. Так, Йожеф Левингер, отец всемирно известного философа, одного из крупнейших марксистов XX века Дьердя Лукача, был сыном небогатого сегедского ремесленника, едва умевшего написать свое имя. В юности Левингер сумел устроиться на службу в одном из возникших будапештских банков. Отличаясь незаурядными данными финансиста, он уже в 24 года возглавил венгерское отделение Англо-австрийского банка, а позже стал директором Венгерского кредитного банка. В 1890 г., когда будущему философу Дьердю Лукачу было пять лет, отец, всегда считавший себя патриотом Венгрии, взял мадьярскую фамилию, а в 1899 г. получил дворянство (вместе с титульной прибавкой к фамилии, которая отныне стала звучать Сегеди фон Лукач)². Внук полуграмотного ремес-

¹ Бибо Иштван. Еврейский вопрос в Венгрии после 1944 года. М., 2005. С. 165.

² См.: Стыкалин А.С. Дьердь Лукач — мыслитель и политик. М., 2001. Истории еврейской общины Сегеда посвящен толстый фолиант, вышедший в год рождения Лукача к столетию этой общины: Low, Immanuel; Kulinyi, Zsigmond. A Szegedi Zsidok 1785-től 1885-ig. Szeged, 1885. Из новой литературы о положении евреев в Венгрии эпохи дуализма см.: Zsidóság a dualizmus kori Magyarországon. Siker és válság. Szerk. Varga L. Bp., 2005.

ленника Дьердь Лукач, начав печататься еще до первой мировой войны не только в Венгрии, но и в Германии, был в 1910-е годы известен образованной немецкоязычной публике как Георг фон Лукач¹. И много лет спустя, когда Дьердь Лукач, примкнувший в 1918 г. к коммунистическому движению, пытался отстаивать в нем неортодоксальные взгляды, его соратники хорошо помнили и не упускали в 1950-е годы возможности напоминать советским дипломатам о том, что он «пришел в партию из буржуазной семьи, глава которой своим золотом купил себе в свое время баронство»².

Сам факт получения еврейским буржуа венгерского дворянства свидетельствовал не только о весьма либеральных порядках в стране (там, где дело касалось — сразу заметим — отношения к еврейскому, а не к румынскому или словацкому меньшинству) и не только о лояльности венгерского еврейства, его готовности играть по устоявшимся правилам дворянской политической культуры королевской Венгрии. Само стремление еврея-банкира к овладению дворянским титулом говорило об устойчивости в модернизирующемся стране феодальной системы ценностей. В 1910-е годы Йожеф Лукач входил в число приближенных премьер-министра Иштвана Тисы, консерватора до мозга костей, человека твердого и волевого, в последние годы австро-венгерского дуализма ставшего знаменем консервативного лагеря в Венгрии³. Карьера этого банкира выглядела блестательно даже на общем хорошем фоне социальной мобильности венгерского еврейства — в 1896 г. 5%-му еврейскому меньшинству принадлежало 30% банковских вкладов Венгрии. В 1900-е годы еврейский капитал активизируется и в сфере промышленного производства.

Формирующаяся еврейская буржуазия вносила свой вклад не только в экономическую модернизацию страны. К началу XX в. в крупных городах, особенно в Будапеште, образуется высококультурная среда ассими-

¹ Титульная дворянская приставка сохранена и в недавнем русскоязычном издании юношеских эссе знаменитого философа: Георг фон Лукач. Душа и формы. Эссе. Перевод с немецкого С. Земляного. Послесловие А. Стыкалина. М., 2006.

² Из записи беседы венгерского партийного лидера М. Ракоши с послом СССР в Венгрии Е.Д. Киселевым. Донесение Киселева министру иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому от 25 июня 1952 г. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.137. Д.859. Л. 36.

³ См.: Исламов Т.М. Граф Иштван Тиса — «сильный человек» Венгрии // Славяноведение, 2005. №. 3. С. 47–53.

лированного венгерского еврейства, из которой вышло немало мировых знаменитостей, родившихся в 1890–1900-е годы — в том числе социолог К. Манхейм, основатель кибернетики Я. Нейман, «отец» американской атомной бомбы Э. Теллер, физики Л. Сцилард, Е. Вигнер и др.

Между тем, по мере дальнейшего развития капитализма в Венгрии выходцы из среднепоместного дворянства, составлявшие главную социальную базу не только консервативно-националистического, но и либерального лагеря¹, продолжали все более приспосабливаться к законам капиталистической экономики и, следовательно, не могли не видеть в молодой еврейской буржуазии преуспевающего, а значит, весьма опасного для них конкурента. Для общества с глубокими феодально-аристократическими традициями тот факт, что сравнительно немногочисленная прослойка евреев оказывается на самой вершине экономической власти, означал (как замечал тот же Бибо) своего рода скандал, явление, которое психологически было трудно усвоить. Острый политический кризис 1905–1906 гг. завершился укреплением властных позиций националистически ориентированных сил. С этих пор происходит корректировка политики в отношении евреев — благоприятствование сменяется некоторым сдерживанием. Тому же Дьердю Лукачу, к примеру, принадлежность отца к будапештской финансовой элите не помешала испытать это сдерживание на себе: уже успевшему получить известность за пределами Венгрии эссеисту в 1911 г. было отказано, хотя и под более благовидным предлогом, в получении преподавательской вакансии в Будапештском университете.

Реакцией на дискриминационные явления стала начавшаяся радикализация сознания образованного венгерского еврейства. Все большая часть его молодого поколения, рожденного в 1880–1890-е годы, принимая культурно-языковую ассимиляцию, вместе с тем связывала свои идеалы и устремления уже не с адаптацией к существующим правилам и системе ценностей (как их отцы), а с их коренным обновлением. Эти люди и в довоенные годы, как правило, находились на левом фланге по-

¹ Реформаторский энтузиазм венгерских либералов первого поколения (1820–1840-е годы) становится в эпоху дуализма анахронизмом. В новых условиях традиционный венгерский либерализм стал выражать не общенациональные интересы, а приоритеты медленно обуржуазившегося среднего и мелкого дворянства, заинтересованного в постепенном, осторожном, безболезненном демонтаже феодальной системы. См.: Концлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. С. 360–363.

литической и духовной жизни. Радикализация их сознания резко усилилась с началом первой мировой войны, когда не только в Венгрии, но по всей воюющей Европе терпел крах устоявшийся десятилетиями жизненный уклад миллионов людей, когда действительность на каждом шагу давала основания для глобальной переоценки любой, даже самой устойчивой системы ценностей. Венгерское еврейство активно проявило себя не только в буржуазно-демократической революции 1918 г., но и в осуществлении коммунистических экспериментов в период Венгерской Советской республики 1919 г. Склонность образованного венгерского еврейства к острой социальной критике была «источником особого раздражения» для выходцев из дворянства, чья критическая настроенность долгое время заведомо не могла быть столь же последовательной и радикальной, упираясь в барьеры феодально-аристократических традиций¹.

Установление коммунистического режима, опирающегося на идеи мировой революции, стало реакцией на неспособность более умеренных сил сохранить целостность венгерского государства. Коммунистический эксперимент, однако, завершился неудачей, за ним последовал Трианонский мирный договор 1920 г., имевший для Венгрии мало с чем сопоставимые исторические последствия². Лидеры держав-победительниц не поддержали, собравшись в Париже, стремление Будапешта сохранить за собой обширные территории, которые, будучи заселенными другими народами, входили испокон веков в историческое Королевство Венгрия. «Даже и тысячелетнее положение вещей не должно продолжаться, коль скоро оно признано противным справедливости», — заявил в своем обращении к венгерской делегации председатель Парижской мирной конференции известный французский политик А. Мильеран³. Принимая решение не в пользу Венгрии, устроители Версальской системы были движимы, впрочем, не абстрактными представлениями о спра-

¹ Позже, в межвоенный период, острый социальный критицизм в творчестве, в частности, Дже Сабо и его последователей, сочетался с проявлениями ксенофобии, идеей защиты чистоты «венгерской расы» от чуждых инородных влияний, в первую очередь еврейского.

² В силу своего особого статуса в дуалистической монархии Габсбургов Венгрия была причислена, не без оснований, к побежденным в первой мировой войне странам, с которыми предстояло заключить мирный договор державам-победительницам.

³ Цит. по: Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы. Отв. ред-р Т.М. Исламов. М., 2000. С. 319.

ведливости, а в еще меньшей мере желанием наказать венгров (тем более венгерских евреев) за коммунистический эксперимент 1919 г. Речь шла о достижении равновесия сил в Дунайском бассейне в интересах будущей европейской стабильности, и ради этого пришлось подумать об ослаблении Венгрии — потенциального претендента на доминацию в регионе и вероятного союзника всегда способной воспрять Германию. Территория нового венгерского государства составила около 30% площади венгерской половины монархии Габсбургов — земель венгерской и хорватской корон. На ней в год Трианона проживало всего чуть более 41% населения довоенной Венгрии, при этом наряду с землями, где большинство составляли прежние национальные меньшинства (хорваты, сербы, румыны, словаки, закарпатские русины или украинцы) к соседним странам отошел и ряд территорий с преобладанием компактно проживавшего венгерского этноса (в частности, в Южной Словакии и в Восточной Трансильвании, вдали от новых венгеро-румынских границ)¹. Несмотря на усилия группы международных экспертов, тщательно изучивших особенности расселения разных этносов в тех районах, где в силу смешанности состава населения было трудно или (как в случае с Трансильванией) совсем невозможно провести размежевание по этническому принципу, установленные границы оказались в общем далеки от идеала, поскольку в Средней Европе сохранились обширные районы с компактным расселением национальных меньшинств. Так, каждый четвертый венгр оказался за пределами своего национального государства. Неизменно претендовавшая на ведущую роль на востоке Центральной Европы Венгрия была теперь низведена до положения малого государства — соседние Румыния, Чехословакия и Югославия каждая в отдельности превзошли ее как по площади, так и по численности населения.

¹ В соответствии с Трианонским мирным договором 1920 г. Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия) получило Хорватию (обладавшую с 1868 г. автономией в рамках Королевства Венгрия) и Воеводину, Чехословакия — Словакию и Закарпатскую Украину, Австрия — самые западные районы Венгрии, образовавшие после 1920 г. австрийскую провинцию Бургенланд. Наиболее значительны были территориальные приобретения Румынии. Перешедшие в ее владение Трансильвания и прилегающие к ней области Банат, Парциум (согласно румынской терминологии — Кришана) и Марамуреш занимали площадь более 100 тыс. кв. км., что превосходило по территории Венгрию в ее новых границах (93 тыс.).

Как многократно отмечалось в историографии, итоги мирного договора с Венгрией потрясли внутри страны даже наиболее жестких критиков темных сторон довоенного режима и, в частности, его национальной политики. Влияние Трианона на венгерское национальное самосознание вообще трудно переоценить. Последнее, пишет современный венгерский историк Л. Контлер, «было скроено по образцу, вполне соответствовавшему миросознанию граждан среднего по размерам государства с 20–30-миллионным населением... Такое самосознание испытало ужас ментальной клаустрофобии, когда его заставили втиснуться в узкие пределы маленькой страны, населенной всего 8 млн. граждан»¹. Не удивительно, что внешняя политика хортистского режима, последовательно направленная на ревизию трианонских границ (а, пожалуй, ни одно европейское государство, включая Германию, не выдвигало требований пересмотра версальских мирных договоров в их территориальном аспекте с такой настойчивостью и упорством, как Венгрия), была всецело поддержана общественным мнением страны, в течение двух межвоенных десятилетий так и не адаптировавшимся к новой geopolитической ситуации. Особенно восприимчивыми к реваншистским, ревизионистским лозунгам оказались 3 млн. венгров, волею держав-победительниц оторванных от матери-родины. С внутриполитической точки зрения лозунг ревизии Трианона имел огромное консолидирующее значение, став важнейшим инструментом достижения национального единства. Настало время воинствующего национализма (поначалу в основном консервативно-монархической, а в 1930-е годы все чаще крайне правой окраски). Либеральные, демократические, а тем более социалистические ценности, вызывая в памяти нации события 1918–1920 гг., третировались не только официальной пропагандой, но и значительной частью общественного мнения, или, по меньшей мере, воспринимались им с подозрением как нечто способствовавшее национальному унижению. Причем все левое часто связывалось с присутствием иностранных сил; происходит резкое усиление антисемитизма.

Тем не менее, и после Трианона буржуазия еврейского происхождения, лояльная новой власти, сумела сохранить и даже упрочить свои экономические позиции². Так, например, в 1930 г. в Будапеште евреям

¹ Контлер Л. История Венгрии. С. 424.

² Так, например, упоминавшийся Й. Лукач сохранил свое влияние в финансовой жизни Венгрии и в эпоху хортизма, когда его младший сын Дьердь (в 1919 г. глава культурной политики Венгерской Советской республики) за свою революционную деятельность был заочно приговорен властями к смертной казни.

принадлежало 26% жилья, сдаваемого в аренду, они обладали 45% общего годового дохода от аренды собственности¹. В 1935 г. евреи (иудеи по исповеданию) контролировали 49% венгерской металлургии, 41% машиностроения, 73% производства текстиля; гораздо более слабыми были их позиции в сельскохозяйственном производстве — около 10%². Таким образом, любая экономическая дискриминация 5% населения автоматически влекла бы за собой перераспределение не менее 20–25%, а в некоторых областях промышленности и банковском деле до 50 и более процентов собственности.

О масштабах присутствия евреев в различных сферах деловой и общественной жизни Венгрии до 1938 г. дают представление следующие цифры. При том, что доля евреев-иудеев в общей численности населения страны не превышала 5,6 %, в 1930 г. евреями (по вероисповеданию) были, по некоторым данным, 55% врачей, 49% практикующих адвокатов и юристов, 30% инженеров, 59% банковских служащих, 46% торговцев³. Если сюда же были бы отнесены также крещенные евреи, то цифры оказались бы куда более внушительными. Не менее трети евреев имели свой бизнес.

В конце 30-х годов не только под давлением Гитлера, но и собственных крайне правых (и при поддержке части общественного мнения) правительство встало на путь законодательной дискриминации евреев. Первый закон, призванный ограничить активность венгерских евреев в экономической и общественной жизни, был принят в мае 1938 г. Согласно закону, среди госслужащих, а также лиц, занятых в качестве врачей, адвокатов, журналистов, инженеров, представителей некоторых других профессий, и зарегистрированных в соответствующих профессиональных организациях (в том числе коллегиях, объединяющих лиц свободного труда), евреи по вероисповеданию не должны были превышать 20%⁴. Согласно второму, гораздо более жесткому антиеврейскому закону, внесенному правительством Б. Имреди в декабре 1938 г. и утвержденному в апреле 1939 г., евреи не могли получить венгерское гражданство, могли быть лишены гражданства решением МВД, если получили его после

¹ Kadar, G., Vagi, Z. Rationality or Irrationality? The Annihilation of Hungarian Jews / / The Hungarian Quarterly. Vol.45. N. 174. Budapest, Summer 2004, p. 34.

² Ibid.

³ Ibid., p. 33.

⁴ См.: Magyarországi zsidotörvények és rendeletek 1938–1945. Összeall. Vertes R. Budapest, 1997.

1 июля 1914 г. Они лишились отныне права быть госслужащими, в том числе на местном уровне, им запрещалось становиться редакторами газет и издателями, стоять во главе театров и кинотеатров. Среди членов коллегии адвокатов, гильдии актеров, профессиональных организаций врачей и инженеров евреи могли теперь составлять не более 6%. Доля евреев среди имеющих разрешение на частное предпринимательство не должна была превысить 12%. Евреи не имели также возможности получить разрешение на предпринимательскую инициативу, которая предоставляла бы им монополию в своей сфере деятельности. Согласно второму закону (в отличие от первого), к евреям относили не только иудеев, но тех, у кого отец или мать (либо двое из 4 бабушек и дедушек) принадлежали к иудейскому вероисповеданию¹.

В дальнейшем хортистские правительства шли по пути еще большего ужесточения антиеврейского законодательства: закон, принятый в августе 1941 г., запрещал браки иудеев и христиан. Все больше расширяя круг своего действия, антисемитские законы «загоняли обратно в еврейские страдания» (И. Бибо), в состояние дискриминации многие тысячи уже полностью ассимилированных и тем остreee ощущивших теперь свою отверженность евреев. В принятии антиеврейских законов сказалось усиление влияния «третьего рейха» на венгерскую внутреннюю политику. Второй венский арбитраж (август 1940 г.), в соответствии с которым Венгрии удалось заполучить обратно Северную Трансильванию, хотя и не удовлетворил территориальные амбиции хортистов, свидетельствовал о том, что дальнейший успех курса на пересмотр Трианонского договора будет зависеть прежде всего от немецкой поддержки, и тем самым усилил прогерманские ориентации не только политической элиты, но и значительной части общественного мнения. С другой стороны, против введения антисемитских законов выступало проанглийское крыло хортистской политической элиты во главе с графом И. Бетленом, на которое все сильнее и последовательнее ориентировалась венгерская буржуазия еврейского происхождения.

С началом второй мировой войны из оккупированных германской армией стран, в первую очередь из Польши, в пределы Венгрии переселилось большое количество евреев, получивших право на убежище. В августе 1941 г. по требованию Берлина правительство Л. Бардоши лишило беженцев этого права. 16–18 тысяч евреев с неустановленным

¹ Ibid.

гражданством было передано соответствующим службам вермахта, депортировавшим их в оккупированные районы Украины. Большинство депортированных из Венгрии польских евреев было расстреляно в г. Каменец-Подольском. Вместе с тем в 1942 г. правительство М. Каллаи отклонило германское требование о депортации из страны евреев-уроженцев Венгрии.

Согласно переписи 1941 г., в Венгрии в ее расширявшихся в ходе второй мировой войны границах¹ проживало 725 тыс. лиц иудейского вероисповедания на 14 млн. населения. Под действие антиеврейского законодательства в 1941 г. подпадало, по некоторым подсчетам, до 825 тыс. человек². Попытки преодоления еврейского «засилья» вели к особенно тяжелым последствиям в сфере здравоохранения. В некоторых областях Венгрии под действие дискриминационных законов попадало 80% врачей, а вследствие массовых депортаций 1944 г. оставался один врач на 50 тыс. человек, тем самым возникла реальная опасность эпидемии тифа³.

¹ Территориальные приращения хортистской Венгрии в 1938–1941 гг. происходили в следующей последовательности. 2 ноября 1938 г. германо-итальянский арбитраж в Вене вынес решение о передаче Венгрии южных областей Словакии и Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины) общей площадью около 12 тыс. кв. км и с населением свыше 1 млн. человек. Весной 1939 г. венгерские войска оккупировали всю Подкарпатскую Русь. 30 августа 1940 г. на основании второго венского арбитража Венгрия получила Северную Трансильванию (около 43 тыс. кв. км) с населением более 2,3 млн. человек. В апреле 1941 г., во время антиюгославской кампании «третьего рейха» и его союзников, венгерская армия оккупировала и закрепила за собой часть территории Югославии (край Воеводина) площадью около 12 тыс. кв. км.

² См.: *Braham, Randolph L. The Politics of Genocide: The Holocaust in Hungary. Vol.II. New York, 1981, pp. 1143–1144; Kadar, G.; Vagi, Z. Rationality or Irrationality? p. 37*). Известный американский историк венгерского происхождения И. Деак в качестве минимальной применительно к марту 1944 г. приводит цифру в 760 тыс. человек: *Deak, Istvan. The Holocaust in Hungary // The Hungarian Quarterly. Vol. 45. N. 176. Budapest, Winter 2004, p. 51*. Заметная разница между цифрами объясняется тем, что в 1941 — начале 1944 гг. большое количество евреев погибло на фронте, умерло в трудовых лагерях при строительстве военных укреплений, а также вследствие ряда насилиственных депортаций, проведенных главным образом на территориях, присоединенных к Венгрии в 1938–1941 гг.; в условиях военного времени заметно снизилось и естественное воспроизводство населения. Количество евреев Будапешта немногим не достигало 250 тыс. человек.

³ *Kadar, G.; Vagi, Z. Rationality or Irrationality? p. 45, 47.*

Логическим завершением процесса дискриминации евреев явился венгерский Холокост 1944 г., развязанный после оккупации страны вермахтом 19 марта¹. 5 апреля 1944 г. все венгерские евреи должны были нацепить желтую звезду, 7 апреля началась их массовая депортация в специальные лагеря, а затем в Освенцим. В Будапеште около 200 тыс. евреев было сосредоточено в гетто, часть из них успели депортировать в пределы «третьего рейха». Около 5 тыс. евреев сумело бежать из страны, в частности, при содействии шведского посольства. В конце июня-начале июля депортация была приостановлена по требованию Хорти. В те же дни регент Венгрии обращался к германскому командованию с просьбой разрешить эмиграцию части евреев в нейтральные страны². После выхода Румынии из войны 23 августа 1944 г. Хорти предпринял новые усилия, направленные на разрыв с Германией. В этих условиях премьер-министр генерал Г. Лакатош, возглавивший правительство в конце августа, отправил в отставку ряд высокопоставленных чиновников, ответственных за депортацию евреев, ослабил действие антиеврейских законов.

15 октября Хорти, предпринявший запоздалую и неудачную попытку порвать с «третьим рейхом», был смещен вследствие государственного переворота, организованного нилашистами при поддержке вермахта. В ноябре правительство Салахи отправило 50 тыс. будапештских евреев на строительство оборонных укреплений, многие погибли. Около 10 тыс. евреев погибло в результате боевых действий в ходе полуторамесячного штурма Будапешта Красной Армией с декабря 1944 по февраль 1945 г.³ 16–18 января большое гетто в центре Будапешта, где было около 70 тыс. евреев, освободили советские войска. Из находившихся в венгерской столице евреев гибели избежало не менее 120 тыс. человек, живших в гетто, специально отведенных домах, а также тайно укрывавшихся от преследований⁴.

¹ Целью оккупации было предотвращение разрыва Венгрии с Германией (в течение 1943 г. правительство М. Каллаи налаживало тайные контакты с западными державами в целях обеспечения более благоприятных условий выхода из войны в случае краха «третьего рейха»).

² Patai, Raphael. The Jews of Hungary. History, Culture, Psychology. Detroit, Michigan. 1996, p. 580.

³ Deak I. The Holocaust in Hungary, p. 65.

⁴ Stark, Tamás. Zsidóság a vészkorszakban és a felszabadulás után, 1939–1955. Budapest, 1995, 46.о. Patai R. The Jews of Hungary, p. 590). По данным Патаи, скорее всего спорным, в остальной Венгрии на момент освобождения было не более 20 тыс. евреев (Patai R. Op.cit., p. 590).

В литературе присутствуют разные цифры об общем количестве жертв Холокоста в Венгрии — от 440 до 680 тыс¹. Столь большая разница отчасти обусловлена несовпадением данных о количестве депортированных в Освенцим и другие концлагеря². Некоторое завышение количества жертв могло происходить также при отсутствии проверенных данных относительно числа евреев, выживших после депортации, но не вернувшихся в Венгрию. По данным, приведенным в литературе последних лет, в Будапеште, где удалось предотвратить истребление обитателей большого еврейского гетто, погибло 40% евреев, в венгерской провинции 75%³. Количество евреев в послевоенной Венгрии в ее новых границах, почти совпадавших с трианонскими, не превышало 200 тыс. человек⁴.

¹ Известный исследователь Холокоста Р.Брэм называет цифру 564 тыс. человек (См.: *Braham, Randolph L. The Politics of Genocide: The Holocaust in Hungary. Vol.II*, p. 1144), в ряде публикаций приводятся более высокие цифры. Так, по мнению некоторых авторов, около 620 тыс. умерло вследствие крупномасштабных депортаций, развернувшихся после оккупации Венгрии германской армией 19 марта 1944 г.; общее же число потерь еврейского населения Венгрии за годы войны достигло 686 тыс. человек (См., например: *Patai R. The Jews of Hungary*, p. 590). В середине 1990-х годов венгерский историк Т. Штарк на основе выверенного анализа многочисленных источников (в первую очередь, статистических) подверг эти цифры существенной ревизии. По его мнению, количество жертв Холокоста в Венгрии колеблется в пределах 440–465 тыс. человек, тогда как верхняя цифра потерь военного времени применительно к венгерским евреям едва ли превышает 510 тыс. человек (См.: *Stark T. Op. cit. 75–87.o.*). Его выкладки считает убедительными Я.Дюрдяк (См.: *Gyurgyak János. A zsidókérdés Magyarországon. Politikai eszmétörtenet*. Budapest, 2001. 188.o).

² В литературе приводятся числа от 437 тыс. (*Kadar, G.; Vagi, Z. Op.cit.*, p. 39) и 445–450 тыс. (*Gyurgyak J. Op.cit.*, 180. o.; *Stark T. Op.cit.*, 20–26 o.) до 600 и более тыс. человек.

³ См.: *Erdei A. A magyarországi zsidóság migracioja (1945–1955) // Beszélő*. Budapest, 2004 április, p. 69.

⁴ Весной 1945 г. начинается возвращение в Венгрию угнанных и выживших в концлагерях евреев, в их числе был, например, и будущий Нобелевский лауреат по литературе Имре Кертес. По данным Р. Брэма, на конец 1945 г. в пределах венгерских границ 1941 г. находилось 190 тыс. евреев, 116 тыс. из них вернулось из концлагерей и вышло из гетто (*R. Braham. Op.cit., Vol.II*, pp. 1143–1144). Р. Патаи называет цифру 255 тыс. евреев в границах 1941 г. так же на конец 1945 г. (*Patai R. Op.cit.*, p. 590). Т.Штарк, анализировавший данные Венгерского статистического ведомства, полученные из разных источников (в том числе предварительной переписи населения), пришел к выводу о том, что в 1946 г. на территории, контролируемой венгерским правительством и совпадавшей с Венгрией в

Мощнейший социальный слой, на протяжении 60 лет во многом определявший экономическую, а в немалой мере и культурную модернизацию Венгрии, получил удар, от которого никак не мог оправиться.

После войны попытки уцелевших представителей еврейского предпринимательского слоя активизироваться в условиях глубокой разрухи на экономическом поприще вызывали противодействие не только левых сил, настаивавших на осуществлении программы постепенной национализации, но и значительной части общественного мнения. Мало с чем сопоставимые в XX в. по масштабам жертвы, понесенные венгерскими евреями в 1944 г., отнюдь не устранили почвы для антисемитских настроений в стране. Напротив, на первые послевоенные годы пришла новая вспышка антисемитизма; в 1946 г. произошел ряд погромов¹.

С другой стороны, под влиянием перенесенного опыта меняется менталитет венгерского еврейства. Дискриминации конца 1930-х-начала 1940-х годов, а затем и Холокост способствовали глубокому кризису венгерской идентичности в сознании значительной его части. Поскольку лояльность программной ассимиляции не избавила венгерских евреев от страданий 1939–1944 гг., они все чаще стали связывать пути преодоления острого душевного кризиса с возрождением еврейского самосознания и эмиграцией. Уже в 1945 г. начинается отъезд венгерских иудеев в Палестину. По некоторым данным, более 30 тыс. человек официально обратилось к властям за разрешением о выезде, однако реально до 1949 г. в Палестину приехало 15 тыс. евреев из Вен-

ее трианонских границах (подтвержденных с незначительными корректировками не в пользу Венгрии Парижским мирным договором 1947 г.), находилось 143 тыс. иудеев (См.: Stark T. Op.cit., 62.о.). По подсчетам того же исследователя, в 1945–1947 гг. в Венгрию возвратилось около 190 тыс. евреев (Ibid., 52.о.). А. Эрдей считает, что количество выживших в Венгрии евреев колеблется в пределах 220–260 тыс. человек (Erdei A. Op.cit., р. 69). Число выживших венгерских евреев, оставшихся за границей, с трудом поддается исчислению.

¹ См.: Györi Szabo R. A kommunista párt és a zsidóság Magyarországon (1945–1956). 2 jav., bőv. kiadas. Budapest, 1997; Pelle J. Az utolsó vérvadak. Az etnikai gyulöllet és a politikai manipuláció kelet-európai történetéból. Budapest, 1995. И. Бибо под впечатлением новой антисемитской волны проанализировал в своей известной работе 1948 г. исторические корни антисемитизма в Венгрии. См. русское издание: Бибо Иштван. Еврейский вопрос в Венгрии после 1944 года. М., 2005.

грии, в дальнейшем коммунистические власти запретили выезд своих граждан из страны¹.

В начале 1950-х годов еврейский вопрос в Венгрии по-прежнему привлекает внимание общества, однако коренным образом меняет свое содержание. Речь теперь могла идти уже не об экономическом преуспевании еврейской буржуазии, а об ультрарадикализме и невнимании к национальным ценностям узкой группы политиков еврейского происхождения, стоявших во главе компартии и всей страны (в основном из числа тех, кто вернулся в 1945 г. из советской эмиграции). Вопрос этот стал настолько остро, что привлек внимание советского руководства, которое в интересах ослабления внутриполитической напряженности в Венгрии предприняло ряд принципиально важных кадровых перестановок². Произошло это, необходимо заметить, уже по-

¹ Stark T. Op. cit. 77, 94.о.

² Один из своих постов, премьер-министра, М.Ракоши по настоянию Москвы уступил в июне 1953 г. Имре Надю. В отличие от Ракоши и большинства своих соратников по коммунистической эмиграции в СССР, И. Надь евреем не был и значения этого аргумента в пользу выдвижения его кандидатуры нельзя недооценивать, тем более, что в Москве за ним задолго до июня 1953 г. закрепилась репутация «правоуклониста» и «бухаринца» (определение И. Надя как «явного бухаринца» фигурирует, в частности, в донесениях советского посольства в Венгрии за 1949 г.: Архив внешней политики России. Ф. 077. Референтура по Венгрии за 1949 г.). Вопрос о необходимости преодоления сложившегося в Венгрии «перекоса» с присутствием евреев в партийном руководстве поднимался с советской стороны 13–16 июня 1953 г. в ходе встреч лидеров СССР и Венгрии. См. запись: The 1956 Hungarian Revolution: A History in Documents / Ed. by Cs. Bekes, M. Bugle, J.M. Rainier. New York–Budapest, 2002, p. 14–23.

Росту антисемитских настроений способствовала и большая представленность евреев в репрессивных органах, контролируемых компартией (в этих условиях даже справедливые приговоры в отношении военных преступников воспринимались частью венгерского общества как проявления европейской мести за Холокост. См.: Rom-sics, Ignac. Magyarság története a XX.százában. Budapest, 1999, 279–281.о.). И. Бибо еще в 1948 г. (что было весьма смелым для того времени актом) пытался дать свое объяснение заметности представителей еврейства среди участников и приверженцев бесчеловечных акций. Поскольку именно отношение к евреям было проблемным камнем политической и нравственной селекции людей в условиях наступления фашизма в Венгрии, селекция эта охватила только нееврейскую часть общества. Евреи, среди которых также, разумеется, были восприимчивые к насилию натуры, не прошли в годы войны такой селекции, и это дает о себе знать (Бибо Иштван. Еврейский вопрос в Венгрии после 1944 года. С. 209–210).

сле смерти Сталина и после того, как был дан задний ход «делу врачей» и — шире — массированной антисемитской кампании, распространившейся на всю советскую сферу влияния¹. Однако все это, как и роль антисемитских мотивов в венгерском восстании 1956 г.² — предмет другого исследования.

¹ См.: Дело Сланского (Вступительная статья Г.П. Мурашко) // Вопросы истории. М., 1997. N. 3, 4. См. также: См. также: Стыкалин А.С. Еврейский вопрос в странах советского блока // Вопросы истории. 2000. N. 9. С. 171–172.

² Антисемитские проявления в ходе венгерского восстания 1956 г. имели место, хотя отнюдь не определяли сути событий, оставались на периферии мас-сового народного движения (См.: *Litván György. Jewish Role in Hungarian Communism, Anti-Stalinism and 1956* // *Király Bela emlékkönyv*. Bp., 1992; *Karady V. — Vari I. Felelem és részvétel — zsidók 1956-ban* // *Világosság*, 1989, N.6; *Valuch T. Kisvarosi történet. Az 1956-os forradalom és a zsidóellenes megmozdulások Hajdunánason*. Bp., 2001; *Matuz G. Zsidogyilkosságok 1956-ban? Vadak a tévhítak*. Bp., 2004; *Standeisky Eva. Antiszemitizmus az 1956-os forradalomban* // *Évkönyv XII*. Bp., 2004). Как бы там ни было, в поток беженцев, устремившихся в конце 1956 г. на Запад, влилось 20–25 тыс. евреев, составивших до 10% всей эмигрантской волны (См.: *Pelle J. Az utolso váravadak. Az etnikai gyülvölél és a politikai manipuláció kelet-európai történetéból*. Bp., 1995. 106.o.). Мотивом эмиграции для многих евреев был страх перед разгулом антисемитизма. Независимо от того, насколько были значительны во время революции антисемитские проявления, они повлияли на отношение части мирового общественного мнения к венгерским событиям. См.: Стыкалин А.С. Илья Эренбург и венгерские события 1956 г. (К истории взаимоотношений писателя с хрущевской партийной элитой и левой интеллигенцией Запада в 1950-е годы) // XX век. Русская литература глазами венгров, венгерская литература глазами русских. Отв. редактор Ю.П. Гусев. М., 2007. С. 218–247.

Силкин А.А.

Институт славяноведения РАН

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СОГЛАШЕНИЯ ЦВЕТКОВИЧ-МАЧЕК И ФОРМИРОВАНИЯ БАНОВИНЫ ХОРВАТИЯ (1934–1939 гг.)

Известен тезис о неуместности сослагательного наклонения в истории. В то же время прошлое предоставляет массу поводов для гипотез в духе: «Если рассуждать логически, можно себе представить следующий ход событий...». Судьба Королевства Югославия после заключения соглашения Цветкович-Мачек в августе 1939 г. — один из излюбленных предметов подобных размышлений. Многим историкам видится развитие югославского государства в направлении его федерализации: «Сразу после образования Бановины Хорватия¹ стало ясно, что в государственно-правовом смысле новая территориальная единица представляет собой только фрагмент будущего государственного устройства... Переустройство государства свидетельствовало об окончательном отказе от концепции централистско-унитаристского устройства страны и победе принципа федерализма»². Мы не возьмемся категорично утверждать, что данное предположение ошибочно. Позволим себе лишь оценить его

¹ В состав Бановины вошли Савская и Приморская бановины, а также некоторые районы Врбасской и Дунайской бановин. Допускалось изменение границ новой административно-территориальной единицы. В компетенцию властей Бановины вошли вопросы правосудия, социальной политики, просвещения, сельского хозяйства, торговли и промышленности, управления лесными угодьями и природными недрами. Исполнительную власть предстояло осуществлятьбану, ответственному перед хорватским Сабором и королем, который принимал решение о его назначении и отставке. В соглашении отмечалось, что правовые нормы, регулирующие статус Бановины Хорватия, могут в будущем быть распространены на другие области королевства, границы которых могут быть изменены.

² Димић Љ. Историја српске државности. Књ. З. Србија у Југославији. Нови Сад, 2001. С. 190–191.

достоверность, взглянув на него через призму изменения политики правящего режима Королевства на протяжении 1930-х гг.

Мнение, будто князь-регент Павел сделал осознанный выбор в пользу федерализма и признания национальной индивидуальности сербов, хорватов и словенцев, основывается на том представлении, что, отрекаясь от централизма и национального унитаризма, он руководствовался не сиюминутными соображениями, а собственным видением стратегии развития страны. С этой точки зрения подписание соглашения с Мачеком предстает контреформой, призванной осуществить ревизию избранного королем Александром в 1929 г. государственного курса. За признак соразмерности решений, разделенных десятилетием, можно принять аналогичный характер заявлений, прояснивших мотивы двора. В обоих случаях речь шла об отказе от антинародной и антигосударственной политики прежнего руководства.

«Политические страсти настолько злоупотребляли парламентской системой, что она стала препятствием всякой полезной национальной деятельности. Согласие и даже обычные отношения между партиями... стали совершено невозможными. Вместо развития и воплощения идеи народного единства парламентские вожди начали провоцировать народную разобщенность... Мы должны искать новые методы работы и прокладывать новые пути¹; следует «положить конец шовинистическим настроениям отдельных областей, которые продолжают... наносить огромный ущерб народному и государственному единству... Я мог или отсоединить Хорватию, или упразднить Видовданскую конституцию и ввести режим 6 января»², — пояснял король Александр причины совершенного им переворота.

Десять лет спустя в декларации кабинета Драгиши Цветковича проглашались «нормализация внутренней ситуации... консолидация всех народных сил, которые до сих пор бесцельно истощались в междоусобной борьбе...». «Достижение согласия с хорватами... должно быть ясной целью нашей политики... Для этого необходимо решительно отказаться от всех политических методов прошлого, отдалявших важнейшую внутреннюю государственную проблему... от ее подлинного решения», — продолжал премьер-министр³.

¹ Архив Југославије (Далее — AJ), ф. 335, фасцикли 18, «Краљевска диктатура у Југославији».

² Мемоари патријарха Српског Гаврила. Београд, 1990. С. 57.

³ AJ, ф. 38, фасцикли 95.

И все-таки, вышеописанное риторическое сходство не делало принятые князем-регентом решения сопоставимыми по масштабу замысла с так называемой «шестоянварской диктатурой». Режим личной власти короля Александра Карагеоргиевича претендовал на воплощение в жизнь универсальной идеологии, подразумевавшей преображение всех сторон государственной и общественной жизни в масштабе целой страны. При этом, начиная свои реформы, монарх апеллировал ко всем подданным, безотносительно к их «племенной» и географической принадлежности. Соответственно, результаты преобразований в одинаковой мере затронули большинство жителей Югославии. Немаловажно и то, что присоединиться к королю в его начинаниях имели возможность представители всех прежних политических партий, готовые, хотя бы на словах, признать догматы «интегрального югославизма».

Намерения князя-регента, реализуемые премьером Д. Цветковичем, принципиально отличались. Их суть критически оценивала белградская Объединенная оппозиция (ОО) в заявлении от апреля 1939 г.: «В переговорах с доктором Мачеком председатель правительства стремится вычленить хорватский вопрос из комплексной проблемы формирования здравого государственного устройства для всей страны, а также отстранить представителей сербского народа от участия в принятии решения¹. Соглашение Цветкович-Мачек изменило статус только двух бановин из девяти — Савской и Приморской. Вне новосозданной Хорватии режим стремился к сохранению «шестоянварской» политической системы и ее правовых рамок². Если король Александр в 1929 г. проводил подчеркнуто «надплеменную» политику, то Павел создавал преференции для одной лишь Хорватской крестьянской партии (ХКП). Сербиянская ОО была лишена возможности влиять на процесс «достижения согласия с хорватами».

Таким образом, в условиях государственного кризиса, постигшего Королевство в конце 20-х и 30-х гг., Александр и Павел Карагеоргиевичи сделали разный выбор, каждый свой. Первый — в пользу всеобъемлющей реформы. Второй предпочел территориально и политически ограниченные изменения. Данное различие во многом объясняет, почему установление диктатуры, по сравнению с политикой регентства, поначалу

¹ Цит. по: *Boban, Ljubo. Maček i politika Hrvatske Seljačke Stranke 1928–1941. II. Zagreb, 1974. S. 46*

² Конституция, октроированная Александром в 1931 г., продолжала действовать под тем предлогом, что ее нельзя было менять до совершеннолетия короля Петра II.

пользовалось гораздо более широкой поддержкой. И это при том, что в 1929 г. большая часть югославян едва ли верила в собственное народное единство, а в 1939 г. необходимость отказа от политики «интегрального югославизма» была очевидна каждому. Вероятно, наличие у Александра собственного представления о стратегии развития государства импонировало многим его подданным. В свою очередь всеобщее недовольство решениями князя Павла было вызвано их односторонним и сугубо тактическим характером. Очевидны чувства требовавших равноправия сербов. Ситуация усугублялась и тем, что сами хорваты считали недостаточными полученные территории и властные полномочия. Аппетиты Загреба распространялись на Боснию и Воеводину, что ставило по сомнению перспективы дальнейшего передела страны в интересах Белграда.

Итак, можно сделать два промежуточных вывода. Во-первых, неправомерно говорить о равнозначности событий 6 января 1929 г. и 26 августа 1939 г. Во-вторых, их истинная взаимосвязь раскрывается не в противопоставлении, а в выявлении преемственности политики князя Павла в отношении курса его покойного кузена.

* * *

Начать следует с того, что политика регентства была во многом предопределена кризисом королевской диктатуры, неизбежность которого стала очевидной еще при жизни Александра Карагеоргиевича. Его причины хорошо известны. Последствия мировых экономических потрясений сократили имевшийся после 6 января ресурс популярности власти и вызвали активное отторжение значительной частью населения навязываемой идеологии. Как писал руководству Foreign Office британский посол в Белграде, «в 1931–32 гг. ситуация в Югославии развивалась... от плохого к худшему... Экономический кризис стал одной из причин широко распространенного политического недовольства, особенно в Хорватии... Вина за все недуги... возлагается на режим короля Александра...»¹.

Достоверным признаком безуспешности политики двора стало поведение самих носителей режима, демонстрировавших неуверенность в собственных силах, сомнения в общественной поддержке проводимого курса. Уже в апреле 1929 г. премьер-министр Петр Живкович вынужден был кон-

¹ Цит. по: *Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izveštaji britanskog poslanstva u Beogradu 1921–1938. Knj.2. Zagreb, 1986. S. 79.*

статировать: «Вера чиновников в стабильность нынешнего правительства уменьшается... Разные интриги и сплетни, запускаемые в народ, имеют целью представить правящий режим как временный... Даже чиновники на действительной службе сплетничают, будто скоро радичевцы войдут в правительство, а Маринкович пишет конституцию и так далее...»¹.

Министрам аналогичные претензии П. Живковичу пришлось выскazyвать в мае 1929 г.: «Разные слухи ходят о правительстве и его работе... Виноваты и сами члены кабинета... Поддерживаются отношения с бывшими политиками... что порождает разговоры о временностии режима. Необходимо, чтобы все члены правительства продемонстрировали, что не смотрят ни налево, ни направо, а вместе блюдут верность манифесту Его Величества...».

Данное пожелание осталось невыполненным. Почти полтора года спустя — осенью 1930 г. — премьер горько упрекал своих подчиненных: «Моя цель была получить заявления членов правительства, что они больше не состоят в прежних партиях... Кто из вас выступил с таким заявлением?»; «Результатов нет, так как все остались при своих партиях, которые до сих пор действуют организованно, только лишь благодаря тому, что ни один министр не сделал ничего для их упразднения...»².

Нежелание / неспособность номенклатуры последовательно воплощать доктрины официальной идеологии следует добавить в перечень главных причин неудач политики Александра Карагеоргиевича. Нехватка лояльных и идеально стойких государственных служащих, равно как и живучесть «старых» партий, которым хранили верность даже члены кабинета, были проявлением узости социальной базы власти. «Нам приходится рассчитывать на сегодняшнее поколение. Генерацию наших сторонников еще предстоит создать... Тяжелее всего... убедить народ поверить нам и присоединиться к нашему начинанию...», — сетовал Воислав Маринкович. Попыткой вернуть народное доверие стала реставрация в 1931 г. формально демократических институтов и создание партии власти — Югославянской радикально-крестьянской демократии (ЮРКД)³. Последней следовало заменить «посредников между королем

¹ Записници са седница Министарског савета Краљевине Југославије 1929—1931. Београд, 2002. С. 63.

² Записници... С. 68, 206, 208.

³ 20 июля 1933 г. партия была переименована в Югославянскую национальную партию (ЮНП).

и народом» — запрещенные партии, — в былые годы своей вертикальной структурой обеспечивавшие правящей элите общественную легитимацию. «Надо найти людей, на которых мы сможем опереться, которые будут нести режим, а не наоборот...»¹, — описывал сановник суть непростой задачи.

Увы, ЮРКД не выполнила своего предназначения. С первых дней своего существования партия власти служила ретранслятором не верноподданныческих чувств, а социальных и межэтнических противоречий, общественного неприятия официальной идеологии. Показательно, что партия, решение о создании которой было принято еще осенью 1930 г., не появилась на свет накануне ноябрьских выборов 1931 г., которые стали бы ее политическим крещением. Двор, не веря в электоральный триумф ЮРКД, предпочел выставить на выборы не организацию с сомнительной репутацией, а список кандидатов, отобранных в соответствии с высочайшим критерием — доверием короля Александра. Следует отметить, что ЮНП как парламентская партия не посмела напрямую участвовать и в следующих выборах в скупщину. В 1935 г. новый правительственный, а не партийный, список возглавил тогдашний премьер Боголюб Евтич, выступивший в роли самопровозглашенного хранителя завещания покойного монарха, якобы прошептавшего ему перед смертью: «Берегите мою Югославию».

Таким образом, сбылось сделанное Антоном Корошцем в 1930 г. проницательное предостережение: «Не лучше ли оставить все как есть и считать, что все вокруг поддерживают режим. Все равно, никому не дозволено высказываться против. Ведь создавая партию сторонников режима, мы автоматически вычленяем его противников. Это может привести к констатации того, что режим находится в меньшинстве»².

Осенью 1930 г., следуя принципу «вовремя предать, это не предать, а предвидеть», словенский политик предусмотрительно покинул тонущий корабль, подав в отставку с поста министра лесов и недр. В 1932 г. Корошец в послании Александру объяснял свою позицию, а также призывал монарха признать провал прежней политики: «Сегодня можно спокойно констатировать, что диктатура терпит поражения на всех фронтах... Настал последний момент, чтобы предложить руководителям старых партий сформировать правительство... Если свобода не будет возвращена народу... то мы перед историей снимаем с себя всякую ответственность и перекладываем ее на Вашу душу»³.

¹ Записници... С. 200–202.

² Записници... С. LXI.

³ Цит. по: Stojkov T. Opozicija u vreme šestojanuarske diktature. Beograd, 1969, S. 191.

Следует отметить, что неуверенность в конечном успехе шестоянварского почина с первых дней диктатуры побуждала Александра прибегать к услугам старой партийной элиты. Пытаясь привлечь на свою сторону население отдельных национально-исторических областей и их традиционных политических представителей, король пользовался испытанным методом кнута и пряника. Многозначительные кадровые решения — правительственные назначения или отставки, соблазнение постами и даже несурвые репрессии — должны были дать понять оппонентам режима, что тот не стремится сжигать мосты в отношениях с ними¹.

Особое значение король придавал тому, как воспринимались его действия в пречанских регионах. Так, после 6 января знаками расположения, демонстрируемого югославянам-католикам, стали сохранение чиновниками — членами ХКП своих постов в местных районных администрациях, включение в состав первого правительства словенца А. Корошца (единственного из лидеров старых партий), а также значительного числа хорватов. «Хорваты получили пять министерств. Значит, эта часть народа не будет чувствовать себя угнетенной или оставленной без внимания», — так оценивал желательные последствия данного шага король в интервью французской газете².

Поначалу подобные решения не входили в явное противоречие с официальным шестоянварским курсом. Однако с течением времени, — по мере того как становилась очевидной невозможность его реализации, — попытки короля заигрывать с формально запрещенными партиями становились все более откровенными, нарушающими надплеменной догматический принцип «несть ни эллина, ни иудея...». Широкий резонанс в 1930 г. получило неожиданное вхождение в состав правительства четырех бывших членов руководства ХКП, служившее с точки зрения официального Белграда свидетельством отказа хорватов от оппозиционности. Kölische

¹ Примирительным сигналом всем оппозиционным силам стал уход в апреле 1932 г. П. Живковича с поста главы правительства. Солдафона, известного своей непримиримостью в борьбе с «проклятым прошлым», сменил Маринкович, демонстрировавший склонность к смягчению диктатуры. Бывший представитель Демократической партии продержался, однако, на своем месте недолго — до июля 1932 г. Очередное «закручивание гаек» осуществляли премьеры-экс-радикалы: Милан Сршкич (до января 1934 г.) и Никола Узунович (до конца октября 1934 г.).

² Цит. по: Dobrivojević I. Državna represija u doba diktature Kralja Aleksandra 1929–1935. Beograd, 2006. S. 48.

Zeitung писала: «Если раньше всегда подчеркивалось, что правительство диктатуры абсолютно неполитическое и не признает принесшие столько вреда политические партии, а только стремится своей добросовестностью привлечь население, то теперь в Белград приглашаются личности с ярко выраженной политической ориентацией... бывшие члены презренной Хорватской крестьянской партии... Речь идет о политике в худшем смысле этого слова. Остается подождать и посмотреть, какие плоды она принесет»¹.

Главным «плодом» стало осознание обществом непоследовательности власти, ее готовности поступиться основными политическими принципами ради расширения круга сторонников. Сложилась ситуация, описанная современным отечественным исследователем: «Даже когда подобные (авторитарные — А. Силкин) политические структуры формируются при общественной поддержке, обусловленной разочарованием общества в некомпетентных и коррумпированных политиках, пришедших к власти на основе демократических процедур, со временем они начинают восприниматься обществом как нелегитимные...»².

В результате, с одной стороны, режим терял доверие сербов, которым было непросто объяснить, во имя каких высших целей и интересов им пришлось отказаться от собственной национальной индивидуальности, государственной традиции и территориальной целостности. С другой, вышеописанные проявления слабости предопределили характер отношений официального Белграда с главной оппозиционной силой — Хорватской крестьянской партией, чьей приязни король добивался с 1930 г. до последних дней жизни. Все попытки Александра Карагеогиевича убедить председателя ХКП перейти на его сторону остались безуспешными. Упрямство Мачека происходило из понимания того, что, чем дольше он отвергает поступающие из Белграда предложения, тем более выгодными будут результаты неотвратимого кризиса диктатуры и конечное решение хорватского вопроса. Предпочтительность выжидательной позиции объяснял Анте Трумбич: «Не нужно себя обманывать, будто можно добиться чего-то серьезного (приняв предложения короля — А. Силкин). А даже, если бы мы добились хотя бы 50% того, что хотим, и на что имеем право, где гарантии, что эти договоренности будут соблюдаться? Ведь физическая сила на той стороне... Из рук не выпускают реальную

¹ Цит. по: *Boban, Ljubo*. Op.cit. I. S. 51.

² Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 68.

эффективную власть... А когда под давлением обстоятельств... они будут готовы уступить нам эти 50%, это будет подтверждением того, что вода подступила к их порогу. И мы сможем взять в свои руки все 100%»¹.

В этой ситуации единственным фактором устойчивости режима оставался личный авторитет короля-освободителя, позволявший ему до конца выступать в роли автократа, а также с позиции силы вести диалог со старыми «племенными» партиями. Как и в случае со Степаном Радичем в 1920-е гг., В. Мачеку, а позднее и А. Корошецу предложение о вступлении в правительство монарх делал, предварительно подвергнув их «интернированию». Понимая невозможность продолжения проводимого с 1929 г. государственного курса, Александр, тем не менее, стремился самостоятельно определять размер уступок, на которые ему приходилось идти.

В отличие от Александра Павел не располагал ресурсом популярности. Как говорил сам князь, «диктатура была возможна при короле, но губительна и нереализуема при регентстве»². Справедливость данных слов нашла подтверждение в скором падении кабинета Б. Евтича (июнь 1935 г.), пытавшегося последовательно следовать централистско-унитаристскому «завещанию» Александра. Как написал в своем дневнике осведомленный современник: «Евтича убрали, чтобы избежать гражданской войны с хорватами»³.

Регентству единственным способом выживания виделся полюбовный раздел влияния в пречанских областях с тамошними партиями, в первую очередь, с ХКП. То, как желаемое «решение хорватского вопроса» виделось двору, описывал Милан Стоядинович в своих воспоминаниях о визите к Мачеку: «Поздравив его с тем, что ему удалось собрать вокруг себя весь хорватский народ, я сказал: «Такая кристаллизация настроений масс в соответствии с национальной принадлежностью будет здоровой основой для решения всех наших внутренних проблем. Мне бы хотелось продолжить там, с чего начали Пашич и Радич в 1925 г., когда им помешали добиться окончательного сербско-хорватского согласия»⁴.

Инициатива Стоядиновича была отвергнута, ибо воспринималась как обещание пресловутых 50% от требуемого. Знаком того, что «вода

¹ Цит. по: *Stojković T.* Op. cit. S. 195.

² Цит. по: *Boban, Ljubo.* Op.cit. I. S. 175.

³ Јовановић Стојадиновић, Милан. Дневник. 1936–1941. Нови Сад, 2000. С.

⁴ *Stojadinović M.* Ni rat ni pakt. Jugoslavija između dva rata. Rijeka, 1970. S. 467.

скоро подступит к порогу» сербиянцев, было то, что в прошлый раз аналогичное предложение Мачек выслушивал в тюрьме, а теперь глава правительства навещает его в загородной резиденции. Неудивительно, что, по словам Стоядиновича, «политику умиротворения, которую проводило правительство, хорваты считали не проявлением доброй воли и демократизации, а признаком слабости»¹.

Несговорчивость Мачека сделала актуальным осуществление вынашиваемой еще покойным королем идеи «окружения Хорватии» силами сербов, словенцев и мусульман. Правительственная коалиция Стоядинович-Корошец-Спахо должна была стать, по словам первого, «трехногим столом», удерживающим правящую верхушку от падения². Ценой лояльности Югославянской мусульманской организации и Словенской народной партии, согласившихся вступить в Югославянское радикальное объединение, стал переход под их контроль администрации в Боснии и Словении (Дравской бановине).

Впрочем, созданная летом 1935 г. национально-партийная конструкция не была в состоянии надолго обеспечить стабильное положение власти. Во-первых, небескорыстной поддержки мусульман и словенцев априори не хватало длянейтрализации хорватского сепаратизма, представлявшего все большую опасность в связи с усугубляющимся кризисом Версальской системы. «В областях по ту сторону Савы полный разброда. Государственная власть в Хорватии агонизирует. Белград похож на человека, у которого болят ампутированные конечности», — констатировал в 1936 г. проправительственный журналист Милан Йованович Стоимирович³.

Во-вторых, как продемонстрировали выборы 1935 и 1938 гг., возглавляемые Б. Евтичем, а потом М. Стоядиновичем продинастические группы бывших радикалов, демократов и т. п. оказались не в состоянии добиться решающего преимущества в борьбе с Объединенной оппозицией и заручиться симпатиями широких масс сербов. Именно вправление Павла кризис легитимности авторитарной власти проявился со всей очевидностью. Показателен пример неспособности Регентства пойти наперекор общественным настроениям в Сербии и добиться ратифика-

¹ Ibid. S. 342.

² Цит. по: *Stojkov T. Vlada Milana Stojadinovića (1935–1937)*. Beograd, 1985. S. 58.

³ Јовановић Стоимировић, Милан. Указ. соч. С. 35–36.

ции подписанного еще при короле конкордата с Ватиканом. «Личный режим был возможен раньше, так как его поддерживал король Александр. Теперь, когда его нет, встает вопрос, кто бы смог стать носителем этого личного режима... Авторитаризм сейчас нужнее, чем когда либо... Однако, неизвестно, откуда этому авторитету взяться», — справедливо отмечал процитированный выше автор.

В этих условиях двор не имел ни желания, ни, по-видимому, возможности осуществлять какие-либо реформы, а тем более решать «комплексную проблему формирования здравого государственного устройства для всей страны». Как выразился князь Павел в разговоре с В. Мачеком, он «хотел бы как можно быстрее нормализовать обстановку и как можно дольше придерживаться действующей конституции»¹. Следовало безотлагательно найти какое-нибудь «решение хорватского вопроса», а также компенсировать утрату общественной поддержки в Сербии, что не получилось у стоядиновичевской «троноги».

* * *

Заключенное в августе 1939 г. соглашение с хорватами смогло решить обе эти проблемы. Помимо умиротворяющего воздействия на ХКП, оно лишило важного козыря внутренних и внешних врагов Югославии, заинтересованных в усилении сепаратистских тенденций. Не менее существенным было и то, что союз с ХКП обеспечил двору победу в противостоянии с сербийской оппозицией. Согласие Мачека сотрудничать с князем Павлом подтвердило его статус «законного представителя сербского народа». Столь весомым содействие председателя ХКП делало то, что в отличие от ослабленных междуусобицей сербийских политических групп, возглавляемая им организация имела полное, подтвержденное триумфальным участием в шести парламентских избирательных кампаниях² право именоваться «народным движением» или «хорватским народным представительством». Чем больше представители Сербии дискредитировали друг друга, тем сильней была их заинтересованность в альянсе, подтверждавшем обоснованность претензий на политическое лидерство. В этом плане незаменимость Мачека иллюстрирует то, что среди тех, кто во второй половине 1930-х гг. обращался

¹ Цит. по: *Boban, Ljubo. Op.cit. I. S. 175.*

² 1920, 1923, 1925, 1927, 1935, 1938 гг.

к нему за протекцией, были не только традиционные белградские оппозиционеры, но и подвергнутые князем Павлом опале соратники короля Александра: многолетний министр периода диктатуры Б. Максимович, премьеры П. Живкович и Б. Евтич и др.

По мере того, как увеличивалось значение позиции хорватского руководства для внутрисербского противоборства, рос и масштаб уступок, в обмен на которые ХКП была готова сотрудничать. В середине 1920-х гг. авторитет короля Александра и премьер-министра Николы Пашича был достаточно высок, чтобы Степан Радич удовольствовался (правда, совсем не надолго) участием в правительстве и приостановлением реализации централистской Видовданской конституции. В конце 30-х гг. князю Павлу пришлось удовлетворить все 100% требований радичевских наследников. Справедливо итальянский посол в Югославии Марио Инделли назвал Соглашение «безоговорочной капитуляцией» Белграда. Точно так же воспринимал произошедшее и Мачек, немного подсластивший Павлу пилюлю в панегирике, произнесенном во время визита княжеской четы в Загреб в 1940 г.: «Человек, который понял, что существование Югославии зависит от того, захотят этого хорваты или нет... А чтобы Югославия была нужна хорватам; надо, чтобы они в ней были довольны... Человек, который обнаружил достаточно храбости, чтобы воспротивиться всем темным силам, правившим в Белграде, и одним взмахом пера решить спор в пользу хорватов...»¹.

В тексте соглашения ХКП и двора упоминалась возможность как изменения границ административно-территориальных единиц Королевства (в том числе и только что образованной), так и наделения оставшихся Бановин теми правами, которые получила Бановина Хорватия. Это обстоятельство, по-видимому, и служит единственным основанием для утверждений, будто Югославию ожидал светлый путь в федERALИЗМ. Однако реалии конца 1930-х — начала 1940-х гг. давали больше поводов для пессимистического прогноза сосуществования югославянских народов. Обоснованная убежденность хорватского руководства в собственной победе над сербами служила источником экспансионистских намерений в отношении Воеводины и Боснии. В этой связи продолжение территориального наступления Хорватии на восток выглядит ничуть не менее вероятным по сравнению с образованием «Бановины Сербия». По этому вопросу показательна британская оценка соотноше-

¹ Цит. по: *Boban, Ljubo. Op.cit. II. S. 153, 158.*

ния сил сербского и хорватского истеблишмента: «По любой проблеме, по которой сербские интересы не совпадают с хорватскими, хорваты, по-видимому, одержат победу»¹.

Нападение Германии в апреле 1941 г. не дало реализоваться ни одному из возможных сценариев развития Югославии. Строя гипотезы на этот счет, не стоит забывать, что современный югославский кризис продемонстрировал, к чему может привести сербско-хорватское столкновение по поводу территорий, считающихся «безусловно» сербскими/хорватскими. Кстати, общим для ситуации начала 1990-х гг. и 1930-х гг. было то, что в обоих случаях Загребу удавалось объединить и обосновать области, на которые распространялось «хорватское историческое право», а перед Белградом стояла задача запоздалой реализации права сербского народа на подлинное национальное, а не формальное государственно-территориальное объединение.

¹ Цит. по: Boban, Ljubo. Op.cit. II. S. 162.

Тимофеев А. Ю.

Институт новейшей истории Сербии

Белград, Сербия.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В ЮГОСЛАВИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: КУЛЬТУРНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ И СРЕДСТВА ИНФОРМАЦИИ¹

Русская эмиграция оставила значительный след в культурной и научной жизни Югославии и повлияла на (воз)рождение в Сербии столь различных явлений, как сербский балет и православное женское монашество, производство черной икры и создание полноразмерных комиксов. Фундаментальные учебники из области медицины, истории права и точных наук были написаны русскими авторами, преподававшими в университетах молодой славянской страны. При этом русские эмигранты не были всего лишь образованными беженцами, спасавшимися от репрессий большевиков, или пытавшимися обрести свое место под солнцем мигрантами. Принципиально важной для их существования в качестве социальной группы, помимо понятных экзистенциальных проблем, была особая, «мессианская» роль хранителей и носителей идеи «Зарубежной России» как продолжательницы традиций той России, которую они потеряли в 1917. Кроме общих культуртрегерских идей, для русской эмиграции в королевстве Югославии (по крайней мере, для значительной части эмигрантов) принципиально важной оставалась последовательная антикоммунистическая и антилиберальная позиция, которая во внешнеполитическом плане выражалась в неприязни к СССР и той или иной дозе антипатии по отношению к «предавшим импера-

¹ В оккупированной Сербии жизнь русской эмиграции как компактной социальной группы, пережившей резкие и характерные перемены в годы Второй мировой войны, имела много аспектов, которые заслуживают отдельного исследования (церковь, система школьного и лекционного образования, механизмы социальной защиты и здравоохранения и т. д.). В данной статье мы ограничимся анализом светской стороны общественной жизни русской эмиграции как наиболее заметной и яркой.

торскую Россию» странам бывшей Антанты: Великобритании и Франции¹. В эмигрантских массах культивировалась идея о насильственном свержении «большевистского ига»². После начала Второй мировой войны многие русские эмигранты могли с определенной дозой злорадства констатировать, что армии Франции и Англии не справляются с немецкой армадой без помощи России, которая когда-то ценой незаконченной мобилизации и самоубийственного удара в Восточной Пруссии помогла свершению чуда на Марне, лавры которого пожала исключительно Франция. После необдуманного и спровоцированного английской разведкой государственного переворота 27 марта 1941 года Югославия подверглась нападению Германии и ее союзников, и русские резервисты и кадровые военнослужащие югославской армии приняли искреннее участие в безуспешных попытках сопротивления отложенной машине блицкрига³.

После капитуляции югославской армии страна была поделена на несколько частей, причем большинство русской эмиграции всегда была сконцентрирована в восточной части страны и оказалось в оккупированной немцами Сербии. После нападения Германии на СССР, в Югославии вспыхнуло восстание под руководством вождей КПЮ, подготовленных в спецшколах Коминтерна и на курсах диверсионного дела, которыми руководили советские специалисты¹. Жертвами нападений стали не столько вооруженные и организованные части немцев, сколько полицейские

¹ Хотя в предвоенное время эти настроения, очевидно, отличали русскую эмиграцию от основной части сербского населения, интересно сравнить их с послевоенными настроениями теперь уже сербской эмиграции, считавшей себя «преданной британцами» во время Второй мировой войны.

² В этом контексте интересно вспомнить популярность среди русских эмигрантов военных лекций, памятных дат, обучения детей в кадетских (военизованных) корпусах и чтение книг на военные темы. Важно отметить, что значительная часть публикуемых русскими в Югославии книг касалась военной тематики. См. Качаки Ј. Руске избеглице у Краљевини СХС/Југославији. Библиографија радова 1920–1944. Покушај реконструкције. Београд, 2003: С. 15–16.

³ Погибли 12% русских участников Апрельской войны, а в печально известном лагере Колдиц в плена томились 173 русских эмигранта. В целом, стоит признать, что русские эмигранты полностью выполнили свой долг в Апрельской войне. ГАРФ Р-6792, оп.1, д. 515., с. 1; Шеншин Алексије. Садашње стање руске емиграције у Југославији. 23.11.1943. МИП. прилог Пов. бр. 6544/43 // Сборник документов Јаковљевић Ранко. Руси у Србији. Београд, 2004; Паганucci П. Как мы воевали в сорок первом, Из воспоминаний югославянского офицера запаса. «Кадетская перекличка» № 31, 1982 г.

и члены государственного аппарата, а также представители враждебной идеологии — националисты и анткоммунисты, среди которых пострадало и определенное число русских эмигрантов.

В городе Шабаце для защиты собственной жизни и обороны от красного террора эмигранты взялись за оружие (и это был не единственный случай)². В дальнейшем немцы использовали потенциальную активность русской эмиграции на Балканах, желавшей поучаствовать в победоносном окончании Гражданской войны в России. В результате был сформирован Русский охранный корпус (РОК) и несколько полицейских частей, которые занимались борьбой с партизанами в Югославии, способствуя усилению немецкого оккупационного режима. Некоторые эмигранты активно включились в антикоммунистическую пропагандистскую работу немцев и сербского правительства М. Недича: выступали с лекциями, создавали плакаты и комиксы, писали брошюры, работали журналистами, воспринимая свою деятельность как долг перед приютившей их страной.

Война и оккупация, разумеется, отразились не только на жизни военизированных и политизированных лиц, но и на всей русской эмиграции в Югославии. Довоенная общественная жизнь эмиграции в Югославии была активной и очень разносторонней, а сами русские эмигранты как социальная группа получили больше коллективных прав, чем в какой-либо другой стране мира³. Война принесла ощутимые материальные и цензурные ограничения, но все же жизнь русской эмиграции в Сербии продолжалась, причем магистральные направления ее развития дают важный материал для общих выводов о характере русской эмиграции на Балканах как историческом феномене.

Прежде всего, стоит определиться с численностью рассматриваемой нами группы, исходя из чего можно оценивать ее социальные дости-

¹ См. детальнее: Старинов И.Г. Записки диверсанта. М., 1997; Пятницкий В.И. Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории. Минск, 2004.

² «Проживавшие в Шабаце казаки после убийства коммунистами пяти казаков с семьями сами взялись за оружие и, сформировав две сотни, под командой сотника Иконникова, отбивались вместе с немецкими частями от наступавших и окружавших их коммунистов». Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–45 гг. С.-Петербург, 1999. с. 45. Отряд Павла Иконникова насчитывал 124 казака и действовал до 12.10.1941, согласно данным СД (Исторический архив Белграда (далее ИАБ), ф.BdS, д. I–122) и сербской Специальной полиции (ИАБ, ф. УГБ СП, д. IV 269/25).

³ Подробнее смотри исчерпывающую монографию Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. Москва, 2006.

жения. Отметим, во-первых, что число русских эмигрантов в Югославии к концу тридцатых годов уменьшилось в результате естественной смертности и оттока эмигрантов, которые не смогли найти свою нишу в Королевстве Югославии. Во-вторых, наступила определенная стабилизация, причем численность эмигрантов была близка к состоянию биологического равновесия, уже второе поколение эмигрантов вступало во взрослую жизнь, заканчивая гимназии и высшие учебные заведения. Общая численность эмигрантов в Королевстве Югославии в 1937 году составляла 27150 человек¹. Согласно результатам регистрации русских эмигрантов, проведенной в мае-июне 1941, в Белграде проживали 7.020 взрослых русских эмигрантов (в это число не входили лица, получившие югославское или иное нероссийское гражданство)², а всего в Сербии (т. е. в той ее части, которая была включена в единую немецкую оккупационную зону, без Воеводины, Косова, Санџака, юго-восточных частей Сербии) проживали около 20 тысяч русских эмигрантов³.

До изгнания немецких оккупантов с территории Сербии осенью 1944 года число русских в Сербии варьировалось. С одной стороны, часть представителей старого поколения не смогла выдержать падения и без того невысокого уровня жизни, часть эмигрантов молодого поколения переселилась (с семьями или в одиночку) в Германию или другие европейские страны, где можно было найти работу, некоторые эмигранты (численность этой группы была невелика, из-за подозрительности и требовательности немцев) в качестве переводчиков, технических специалистов или просто добровольцев присоединились к немецкому походу на Восток. С другой стороны, число русских в Сербии пополнялось, поскольку для пополнения РОК и некоторых полицейских частей там концентрировались русские добровольцы, собранные со всех Балкан в широком смысле слова, т. е. из Независимого Государства Хорватии и других районов оккупированной Югославии, а также Болгарии, Греции и Румынии (включая

¹ Если в 1924 году в Королевстве СХС их проживало 42500 (*Јовановић M.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924.. Београд, 1996. С. 163–186.), то к 1937 г. 27150. (*Јовановић M.* Руска эмиграција на Балкану (1920–1940). Београд, 2006. С. 156).

² ИАБ, ф. УГБ СП II, д. 44/41.

³ Исходя из отчетов колоний Бюро по защите интересов русской эмиграции в Сербии, хранящихся в ГАРФе (ГАРФ, Р-6792, оп.1-2.), а также фрагментов регистраций материалов в фонде специальной полиции ИАБ, ф. УГБ СП II, д. 44/41.

и оккупированные ею территории СССР). В результате некоторые из членов семей добровольцев также (временно) прибывали в Сербию¹.

Русские эмигранты начали процесс (само)организации в условиях военного времени уже 10 апреля 1941 года, когда в здании Русского дома состоялось заседание Комитета первой помощи пострадавшим от бомбардировки в составе: С.Н. Латышева, Н.И. Голощапова, Д.А. Персиянова, Р.А. Фолькера. Оккупационные власти настаивали на ликвидации прежней структуры управления русской эмиграции и отстранения от дел ее главы, Василия Николаевича Штрандтмана (1877–1963)². Русская эмиграция должна была получить новую организационную структуру и новое руководство.

В конце весны 1941 года (22 мая) приказом Командующего немецкими вооруженными силами в Сербии была создана единая организация русских эмигрантов — «Бюро по защите интересов и для помощи русским эмигрантам в Сербии», начальником Бюро был назначен генерал Михаил Фёдорович Скородумов (1892–1963). Постоянное местопребывание Бюро было определено в Белграде в Русском доме имени Императора Николая II, в помещении бывшей Государственной Комиссии. Уже 15 мая М.Ф. Скородумов опубликовал развернутый приказ № 1 по Бюро. В нем была представлена структура и изложены задачи деятельности Бюро. Указывалось, что Бюро будет иметь 6 отделов: канцелярия и финансовая часть, секретариат Бюро, культурно-просветительные заведения (административно-хозяйственная и научно-учебная части), учреждения Российского Общества Красного Креста, административный отдел, регистрация и печать. Сообщалось о подготовке официального списка русских колоний на территории Сербии с обязательным утверждением начальников колоний, подотчетных М.Ф. Скородумову. На основании бывшего Русского Научного Института было сформировано Высшее научно-учебное заведение с научным и учебным отделами, с вхождением в него всех военно-научных и преподавательских сил под руководством профессора Николая Васильевича Краинского (1869–1951). Летом 1941 года открылась и благотворительная столовая для беднейших русских эмигрантов. В том же приказе, Скородумов

¹ Вопрос о семьях солдат РОК-а с территории бывшего СССР был крайне болезненным. Немцы стремились переместить их вместе с другими беженцами от наступающих советских войск в Галицию, что вызывало обеспокоенность их родственников, служащих в РОК. Архив Военно-исторического института армии Сербии (далее АВИИ), к.31, ф.1, док.14/1–56.

² ИАБ, ф.BdS, д. St-131. Л.55.

оповестил русскую общественность, что все существовавшие до тех пор русские организации и общества были закрыты распоряжением властей и должны были сдать всю отчетность и наличность на хранение в финансовый отдел Бюро. По усмотрению начальника Бюро некоторые из организаций могли получить разрешение на свою дальнейшую деятельность. То же касалось и разрешения на выпуск периодических и непериодических изданий на русском языке, с тем, что для этого требовалось разрешение и немецких властей, согласно существовавшему специальному распоряжению о печати в Сербии. Запрещались какие-либо непосредственные обращения отдельных русских эмигрантов, организаций или групп напрямую к немецким или сербским властям, все подобные прошения должны были следовать только через Бюро¹.

Чрезмерная инициативность и объемность начинаний Скородумова на доверенном ему посту стала раздражать немцев. После нападения на СССР Скородумов объявил об открытии при Русском Доме специальных и административных курсов для подготовки будущих управляющих для «освобожденных от большевиков областей»; генерал также провозгласил создание Русского корпуса для возвращения в Россию с оружием и объявил мобилизацию в него русских эмигрантов². Все это настораживало немцев, опьяненных успехами блицкрига и надеявшихся спрятаться с Красной Армией без чужой помощи, которая могла бы стать помехой в колонизации захваченных территорий³.

Под влиянием такого положения дел Скородумова и назначенных им руководителей отделов Бюро сместили с их постов, а вместо них назначили более лояльных людей — генерал Владимир Владимирович Крейтер (1888–1950) стал руководителем Бюро, а Борис Александрович Штейфон

¹ ИАБ. ф. Žika Jovanović, д. 115.

² Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–45 гг. С.-Петербург, 1999. С. 45.

³ Только ограниченный круг лиц в Гитлеровской администрации знал о существование плана «Ост», который включал отрыв от СССР Прибалтики, Украины, Белоруссии, Западной и Центральной России до линии А-А (Архангельск — Астрахань), «ликвидацию евреев, проживающих на этой территории», «выселение нежелательных в расовом отношении местных жителей в Западную Сибирь» и «онемечивание местных жителей» в Польше, Прибалтике и на Украине. *Vierte-Jahreshefte für Zeitgeschichte*, 1958, № 3. с. 291; Военно-исторический журнал, 1965, № 1. с. 82–83; IMT. vol. XXVI, Doc. 1017; *Picker. M. Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier*. Волл, 1961, S. 72.

(1881–1945) возглавил Русский корпус¹. Немцы в этом случае придерживались общей тактики — опираться на лиц, имевших немецкую кровь, которых в партийной терминологии обозначали как «фольксдойчеров». Тем не менее, стоит отметить, что оба новоназначенных руководителя эмиграции скорее ощущали себя русскими офицерами, нежели чем представителями «второсортных» немцев. Доказательством может послужить хотя бы то, что В.В. Крейтер в переписке с немецкими властями писал черновики на русском, а затем переводил их у официального переводчика бюро, не решаясь демонстрировать свои знания «родного языка»². А Б.А. Штейфон и вовсе был сыном мастерового, крестившегося, чтобы преодолеть позорную черту оседлости³. При этом и один, и второй относили себя (в довоенное время — официально, в военное — неофициально) к категории убежденных монархистов-легитимистов (защитников идеи о возрождении Российской империи), что отражалось на выборе ими в помощники легитимистов по духу и настроениям, даже вопреки требованиям «военного времени»⁴.

Стоит отметить, что расизм и этническая замкнутость были чужды большей части эмигрантов⁵. Это наглядно видно при рассмотрении адаптационных судеб «русско-сербских» браков (т. е. так называемый вопрос «местных жен») и детей, рожденных в смешанных семьях. В сербском обществе такие дети традиционно чувствовали отчуждение окружающей среды, что приводило либо к их самоизоляции, либо к отчаянным попыткам интегрироваться в эту среду путем чрезмерных усилий и жертв. В свою очередь, и русское общество настороженно относилось к супругам-сербкам, позиционируя их, впрочем, как новоприсоединенных «россиянок», а вот детей при-

¹ Антипартизанское охранное формирование на территории Сербии; после подхода советских войск участвовало в арьергардных боях в Боснии и Словении, способствуя отступлению немецких войск с Балкан.

² Тимофејев А. Генерал Крејтер о будућности руске емиграције у Русији. Токови историје, 4 / 2006.

³ РГВИА, ф. Личные дела офицеров Генерального Штаба, Штейфон Б.А.; Маньков С.А., Харьковские цеховые — предки генерала Б.А. Штейфона (1881–1945). Девятые Петербургские генеалогические чтения «Генеалогия городских сословий». Санкт-Петербург, 2005; Зуб Эдуард. «И такие земляки бывают... Борис Александрович Штейфон». «Событие», Харьков № 28/08.07. — 14.07. 2004.

⁴ Бодиско В. Из журнала «Кадетская перекличка» № 28, 1981.

⁵ Это неприятно удивляло немцев при формировании Русского корпуса. Зборник докумената и података о НОР-у народа Југославије. т. XII. књ.2. Београд, 1976, стр. 808.

нимало практически без оговорок и фактически не выделяло их из общей среды, обращая лишь внимание на то, что дети «в провинции» (т. е. там, где эмигранты проживали более рассеяно и, соответственно, было больше смешанных браков, а дети из смешанных, да и из чисто русских браков тоже, были полностью погружены в местную среду и не могли посещать русские учебные заведения) «плохо говорят по-русски»¹.

В конце тридцатых годов, а в особенности после прихода войны на Балканы, эмигранты в массе своей все активнее выражали свои антикоммунистические взгляды, не забывая о своем русском происхождении. В результате, часть окружающего местного населения неприязненно относилась к эмигрантам как к соотечественникам граждан «красной коммунии», а другие с ненавистью видели в них противников государства «победившей революции». К тому же давно ушли с исторической сцены представители старшего поколения покровителей и защитников русских эмигрантов, которых возглавляли почившие король Александр (Карагеоргевич) и патриарх Варнава (Росич). Все это отчуждало эмигрантов от местной среды, и, несмотря на успешное прохождение ими периода адаптации и приспособления к местным условиям², они не растворялись, а все более тесно сплачивались в относительно монолитную общественную группу с устоявшимися навыками, взорваниями и статусными характеристиками. Ощущение собственной группы как носителя цивилизации и прогресса не принимало оскорбительных форм, как у некоторых других европейцев на Балканах³, а имело характер констатации. Осознание культуртрегерской

¹ Отражением этого было снисходительно-покровительственное упоминание в эмигрантских изданиях военного времени о «туземных женах» («Русское дело», 1943, № 27, с. 3) и «русифицированных сербках» («Ведомости Охранной группы», 1942, № 32, с. 4.). С другой стороны, полны трагизма случаи противостояния сербских детей и их русских отцов в условиях разыгравшейся в Сербии Гражданской войны, в случаях неуспешного процесса «ассимиляции» (практически всегда зависевшего от поддержки или сопротивления сербских матерей этому процессу). «Наши вести», 1984, № 296, с. 18–20.

² О периоде адаптации и акклиматизации русских эмигрантов в Югославии см. подробное исследование Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. Москва, 2006.

³ О надменности немцев по отношению к жителям Балкан не стоит и говорить. Исключительно пренебрежительным было и отношение западных союзников, которое зафиксировано в мемуарах многочисленных «лоуренсов аравийских», прибывавших в страну в 1941–1944. Один из первых мемуаристов (*Rootham J., Miss Fire: The Chronicle of a British Mission to Mihailovich, 1943–1944*. London,

роли русской эмиграции как носителя традиций императорской России также способствовало сплочению эмиграции как группы, превосходящей границы государства проживания¹.

После прихода немцев многие из этих устоявшихся навыков пришлось изменить, причем делалось это насилиственно и достаточно болезненно. Значительная часть эмиграции по образованию (или даже скорее по настроению) относилась к интеллигенции, видовой особенностью которой является склонность к дискуссиям и свободному выражению критического мнения о текущих социально-политических событиях. Кроме того, эмигранты в большинстве своем были участниками Гражданской войны (или хотя бы членами их семей) в России, т. е. людьми, готовыми пожертвовать (или хотя бы рисковать) жизнью ради отстаивания своих общественно-политических воззрений. Поэтому предвоенная русская эмиграция в Югославии изобиловала периодическими изданиями, отражавшими богатый спектр представлений эмигрантов о текущем политическом моменте и перспективах его развития².

После прихода немцев насилиственно утвердилось полное единобразие. Сначала в результате цензурных запретов издательская жизнь

1946) описывал окружающее местное население как «бедных, маленьких» людей «в смешных круглых шапках», «самое осталое в отсталом kraю», где «мало брака и честности и много венерических болезней и воровства» и т. д. В мемуарах русских эмигрантов, написанных после войны и уже за пределами Сербии, сквозит сочувствие и понимание к местным жителям, а отдельные негативные инциденты описываются без обобщений. Даже ухудшение отношения к русским накануне войны русские мемуаристы старались объяснить ростом коммунистической пропаганды или различными внешними факторами.

1 Это осознание себя как единой группы, носителя культуры России, не покидало русскую эмиграцию и в годы Второй мировой войны. Возможно, это ощущение себя как эманации погибшей страны и залог ее возрождения и привело русскую эмиграцию в Сербии к печально закончившейся попытке политической активизации. Эмигрантские газеты периода Второй мировой войны в Сербии полны статей о роли эмиграции как носителя русской культуры, причем не только в Сербии или даже в Европе, но и по всему миру. «Новый путь», 1942, № 7, с. 4, № 41, с. 3, № 65, с. 2; 1943, № 67, с. 1; «Русское дело», 1943, № 2, с. 5, № 4, с. 4, № 5, с. 4, № 13, с. 4, № 16, с. 4, № 17, с. 4, № 19, с. 4, № 22, с. 4.

2 В межвоенный период в Югославии в разное время и с разной периодичностью выходило свыше 300 русских периодических изданий. Качаки Ј. Руске избеглице у Краљевини СХС / Југославији. Библиографија радова 1920–1944. Покушај реконструкције. Београд, 2003. С. 350.

эмигрантов полностью замерла. Лишь 13 июня 1941 года появился «Русский бюллетень», «еженедельное информационное издание русской эмиграции» под редакцией Александра В. Ланина¹. Всего вышло 10 номеров бюллетеня, который прекратил свое существование после того, как немцы, вдохновленные победами на Восточном фронте, решили, что они не нуждаются в активной помощи эмигрантов и разогнали команду Скородумова, закрыв делавший шумные обещания и многозначительные намеки «Русский бюллетень». Спустя некоторое время после создания Русского корпуса начали выходить еженедельные «Ведомости Охранной группы» (с 23 декабря 1941) под редакцией одного из высших офицеров полковника Генерального Штаба императорской армии Евгения Эдуардовича Месснера (1891–1974)². Газета помещала не только пропагандистские заметки, но и зарисовки, касавшиеся жизни гражданских лиц — членов семей служивших в корпусе лиц. Так как потребность в гражданском издании все-таки присутствовала, 8 февраля 1942 года появился и «Новый путь», «еженедельный информационный орган Бюро по защите интересов русской эмиграции» под редакцией Бориса Казимировича Ганусовского

¹ В предвоенные и военные годы работал военным обозревателем. Александр Ланин до войны был членом руководимого М.Ф. Скородумовым праворадикального легитимистского «Русского народного ополчения», активно занимался журналистикой и редакторской деятельностью в ряде скоропостижно скончавшихся периодических изданий [«Наше будущее» (1926), «Сводка» (1927), «Словен» (1927), «Всеславянский клич» (1938), «Партизан» (1938), «Обозрение» (1939)]. Весной 1941 года написал острокритическое эссе «Агония Югославии». Еще до войны симпатизировавший идеологии Третьего рейха Ланин завязал взаимоотношения со служившим в VI отделе Главного управления имперской безопасности (во внешней разведке СД) штурмбанфюрером Краусом, занимавшимся созданием и использованием пятой колонны в Сербии. После ухода с места редактора, Ланин под псевдонимом «М-12» неоднократно писал доносы в гестапо на вызывавших его сомнения эмигрантов. ИАБ, ф. BdS, D-250, D-818, картотека агентов. Качаки.

² Известны его написанные в послевоенное время работы, посвященные антиповстанческим операциям и представляющие реальный интерес и по сей день. См. Месснер Е. Хочешь мира, победи мятежвойну! Москва, 2005. Стоит отметить, что эта книга, написанная с учетом боевого опыта антипартизанской деятельности Русского корпуса, вышла в серии «Российский военный сборник» в издании Военного университета Министерства обороны РФ и при поддержке Федеральной программы книгоиздания России.

(1906 / 1908–1993)¹. Вышел 21 номер газеты, а с июня 1943 года было принято решение о слиянии изданий «Новый путь» и «Ведомости...» в еженедельное издание «Русское дело», выходившее до 15 ноября 1944 года. Это последнее издание выходило под редакцией К.К. Миллера, который так же, как и Месснер, считался немцами «фольксдойчером», т. е. заслуживающим доверия. Кроме того, весной 1944 года существовавшая в Сербии небольшая группа казаков-самостийников попыталась выпускать в нескольких экземплярах свое издание «Речь», которое скончалось как из-за недостаточности финансирования, так и потому, что большинство казаков в Сербии относились к легитимистскому направлению и с подозрением относились к идеям суверенной Казакии².

На территории Югославии в 1943–1945 гг. выходили и печатные издания, выпускавшиеся пропагандистским отделом (взводом) 1-ой Казачьей дивизии («Бюллетень пропагандиста 1-ой Казачьей дивизии», «Казачий клич», «Офицерский бюллетень Первой Казачьей дивизии», «Пропагандный взвод Первой Казачьей дивизии говорит вам о поло-

¹ В довоенное время Ганусовский зарабатывал на жизнь ремеслом шофера и агента по продаже автомобилей. Несмотря на то, что он прибыл на Балканы без родителей в составе группы эвакуированных кадетов, смог поступить в Белградский университет. Вместе с тремя друзьями по корпусу, также учившимися в Белградском университете, он издавал сатирический журнал «Бухъ!!!» (1930–1936), который выходил нерегулярно, но был популярен среди эмигрантов благодаря бескомпромиссному, едкому и в то же время юмористическому подходу к жизни русского человека в СССР и эмиграции. После прекращения издания «Нового пути» Ганусовский в 1943 г. перешел во взвод пропаганды Первой казачьей дивизии вермахта, подавлявшей партизанское движение в Сербии и Хорватии. Был выдан англичанами СССР, где отсидел в лагерях в 1945–1955. После амнистии выехал в США, работал на радио «Свобода», а также преподавал русский язык в военном училище. Автор книги «10 лет за железным занавесом (1945–1955). Записки жертвы Ялты». Сан-Франциско, 1983.

² Полный пессимизма атаман Казачьего национального округа в Сербии Иван Алексеевич Поляков (1886–1969) писал 26.08.1943 г. из Белграда руководителю Казачьего национального движения инженеру Василию Глазкову: «Оглядываясь назад, на двухлетнюю работу Союза, могу сказать откровенно — все было толчением воды в ступе. Наша линия, видимо, неприемлема, о национальных формированиях говорить не приходится. Все военное дело находится в руках русских легитимистов. Немецкие военные круги нас серьезно не воспринимают... На казаков смотрят как на род оружия, но не как на народ». ГАРФ Р-5752, оп.1, д. 9., л. 24.

жении). Эти издания предназначались для военнослужащих соответствующих частей, но, тем не менее, могли попадать и в руки русских эмигрантов в Югославии, родственники и знакомые которых служили в этих частях. Не обнаружено, но должно было по штату существовать и издание использовавшейся в Хорватии и Словении 162 туркестанской дивизии, в которую входили казахи, киргизы, узбеки, таджики, туркмены, калмыки и азербайджанцы¹. Возможно, им был «Русский вестник», «газета для добровольцев народов России на Балканах», выходивший в 1945 году на территории независимой Хорватии. Кроме того, среди военнослужащих и в эмигрантских организациях распространялось русскоязычное издание иллюстрированного пропагандистского немецкого журнала «Сигнал», выпускавшегося с октября 1941 по июль 1944 года.

В Независимой Хорватии при отсутствии формального запрета на издательскую деятельность русских эмигрантов (в отличие от оккупированной Сербии), появлялись отпечатанные кустарным способом издания-однодневки с экзотическими названиями: номер «Летописи Временных лет 1642–1942 Бутырского лейб-Эриванского полка», напечатанный в 1942 году в Сараево, или несколько номеров издания молодежи Русской колонии в Загребе «Ярославна» за 1942–1943 гг. Хотя аналог Бюро по защите эмигрантов в Сербии — «Особое представительство русской эмиграции при правительстве НГХ», начальником которого был бывший царский консул в Вене и Загребе Георгий Фермин, не имело своего издания², немногочисленные и дисперсно расселенные (по сравнению с Сербией) русские эмигранты в Хорватии имели свое «еженедельное издание русских военных организаций на территории НДХ» — размножаемую небольшим тиражом на шапирографе «Сводку» под редакцией генерала Даниила Павловича Драценко (1876–194?), а с 1942 года — генерала Ивана Алексеевича Полякова (1886–1969)³. Численность русских колоний в других

¹ Зборник документата и података о НОР народа Југославије. т. XII, књ.3. Београд, 1978, стр. 629; Hoffmann J. Die Kaukasien 1942/43: Das deutsche Heer und die Ostvölker der Sowjetunion. Freiburg: Rombach, 1976

² ГАРФ Р5752, оп.1, д.8., с. 3–4.

³ Они оба были участниками Гражданской войны в России, причем особенной славой пользовался Драценко, известный как покоритель «красной Чечни», замиравший ее крутыми мерами. Рутыч Николай, Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. Материалы к истории Белого движения М., 2002; Клавинг Валерий, Гражданская война в России: Белые армии. Военно-историческая библиотека. М., 2003.

частях расчлененной Югославии была еще менее значительна, поэтому лишь в Воеводине появился «Бюллетень Представительства Высоко-преосвященного Серафима, Митрополита Берлинского и Германского и Средне-Европейского округа для православных русских приходов в Королевстве Венгрии», несколько номеров которого вышло в Нови-Саде.

Кроме того, в Сербии параллельно печаталось два церковных издания. Интересно, что это были единственные периодические издания, которые продолжили выходить после оккупации. Первое — официальное издание РПЦ(з) «Церковная жизнь» (1933–1944), выходившее под редакцией секретаря Архиерейского Синода РПЦ(з) Юрия Павловича Граббе (1902–1995), а второе — ультраправое «Церковное обозрение» (1932–1944), занимавшее критическую позицию по отношению к сотрудникам канцелярии Синода РПЦ(з), не позволяя себе, однако, критических замечаний по адресу владык, которое редактировал Екастодиан Иванович Махараблидзе (?–1960)¹. Кроме Махараблидзе, с «Церковным обозрением» активно сотрудничали известный публицист и проповедник протопресвитер Владимир Игнатьевич Востоков (1868–1957) и последний протопресвитер Российской императорской армии и военно-морского флота Георгий Иванович Шавельский (1871–1951).

В русской периодике, выходившей в Сербии в годы войны, отражались, «как солнце в малой капле воды», большинство тенденций журналистики Третьего рейха². Нацистские менторы, боровшиеся в Германии с готикой, в русских изданиях приказным путем решили вопрос «реформы правописания» и перехода на новую орфографию³. Лишь недолго су-

¹ Е.И. Махараблидзе в годы Первой мировой войны служил начальником канцелярии протопресвитера армии и флота, а во время Гражданской войны был начальником канцелярии протопресвитера в Вооруженных силах Юга России. На Карловацком соборе 1 сентября 1922 он делал подробный доклад о ставшем причиной раскола РПЦ на РПЦ(з) и РПЦ МП указе Патриарха и первым подверг его критике.

² «Новый путь», 1943, № 53, с. 2.

³ Приказ Мартина Бормана от 03.01.1941, изданный по поручению А. Гитлера, провозгласил готический шрифт («фрактуру»), официально нежелательным, как не-еврейский. На самом деле, по мнению современных немецких ученых, «Антика» (классическая латиница) вводилась ради усиления пропагандистского влияния, среди плохо понимавших «готику» обитателей Новой Европы. Karl Albert. Fraktur: Form und Geschichte der gebrochenen Schriften. Mainz, 1993; Luidl Philipp. Die Schwabacher — Die ungewöhnlichen Wege der Schwabacher Judenletter. Augsburg, 2004.

ществовавший в июне-сентябре «Русский бюллетень», в соответствии с традициями жесткого легитимизма, придерживался всех дореволюционных орфографических норм. Кроме того, этой политике языкового пуританства удалось до конца 1944 года следовать и «Церковной жизни» — официальному изданию РПЦ(з). Переходную позицию заняло издание «церковной оппозиции» — «Церковное обозрение», которое отказалось от использования буквы «ять» и твердого знака в сентябре 1943 года, при этом сохраняя «старое правописание». Редакция обещала в дальнейшем вернуть потерянный «твёрдый знак» и «ять», мотивируя изменения ... отсутствием этих знаков в «используемой для печати линотипной матрице болгарской газеты»¹. С другой стороны, газета Русского корпуса уже в начале весны 1942 года отказалась от использования твердого знака в конце слов «в целях экономии места», сохранив при этом до конца существования «Ведомостей» верность старому правописанию, «ять» и «i»². Подобной же политики сбережения места на протяжении всего своего существования придерживался и «Новый путь»², в остальном сохранивший старые орфографические правила и буквы.

Наиболее остро вопрос правописания встал после появления объединенного издания Русского корпуса, русских отрядов Хипо и Русского бюро по защите интересов эмиграции — «Русское дело». В первом же номере редакция «Русского дела» сообщила о полном переходе на новую орфографию, «с целью устранить этим те, хотя бы незначительные по существу, помехи, которые... могли бы возникнуть в обмене мыслями Русского Зарубежья с ... десятками новых русских поколений, которые ныне ведут с большевизмом борьбу во имя России и которые частью влились в наши ряды»³. Вследствие этого редакция оказалась переполнена как научными обоснованиями ошибочности новой орфографии, так и гневными и ругательными письмами протеста, в которых редакцию обвиняли «в недостатке русскости», в «малокультурности» и в «подлож-

¹ В высшей степени странное объяснение, учитывая то, что в болгарском языке твердый знак является важным и распространенным знаком, использующимся до сих пор и обозначающим гласный звук, а «ять» также существовал и использовался до реформы 1945 года под названием «Е двойно». При этом Махабладзе сохранил «i», которое в болгарской азбуке отсутствует. «Церковное обозрение», 1943 № 9, с. 1.

² «Ведомости Охранной группы», 1942, № 14, с. 4.

³ «Русское дело», 1943, № 01, с. 2.

ности яду красной пропаганды» В свою очередь, редакция называла авторов этих писем «новыми старообрядцами», подчеркивала, что таким языком уже 4 поколения пишет 180 миллионов человек всего русского народа, что новые правила подготовлены еще до революции академией наук в России, и что реформа необходима для слияния со всей массой русского народа¹. Еще несколько раз возвращалось «Русское дело» к теме, взбудоражившей широкие массы эмигрантов. Было опубликовано подробное научное объяснение выдающегося историка и филолога Александра Львовича Погодина (1872–1947), а также краткое изложение «сущи и основ нового правописания» литературоведа, а в эмиграции преподавателя русского языка и литературы в кадетском корпусе и русско-сербской белградской гимназии Владимира Викентьевича Топор-Рабчинского (?–1944)².

При этом проблема экономии бумаги, достигаемая при использовании новой орфографии, очевидно, была исключительно важной, что видно на примере постоянного сокращения размеров изданий (в 1941 году «Русский бюллетень» выходил на 10 страницах, «Новый путь» на 4; а «Ведомости Русского корпуса» на 6, что опять в сумме давало 10 страниц). «Русское дело» сначала выходило на 6 страницах, а с № 9 и вовсе сократилось до 4 страниц.

При этом периодические издания служили оружием пропаганды для сплочения рядов эмиграции, поддержания ее духа и направления общественных настроений в нужное русло. Журналист «Нового времени» с русским православным именем Василий и звучной немецкой фамилией Розенберг в издании, посвященном годовщине газеты, с гордостью констатировал, что русское периодическое издание представляет собой «... тип идейной газеты обновляемой Европы..., творит общественное мнение..., защищая и объясняя те духовные ценности, которые... считает необходимыми для культурного, морального и материального развития народа и нации»³. Словом, военные издания русских эмигрантов в смысле ежедневной политики (глобальной и локальной) были рупором немецкой пропаганды, дословно переписывая или пересказывая сообщения из немецких или местных сербских газет.

¹ «Русское дело», 1943, № 07, с. 5, № 10, с. 4.

² «Русское дело», 1943, № 16, с. 4, № 16, с. 4.

³ «Новый путь», 1943, № 53, с. 2.

Подобное положение дел просто не укладывалось в голове многих эмигрантов, традиционно привыкших видеть в печатных изданиях рупор общественной мысли. «Сидя на белградских мансардах или в горном бункере», они нередко писали глобальные политические статьи, которые, вероятно, были отзвуками ожесточенных дискуссий и уединенных, но не менее напряженных, размышлений о судьбах России и ее будущем. Увы, эти «политические» статьи, как и статьи «гиперкритические», сразу же попадали в мусорную корзину редактора¹. Столкнувшись с этим потоком советов «Риббентропу, Розенбергу и Власову», редакция была вынуждена призвать читателей не писать «передовиц», а присыпать «корреспонденции с мест осведомительного характера..., о культурной работе..., бытовые картинки, литературные наброски, штрихи и заметки»², не забывая, что от «критики Россия пропала»³. Таким образом, газета (как пропагандистское издание военного времени) пыталась защитить стратегический ресурс информационного пространства — «бодрость»⁴. Этот подход приводил к тому, что остро нуждавшиеся в прорыве пропагандистской блокады читатели пытались (порой не слишком успешно) читать издания «между строк», усматривая зловещие предзнаменования даже в том, что к постановке готовится пьеса Л.Н. Толстого «Живой труп»⁵.

Ощущение недостатка средств массовой информации на родном языке среди военнослужащих провинциальных гарнизонов и удаленных бункеров Русского Корпуса, а также гражданских лиц русской эмиграции в Сербии в конце лета 1943 года попытались восполнить путем проведения еженедельных радиопередач на волнах «Радио-Белград». Первая радиопередача состоялась 17 августа 1943 года, длилась 30 минут, была открыта исполнением «Верю» хором Русского корпуса и состояла из приветственной речи генерала Штейфона, зарисовки из жизни Корпуса и политического обзора за неделю, перемежавшихся русскими царскими маршами, декламацией стихов и русской народной песней «Всокмили меня и вспоили...»⁶. Эти передачи проводились по вторни-

¹ «Русское дело», 1943, № 04, с. 5.

² «Русское дело», 1943, № 03, с. 5.

³ «Русское дело», 1943, № 04, с. 5.

⁴ «Ведомости Охранной группы», 1943, № 75, с. 6; «Русское дело», 1943, № 01, с. 6.

⁵ «Русское дело», 1943, № 25, с. 3.

⁶ «Русское дело», 1943, № 11, с. 1, № 12, с. 3.

кам сначала в 14, а позже были перенесены на 18 часов, причем была увеличена их продолжительность, а содержимое расширено¹. Основной проблемой этого перехода к «электронным» средствам массовой информации было, конечно, недостаточное количество радиоприемников. При этом для нужд эмигрантов, служивших в Русском корпусе, использовались не только штатные радиостанции и имевшиеся в казармах радиоприемники, но и пропагандистские машины с установленными на них громкоговорителями². Для гражданских лиц в помещении колоний устраивались бесплатные массовые «радиопрослушивания», как, например, в театральном зале Русского дома. Собравшиеся перед динамиками громкоговорителей эмигранты могли услышать не только политические обзоры, но и радиопостановки (от Островского до Аверченко), симфонический оркестр, арии из классических русских опер («Русалка», «Князь Игорь», «Садко» и др.), романсы, кубанский и донской казачий хор, русские и украинские народные песни и даже частушки. Причем художественная программа являлась комбинацией граммофонных записей из коллекции Белградского радио и живых выступлений популярных в эмиграции певцов и актеров³.

Вдохновленные этим примером эмигранты попытались создавать и т. н. местные «устные газеты», причем имелись подобные газеты нескольких видов — воинские, церковные и «колониальные». Конечно, существовала опасность их превращения в политинформацию или развернутую проповедь, но на деле, скорее «устные газеты» становились причиной для совместных встреч и способом проведения досуга нуждавшихся в общении эмигрантов «...в монотонной жизни среди горных высот и диких лесов в уединенных маленьких mestечках, раз в неделю имевших возможность собраться на 1—2 часа, чтобы отдохнуть от тягот службы, развлечься и выслушать ... доклады», перемежавшиеся декламацией стихов, попурри на аккордеоне и граммофонными записями⁴. Сложно сказать, насколько восприимчивыми были эмигранты к этому, граничившему с эстрадными и театральными представлениями виду информационно-пропагандистской работы.

¹ «Русское дело», 1943, № 13, с. 4, № 14, с. 3, № 23, с. 3, № 24, с. 3.

² «Русское дело», 1943, № 13, с. 03.

³ «Русское дело», 1943, № 24, с. 4, № 25, с. 3, № 26, с. 3, № 28, с. 3, № 29, с. 3, № 30, с. 3.

⁴ «Русское дело», 1943, № 27, с. 4, № 29, с. 4, № 19, с. 3, № 21, с. 3, № 21, с. 4.

Куда менее идеологически окрашенными и проходившими в неформальной и «подогретой» обстановке были «чай» как форма общения. Традиционно существовали чаи двух видов. Первые были своего рода корпоративной вечеринкой членов одного общества, учебного заведения или группы лиц, связанных общими воспоминаниями (например, встречи выпускниц слушательниц Педагогических курсов профессора Штумфа, слушателей Зарубежных Высших военно-научных курсов профессора Головина, участников Первого Кубанского похода под руководством генерала Корнилова, выпускников Павловского училища) и проводились в форме обычных банкетов, средства на которые собирались с участников мероприятия¹. Вторые имели благотворительный характер и имели форму «чая-концерта». Средства на благотворительные нужды (зимняя помощь нуждавшимся, пожилым и инвалидам из рядов русской эмиграции, развитие русских учебных заведений, улучшение питания и обновление одежды и обуви детей в русских интернатах и сиротском приюте) собирались Союзом русских женщин или Родительскими комитетами гимназии и кадетского корпуса. В этом случае принять участие приглашались все желающие, в зале у сцены устанавливались столики и обычные ряды стульев, к услугам посетителей был постоянно действующий буфет, а развлечения гарантировали приглашенные артисты, аттракционы и павильон гадалки. Доходы давала продажа мест за столиками, буфет (где напитки и продукты продавались по ценам значительно выше оптовых покупных), пожертвования при входе и по подписным листам, а также от лотереи и аттракционов².

Классические театральные и эстрадные представления были неотъемлемой стороной жизни Белградской колонии русских эмигрантов³. На подмостках театрального зала Русского дома в 1941–1944 году постоянно ставились драматические представления, а также отдельные балетные партии, оперные арии и эстрадные номера. Во втором военном и последнем русском эмигрантском театральном сезоне в Сербии 1943–1944 гг. зрители могли увидеть даже целые балетные и услышать некоторые пол-

¹ «Новый путь», 1943, №50, с. 4, № 53, с. 2, № 54, с. 4; «Русское дело», 1943, № 3, с. 6.

² «Русское дело», 1943, № 2, с. 6, № 3, с. 6, № 5, с. 6, № 7, с. 6, № 9, с. 4, № 22, с. 4, № 23, с. 4, № 24, с. 4, № 25, с. 4, № 28, с. 4.

³ Эта сторона русской культурной жизни Белграда описана у В.И. Косика Что мне до вас, мостовые Белграда? : Очерки о русской эмиграции в Белграде (1920–1950-е годы). Ч. 1. М., 2007.

ные оперные произведения из русской классики. Заслуженную гордость вызвали поставленные при участии Сербского народного театра с большим размахом, несмотря на материальные затруднения, «Евгений Онегин» и «Царская невеста»¹. Представления эти не были бесплатными, и доходы от них покрывали расходы русской труппы, которая даже платила с них налоги в сербский бюджет, от которых освобождались только благотворительные и ученические выступления². Выступавшие на подмостках Русского дома драматические актеры вели свою творческую «родословную» от выехавшей из России в 1919 году труппы Московского Художественного театра, причем накладываемые военными условиями ограничения на костюмы и scenicографию не мешали полету фантазии репертуарной комиссии, работавшей в широком спектре от Ибсена до Островского, и от Гамсона до забытых в наши дни любимцев русского дореволюционного театра Льва Николаевича Урванцова (1865–1929) и Александра Ивановича Косоротова (1868–1912)³. Руководил труппой Общества русских сценических деятелей в Сербии талантливый актер и режиссер Александр Филиппович Черепов (1892/1893 — 1946?)⁴. Деятельность Общества была столь успешна, что в июле 1943 года был объявлен конкурс для расширения труппы и привлечения «молодых сил... обоего пола»⁵. Кроме Общества русских сценических деятелей в Сербии, а также русских актеров оперы и балета из труппы Сербского народного театра с концертами (причем не только для военнослужащих, но и для гражданских членов русских колоний в провинции) с музыкальными номерами и юмористическими зарисовками выступал эстрадный ансамбль Русского корпуса «Веселый бункер» и его звезда Сергей Николаевич Франк. Публичные драматические представления регулярно организовывали и учащиеся русско-сербской белградской гимназии при поддержке Родительских комитетов и с благотворительными целями помочь «недостаточным ученицам и ученикам»⁶.

¹ Рубрика «Театр и искусство», а также «Хроника Белграда» присутствовала практически в каждом номере «Русского дела» и «Нового пути» и практически постоянно содержала анонсы новинок с подмостков Русского дома.

² «Новый путь», 1943, № 54, с. 4.

³ «Новый путь», 1943, № 58, с. 4; «Русское дело», 1943, № 11, с. 4.

⁴ Марковић О., Чолић Д. Александр Черепов и «Руско Драмско Позориште за Народ» // Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. Т. II. Београд, 1994, с. 136–137.

⁵ «Русское дело», 1943, № 6, с. 6.

⁶ «Русское дело», 1943, № 21, с. 4.

Еще одной формой творческого самовыражения русской эмиграции в годы войны оставались, как и в довоенные годы, художественные выставки. Крупные ежегодные выставки проводились летом 1942 и 1943 года в Павильоне «Цвета Зузорич» на Калемегдане¹. Организатором их был популярный в эмигрантской среде Югославии художник Сергей Иванович Кучинский (1886–1969). В проведении выставок активно участвовали талантливый художник русской эмиграции Степан Федорович Колесников (1879–1955), сценограф и костюмограф Ананий Алексеевич Вербицкий (1895–1974), скульптор Загороднюк, художники, архитекторы и декораторы И. Рык и Л. Рык-Ковалевская, художник В. Резников, художник-маринист А. Сосновский и др.

На первой выставке, открывшейся 2 августа 1942, было представлено 300 работ 24 авторов (С. Алисов, К. Антонова, О. Бенсон, А. Быковский, Г. Бояджиева, А. Вербицкий, О. Данилевич, В. Загороднюк, А. Золотарев, С. Колесников, О. Колб-Селецкая, С. Кучинский, С. Латышев, Б. Линевич, М. Орбельяни, Б. Резников, И. Рык, Л. Рык-Ковалевская, А. Сосновский, М. Хрисогонов, П. Челнокова, Б. Шаповалов, И. Шрамченко и Б. Юзепчук). Техника отличалась исключительным разнообразием: масло, гуашь, акварель, перо, карандаш, выжигание по дереву, мраморная и гипсовая скульптура. Хотя темы картин были достаточно нейтральны: пейзажи Сербии и Далматинского побережья (в основном, Белград и Дубровник), натюрморты, бытовые зарисовки, сюжеты из русской жизни, русские сказки, — выставка, безусловно, имела поддержку местных и оккупационных властей. На открытии среди прочих присутствовали министр просвещения в правительстве Милана Недича Велибор Йонич, военный комендант Белграда генерал-майор Адальберт Лончар, а открывал выставку начальник Русского бюро генерал В.В. Крейтер; в день закрытия на выставку прибыл шеф Исполнительного штаба военного коменданта Сербии бригаденфюрер СС Харальд Турнер², который «тепло

¹ О предвоенной истории этого эксклюзивного выставочного зала см. *Vučetić-Mladenović R. Evropa na Kalemeđdanu: Cvijeta Zuzorić i kulturni život Beograda 1918–1941*. Beograd, 2002.

² Генерал Турнер был виновен в ликвидации тысяч лиц еврейской национальности и организации печально известного концентрационного лагера Саймиште, где томились еврейские женщины и дети, собранные с территории оккупированной Сербии. См. подробнее *Manoschek Walter. «Serbien ist judenfrei»*, München, 1993.

общался» и «подробно разговаривал с каждым, участвовавшим в выставке художником». Несмотря на стоявшую жаркую погоду, выставка была продлена на неделю и вместо двух недель действовала все три недели до 23 августа 1942 года. Ее посетили свыше 3.000 человек (сербы, русские эмигранты, офицеры и солдаты оккупационных войск), которые не только платили за входные билеты, но и купили несколько картин¹.

Уже 26 ноября 1942 года Инициативная группа русских художников вновь собралась в буфете столовой Русского дома для планирования следующей выставки². На этот раз для участия в выставке предполагалось пригласить не только художников из Сербии, но и из Болгарии, и других сопредельных стран. Эта попытка «расширить» географические рамки в последний момент натолкнулась на непреодолимые препятствия и не удалось. В результате того, что сообщения о вынужденной редукции участников выставки пришли слишком поздно, в ней участвовало меньше работ (чуть более 200) и художников (18 авторов), чем в первый раз. Открытие выставки вновь привлекло высокопоставленных гостей из оккупационного аппарата, членов дипломатического корпуса и представителей сербского правительства. Выставка была открыта 20 июня и так же, как и предыдущая, была продлена на неделю. Художники не только продали большую часть своих работ, но и «получили заказы на новые портреты и пейзажи»³. Покупателей, очевидно, привлекали работы, чуждые «современному декадансу, развернутому эстетическому вкусу... в положении служанки абстрактным идеям». Художники, участвовавшие в выставке, к радости иностранных посетителей, относились к «не поклонившимся модернизму», т. е. работавшим в рамках, близких искусству Третьего рейха⁴.

Столь очевидный успех русских художников привел к тому, что было решено провести полугодовую выставку, не дожидаясь выставки 1944 года (которая, по понятным причинам, не состоялась). Ведущие русские художники в Сербии — Бояджиева, Вербицкий, Загороднюк, Золотарев, Ковалевская, Колесников, Колб-Селецкая, Кучинский, Рык, Сосновский, Хризогонов и Шрамченко предоставили свои картины для проведения 15 декабря 1943 года вечера художников, в ходе которого

¹ «Новый путь», 1942, № 25, с. 3, № 26, с. 3, № 27, с. 1, № 27, с. 3–4, № 28, с. 3, № 29, с. 3, № 30, с. 3.

² «Новый путь», 1942, № 42, с. 4.

³ «Новый путь», 1943, № 65, с. 4; «Русское дело», 1943, № 1, с. 6, № 02, с. 6, № 03, с. 6, № 04, с. 6, № 05, с. 06, № 06, с. 06.

⁴ «Русское дело» 1943, № 06, с. 04.

был организован аукцион и концерт русской музыки. Доход от выставки был потрачен на зимнюю помощь нуждающимся, больным и престарелым русского эмигрантского сообщества. Интересно сравнить, что доходы на благотворительность от выставки 1942 года составляли 6000 динаров, а от одного вечера русских художников 15 декабря 1943 года только чистых отчислений на благотворительность было 202.000 динаров¹! Вдохновленные успехом художники провели также и Новогоднюю выставку-продажу с 19 по 29 декабря 1943 года, камерную и негромкую, которой было суждено стать последней в Белграде выставкой «живых» русских художников-эмигрантов².

Способом сохранения и умножения собственного (само)сознания русской эмиграции как единой социальной группы, безусловно, были и такие учреждения культуры, как библиотеки. Хотя большинство русских колоний в Югославии имело свои библиотеки, настоящим кладезем русской книги за рубежом была Русская публичная библиотека, хранившаяся в Русском доме Императора Николая II. Отрицавшие в своем политическом экстремизме русское наследие в советской культуре эмигранты называли эту библиотеку «крупнейшим русским национальным книгохранилищем»³. Мы же, безусловно, можем назвать ее крупнейшим собранием русской книги в эмиграции. Расширение фонда и содержание библиотеки находилось на самофинансировании от абонементной платы. В годы войны в результате ликвидации ряда общественных организаций (Земгор, Союз русских писателей и др.), а также отъезда из Сербии на заработки в Германию ряда эмигрантских семей, оставлявших свои книги библиотеке, ее фонд еще более увеличился и превысил в 1942 году 100.000

¹ Это большая сумма, даже с учетом завышенного оккупационного курса (1 рейхсмарка = 20 динаров). В Белграде можно было снять комнату за 275 динаров в месяц, около 300 динаров в месяц хватало для экономного питания по карточкам одного человека. (ГАРФ Р7439, оп.1, д. 4., с. 552–572). Рядовой и сержантский состав Русского корпуса получал от 60 до 105, унтер-офицерский состав от 105 до 210, обер-офицерский от 210 до 430, штаб-офицерский от 400 до 800 РМ в месяц. (ГАРФ Р-6792, оп.2, д.68., с. 4.с. 97). Таким образом, самый дорогой лот — картина С.Ф. Колесникова «Сеятель» (136.000 динаров), стоил 6800 РМ, т. е. около годовой (!) зарплаты полковника Русского корпуса. Понятно, что в этих условиях основными покупателями были высшие чиновники и старшие офицеры оккупационных войск.

² «Русское дело» 1943, № 27, с. 04, № 28, с. 04, № 29, с. 04, № 30, с. 04.

³ «Новый путь», 1942, № 36, с. 3.

книг. В Русской публичной библиотеке трудились 15 сотрудников, ежемесячный оборот в 1942 году составлял 26.000 динаров, а в среднем в день библиотеку посещали 600 человек. Абонентская плата за книгу в довоенное время составляла 16 динаров, а в 1942 году возросла до 25 динаров. При этом число постоянных читателей составляло около 2.500 человек (напомним, что в годы войны число русских жителей Белграда было около 6.000 человек)¹. К лету 1944 года фонд Русской Публичной библиотеки в Белграде составил свыше 130.000 книг²...

С приходом на территорию Сербии советских войск и партизан Й.Б. Тито, русские эмигранты в Югославии исчезают как социальная группа, как источник политических воззрений и как когерентный культурный фактор. Число русских эмигрантов, оставшихся в Сербии после вступления на ее территорию советских войск и партизан Й. Броза (Тито), остается неясным. Определение относительного (от довоенной численности) и абсолютного числа оставшихся косвенно может помочь оценить политическую ориентацию эмигрантов в годы Второй мировой войны, а также уровень их поддержки различным сторонам в конфликте. Так, например В.И. Косик, опираясь на имеющуюся у него запись воспоминаний профессора Белградского университета и иподиакона Андрея Витальевича Тарасьева, считает, что «...вместе с немецко-фашистскими войсками покинула страну треть русских эмигрантов»³. Стало быть, должны были остаться две трети, т. е. около 14.000 (две трети от 20.000 — приблизительной численности русских в Сербии в 1941 году) — 18.000 тысяч (две трети от 27.150 — приблизительной численности русских в Королевстве Югославии в 1937). Вероятно, это мнение А.Ф. Тарасьева основывается на результатах переписи 1948 года⁴, согласно которым, только в Сербии в начале 1948 года оставалось 13.329 русских эмигрантов⁵.

¹ «Новый путь», 1942, № 36, с. 3, № 41, с. 4, № 42, с. 3; 1943, № 53, с. 4; «Русское дело», 1943, № 06, с. 06.

² Гибель русских зарубежных книгохранилищ в Югославии, Сеятель, Буэнос-Айрес, 1953, № 56, 57, 58; Качаки Ј. Руске избеглице у Краљевини СХС /Југославији. Библиографија радова 1920—1944. Покушај реконструкције, Београд, 2003, с. 49.

³ Косик В.И. Русская церковь в Югославии (1920—1940-е гг. XX в.). М., 1999. С. 165.

⁴ Konačni rezultati popisa stanovništva od 15.3.1948. god. Knj. IX. Stanovništvo po narodnosti. Beograd, SZN, 1954;

⁵ Результаты переписи 1948 года, не опубликованные в течение 6 лет, т. е. до момента проведения следующей переписи, и обрабатывавшиеся в условиях

С этими данными не совсем совпадает русская церковная статистика, согласно которой «русская церковь (на освобожденной до конца 1944 года территории Югославии, т. е. вся территория Сербии, где было сконцентрировано абсолютное большинство русских эмигрантов, оставшихся в Югославии после окончания Второй мировой войны — А.Т.) имела два прихода, два монастыря, 20 священников, 15 монахов, 32 монахини и около 3.000 верующих»¹. Согласно приведенным В.И. Косиком воспоминаниям протоиерея Владимира Алексеевича Мошина (1894–1987), в 1941 году в Сербии было около 80 священников², и если их число настолько сократилось к осени 1944 года (до 20), то можно предположить и резкое сокращение количества прихожан. Другой исследователь этой темы Тома Миленкович, исходя из ряда устных и письменных воспоминаний, считает, что «к середине сентября 1944 года Сербию покинуло большинство русских эмигрантов»³.

Данные, которые в своих воспоминаниях приводят «уехавшие» русские эмигранты (в частности, ветераны РОК-а), куда более осторожны: хотя «уехать могли все», уезжали далеко не все, хотя немцы предоставили им такую возможность⁴. Большинство оставшихся вскоре пожалели об этом, оказавшись в руках НКГБ после 1945 или УДБ после 1948. Показательна судьба проживавшей на квартире у о. Василия Тарасьева семьи генерала Бориса Ниловича Литвинова (1872 — после 1945-до 09. 1951), исследователя Туркестана, талантливого живописца и иконописца. На предложение офицеров РОК эвакуироваться Литвинов ответил, «что приход красных будет временным, что они никого не тронут, так как прошлое забыто, что вслед за ними придут англичане и король Петр...». Старик был вывезен в СССР СМЕРШ-ем З-го Украинского фронта и умер в лагерях, а его дочь-гимназистка оказалась в печальной известно

напряженных взаимоотношений с СССР (когда вопрос о численности и судьбе русских эмигрантов стал исключительно острым), претерпели, вероятно, определенную «политическую» коррекцию.

¹ Гласник СПЦ, бр. 10–12, 1944, стр. 91. Те же данные приводит в своей книге и В.И. Косик, опираясь при этом на рапорт настоятеля русской церкви Св. Троицы в Белграде Ивана (Иоанна) Ивановича Сокала (1883–1965), посланный в конце 1944 в Москву местоблюстителю патриаршего престола митрополиту Ленинградскому Алексию.

² Косик В.И. Русская церковь в Югославии (1920–1940-е гг. XX в.). М., 1999, С. 217.

³ Миленковић Т. Калмици у Србији, 1920–1944.. Београд, 1998.

⁴ Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–45 гг., СПб., 1999. С. 278.

белградской Главняче¹. Дожил до амнистии в лагере, а позже умер в нищете в СССР первый русский генерал авиации Вячеслав Матвеевич Ткачев (1885–1965). Погиб в СССР прославленный русский архитектор, успешно работавший в Югославии, Валерий Владимирович Сташевский (?–1945). Скончался в мордовских лагерях полковник Генерального штаба Роман Константинович Дрейлинг (1880–1945). Стоит отметить, что ни один из них к 1941 году не принимал активного участия в политической жизни...

События 1944–1948–1953 годов, казалось, полностью уничтожили следы общественной, культурной и политической жизнедеятельности русской эмигрантской колонии в 1921–1944 в Сербии и Югославии. Были разграблены и уничтожены книги² и имущество размещенных в Русском доме (доме Царя Николая II) русских гимназий, русского научного общества, русского театра и художественного ателье, а также других русских учреждений: начальных школ в Боре и Панчево, госпитале в Панчево, кадетского корпуса и девичьего института в Белой церкви, домов престарелых и интерната для гимназисток³. Были уничтожены и разграблены фонды Русской публичной библиотеки и других русских библиотек, насчитывающие десятки тысяч уникальных изданий⁴. Следам этим было суждено обновиться лишь спустя полвека, после трагического крушения самой Югославии и распада КПЮ-СКЮ.

¹ Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–45 гг., СПб, 1999. С. 280; Незабытые могилы. М., 2004. Т. 4. С. 177.

² Впрочем, «на поток и разорение осенью 1944 были оставлены не только русские эмигрантские культурные центры, но и сербская интеллигенция вообще. Согласно многочисленным воспоминаниям очевидцев, сохранившимся в архивах Сербии и в мемуарах «в Белграде в дни освобождения можно было увидеть постоянную картину того, как во многих квартирах товарищи жгут, уничтожают и разносят книги, картины, архивы» См. Наташа Миличевић. «Грађански орман за књиге» — културно наслеђе и обликовање новог идентитета српског друштва 1944–1950. Токови историје, 2006/3.

³ Как писал один из пионеров темы русской эмиграции в Сербии, работавший во второй половине прошлого века в Доме советской культуры в Белграде, «...одни книги были — к счастью — растащены, другим повезло меньше — сданы в макулатуру, сгорели вместе с комплектами газет и журналов в топке котельной Дома во время холодов». Косик В.И. Русская Сербия // Дорога домой. Выпуск ДД-59.2р. г. Бурлингейм, 2004, 1 марта.

⁴ Единственное, что чудом сохранилось, — это большая часть фонда библиотеки одной из русских колоний. Городская библиотека г. Панчево хранит около 4.000 томов из библиотеки местной русской колонии. Качаки Ј. Руске избеглице у Краљевини СХС / Југославији. Библиографија радова 1920–1944. Покушај реконструкције, Београд, 2003. С. 48–52.

II.
**МОНОГРАФИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

Латинка Перович

Институт новейшей истории Сербии

Белград, Сербия.

НАРОДНАЯ РАДИКАЛЬНАЯ ПАРТИЯ: УТВЕРЖДЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО, НАЦИОНАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА СЕРБСКОГО НАРОДА

Никто не привносит радикализм в наш народ со стороны. Напротив, он проистекает из обычного права, из самой действительности сербского общества. Но прежде всего он прорастает из сербской семейной задруги... корень сербского радикализма находится в самом народе, в его правовых понятиях и обычаях. За фасадом написанной конституции в нашем народе имеется неписаная конституция, основанная на обычаях, которая должна быть основанием первой, официальной.

«Сербский радикализм»,
Одек, 7 мая 1889 г.

Народная радикальная партия представляет собой одно из ключевых явлений в истории Сербии нового времени. Она излучает социальный и национальный коллективизм сербского народа. Первый основан на патриархальных установлениях сербского народа, сохранивших его под властью турок — задруге и общине; второй базируется на понимании сербского народа как единого организма. «Народная» по саморазумению и самоопределению, Народная радикальная партия олицетворяет политическое единство сербского народа. Этим его коллективизму сообщается тотальный характер.

Когда появляется Народная радикальная партия? Кто ее предшественники и вожди? Какие отношения между ними и как связаны руководство и массы? Что такое радикализм, каковы его источники? Как организованы радикалы? Наконец, что представляет собой наследство Народной радикальной партии?

Попытка ответить на упомянутые вопросы в одной работе слишком амбициозна. Можно было бы сказать, претенциозна. Но в настоя-

щей статье я суммирую результаты своих многолетних исследований¹. Кроме того, в работе я опираюсь на объемную историографию Народной радикальной партии: как на ту ее часть, преобладающую, которая сама вошла в «матрицу» партии, так и на тех авторов, которые рассматривали

¹ *Perović L.* Pera Todorović. Beograd, 1983; Srpski socijalisti 19. veka. Prilog istoriji socijalističke misli. I–3. Beograd, 1985 (1995); Srpski socijalisti i Timočka buna // Timočka buna 1883. i njen društvenopolitički značaj za Srbiju XIX veka. Beograd, 1986; *Todorović P.* Izabrani spisi. 1–2. Izabrala i priredila Latinka Perović. Beograd, 1986; *Petrović A.* Uspomene. Priredila Latinka Perović. Gornji Milanovac, 1988; *Cenić D.M.* Izabrani spisi. 1–2. Uvodna studija, izbor i komentari Latinka Perović. Beograd, 1988; Pisma Pere Todorovića i Dragiše Stanojevića Kralju Miljanu // Miscellanea. Knj. XX. Beograd, 1990; *Todorović P.* Krvava godina. Priredila Latinka Perović. Beograd, 1991; Mladi Nikola Pašić // Razvitetak. Br. 3–4. Zaječar, 1993; Srpsko-ruske revolucionarne veze. Prilozi za istoriju narodništva u Srbiji. Beograd, 1993; Rusija i Evropa N. J. Danilevskog i njeni odjeci u Srbiji // Republika. Januar 1994. Beograd; Politička elita i modernizacija u prvoj deceniji nezavisne srpske države // Srbija u modernizacijskim procesima XX veka. Beograd, 1994; Predgovor // Rovinski P. A. Zapis o Srbiji 1868–1869. Novi Sad, 1994; *Pašić N.P.* Pisma, članci i govor (1872–1891). Priredili Latinka Perović i Andrej Šemjakin. Beograd, 1995; Još jednom o Svetozaru Markoviću. Povodom 150 godina od rođenja // Tokovi istorije. Br. 1–2. Beograd, 1996; Autobiografija Milije Milovanovića // Kulturna istorija Svrlijiga. IV. Svrlijig, 1996; Politička elita i modernizacija u prvoj deceniji nezavisnosti srpske države (Zakon o ustavljavanju narodno-sanitetskog fonda i Zakon o čuvanju narodnog zdravlja 1879, 1881) // Tokovi istorije. Br. 1–2. Beograd, 1997; Svetozar Marković i skupštinska opozicija 1874. i 1875. godine // Život i delo Svetozara Markovića. Beograd, 1997; Nikola Pašić o Narodnoj radikalnoj partiji pre njenog formalnog organizovanja // Nikola Pašić. Život i delo. Beograd, 1997; *Todorović P.* Ogledalo. Zrake iz prošlosti. Priredila Latinka Perović. Beograd, 1997; *Todorović P.* Srpska stvar u Staroj Srbiji. Uspomene na kralja Milana. Priredila Latinka Perović. Beograd, 1997; Nikola Pašić u Narodnoj skupštini. 1–2. Priredila Latinka Perović. Beograd, 1997; Modernost i patrijarhalnost kroz prizmu državnih institucija. Viša ženska škola (1863–1913) // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. 2. Položaj žene kao ogledalo modernizacije. Beograd, 1998; Stojan Novaković o srpskom radikalizmu // Tokovi istorije. Br. 1–4. Beograd, 1998; Srpska levica u delu Slobodana Jovanovića // Slobodan Jovanović. Ličnost i delo. Beograd, 1998; Programi narodne demokratije u Srbiji // Tokovi istorije. Br. 1–2. Beograd, 1999; Delo Pere Todorovića kao istorijski izvor // Pera Todorović: zbornik rada. Uredila Vesna Matović. Beograd, 1999; *Todorović P.* Pisma. Ličnosti i ličnost. Priredila, uvodnu studiju i komentare napisala Latinka Perović. Beograd, 2000; Politička upotreba smrti opozicionog narodnog poslanika Adama Bogosavljevića. Postavljanje osnova za organizaciju Narodne radikalne stranke // Između anarhije i autokratije. Srpsko društvo na prelazima vekova (XIX–XXI). Beograd, 2006; Politički protivnik kao neprijatelj // Istorija i sećanje. Studija istorijske svesti. Odgovorna urednica Olga Manojlović-Pintar. Beograd, 2006. См. takođe: Između anarhije i autokratije. Srpsko društvo na prelazima vekova (XIX–XXI). Beograd, 2006; Srpska socijalistička levica i nacionalni interes // Između autoritarizma i demokratije. Knjiga III. Nacionalni i državni interes moderne Srbije. Urednici Dragica Vučadinović i Vladimir Goati. Beograd, 2008; Predgovor // Popović-Obradović O. Parlamentarizam u Srbiji 1903–1914. Beograd, 2007 (2-e izd.).

партию, как объект изучения¹. Данная партия занимала писавших о политике во второй половине XIX века и первой половине XX века, а на рубеже XX и XXI веков снова выплыла на поверхность и в реальной жизни, и в историографии². В равной мере она не обойдена вниманием тех, которые освещали историю конституционного строя и политических партий в Сербии³. Народной радикальной партии посвящено несколько специальных историй⁴. Изучена ее идеология⁵. Обширна литература о ее предтечах⁶ и лидерах⁷, причем некоторые из них оставили воспоми-

¹ В научном аппарате настоящей статьи указаны работы, содержащие также обзор предшествующей историографии партии, ее идеологии, руководителей и предвестников. Вместе с тем, чтобы облегчить читателю ознакомление с использованными мной многочисленными источниками, направляю его к своим работам, в которых они подробно указаны.

² Živanović Ž. Politička istorija Srbije u drugoj polovini XIX veka. I–4. Beograd, 1923–1925; Jovanović S. Vlada Milana Obrenovića. I–III. Beograd, 1933; Jovanović S. Vlada Aleksandra Obrenovića. I–III. Beograd, 1934, 1936; Istorija srpskog naroda. Od Berlinskog kongresa do ujedinjenja 1878–1918. VI–V2. Beograd, 1985.

³ Novaković S. Dvadeset godina ustavne borbe u Srbiji. Beograd, 1912; Prodanović J. Ustavni razvitak i ustavne borbe u Srbiji. Beograd, 1936; Prodanović J. Istorija političkih stranaka i struja u Srbiji. Beograd, 1946; Janković D. O političkim strankama u Srbiji XIX veka. Beograd, 1951; Janković D. Osvajanje parlamentarne demokratije. Političke stranke u Srbiji XIX veka. Beograd, 1997.

⁴ Ivić A. Istorija Radikalne stranke // Vreme. Beograd, 1928; Radenić A. Istorija Narodne radikalne stranke do Timočke bune. 1–2. Zaječar, 1988; Trifunović M. Istorija radikalne stranke (od postanka do 1903). Beograd, 1995; Nadoveza B. Istorija srpskog radikalizma od 1903. do 1941. godine // Zemunske novine. Nova serija. Avgust 1997. Zemun.

⁵ Protić M. St. Radikali u Srbiji. Ideje i pokret (1868–1891). Beograd, 1990; Шемякин А. Л. Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). Москва, 1998; Popović-Obradović O. O ideoološkom profilu radikala u Srbiji 1903–1914 // Tokovi istorije. Br. 1–2. Beograd, 1994.

⁶ Literatura o Svetozaru Markoviću // Perović L. Srpski socijalisti 19. veka. 2...; Petrović R. V. Adam Bogosavljević. Beograd, 1972 (далее цитируется второе издание: Beograd, 1998); Perović L. Politička upotreba smrti opozicionog narodnog poslanika Adama Bogosavljevića...

⁷ Todorović D. Narodni tribun Ranko Tajsić. Beograd, 1983; Perović L. Pera Todorović...; Kazimirović V. Nikola Pašić i njegovo doba (1845–1926). Beograd, 1990; Ignjić S. Narodni tribun prota Milan Đurić. Užice, 1992.

нания¹. Опубликованы исторические источники о личностях и событиях, памятных в истории Народной радикальной партии².

Множество исторических источников и более чем вековое их прочтение допускают концептуальную по характеру работу. Там, где источников мало, рассуждать можно бесконечно — здесь возникает и укрепляется миф. Если источники обильны, то возможны сжатые обзоры, обобщения и время от времени подведение баланса научных результатов. Подобные балансы обнажают суть исторического явления. С него спадает все случайное, утилитарное и эфемерное. При этом выясняется узость авторов в объяснении явления, происходящая из-за их растворения в исследуемом феномене. Как сказал бы один медиевист:

«Популяризация результатов исторической науки предполагает обобщение. Разумеется, чем больше сведений по некоторой проблеме, тем легче выйти из положения, тем удобнее ограничить эти результаты в пространстве и коротким промежутком времени. В противном случае обобщение затруднено или даже невозможно, а времени и пространства никогда не бывает достаточно»³.

1. Первая политическая партия в Сербии: идеология и организация

Двенадцатилетнее правление либералов (1868–1880 гг.) закончилось в октябре 1880 г. с уходом правительства Йована Ристича, одного из наместников после убийства князя Михаила и лидера либералов с

¹ Milošević R. Timočka buna 1883. Beograd, 1923; Pašić N. Moja politička isповест // Serbia i komentari. Beograd, 1989; Todorović P. Krvava godina...; Todorović P. Ogleđalo. Zrake iz prošlosti...; Todorović P. Srpska stvar u Staroj Srbiji. Uspomene na kralja Milana...

² Ilustrovani radikalni almanah. Građa za pedesetogodišnju istoriju Narodne radikalne stranke. 1–4. Beograd, 1925–1927; Timočka buna. Građa. 1–7. Beograd, 1955–1989; Krestić V., Ljušić R. Programi i statuti srpskih političkih stranaka do 1918. godine. Beograd, 1991; Pašić N.P. Pisma, članci i govor (1872–1891)...; Nikola Pašić u Narodnoj skupštini. 1–4. Priredili Latinka Perović, Dubravka Stojanović, Đorđe Stanković. Beograd, 1997–1998; Nikola Pašić i mitropolit Mihailo. Emigrantska prepiska 1884–1888. Priredio, uvodnu studiju i napomene napisao Andrej Šemjakin. Beograd, 2004.

³ Bubalo Đ. Pisana reč u svakodnevnom životu // Privatni život u srpskim zemljama srednjeg veka. Priredili Smilja Marjanović-Dušanić, Danica Popović. Beograd, 2004. S. 471.

1868 г. Главными их достижениями стали первая конституция страны (Конституция 1869 г.) и государственная независимость, полученная Сербией после войн 1876 г. и 1877 / 78 гг. на Берлинском конгрессе 1878 г. Уже 8 января 1881 г. вышла «Самоуправа», или «Самоуправление. Политическая, экономическая и литературная газета (орган Народной радикальной партии)». В первом номере «Самоуправы» была опубликована программа Народной радикальной партии¹.

Прежде чем появились печатный орган и партийная программа, группа депутатов Народной скупщины 1880 г., называвших себя радикалами, «известными ранее под именем социалистов», выделилась в особый скупшинский клуб. Повод для этого обособления, составляющий в самом деле *raison d'être* Народной радикальной партии, заключался в адресе Народной скупщины, поднесенном монарху. Он всегда содержал программу правительства. На этот раз программу правительства младоконсерватора, или напредняка Милана Пирочанца², получившего мандат от князя Милана после отставки Йована Ристича. Депутатское меньшинство отвергло адрес большинства из-за поворота во внешней политике Сербии: удаления от России и сближения с Австро-Венгрией.

В статье «Наша программа», опубликованной в первом номере «Самоуправы», определен характер программы, то есть партии: *практическая, а не теоретическая, безотлагательная, а не долгосрочная* программа. Недвусмысленны *альфа* и *омега* программы. Она «не выдумана в канцелярии, ее формировали люди из народа, народные депутаты в скупщине... опрошены крестьянин в гуне и опанках, народный священник, торговец, учитель³... программа утверждена общим договором, она ничья в отдельности, она наша вся, она наш символ веры»⁴. Однажды

¹ Krestić V., Ljušić R. Programi i statuti srpskih političkih stranaka...

² Perović L. Milan Piroćanac — zapadnjak u Srbiji XIX veka // Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka. 3. Uloga elita. Beograd, 2003; Piroćanac M. Beleške. Pridjela Suzana Rajić. Beograd, 2004.

³ Среди договаривающихся сторон отсутствуют только чиновники. Согласно главной цели Народной радикальной партии, народному государству, основанному на обычном праве и народном самоуправлении, чиновники были социально чуждый, а в политическом отношении чужестранный элемент. Недовольство Народной радикальной партии по отношению к Либеральной и Прогрессивной партиям король Милан объяснял тем фактом, что эти две партии составляли чиновники (*Todorović P. Srpska stvar u Staroj Srbiji. Uspomene na kralja Milana...* S. 108).

⁴ Krestić V., Ljušić R. Programi i statuti srpskih političkih stranaka... S. 108.

написанная и напечатанная в первом номере «Самоуправы», программа Народной радикальной партии осталась такой навсегда. Партия действовала в оппозиции и во власти, пережила раскол, в стране менялись конституции и династии, состоялись четыре войны, но программа партии не претерпела изменений. Ни один из этих факторов отдельно или в целом не повлиял на «сущность общественной философии, обусловившей появление партии»¹. Более того, первая критика изнутри (1901 г.) прозвучала с позиций защиты исконных принципов партии: экономического равенства и народного единства. Оба течения: «старорадикалы», поборники народнического социализма, и «независимые» («самосталци»), сторонники идей современных европейских левых (с конца 1904 г. две партии), были противниками капитализма и «опирались на ту же антииндивидуалистическую ментальность, из-за чего им всем была чужда и неприемлема либеральная политическая доктрина»².

Общественная философия радикалов — *радикализм* — представляет собой идеологию, своеобразную эсхатологию. Это обнаружил еще Слободан Йованович, которому его собственный национализм не позволил довести анализ феномена до конца. Потому он и критиковал больше *предшественников*, чем *вождей партии*³. Тонкое различие между *предтечами и вождями, лидерами и массой, идеалом и властью* проводил, ничуть не случайно, один из основателей сербской историографии Стоян Новакович.

В своем исследовании «Пера Тодорович» (1908 г.) Слободан Йованович утверждал, что Светозар Маркович и Пера Тодорович были «учениками русских социалистов-«шестидесятников», которых в каком-то смысле можно считать предтечами большевизма»⁴. У Марковича он находил как сходства, так и различия с большевиками, полагая, что последних больше. Тодорович же, согласно Слободану Йовановичу, оказался «ближе большевикам, чем Маркович»⁵.

Стоян Новакович составил обзор упомянутого исследования, но эта его рукопись увидела свет только девяноста лет спустя⁶. Новакович

¹ Popović-Obradović O. O ideoškom profilu radikala u Srbiji... S. 74.

² Ibid. S. 75.

³ Jovanović S. Svetozar Marković // Političke i pravne rasprave. I. Beograd, 1932; Jovanović S. Nikola Pašić // Serbia i komentari...

⁴ Jovanović S. Pera Todorović // Političke i pravne rasprave. I... S. 467.

⁵ Ibid. S. 410–411.

⁶ Perović L. Stojan Novaković o srpskom radikalizmu...

очерчивает эволюцию *радикализма*: инициаторы Народной радикальной партии, «столько, сколько их осталось», «сделались вождями», а за ними и их «испытанными сторонниками в народе» последовала «густая масса». Вместе с тем, «сами лидеры не были уже идеалистами, приверженцами Светозара Марковича и Перы Тодоровича, и их последователи не руководствовались этими именами. Но эта плотная многоголовая масса имела перед собой своих вождей. Борьба велась против власти, которую масса представляла себе совсем иначе, чем вожди, да и вожди только назывались так, цели же диктовали не они, а масса»¹. И когда после убийства последнего Обреновича 29 мая 1903 г. «обогатившаяся и умножившаяся толпа, наконец, достигла власти, из настоящих зачинателей и лидеров остались только составители мемуаров. Люди с идеалами давно покинули это сорище»². Однако обратимся к тому, что конспектировал Новакович.

«Радикальная партия», по Слободану Йовановичу, «стремилась стать своеобразным заговором, неким побратимством на всю жизнь или для смерти. Вступивший в партию порывал со всем миром и ополчался против него с тем, чтобы вернее служить партии». «Тодорович», продолжает Слободан Йованович, «отмечает, что радикализм показывал все признаки религиозного фанатизма, и ему требовалось немного, чтобы стать «мощной религиозной сектой», способной перешагнуть границы нашего государства и занять Балканы»³. Эту «религиозность», согласно Слободану Йовановичу, в партию привнесли ее основатели, которых он считал учениками русских нигилистов, предшественников большевиков. С точки зрения упомянутого автора, прежде всего, Пера Тодорович ответственен за дух сектантства, который пропитал партию. Так почему же эта «религиозность» была воспринята быстро, проникла глубоко и сохранялась так долго?

Социальный резонанс данной «религиозности» нашел отражение в организации партии. Статуты Народной радикальной партии, разработанные летом 1881 г. Перой Тодоровичем, были опубликованы в «Самоуправе» 1 января того же года⁴. В них запечатлена «религиозность». Устройство Народной радикальной партии базировалось на беззаветной

¹ Ibid. S. 330.

² Ibid.

³ Jovanović S. Vlada Milana Obrenovića. III... S. 7.

⁴ Perović L. Pera Todorović... S. 67–68.

преданности члена организации. Один орган продолжается другим: местный комитет — срезским, срезский — окружным, окружной — главным комитетом. Такая твердая вертикальная связка делала партию практически неуничтожимой¹. В отличие от программы статуты изменялись, но всегда с целью укрепить организацию и усилить единство партии².

Конституирование партии началось с создания местного комитета в Белграде 3 декабря 1881 г. После продолжилось «сетизация» Сербии местными подкомитетами. Ключевую роль в этом, помимо Перы Тодоровича³, играли оппозиционные народные депутаты. Объединившись с 1874 г. около Адама Богославевича, образованного крестьянина, жившего в селе⁴, они, особенно после 1878 г., окрепнув с избранием Николы Пашича народным депутатом⁵, составили твердую оппозицию правительству Йована Ристича, которое было обязано выполнить решения Берлинского трактата после достижения Сербией государственной независимости⁶.

¹ Королю Милану, верившему в мощь Главного комитета, возражал Пера Тодорович: «Главный комитет, Ваше Величество, может многое, очень многое, однако он не всесилен. И на “очень многое” он способен до тех пор, пока соответствует духу и традиции этой партии. Уклонившись в сторону, он растерял бы всю свою силу. Этого я и желал, разрабатывая партийные статуты: чтобы, оставшись без Главного комитета, партия без паники и в самый короткий срок сформировала новый Главный комитет» (*Todorović P. Srpska stvar u Staroj Srbiji. Uspomene na kralja Milana...* S. 186).

² Обосновывая изменения в статутах 1911 г., Настас Петрович говорил: «Статуты, в самом деле, большие, но это потому, что мы хотели также осветить процедуры партийных дел, чтобы достигнуть единообразия в работе и обеспечить крепкую партийную дисциплину» (*Krestić V., Ljušić R. Programi i statuti srpskih političkih stranaka...* S. 406).

³ Организуя локальные подкомитеты, Тодорович за 42 дня обошел 43 населенных пункта (*Perović L. Pera Todorović...* S. 70).

⁴ *Perović L. Politička upotreba smrti opozicionog narodnog poslanika Adama Bogosavljevića...*

⁵ *Nikola Pašić u Narodnoj skupštini. I...*

⁶ «Одно то, что наиболее выдающиеся члены этой группы происходили из разных областей Сербии, сделало их деятельность, позицию, поведение и требования известными всей Сербии. Адама (Богославевича) поддержала Крайина, Ранко (Тайсича) — Драгачево и Чачакский край. Милия Милованович воодушевил Тамнаву, Димитрие Катич — Ресаву, Милош Глишич... распространял свое влияние на Валево и Колубару» (*Todorović D. Narodni tribun Ranko Tajsic...* S. 54).

Печатные протоколы и расписки, служившие также членскими билетами, способствовали массовому вступлению в Народную радикальную партию крестьян — 9/10 населения. «Радикалы», полагал Слободан Йованович, «свершили одно историческое дело. Они первыми организовали крестьянскую массу в политическую партию»¹. Дело если не не обратимое, то в любом случае долговременное.

Осенью 1883 г. в Сербии имелось 60 местных подкомитетов и тысячи-тысячи членов Народной радикальной партии². Отныне даже монарх не был ее партнером, не говоря уже о какой-то другой политической партии. Организация партии было завершена на Всеобщей скупщине, состоявшейся в Илиине-Воде под Крагуевацем 26–28 июля 1882 г.: 600 народных делегатов из Сербии приняли программу и статуты партии, а также избрали Главный комитет. Основополагающие документы партии представил на Всеобщей скупщине и был там главным докладчиком Пера Тодорович³. Председателем Главного комитета был избран Никола Пашич, чтобы оставаться на этом посту полных 45 лет от основания партии до своей смерти (1881–1926).

Политическое течение, именовавшее само себя и известное в Сербии и за ее пределами, как социалисты, радикалы, «комунци», выделившееся из Объединенной омладины сербской в 1866 г.⁴ отливвшись в положения партийного устава, приняло крепкие организационные формы и стало первой в Сербии политической партией. Вместе с тем, ее появление ускорило организационное оформление и двух других политических течений в Сербии⁵.

Консерваторы, младоконсерваторы, напредняки, как их называли и как они назывались сами, основали осенью 1881 г. Сербскую прогрессивную партию⁶. Ее основателями были образованные люди, возлагавшие

¹ Jovanović S. Vlada Milana Obrenovića. III... S. 3.

² Todorović P. Srpska stvar u Staroj Srbiji. Uspomene na kralja Milana... S. 185–186.

³ «Эта речь — шедевр в своем роде — одно из наиболее демагогических выступлений в нашей истории, никогда не оскудевавшей демагогическими заявлениями... Он (Пера Тодорович), в сущности только выдающийся партийный руководитель, журналист, агитатор, снискал тогда высшую для партийного деятеля награду: увидеть себя во главе многочисленных и воодушевленных партийных бойцов» (Jovanović S. Pera Todorović... S. 333).

⁴ Perović L. Srpski socijalisti 19. veka. 1–2...

⁵ Perović L. Srpski socijalisti 19. veka. 3...

⁶ Положения о партии были одобрены 30 октября 1881 г. (Krestić V., Ljušić R. Programi i statuti... S. 111).

большие надежды на вернувшегося из Европы князя Милана. Продолжить его политику создания современного государства их побуждало особенно обретение государственной независимости в 1878 г. Программную ориентацию партии Стоян Новакович, составлявший вместе с Милутином Гарашанином и Миланом Пирочанацем ее костяк, изложил в одном из писем в конце 1879 г., то есть накануне выхода вестника группы, газеты «Видело» («Светоч»), первый номер которой датирован 1 января 1880 г.

Стоян Новакович писал, что «Видело» будет «органом новой борьбы за исправление нашего внутреннего положения и не в меньшей степени органом партии, самостоятельной во внешнеполитических вопросах... Молодые и вообще активные элементы из так называемых “консервативной” и “либеральной” партий сплотились вокруг программы, которая представит общественности “Видело”. Главной задачей будет бороться против псевдо-либерализма и за настоящую деятельность по утверждению современных, подлинно либеральных и государственных принципов» (курсив мой — Л. П.)¹.

В газете «Видело», в программе партии и программе своего первого правительства напредняки повторяли, как символ веры: «Закон, свобода, прогресс — вот три цвета развернутого нами знамени, три нераздельных основы подлинной конституционности»².

Отвергая изоляцию страны, ее «одиночество на международной арене», напредняки выступали за «братские связи в большой семье славянских народов» и за взаимность «с остальными соседями». Они подчеркивали, что их взгляды «на международную жизнь, законопослушность, добросовестность в работе и твердое желание общего прогресса» соотносятся с высокоценимой ими цивилизацией «европейских народов»³.

Критикуя «псевдо-либерализм», иначе говоря, либералов 1868 г. и их двенадцатилетнее правление, напредняки принимали тактический союз с социалистами, то есть радикалами, в борьбе против общего врага. То же делали вторые: Никола Пашич через газету «Видело» подготовил создание Народной радикальной партии⁴. После отставки правительства Йована Ристича они разошлись, но не столько из-за распределения власти, как считалось в историографии, сколько потому, что их пути были

¹ Ibid. S. 109.

² Ibid. S. 107.

³ Ibid. S. 107.

⁴ Perović L. Nikola Pašić o Radikalnoj partiji pre njenog formalnog organizovanja...

в корне различными. Вследствие роли, которую играл король Милан (Сербия стала королевством в 1882 г.) в конфликтах между радикалами и напредняками, историография персонализировала это противостояние в той мере, которая не позволяла разобраться в его сути.

Будучи просвещенным абсолютистом, король Милан отвергал представительскую демократию и вовсе не приветствовал само существование политических партий в Сербии. Однако перед лицом задач, стоявших перед Сербией после Берлинского конгресса, который поставил страну перед выбором во внешней и внутренней политике, под натиском радикализма, король Милан сблизился с напредняками. Последних же записали в придворную партию, хотя объективно они не солидаризировались с политикой короля Милана, во всяком случае, с образом его политических действий¹. В вопросах внешней и внутренней политики король Милан и Народная радикальная партия были, в самом деле, «двумя непримиримыми противоположностями», «двумя полюсами»². Каждая сторона этого конфликта оставила немало доказательств невозможности мирного сосуществования³. Однако историографическая интерпретация антагонизма поддерживала сторону победителей — радикалов и династию Карагеоргиевичей. Вместо анализа противоречий историки сами приняли участие в противостоянии. По сути, конфликт был неновым, новыми были только его персонализации. Историография, действительно, размышляла о непреодолимости конфликта, но и сама по-своему способствовала этой непреодолимости.

Наконец, политическое течение, которое называлось и его называли либералами, хоть и заявляло о том, что они наследники старейшей политической традиции в Сербии (1848, 1858, 1868 гг.), последним организовалось в политическую партию. Позволив опередить себя радикалам и напреднякам, либералы сначала создали Дружину для помощи сербской литературе⁴. Стали издавать газету «Srpska nezavisnost» («Сербская независимость»), первый номер которой вышел 1 октября 1881 г. Передвица без заголовка представила программу, а в отдельной статье читатели узнали о том, что газета отражает «направление и принципы Народной либеральной партии»⁵.

¹ Piroćanac M. Beleške...

² Todorović P. Srpska stvar u Staroj Srbiji. Uspomene na kralja Milana...

³ Kralj Milan i Radikalna stranka / / Todorović P. Srpska stvar u Staroj Srbiji. Uspomene na kralja Milana...

⁴ На собрании в Белградской читальне 17 сентября 1881 г. 74 либерала образовали Дружину для помощи сербской литературе и избрали ее правление.

⁵ Krestić V., Ljušić R. Programi i statuti... S. 48.

Долго находившиеся у власти либералы отвергали *поспешность* и выход на арену демагогической агитации, выступая за *постепенность*. На главном собрании Дружины для помощи сербской литературе 17 октября 1882 г. Йован Ристич выдвинул лозунг *laboramus* (работаем). Несомненно, имея в виду отставку своего правительства в связи с Торговым договором с Австрией, который он считал невыгодным для Сербии, Ристич добавил: «Не только государства и отдельные люди, но и партии и общества не могут проявлять равнодушие в вопросе достоинства»¹.

Политику либералов определяли две цели. Первая: «освобождение и объединение раздробленных сербских земель». Второе: «найти значительные и твердые основания, в соответствии с которыми все источники благосостояния народного в Сербии разумно и естественно, в согласии с историческими фактами возделывались и использовались бы для умножения умственного и природного богатства в целом, чтобы укрепить целостность и обеспечить будущее народа»².

Указанным целям либералы остались верны. В связи с принятием программы 1888 г. они вполне обоснованно утверждали, что она «никакая не новость»³.

Ни напредняки, ни радикалы не терпели *постепенности* либералов. Для первых она была «псевдо-либерализмом», для вторых все же либерализмом. Но национальная программа либералов, опиравшихся на Россию, представляла собой основу, на которой оставалось достичимым соглашение с ними⁴. Во внешней политике напредняков, полагавшихся на Австрию, радикалы видели предательство *косовского предания* и *заповедных целей* сербского народа, делающее соглашение с ними невозможным. Когда же в 1901 г. такое соглашение («слияние») состоялось, оно вызвало в партии потрясение, следствием которого стал ее раскол⁵.

¹ Ibid. S. 126.

² Ibid. S. 121.

³ Представляя эту программу, как и все предыдущие, Йован Ристич подчеркнул: «Господа! Народная идея, народная православная церковь, полная конституционность, мудрое и честное государственное хозяйствование — вот четыре столпа нашего народно-либерального здания, подчиняющие себе все остальные потребности. Этих неизменных принципов нашей программы может коснуться время, ограничив или исключив их приложение, но они всегда останутся надежнейшей основой нашего движения вперед и нашего патриотизма» (Ibid. S. 170).

⁴ Соглашение между Народной радикальной партией и Народной либеральной партией на Вербное воскресение 1886 г. (Ibid.).

⁵ Samostalna radikalna stranka. Načela, Program, Statut // Ibid.

2. Основоположники: Светозар Маркович и Адам Богосавлевич

Руководители, последователи и противники Народной радикальной партии, а впоследствии многие ее историографы считали ее партией «критики всего существующего», имеющей цель «подорвать основы нынешней (т. е. тогдашней — Л. П.) общественной системы — революционной партией»¹. Большинство их полагало, что история Народной радикальной партии в действительности начинается прежде ее формальной организации — с расколом в Объединенной омладине сербской на либералов (политические свободы) и социалистов (общественная проблема, или «вопрос о хлебе»), а также с критикой Конституции 1869 г.²

Основателями Народной радикальной партии считались Светозар Маркович и Адам Богосавлевич³. Они действовали в одно время и согласованно⁴. Их вклад, тем не менее, различался. Светозар Маркович был *предтечей* или, как выразился бы Стоян Новакович, *двигателем*, а для Йована Скерлича *сеятелем идей*. Представляя эти идеи в Народной скупщине в качестве народного депутата, Адам Богосавлевич упростил их и сделал понятными крестьянину. В сущности, он свел их к тому, что для Светозара Марковича было лишь введением. Однако, такое разделение ролей не предусматривалось: перед нами два уровня и, не различая их, нельзя понять особое место Светозара Марковича в сербской истории.

Деятельность Светозара Марковича, больше столетия привлекающая историков, философов, экономистов, социологов, политологов, педагогов, укладывается в одно десятилетие. Будучи государственным стипендиатом, Маркович в 1866 г. уехал в Россию и поступил в Петербургский институт инженеров путей сообщения. Время, когда он приехал в Россию, было для этой страны переходным, а для Марковича поворотным.

Реформы, проведенные в России в начале шестидесятых годов (1861 г.), были частичными. Движение за освобождение крестьян, рассчитывавшее на революцию, испытывало репрессии. Его идеолог, Н. Г. Чернышевский в

¹ Perović L. Nikola Pašić o Radikalnoj partiji pre njenog formalnog organizovanja... S. 58.

² Ibid.

³ Ibid.; Govor Nikole Pašića u Zaječaru / / Pašić N.P. Pisma, članci i govor... S. 331; Perović L. Politička upotreba smrti... S. 113.

⁴ Perović L. Svetozar Marković i skupštinska opozicija 1874. i 1875. godine...

1862 г. был арестован, а в 1864 г. осужден на семь лет тюремного заключения и пожизненную ссылку в Сибирь. В тайных революционных кружках, с которыми поддерживал контакт Маркович, Чернышевский считался учителем с ореолом мученичества. Сам Маркович признавал Чернышевского самым значительным реформатором XIX в., главным образом, из-за двух его идей: возможность исключить исторические этапы, то есть не повторять путь развития западноевропейских народов, миновать капитализм и разделение народа на классы и сословия, а также всеобъемлющий характер реформы, «охватывающей всех людей и общество в целом — семью, общину, государство, все основные понятия о религии, собственности, воспитании, политике, народности и т. д.»¹.

В этих идеях Маркович отыскал формулу развития собственного народа, которое не покушалось бы на его патриархальную сущность. Однако если Богославлевич очистил концепцию Марковича от альтруизма, сам Маркович принял учение Чернышевского без его философского контекста, акцентируя внимание на *действии*.

Интересуясь революционным движением в Европе и размахом репрессий в России, Маркович весной 1869 г. уехал в Цюрих. Там он застал группу сербских студентов, которые имели свое объединение «Задруга»² и, что важно, — многочисленную русскую революционную эмиграцию, к которой сербские студенты тяготели больше всего³. Не учитывая внутренние течения русской революционной эмиграции и их воздействие, невозможно будет понять и объяснить удовлетворительным образом идеи Марковича, сербский социализм и радикализм⁴.

В русской революционной эмиграции существовали три течения. Каждое из них находила отклик и имела приверженцев среди сербских студентов в Цюрихе. *Анархисты* (М.А. Бакунин), полагавшие народ инстинктивным революционером, всегда готовым для революции: надо *идти*

¹ Perović L. Srpski socijalisti 19. veka. 2... S. 176–177.

² Объединение сербских студентов в России называлось «Община».

³ О русской революционной эмиграции написано достаточно. См. недавнее и наиболее исчерпывающее до настоящего времени издание: Шишкин М. Русская Швейцария — литературно-исторический путеводитель. М., 2006.

⁴ Perović L. Ruski blankizam i jakobinizam // Planirana revolucija. Beograd, Zagreb, 1988; Rodonačelnik ruskog socijalizma // Herzen A. Ruski narod i socijalizam. Podgorica, 1999; Petar Lavrović Lavrov // Lavrov P. Istorijksa pisma. Podgorica, 2000; Petar Aleksejević Kropotkin // Kropotkin P. Etika. Podgorica, 2004; Mihail Aleksandrović Bakunjin // Bakunjin M. Državnost i anarhija. Podgorica, 2008.

в народ, чтобы у него учиться. Якобинцы и бланкисты (П.Н. Ткачев, С.Г. Нечаев), согласно которым крепко организованное революционное меньшинство захватывает власть благодаря политической революции и с помощью власти совершают социальную революцию в интересах народа. Наконец, прогрессисты, эволюционисты, постепенцы, народники, как они все уже назывались (П.Л. Лавров), призывающие революционную молодежь *йти в народ*. Однако, в отличие от анархистов, с целью принести в народ знание и сознательность, подготовить его к революции. Для них, в отличие от якобинцев и бланкистов, революция — всегда дело народа — от подготовки до совершения. Но *spiritus movens* — революционная партия.

С этой третьей группой сербские социалисты имели самые тесные контакты¹. Она оказалась Светозару Марковичу ближе всех. Вместе со своими последователями он обязан Петру Лаврову концепцией революционной народной партии, которую тот изложил в известных «Исторических письмах», — Маркович знал о них, находясь еще в России. По этой концепции, революционная народная партия воплощает в себе единство «критически мыслящих личностей» и народа. Сторонник партии соотносится с партией, как орган с организмом. Противник партии, прежде всего, поборник либерализма, — ее враг, и по отношению к нему допустимы любые средства.

Чтобы народ поднялся, ему, полагал Маркович, должен быть известен облик нового общества. Просветить народ может движущее меньшинство, «которое располагает народным доверием и которое настолько сильно и способно, что в состоянии направить народное движение, устроить революцию и утвердить устойчивый путь общественного преображения»². Это меньшинство состоит из «подлинно образованных людей, а не шарлатанов», из тех, которые «выросли на “кукурузе”», которым «совсем невозможно» отделить свои интересы от «интересов народа»³. Нет никаких сомнений, что в этом движущем меньшинстве, соли народа, Маркович и его ученики узнали себя.

Из-за своей статьи «Сербские обманы», в которой критиковалась Конституция 1869 г., Маркович потерял государственную стипендию

¹ Perović L. Saradnja srpskih socijalista u glasilu ruske revolucionarne emigracije «Vpered!» od 1875. do 1877. godine // Srpsko-ruske revolucionarne veze. Prilozi za istoriju narodnjaštva u Srbiji...

² Perović L. Srpski socijalisti 19. veka. 2... S. 188.

³ Perović L. Srpski socijalisti 19. veka. 3... S. 22.

и был вынужден в 1870 г. вернуться в Сербию. Начался лихорадочный пятилетний период, последний в двадцатидевятилетней жизни Марковича. Одна за другой выходили газеты: «Раденик» («Труженик», 1871), «Явност» («Общество», 1873), «Глас явности» («Голос общества», 1874), журнал «Рад» («Труд», 1874) и завершающая этот ряд газета «Ослободжене» («Освобождение», 1875). В то же время Маркович пытался основать производственные и потребительские задруги и участвовал в подготовке общебалканского восстания¹.

Газеты подвергались цензуре и запрещались. Чтобы избежать наказания за «преступные публикации», Маркович в 1872 г. эмигрировал в Нови Сад². Там появилась его программная работа «Сербия на Востоке». Вернувшись в 1873 г. в Сербию, он был приговорен к тюремному заключению. Чуть ли не из пожаревацкой тюрьмы уехал на лечение в Триест, чтобы уже не вернуться оттуда. Никогда не отступался от своих идеалов. Как выразилась Исидора Секулич, он был одним из тех, которые «не раздумывают, если решили... и не смежают веки, пока не умрут»³.

Светозар Маркович был знаком с важнейшими социалистическими учениями в Западной Европе (Сен-Симон, Фурье, Луи Блан, Прудон, Лассаль, Маркс). По крайней мере, с той их сущностью, к которой они могли быть сведены с политической точки зрения и в аспекте действия. Потому более ста лет пытались установить, чье влияние на Светозара Марковича преобладало и кем в действительности он был: социалистом, социалистом-утопистом, аграрным социалистом, революционным демократом, марксистом. От этого зависело, чьим предшественником он считался: радикалов, социальных революционеров, социал-демократов, коммунистов. По-разному определялась эволюция Марковича: от либерала к социалисту, от социального утописта и революционного демократа к марксисту. У Марковича, однако, наблюдалась только одна эволюция — та, которая знаменовала его разрыв с «сербиянскими» либералами в 1869 г. Вся его деятельность затем протекала в борьбе против либерализма, который в Сербии едва начал формироваться. В поле-

¹ Vojvodić V. Spomenica Miletićeve «Srpske narodne slobodoumne stranke» i «Glavnog odbora za srpsko oslobođenje» Kneževskom namesništvu u Srbiji o dizanju ustanka na Balkanu 1872. godine // Svetozar Marković. Život i delo. Beograd, 1977.

² Miutinović K. Svetozar Marković u Novom Sadu // Istraživanja. IV. Novi Sad, 1975.

³ Perović L. Srpski socijalisti 19. veka. 2... S. 58.

мике с Владимиром Йовановичем, родоначальником либеральных идей в Сербии, и Драгишей Станоевичем, который, хоть и не был либералом, достаточно знал об этом направлении, чтобы утверждать, что в Сербии его не существует, Маркович развивал учение о единстве социальной и национальной революции. Произвольной интерпретации этого учения удастся избежать, если только поместить его в собственный исторический контекст.

Социалистические учения в Западной Европе были реакцией на индустриальную революцию и предполагали социальную революцию по образцу французской. Вместе с тем, субъект революции был новым: вместо третьего сословия, революционной буржуазии — четвертое, промышленный пролетариат. Кроме того, после франко-пруссской войны и поражения Парижской коммуны, в противовес растущему пангерманизму возникает, славянский вопрос¹. Эта ситуация в интеллигенции России — сильно отстающей страны — вызвала идею неповторения западноевропейского пути и ускорения истории революционным путем. Новые принципы: коллективная собственность, объединение, солидарность, прокламировавшиеся социалистическими учениями, присутствовали в русском *мире, артели и общине*, или в сербской *задруге и общине*. Отсталость подавалась как преимущество, как возможность избежать разделения общества на классы, эксплуатации, пролетаризации народа в целом. Те, которые приходят последними, писал Герцен, не кости, но костный мозг. Свет приходит с Востока².

Принимая во внимание причины и последствия общественно-политической борьбы в Западной Европе, Маркович ратовал не только за изучение состояния Сербии, но и за ориентацию ее развития в направлении общества, основанного на принципах *новой науки* — социализма. Он осознавал громадное отставание: «Наш экономический строй, просвещение, гражданское и политическое устройство относятся к самым несовершенным в Европе»³. Но из этого факта Маркович не заключает, что отставание необходимо уменьшить, заимствуя основные начала западноевропейского общества. Напротив, в критике этого общества, осуществленной революционными учениями в Западной Европе, он усматривал аргумент в пользу того, что Сербия должна не повторять путь, пройденный Западной Европой, но принять европейские достижения. Обратное означало бы для него и его русских учителей новое отставание.

¹ Bakunjin M. Državnost i anarhija...

² Herzen A. Ruski narod i socijalizam... S. 55–56.

³ Perović L. Srpski socijalisti 19. veka. 2... S. 304.

«Наша задача», писал Маркович в 1873 г., «не уничтожить капиталистическое хозяйство, которого в действительности и не существует, но преобразовать малую патриархальную собственность в коллективную и таким образом миновать целую историческую эпоху экономического развития — эпоху капиталистического хозяйства... из этого главного пункта мы исходили, организуя нашу социалистическую работу в Сербии, где в основном и действовали»¹.

Принципу частной собственности, как основанию свободы личности, Маркович противопоставил объединение труда и коллективную собственность, как условие ликвидации эксплуатации и основу свободы. Отсюда соответствующее понимание государства: современному государству, отделенному от общества и имеющему исключительно политическую функцию, противополагалось народное государство, которое есть «не что иное, как упорядоченное общество». Народное государство базируется на принципе суверенитета народа, а внутреннее устройство различных учреждений и государственных органов — на принципах самоуправления (децентрализации) и выборности. Народ должен заботиться о том, чтобы каждый член общества был одновременно производителем, поэтому он должен постараться избавиться от всех идеологических сословий в обществе: судей, законодателей, адвокатов, а также от полиции и армии. Каждый гражданин будет защитником страны и порядка, а с распространением образования труженик-производитель сможет исполнять и те обязанности, которые сегодня находятся в ведении «специалистов» из идеологических сословий². Конечная цель подобного государства — упразднить разделение на тех, которые правят, и тех, которыми управляют. Но такое преобразование невозможно во всем мире одновременно и, с точки зрения внешней политики, государство сохраняется. Только с переустройством общества в ряде государств, осуществленным разными средствами и путями, возникнут основания для исчезновения границ.

По Марковичу, «один из существеннейших поворотов в умственном развитии народа, вызванный первой сербской революцией, это, бесспорно, следующая революционная мысль подчиненной райи — *создать сербское народное государство, объединяющее весь сербский народ*. Эта мысль прозвучала впервые в революционное время, после сербской катастрофы»³. Мысль эта не отпускает Марковича. Однако она при-

¹ Ibid. S. 301.

² Ibid.

³ Ibid. S. 328.

нуждает его к двойному определению. Современные социалистические учения заняты не национальным, но социальным вопросом. Маркович связывает их и решение одной проблемы обуславливает решением другой. В Сербии он возражает против великодержавной идеи восстановить средневековое государство. Его критика великодержавной идеологии вызвала кризис сербского национализма, считает Слободан Йованович¹. Отвергая легитимистское решение сербского вопроса, Маркович пришел к революционной идее *союзного устройства* — федерации балканских и южнославянских народов, как решению для исторически разделенного сербского народа, живущего смешанно с другими народами. Соединительной тканью этой федерации были бы единые экономические и политические отношения. Те, которые Маркович в качестве новейших обнаружил в *древнейших*.

Идеи Марковича подхватила молодежь, но первый широкий резонанс они получили в Народной скупщине, в группе оппозиционных народных депутатов во главе с Адамом Богосавлевичем. Не сдав заключительные экзамены на философском факультете Великой школы в Белграде, Адам Богосавлевич возвратился в село. Ученый человек среди безграмотных крестьян, он стал первым *народником* в Сербии в том смысле, в котором это понятие относилось к российским интеллигентам, отправившимся в 1873 г. «в народ», чтобы подготовить его к революции. Образцовое хозяйство, сотрудничество в газете «Тежак» («Земледелец»), образование, выделявшее его среди крестьян, проложили Адаму Богосавлевичу дорогу в Народную скупщину.

Газеты Марковича, особенно последняя — «Ослободжене», как и те, которые после его смерти не отступили от его идей — «Старо ослободжене», приносили большую известность скупщинской оппозиции. Это была деятельность в одном направлении. Оппозиционная работа Адама Богосавлевича, действовавшего *из народа, в окружении народных посланников*, возвращавшихся после заседаний в Скупщине *в народ*, находило широкий отклик и способствовала политизации сельских масс.

Не будь Богосавлевича, полагал Слободан Йованович, влияние Светозара Марковича было бы невелико². Идеологию народного государства, прототип которого сербская задруга, обосновал Светозар Маркович, но ее, в редуцированной форме, распространил через Народную скупщину Адам Богосавлевич. Учение Марковича, как и русский соци-

¹ Perović L. Srpska socijalistička levica i nacionalni interes...

² Jovanović S. Vlada Milana Obrenovića. I... S. 398.

ализм, возникло с учетом революционных учений в Западной Европе, и в нем присутствовал альтруизм. Деятельность Адама Богословича была направлена против всего, что приходило из Западной Европы: техники, просвещения, искусства, международного права, дипломатии, и была пронизана неприятием и демагогией: «Сбросим сегодня опасные путы и оковы западных формальностей, которые стянули и сдавили дух и характер сербского народа...»¹.

Слободан Йованович верно определил обстановку, в которой разыгрывалась драма сербского общества XIX в.: «Наше экономическое развитие шло крайне медленно; нужды государственной организации росли со скоростью, присущей современному государству»². Эти нужды могли быть удовлетворены двумя способами — из собственных источников и при помощи иностранного капитала. Идеология народного государства исключала оба. Новая нагрузка на небогатый сельский люд обуславливала еще большую бедность. Вместе с тем, Сербия опасалась открыть двери для иностранного капитала: вдруг под его влиянием сербский народ превратится в какой-нибудь другой народ, с которым страна удалится от исполнения заветных целей — освобождения и объединения сербов. На этой основе образовалась национально-социалистическая, державно-социалистическая формула: *сербизм = социализм*³. Иначе говоря, идеология народного государства всего сербского народа, как большой задруги, организующей производство и обеспечивающей справедливое распределение. Его политическое выражение — народное самоуправление.

Исповедуя идею народного государства, Адам Богослович сопротивлялся любому шагу в модернизации Сербии. Он был против всякого закона, который способствовал сословному делению и против любого института, в котором отражалось народное неравенство. Из-за обязательств, вытекавших для Сербии из Берлинского трактата, скупщинская оппозиция была против утверждения самого трактата, хоть это и представляло собой условие предоставления независимости. Понадобилось огромное усилие, чтобы народные депутаты убедились, что государственная самостоятельность — историческое достижение, имеющее фундаментальное значение.

¹ Perović L. Programi narodne demokratije u Srbiji druge polovine XIX veka... // Između anarhije i autokratije... S. 87.

² Ibid.

³ Perović L. Kritika liberalizma (Dragiša Stanojević) // Srpski socijalisti 19. veka. I...

Борьба, которую вел Адам Богославич, имела, как заметил Слободан Йованович, черты классовой. Крестьянам, классу, интересы которого он защищал, нужно было найти противника. Так как этот класс составлял 9/10 населения, основной враг был распознан в бюрократии, в чиновниках, то есть в нуждающемся в них государстве¹. Сам Адам Богославич был зажиточным крестьянином и претендовал на государственную должность². Но оппозиция в Скупщине, которую он возглавлял, называла себя радикальной партией, то есть, меняющей все в корне, еще раньше, чем под этим именем была создана партия. Так Адама Богославича видели и князь Милан, и либеральное правительство, и иностранные дипломаты. Так писала о нем «Вперед!», газета русской революционной эмиграции, тесно связанная с сербскими социалистами³.

И для монарха, и для правительства лидер скупщинской оппозиции был опасным противником: во время восстания в Боснии и Герцеговине (1875), накануне сербско-турецкой войны (1876), но особенно после достижения государственной независимости (1878), когда он в любом поступке власти усматривал наступление на народное, крестьянское государство. Режим оказался перед дилеммой, каким образом обуздать его

¹ «Несчастные сербские чиновники!» — записал Пера Тодорович обращенные к нему слова короля Милана. «Как в действительности печально их положение, а здесь радикалы рисуют их извергами, не знающими, чем заняться из-за громадного богатства и влияния.

И это у нас, в Сербии, где чиновники — крестьянские сыновья, дети того самого народа, который им непрестанно пеняет. Что было бы, однако, будь Сербия не столь молодым государством, а сербская бюрократия в самом деле отдельным сословием, когда отцу чиновнику наследует сын чиновник и крестьянскому сыну нелегко встать в ряд с ними? Что здесь было бы!» (*Todorović P. Srpska stvar u Staroj Srbiji. Uspomene na kralja Milana...* S. 212–213).

В отношении этой и остальных цитат из «Воспоминаний о короле Милане» затруднительно определить, отражена ли здесь позиция короля Милана или Пера Тодорович, пользуясь его смертью, представил нам свой взгляд. Вместе с тем, бесспорно то, что они были согласны друг с другом, а сам пассаж имел значение как отзыв о Народной радикальной партии.

² *Perović L. Politička upotreba smrti opozicionog narodnog poslanika Adama Bogosavljevića...*

³ «Вперед!» в 1875 г. сообщала, что Адам Богославич «после окончания Великой школы в Белграде стал крестьянином в самом прямом смысле слова; развеял все предубеждения крестьян против его учености, превратился в объект народного обожания и вступил в ряды социалистов» (*Perović L. Srpsko-ruske revolucionarne veze. Prilozi za istoriju narodnjaštva u Srbiji...* S. 190).

деятельность, не вызвав крестьянских волнений. Ведь когда Адам Богосавлевич был схвачен в 1875 г., крестьяне с оружием в руках заняли тюрьму и освободили его. Этим Адам Богосавлевич и отличался от Светозара Марковича. Они представляли собой два этапа, через которые нужно было пройти, чтобы появилась Народная радикальная партия.

Обвиненный в том, что во время войны 1877/78 гг. отбирал продовольствие из запасов общины, Адам Богосавлевич был арестован только в 1880 г. Он был уже болен и вскоре умер в тюрьме от воспаления легких. Однако никакие медицинские экспертизы тогда и никакие научные изыскания впоследствии не смогли развеять подозрение, что в заключении он был отравлен. Это подозрение было необходимым, чтобы основательно заклеймить либералов. В самом деле, либеральный режим на всех уровнях не знал, как поступить с мертвым Адамом Богосавлевичем, который был, если не отравлен, то больным брошен в темницу. Радикалы, напротив, знали — через напредняцкую газету «Видело» они использовали смерть Адама Богосавлевича для того, чтобы заложить основы организации Народной радикальной партии. Это не было только политическим прагматизмом. Атмосфера, сложившаяся со смертью Адама Богосавлевича, а также идея бальзамировать тело Светозара Марковича, «прадедовские кости», на которые ссылались в Народной скупщине оппозиционные депутаты, напоминают культуру сербского средневековья, пронизанную «сожительством живых и мертвых»¹. Эту связующую нить Народная радикальная партия не обрывала никогда.

3. Последователи: разными путями к одной цели

Пропаганда и организованность — вот те две константы, которые позволили движению Светозара Марковича после его смерти не только выжить, но и разрастись. Для Марковича пропаганда была «краеугольным камнем дальнейшей работы»². Тем же она осталась и для его соратников. Всего неделю спустя после выхода последнего номера газеты «Ослободжене» началось издание новой газеты — «Старо ослободжене» (20 августа 1875 г.), нового орудия для критики внутренней и внешней политики «сербиянских» либералов. Поддерживая на своих страницах оппозицию в Скупщине, газета расширяла политические и социальные

¹ Privatni život u srpskim zemljama srednjeg veka... S. 21.

² Perović L. Srpski socijalisti 19. veka. 3... S. 55.

основы движения. Восстание в Боснии и Герцеговине в 1875 г., для которого социалисты собирали пожертвования, закалило их в вопросе освобождения и объединения¹. Используя либеральные изменения в законах о печати и об общинах, они ощутили себя достаточно сильными, чтобы повести борьбу за контроль над общинной управой в Крагуеваце. Прославляя победу на ноябрьских выборах 1876 г., они устроили торжественные шествия. Из-за красного знамени с надписью *самоуправление* эти манифестации известны, как *Красный стяг*². Для их разгона была применена сила, а организаторов и многих участников арестовали. Судили их на большом процессе в Крагуеваце.

Газета «Старо ослободжене», оппозиция в Скупщине, выборы в общинную управу в Крагуеваце, манифестации после победы, судебный процесс — все говорит и о размахе движения, и о действовавшем внутри него организованном меньшинстве. В движении участвовали работники крагуевацкого оружейного завода, ученики и учителя из учительской школы и гимназии в Крагуеваце, ремесленники и торговцы, даже священники и офицеры. Идеи уничтожения бюрократии в интересах народа-суверена, улучшения материального и морального состояния народа находили широкий отклик. Именно этот сплав программы организованного меньшинства и господствовавших в сознании масс ценностей объясняет успех движения Светозара Марковича — перед нами только два уровня одной сущности.

В письме, которое Никола Пашич, недовольный прохладным отношением новисадских либералов к обвиняемым в участии в крагуевацких манифестациях, направил Мише Димитриевичу, содержится ответ на вопрос, каким было отношение последователя к предтече. В упомянутом письме Пашич развернул программу *радикальной партии*. В политической сфере — принцип народного самоуправления. В экономической — принцип объединения: «мы хотим демократическую свободу, децентрализацию, хотим уберечь народ от ошибок западного индустриального общества, в котором есть пролетариат и огромный капитал, и создать промышленность на задружной основе... мы не агитируем за отмену частной собственности, но хотим объединить земледельцев». «Что же касается “внешнего освобождения и объединения”, то за него мы выступали всегда, разве что для нас было бы предпочтительнее, чтобы оно совершилось революционным путем, так как в этом случае народ вдох-

¹ Perović L. Mladi Nikola Pašić...

² Spasić Ž. Crveni barjak u Kragujevcu 1876. Kragujevac, 1976.

новляет свободы и от него требуется меньше жертв, потому освобождение и объединение вернее исполнить по воле народа, а не господ»¹.

Социалисты участвовали, как добровольцы, в войнах 1876 и 1877/1878 гг. Однако с окончанием войны они разделились. Те, которые были осуждены за крагуевацкие манифестации, не могли вернуться в Сербию, так как здесь им грозило наказание. Пера Тодорович, служивший в войне переводчиком при штабе генерала Черняева и награжденный за храбрость, уехал в Нови Сад. Там в 1878 г. он приступил к изданию журнала «Стража». В следующем году журнал был запрещен, а Тодорович удалился в Вену, из Вены в Париж, где оставался до 1880 г., когда соединился с группой социалистов, действовавших после войны в Сербии.

Преследования заставили социалистов в Сербии изменить способ работы. Об этом они писали в «Стражу»: «Все то, что раньше проповедовалось открыто в «Раденике», «Явности», «Ослободжене» и других наших газетах и книгах, отныне распространяется нами устно и тайно. Мы собираем людей и читаем им наши издания — работы Светозара «Сербия на Востоке», «Община, суд и справедливость», «Срез и финансы», «Народная скупщина», «Историю французского крестьянина» (Эркмана-Шатриана — Л. П.) и т. д., а теперь и «Стражу». Из-за преследований, воцарившихся сейчас в Сербии, наша деятельность сегодня свелась в основном к личной пропаганде. Каждый поставил перед собой цель — информировать и склонить на свою сторону как можно больше людей... Хоть и выглядит такая работа раздробленной, она все же согрета единым духом и ею достигаются почти те же результаты, что и при помощи самой совершенной организации. Пользы от подобной работы тем больше, что с такой рассеянной, но все-таки единодушной организацией ничего не может поделать полиция. Нынешнее притеснение в Сербии окажет, по крайней мере, одну добрую услугу *нашей партии* (курсив мой — Л. П.): наши люди приучатся к искусной и осторожной работе, а также получат навык устной пропаганды. Я считаю, что именно эти несколько лет страшных гонений подготовят нам немало пропагандистов. В целом, мы не обескуражены и не отчаявляемся. Что бы ни произошло в Сербии, нас ничего не удивит. Перед нами ясная цель и хоть до этой цели далеко, мы весело и отважно идем ей навстречу... выполняем и будем выполнять нашу работу постоянно, твердо и настойчиво, и что бы с нами не случилось, мы всегда будем сильны приятным убеждением и ощущением, что честно исполняли свой долг, как люди, как граждане этой страны, как сыновья сербского народа»².

¹ Perović L. Mladi Nikola Pašić...

² Perović L. Pera Todorović... S. 53–54.

Подобные «Вести из Сербии» мог послать в «Стражу» в 1878 г. любой питомец круга Светозара Марковича. Каждый из них располагал силой убеждения, сознанием цели и выдержанностью в движении к ней анонимного автора «Вестей». И все же никто в такой степени, как Никола Пашич.

В связи с подготовкой восстания в Боснии и Герцеговине в 1872 г., Никола Пашич вернулся из Цюриха, не сдав заключительные экзамены на инженера путей сообщения. Затем провел один год в Венгрии. Претендовал на место в Великой школе, но дело расстроили либералы. Из Пожареваца, где он получил работу инженера, организовал защиту обвиняемых в участии в крагуевацких манифестациях. В войнах в качестве инженера находился при штабе верховного командования. Первый раз был выбран народным депутатом в 1878 г. Этот год стал поворотным и для Сербии, и для социалистов-радикалов, и для Николы Пашича.

Берлинский конгресс 1878 г., признавший независимость Сербии, разъединил страну. Никола Пашич точно описал линию раздела: «Можно сказать, что простой народ был не удовлетворен результатом, но не пустился в дальнейшие выяснения. Интеллигенция же поделилась на два лагеря». Одну группировку, арендой которой были Народная скупщина и печать, составляли либералы и напредняки. На основании того, что те и другие были «поклонниками... западноевропейских институтов», Пашич записал их в один лагерь и различал только по тому, что либералы были «осторожнее и неспешнее в перенесении западных учреждений на сербскую почву», в то время как напредняки «желали сей же час превратить Сербию в маленькое западное государство». Самый общественный раскол, по Пашичу, вытекает из различий, которые заключены «в глубинных моральных и политических основах и взглядах на мир и славянство». В противоположность *псевдо-либерализму* и *настоящему либерализму*, *радикализм* исходит из того, что «в сербском народе столько хороших и здоровых установлений и обычаяев, что их следовало бы только охранять и сочетать с теми хорошими установлениями, которые имеются у русского народа и других славянских племен, а от Запада брать исключительно технические знания и науку, пользуясь ими в соответствии со славяно-сербским духом»¹.

В Народной скупщине Никола Пашич обострил упомянутые различия до полярных. С цюрихским опытом организатора, всегда совмещая

¹ Perović L. Između anarchije i autokratije... S. 185–187.

средства легальной и конспиративной борьбы¹, он внес порядок в скупщинскую оппозицию, укрепив ее единство на основе программы, с которой и пришел в Народную скупщину: «Я здесь не за тем, чтобы служить какому-нибудь собственнику, а чтобы представлять народные права, *народные интересы и народную свободу* (курсив мой — Л. П.)»².

Пашич в Народной скупщине боролся против либералов, которые находились у власти, а через вестник нового течения сербского либерализма, газету «Видело», формировал лагерь против тех и других. И вот константа: любую реформу либералов социалисты и радикалы использовали для укрепления своих политических позиций, с которых могли тормозить либеральные реформы. Либеральные правительства, стремясь заложить основы современного государства, не останавливались перед применением силы. Этим они дискредитировали себя, как враги свободы, народной демократии и народного государства. Так замыкался круг. Закрепление целей социальной и национальной идеологии делало либерализм не только лишним, но и враждебным. Когда в Белграде в конце 1880 г. снова встретились главный пропагандист идей Марковича Пера Тодорович, вернувшийся из эмиграции после амнистии политических преступников, и главный организатор из круга Марковича Никола Пашич, было вопросом дней, когда на поверхность выплывет Народная радикальная партия. Тодорович и Пашич, две ключевые фигуры в движении Светозара Марковича, если вначале и понимали Народную радикальную партию сходно, то затем не показывали единства. Прошедший путь от основателя до критика, Пера Тодорович смотрел на Народную радикальную партию, как на историческое явление. Просто «Сербия оказалась не готова произвести что-то лучше и совершеннее»³. Никола Пашич, отождествлявший себя с партией, был и сам с ней отождествлен («Пашич — наш, а мы — его»)⁴, а веря в тождество партии и народа, считал ее вечной. После смены династии, когда партия уже, и надолго, пришла к власти, Пашич в 1907 г. заявил: «Я уверен, что только радикальная партия способна сохранить и укрепить

¹ В письме оппозиционному депутату Еврему Марковичу, брату Светозара Марковича (1875 г.), Пашич говорит: «В Скупщине следует во что бы то ни стало добиться в законном порядке определенных льгот, не забывая, однако, о том, что свободу народа нельзя завоевать только по закону» (*Perović L. Mladi Nikola Pašić...*).

² *Perović L. Između anarhije i autokratije... S. 128.*

³ *Perović L. Srpski socijalisti 19. veka. Z... S. 148.*

⁴ *Perović L. Mladi Nikola Pašić...*

Сербию, а также воплотить наши идеалы¹, то есть национальное освобождение и объединение².

Реакция либералов и напредняков на создание Народной радикальной партии отличается от реакции группы сторонников Светозара Марковича. И радикалам было известно это отличие: в первом случае речь шла о столкновении между *двумя лагерями*, во втором — о конфликте *внутри одного лагеря*. Российской и сербской историографии давно известно, что этот конфликт не стал следствием создания Народной радикальной партии, но что создание партии явилось только поводом, чтобы он проявился. Раскол между последователями Светозара Марковича произошел еще при его жизни, и этот разрыв явился в действительности отражением событий в русском революционном движении³.

В конце шестидесятых годов создатели революционных учений и великие вдохновители революционного движения в России находились или в эмиграции (Герцен, Бакунин, Лавров) или в ссылке (Чернышевский). Студенческие волнения 1861–1862 гг., а особенно 1868–1869 гг., вывели на сцену их учеников. Ткачев и Нечаев превратили *студенческий вопрос в русский вопрос*⁴. Они противопоставили революционное действие революционной теории, а в реальности создали теорию революционного действия. Импульс поступил с обеих сторон. Революционные идеи исчерпали себя, так как отсутствовала революция. В то же время репрессиями, в качестве единственного ответа на любое требование перемен, власть подтверждала свою деспотическую природу и снова вызывала противодействие. Насилие порождало насилие: без внимания осталось предупреждение Герцена о том, что террор только *ultima ratio угнетенных*⁵. Учителя уже принадлежали истории, на сцену вышли ученики.

¹ ASANU. Pasic collection. Br. 14924 / 22.

² Протоиерею Милану Ђуричу, который после 1903 г. сказал Николе Пашичу, что теперь, когда они завоевали свободу, обеспечили влияние Народной скромности и сделали королем Петра, они могут уйти со сцены и провести остаток жизни в покое, Пашич возразил: «Ну нет, то, что сделано нами, само по себе ничего не значит. Это только предпосылка для самого главного нашего дела — национального освобождения и объединения. И ныне мы должны ему полностью отдаваться» (*Ignjić S. Narodni tribun prota Milan Đurić. Užice, 1992. S. 156*).

³ Perović L. Dimitrije Cenić... // Rusko-srpske revolucionarne veze...

⁴ Perović L. Planirana revolucija...

⁵ Perović L. Rodonačelnik ruskog socijalizma... S. 39.

Революционная организация «Народная расправа», созданная Нечаевым, была беспощадна к врагам. А также к собственным соратникам — они были только орудиями революции. Убийство члена организации, студента Иванова, привело к разногласиям среди русских революционных эмигрантов, революционной молодежи в России и уже потому не могло остаться без отклика со стороны сербских социалистов.

В статье «Русские революционеры и Нечаев» в газете «Раденик» в 1871 г. Светозар Маркович утверждал, что идеи Нечаева не имеют будущего в русском революционном движении. Он отвергал «социализм на штыках» во имя социализма «с народом за народ».

Если исключить споры об отношениях Бакунина и Нечаева, особенно об авторстве известного «Катехизиса революционера», *квинтэссенции* нечаевщины, Нечаев после убийства Иванова жил изолированно от русской революционной эмиграции в Швейцарии¹. Больше всего он контактировал с находившимися там поляками и сербами. В идейном отношении ближе всего к Нечаеву стоял Димитрие Ценич². После пребывания в России, Швейцарии и Англии, Ценич был арестован в Швейцарии по подозрению в подготовке покушения на князя Милана. В Сербии в 1875 г. он был осужден на восемь лет каторги в тяжелых оковах. С каторги вернулся в середине 1880 г. Некоторое время он сотрудничал с газетой «Видело», а 2 марта 1881 г. вышла его газета «Радник». Неполные два месяца спустя после первого номера газеты «Самоуправа», на следующий день после убийства русского царя Александра II.

Каторга не изменила убеждений Ценича, как и Алексеевский рavelin Петрапавловской крепости, эта тюрьма в тюрьме, не поколебал взгляды Нечаева³. Напротив. Как заметил Камю: «В тюрьме нет границ, реальность ни во что не вмешивается. Разум в оковах столько утрачивает в ясности, сколько приобретает в пылкости»⁴. Так, Ценич на свободе возвращается к Нечаеву. В отличие от «Раденика» 1871 г., он в своем «Раднике» относился к революционному движению в России восьмидесятих годов, как к своему делу. В статье «Сергей Геннадиевич Нечаев»

¹ Perović L. Planirana revolucija...

² Perović L. Dimitrije Cenić...

³ Perović L. Planirana revolucija...; Pera Todorović o svom učešću i pokušaju oslobađanja ruskog revolucionara S. G. Nečajeva iz zatvora u Švajcarskoj 1872. godine // Srpsko-ruske revolucionarne veze...; Istorija i istoričar // Šćogoljev P. Aleksejevski ravelin. Beograd, 1997.

⁴ Perović L. Srpski socijalisti 19. veka. 3... S. 151.

он пишет: «Имя Нечаева давно уже сошло со сцены и почти предано забвению, чего нельзя допустить потому, что он создал нынешнее движение в России, и если о нем следует когда-нибудь сказать, то сделать это требуется именно сейчас, когда начатое им дело впервые приносит плоды. Прежний *«Радник»* по незнанию и наивности опорочил Нечаева, выставив его последним человеком, *сегодняшний «Радник» обязан представить Нечаева в должном свете* (курсив мой — Л. П.)»¹.

Ценич, разумеется, имел в виду террористическую организацию *«Народная воля»*, члены которой совершили покушение на царя Александра II. Идеи, личности, действия этой организации, кульминацией которых было убийство царя, важнейшего реформатора после Петра Великого, получили на страницах *«Радника»* 1881 г. такое освещение, как нигде в мире. Как на это реагировали радикалы и напредняки?

В газетах *«Самоуправа»* и *«Радник»* разгорелась жаркая полемика, кто имеет право на идейное наследство Светозара Марковича. Кто продолжатель его дела, а кто предатель? По целям: народное государство, народное самоуправление, освобождение и объединение сербского народа, совмещение судьбы революции с революционным переворотом в одной из ведущих стран, оба этих течения — и радикалы, и социальные революционеры, принадлежат одному и тому же историческому направлению. Разделяют их понимание собственной организации, то есть характер революции: крупная народная партия, стремящаяся к абсолютной власти легальным путем или небольшая тайная революционная организация, захватывающая власть политическим штурмом, чтобы совершить преобразование общества в пользу народа.

Радикалы, для которых всегда, а тем более в период устроения партии, прочное единство имело жизненное значение, а одним из рычагов была монополия на наследие Светозара Марковича, не потерпели внутренний фронт, открытый Димитрие Ценичем. В письме Ранко Тайсичу, оппозиционному народному депутату и одному из основателей партии, Никола Пашич признается, что полемика между *«Радником»* и *«Самоуправой»* его задевает настолько, что хочется махнуть на все рукой. Удерживает его только убеждение, что время покажет, «кто был прав, а кто галдел и лил воду на мельницу врага»².

Согласно логике, не ими придуманной, но ими разделляемой вполне — кто не с нами, тот с нашими врагами, — радикалы обвиняли Ценич-

¹ Cenić D. Izabrani spisi. 1...

² Perović L. Mladi Nikola Pašić...

ча в пособничестве напреднякам. Они в это верили, но в большей степени «этикетировали» Ценича, чтобы дискредитировать его позиции.

Группу Ценича, и тем более ее русских учителей, напредняки считали партией «политического динамита» и приводили ее в доказательство того, что «ученики вышли хуже учителей»¹. Однако они были не только терпимы к ней, но и уступали страницы своей газеты главному рупору группы. Почему напредняки делали это даже после осужденного ими убийства царя Александра II? Подобную широту взглядов не объясняет их либеральная доктрина, или, по крайней мере, не только она. Необходимо учесть появление Народной радикальной партии. В ее стремлении к политическим реформам, прежде всего, изменить конституцию, чтобы установить народное самоуправление снизу доверху, двор и находившиеся у власти напредняки усматривали реальную опасность, много большую, чем угроза, исходившая от революционного меньшинства, которое само, понимая революцию по-своему, больше опасалось той же Народной радикальной партии. Напоминая радикалам об общих идеологических корнях, Ценич наносил им ущерб и тем самым объективно играл на руку напреднякам, так как ослаблял их главного противника в модернизации государства. Но как радикалы не были ренегатами социалистического движения Светозара Марковича, так и социальные революционеры, прежде всего, Димитрие Ценич, не были напредняцкими наймитами. Однако то, о чём догадывались современники, историкам пришлось доказывать целое столетие.

Иным был рубеж, отделяющий радикалов вместе с социальными революционерами от либералов и напредняков — он проходил по их целям. Народное государство, как выражение коллективного интереса, права и воли; представление народа общественным и национальным целым; антитеза как абсолютистскому, так и либеральному государству — все это связывает радикалов и социальных революционеров. Иначе говоря, они одинаково противостоят идее государства, цель которого — индивидуум и которое поконится на представлении о том, что «человек свободен и имеет право использовать и совершенствовать полученные от природы способности»². Различия между этими двумя тенденциями в развитии государства нашли драматическое отражение в малочисленной сербской интеллигенции в первое десятилетие после достижения государственной независимости. Но эти направления, почти в неиз-

¹ Perović L. Srpski socijalisti 19. veka. 3... S. 170.

² Perović L. Srpski socijalisti 19. veka. 3... S. 121.

менном соотношении, оказались характерны для развития Сербии и в последующие десятилетия, проявившись, как исторические тенденции, а не эфемерные явления в развитии общественно-политических идей и движений в Сербии.

4. Сопротивление в Народной скупщине, восстание в народе: отношение радикалов к модернизации государства

После отставки правительства Йована Ристича князь Михаил поручил сформировать новый кабинет Милану Пирочанацу. Учившийся во Франции и Германии, с опытом внешнеполитической работы во время второго правления князя Михаила и в качестве министра иностранных дел в правительстве Ачима Чумича в 1874 / 75 гг., практикующий юрист, один из основателей газеты «Видело», пропагандировавшей чистый либерализм и европеизацию Сербии, Милан Пирочанац — личность, осознавшая сложность обязательств Сербии во внутренней и внешней политике, проистекающих из ее нового международного положения.

Первое напредняцкое правительство предприняло всеобъемлющую законодательную реформу с целью как можно быстрее заложить фундамент институтов независимого государства и урегулировать ее международные отношения. Из-за стремительности, с которой она была проведена, ее можно назвать «революцией сверху». Однако, много важнее ритма реформы ее синхронический характер. Синхронность содержалась в самой идее модернизировать молодое независимое государство. Ее носители, несомненно, знали, что любой вид модернизации (политический, экономический, культурный), осуществляемый по отдельности, быстро приспосабливается к патриархальным ценностям и удаляется от содержания европейских образцов¹.

Реформы напредняцкого правительства приились на невозделанную почву. В стране ощущались последствия войн 1876 и 1877 / 78 гг. Сербия находилась в состоянии банкротства, не отвечая по своим долговым обязательствам. Торговля остановилась, как и денежное обращение. Население обнищало, а по сообщениям современников, почти утратило человеческий облик.

¹ Đorđević D. Ogledi iz novije balkanske istorije. Beograd, 1989. S. 129.

Военное положение было использовано для расправы с политическими оппонентами двора. Был расстрелян полковник Еврем Маркович, осуждены Ачим Чумич и Илия Коларац, в изгнании находились социалисты. Вместе с тем, первое напредняцкое правительство, намеревавшееся завершить законодательную реформу принятием новой конституции, кроме упомянутых обстоятельств, должно было считаться еще с двумя серьезными противниками.

Князю Милану была известна программа «виделовцев» и до того, как Милан Пирочанац получил мандат на формирование правительства. В беседах он поддерживал программу первого напредняцкого правительства, но не полностью. Непреодолимым рубежом стало намерение правительства завершить цикл законодательных преобразований внесением поправок в Конституцию 1869 г., которые ограничили бы полномочия коронованной особы в пользу органа народного представительства¹.

Первые шаги правительства Милана Пирочанаца — закон о свободе печати и закон о свободе объединений — дали возможность организовать политические партии в Сербии. В лице Народной радикальной партии первое напредняцкое правительство, в программе которой значилась модернизация молодого независимого государства, приобрело самого серьезного противника. Оппозиция из приблизительно 50 депутатов Народной радикальной партии имела в Народной скупщине трибуну, а вне Народной скупщины — «Самоуправу». Эта газета через организованную сеть Народной радикальной партии попадала во все области Сербии, выступая в роли посредника. Благодаря «Самоуправе» борьба оппозиции в Народной скупщине имела широкий резонанс. Напредняцкие министры и напредняки вообще дискредитировались политически и персонально, при этом никаких аргументов не приводилось, да их никто и не требовал. Доставалось и королю, что означало: никто больше не свободен от посягательств².

Кроме двух упомянутых, все остальные законы первого напредняцкого правительства (договор о строительстве первой железной дороги,

¹ Novaković S. Dvadeset godina ustavne politike u Srbiji 1883–1903. Beograd, 1912. S. 299.

² «Пера Тодорович был первым журналистом, который начал нападать на монарха. Это расценивалось, как поступок большого гражданского мужества, и Тодорович стал героям дня, так как хотя бы в газете он отменил королевскую неприкосновенность» (Jovanović S. Pera Todorović // Političke i pravne rasprave... S. 320).

законы о регулярной армии, начальных школах, здоровье народа, защите скота) встретили жестокое сопротивление скупщинской оппозиции. Они отвергались во имя защиты материальных интересов народа и его идентичности, часто, из-за незнания других ценностей, страха перемен или демагогических побуждений, отождествляемой с разными видами отсталости¹. Объясняя их как результат чужестранного, то есть западного влияния, оппозиция отклоняла законодательные инициативы первого напредняцкого правительства, прикрываясь постепенностью и сохранением народного духа. Но от правительства Милана Пирочанца ее отделяли глубокие принципиальные различия в понимании государства. С обеих сторон эти различия были ясно сформулированы, особенно после достижения государственной независимости. Целью Народной радикальной партии было народное, социальное государство по образцу сербской задруги. Политические реформы, к которым она стремилась — в первую очередь, ее решающее большинство в органе народного представительства и единство всех трех граней власти, — были только средством для построения такого государства. Реформы напредняков вели к модернизации государства, то есть удалению его от идеи государства,

¹ Король Милан говорил, что отдалился от радикалов, прежде всего, из-за их демагогии, последствия которой, разрушительные для государства, обращались ими в свою выгоду:

«— В речах радикалов сербский крестьянин был единственным настоящим представителем сербского народа. И этот крестьянин, лицемерно твердили наши радикалы, источник всякого добра, величия, мудрости, разума, славы и счастья всего рода сербского. Крестьянину следует передать всю власть, сделать его единственным хозяином в стране, и тогда, благо Сербии!... потекут в ее уста мед и молоко!

— Уже это отталкивало меня от радикалов. В первый момент я не знал, что думать о людях, которые 5–6 лет провели за границей и учились в разных университетах, людях, которым известно, что такое государство и как возможно им управлять, но которые, однако, открыто проповедуют, что народ — это “альфа и омега власти”, что всю власть надо передать крестьянину и только тогда в стране настанет благоденствие. Да, сначала я не знал, как относиться к этим людям, а затем удостоверился, что они всего-навсего спекулянты, достаточно точно рассчитавшие, что симпатии массы, а с ними и власть над ней, могут приобрести легче всего, грубо угождая этой массе.

— Все это мешало моему близкому общению с радикалами. Люди эти казались мне ярмарочными фокусниками, которые самым грубым образом обманывают сельских простаков» (*Todorović P. Srpska stvar u Staroj Srbiji. Usromene na kralja Milana... S. 211*).

как большой задруги и, как следствие, полагали радикалы, от главной задачи — объединения сербского народа и от славянской России, главного гаранта исполнения этой цели. Каждый из названных законов оппозиция оценивала именно с той точки зрения, насколько он упрочит «симпатии русского народа и императорского двора к Сербии» — условие, при котором «сербский народ доверчиво и безмятежно ожидал бы свою будущность»¹. Результаты отдельных законов, например, закона о здоровье народа, закона о клеймении скота — этого главного экспортного товара Сербии, были в интересах как государства, так и народа, однако для оппозиции не представляли никакого значения и даже были опасны. В этот период Народная радикальная партия в попытке сохранить патриархальную сущность отвергала европейские формы. Позже она примет формы, но снова, чтобы уберечь ту же сущность.

Считая, что внешнеполитическая ориентация молодого независимого государства жизненно важна и для ее внутреннего развития, оппозиция оказывала наибольшее сопротивление тем законам, которые, считали они, удаляют Сербию от России и склоняют к Австро-Венгрии. Так произошло с законом о строительстве в стране первой железной дороги, что Сербия была обязана сделать согласно Берлинскому трактату. Во время обсуждения этого закона, в Народной скупщине и во всей стране установилось буквально осадное положение². Сербия, кроме Черногории, была единственным государством в Европе, не имевшим железной дороги. Тщетными, однако, оказались аргументы правительства об экономических и культурных выгодах железной дороги, о ее цивилизационном воздействии для Сербии. Напротив, оппозиция без всякого различия между ее необразованными и образованными членами находила в этом воздействии главную причину для противодействия принятию этого закона³.

¹ Perović L. Između anarhije i autokratije... S. 241.

² Nikola Pašić u Narodnoj skupštini. I...

³ Протоиерей Милан Джурич считал, что железная дорога — это «холодная змея..., которая хочет пролезть через сердце сербского народа и которую сербский народ должен пригреть у себя и выкоркнуть, чтобы, в конце концов, она его поглотила».

Основатели Народной радикальной партии, цюрихские студенты и инженеры путей сообщения, Никола Пашич и Пера Велимирович заявляли, что не верят в «пользу... договора» и убеждены в том, что «он несет нашей стране огромный вред со всех точек зрения».

Светомир Николаевич, также один из основателей Народной радикальной партии, первый сербский литератор, изучавший после Йована Андреевича и

Еще более жесткое сопротивление оппозиции встретил Торговый договор с Австро-Венгрией. Этот договор предоставлял Вене статус наибольшего благоприятствования, не требуя ничего взамен, и, как пишет Слободан Йованович, «удовлетворял нужды нашего крестьянина-землемельца»¹. Оппозиции это было хорошо известно. Но ее противодействие договору не было обыкновенной демагогией. Если в ядре оппозиции, которое составляли основатели Народной радикальной партии, и присутствовала демагогия, то она, прежде всего, была средством в борьбе за высший идеал, за достижение народного и государственного единства.

Берлинский конгресс по Николе Пашичу обострил конфликт двух государственных идей: сербской и австро-венгерской: «Идея нашего народа — освобождение, а намерение Австро-Венгрии, особенно в последнее время (то есть, начиная с Берлинского конгресса — прим. Л. П.) — расширение на юго-восток. Два этих государства всегда враждовали между собой, они будут конфликтовать и в будущем»².

Первое напредняцкое правительство осуществляло модернизацию молодого независимого государства на враждебном политическом, социальном и культурном фоне. Обострение отношений между правительством и оппозицией подводило каждую из конфликтующих сторон к исключительности и непримиримости. Полиция отмечала в обществе манифестации протesta против договора о строительстве железной дороги. Очередной созыв Народной скупщины 1882 г. не принес оппозиции ни одного места ни в одном из комитетов скупщины. Сама сессия началась под знаком «или-или», что проявилось в вопросе об адресе королю. Оппозиция выдвинула свой вариант адреса, в котором фактически выступила против правительства. Милан Пирочанац воспринял это именно так.

Лазы Костича английскую литературу непосредственно в Лондоне, утверждал: «Мне кажется, что преклонением перед иностранной политикой мы покидаем, так сказать, круг балканских народов, оставляя их самих заботиться о своей судьбе, мы же... обращаемся к Западу, откуда к нам прибывает наука, культура, железная дорога и т. д.» Убежденный в том, что другие балканские народы верят в миссию Сербии, Николаевич предостерегал: договор о строительстве железной дороги «вызовет траур не только в нашей стране, но и в целом на Балканах, среди болгар, греков и в нашей Черногории» (*Perović L. Između anarhije i autokratije... S. 261–263*).

¹ *Jovanović S. Vlada Milana Obrenovića. III... S. 332.*

² *Nikola Pašić u narodnoj skupštini. I...*

Вследствие своих реформ первое напредняцкое правительство получало удары с разных сторон. Народная радикальная партия, действовавшая одновременно по нескольким направлениям, максимально использовала трудности правительства. Ее целью было не скорректировать процесс модернизации, но свернуть его. С этим намерением она развила бурную пропаганду против законодательной реформы через свою газету «Самоуправа». В Народной скупщине оппозиция не смогла остановить принятие законов и перешла к шантажу правительства и к обструкции. Воспользовавшись банкротством генеральной унции, отвечавший за строительство железной дороги, что нанесло Сербии большие убытки, оппозиция покинула Народную скупщину.

На довоенных выборах 15 мая 1882 г. из 50 бывших депутатов 45 были выбраны повторно. Правительство с опозданием предложило компромисс, но оппозиция не была к нему готова, движимая логикой «чем хуже, тем лучше». Избранные во второй раз депутаты отказались передать свои полномочия и были лишены звания депутата. На новых довоенных выборах все они были избраны снова. Придерживаясь мнения, что депутаты, лишенные этого звания, не могут быть снова избраны, Народная скупщина по предложению мандатской комиссии решила считать народными посланниками тех, которые в результате голосования оказались на втором месте. Так в Народную скупщину попали набравшие «два голоса», или знаменитые «двухголосые», как их окрестила «Самоуправа».

Лишеннная оппозиции Народная скупщина приняла очень важные законы: о начальных школах, регулярной армии, народном банке, деньгах, церковной власти. Вместе с тем, авторитет ее был подорван — вызывала сомнение легитимность «скупщины двухголосых». Она завершила свою работу 11 января 1883 г. Новые выборы были назначены на 7 сентября того же года¹. Наступило время пробы сил, когда, без преувеличения, изменился ход политической и общественной истории Сербии. Субъектами этих событий были не только двор и политические партии, но и крестьянская масса, которую направляла крепкая политическая организация с долгосрочными целями — свидетельство укорененности сербского радикализма.

Оппозиция покинула Народную скупщину с целью вернуться в нее в качестве большинства. Для этого необходимы были два условия, на выполнении которых сосредоточились вожаки радикалов: оформление Народной радикальной партии, пирамidalная структура которой полу-

¹ Ibid.

чила завершение с избранием Главного комитета летом 1882 г., а также разработка проекта новой конституции.

Свои законодательные преобразования правительство Милана Пирочанца намеревалось увенчать новой конституцией. Параллельно с правительственным проектом конституции радикалы втайне подготовили свой конституционный проект и отправили его на рассмотрение в свои местные комитеты. Различия между этими двумя проектами конституции проистекают из различного понимания государства, о чем уже было сказано. Проект напредняков предусматривал двухпалатный орган народного представительства, при помощи которого было бы достигнуто равновесие между короной и скупщиной, а в Народную скупщину, кроме крестьянских трибуналов, вошла бы интеллигенция. Проект радикалов, написанный Николой Пашичем, давал преимущество скупщине: народ составляет конституцию, скупщина — это конвент, ей принадлежит вся верховная власть. Главный комитет Народной радикальной партии полагал, что все это народ сможет *принять и захочет защитить*¹.

В борьбу вокруг сентябрьских выборов радикалы вошли, представляя собой твердую и в то же время массовую политическую организацию, осуществляя фанатическую и широкую пропаганду, располагая политическим капиталом, заработанным оппонированием в Народной скупщине.

Напредняки имели гораздо более слабую организацию, в основном в городах, и вели весьма сдержанную агитацию, которую необузданная пропаганда радикалов загнала в оборону. Банкротство «Генеральной униции» нанесло им тяжелый удар. Но это был еще не конец.

Радикалы диктовали темп предвыборной борьбы. Понимая, что сила их в крестьянской массе, они чувствовали себя хозяевами положения. Противника они устрашали², массу подстрекали к выступлению. Не без

¹ Milošević R. Izrada nacrta radikalског ustava // Timočka buna. Beograd, 1923.

² Один из напредняцких лидеров писал тогда: «Радикалы здесь просто взбесились; все они восстали и трудно земле снести их силу. Не знаю, о чём думают эти люди... но любого бросит в озноб при виде их дел. Они приготовляются так, будто завтра Косово. Они говорят об этих выборах не иначе, как о вопросе жизни и смерти, нашей или их. Они действуют в экстазе, фанатично, готовые на все. На выборы они пойдут мощным потоком, и я боюсь, что он унесет нас, как соломинку. Ничто не может их остановить. Народ потерял голову; его евангелие — программа радикалов. Где соберутся двое, разговор идет только о выборах. Они готовятся ко всему, готовы и сражаться. Из Белграда ими получены какие-то печатные

основания утверждал позже король Милан, что Тимокское восстание 1883 г. было подготовлено «целым рядом карликовых мятежей»¹.

Используя события, которые отчасти, открыто или тайно, вызвали сами, радикалы увеличивали свою политическую мощь. Одновременно падал авторитет напредняцкого правительства. Оно подверглось целой серии ударов. Современнику казалось, что все эти удары «во мраке специально направляет таинственная рука злой и неведомой черной силы»². После банкротства «Генеральной унции» и роспуска «скупщины двухголосых» радикалы получили новые поводы для дискредитации напредняцкого правительства, то есть его реформ. Прежде всего, был обвинен в злоупотреблениях председатель Народной скупщины, один из предводителей Сербской прогрессивной партии³. Затем в заключении одна за другой были найдены мертвыми отбывавшие наказание за покушение на короля Милана Лена Кничанин и Илка Маркович⁴. В селах Восточной Сербии в ходе осуществления закона о клеймении скота произошло столкновение между крестьянами и блюстителями порядка. Пропаганда радикалов сумела распространить слух о том, что клеймение скота производится с целью повысить налог — крестьяне возмущались, а представители власти настаивали на выполнении закона. Их настойчивость представлялась в прессе радикалов войной с народом. «Самоуправа» называла полицейских *сейменами*. Это имя, которое носили служащие янычарской полиции, должно было подчеркнуть инородный характер

инструкции в отношении выборов, которые они постоянно читают и обсуждают. На выборах мы будем иметь дело с фанатиками, противопоставить которым нам нечего. Не поможет ни власть, ни осведомители, ни полиция, никто! Но дай Бог, чтобы на том все кончилось» (*Perović L. Pera Todorović...* S. 107).

¹ *Todorović P. Srpska stvar u Staroj Srbiji. Uspomene na kralja Milana...* S. 214.

² *Ibid.* S. 175.

³ *Nikola Pašić u Narodnoj skupštini*. 1...

⁴ Елена (Илка) Маркович была женой народного депутата полковника Еврема Марковича, расстрелянного в сербско-турецкую войну 1878 г. 11 октября 1882 г. в Соборной церкви она стреляла в короля Милана. Была осуждена на смерть, но помилована. Евреем Маркович был политически близок к Николе Пашичу. Сама Илка Маркович поддерживала связь с лидерами Народной радикальной партии: Николой Пашичем, Перой Тодоровичем, Рашей Милошевичем. О намерении совершить покушение она сообщила месяцем раньше Йовану Стефановичу Виловскому. В целом, не без оснований можно предположить, что покушение на убийство короля Милана было не только актом личной мести. Прим. 81, 82 в: *Todorović P. Srpska stvar u Staroj Srbiji. Uspomene na kralja Milana...* S. 179.

власти, принявший закон о клеймении скота, и представители которой заслуживают соответствующего отношения крестьян.

Атмосфера гражданской войны в преддверии сентябрьских выборов и сами выборы (в восьми срезах они прошли с беспорядками или не были завершены) не предвещали окончания политических конфликтов в стране. Победа на выборах Народной радикальной партии ожидалась, но предусмотреть ее последствияказалось невозможным. Из 132 мандатов радикалы получили 72, либералы 30, напредняки 24. Сорока четырех «королевских» депутатов было недостаточно для поддержки напредняцкого правительства.

Вскоре после сентябрьских выборов первое правительство напредняков формально ушло в отставку. Формально потому, что прошения министров об отставке находились на столе монарха еще с 20 июля 1883 г. Тогда уже заверяя, что «изменение конституции крайне необходимо», так как если «Сербия не добьется успеха на этом пути... развития, то ее политическое будущее сомнительно»¹, министры поставили монарха перед выбором.

Оглядываясь на деятельность своего правительства, Милан Пирочанац назвал основным камнем преткновения для нее то, что «мало кто хотел понять положение Сербии». В первую очередь, король Милан. Он, согласно Пирочанацу, возражал против изменения существующей «мошеннической конституции», стране же требовалась «современная конституция», в которой будут гарантированы «не только политические права граждан, но и стабильность и авторитет государства»². Первому напредняцкому правительству не удалось изменить Конституцию 1869 г. и тем самым подвести итог своей законодательной деятельности, направленной на модернизацию государства. Вот что стало основной причиной, а не предлогом для отставки правительства, о чем оно уведомило короля накануне сентябрьских выборов.

Король Милан отказался признать победу Народной радикальной партии на выборах. Мандат на формирование нового правительства он вручил Николе Христичу, бывшему долгое время министром полиции. Новоизбранная Народная скупщина былаозвана одним указом, чтобы уже вторым указом ее работа была отложена. Сразу после этого, на совещании предводителей радикалов было решено дать отпор, если монарх посягнет на конституцию³. Но сопротивление короне оказывалось уже

¹ Perović L. Između anarchije i autokratije... S. 223.

² Ibid. S. 223–224.

³ Perović L. Pera Todorović... S. 113–114.

давно — теперь оно только усилилось и вышло из-под контроля своего основного вдохновителя.

И власть, и оппозиция считались с возможностью народного бунта. «Самоуправа» открыто подстрекала к восстанию и прямо провоцировала, даже дразнила власть: «Изволте само» («Извольте!»)¹. Но главный вызов оказался связан с попыткой правительства осуществить закон о создании регулярной армии. В июле 1883 г. военный министр издал распоряжение военным властям, окружному командованию, собрать у населения старые ружья, а новые оставить на складах и не раздавать. По этому поводу в «Самоуправе» появилась статья «Разоружение народного войска», автором которой был Никола Пашич. В напреднницкой печати эту статью окрестили «Не отдавайте оружие». Действительно, за этим призывом к народу не расставаться со своим оружием уггадывалось намерение воспользоваться этим арсеналом в нужный момент.

Сразу после отсрочки работы Народной скупщины военные власти начали изъятие старых ружей, отложенное из-за выборов на осень. В селах Восточной Сербии крестьяне отказались сдать оружие, произошло столкновение с властями. Реакция короля Милана была быстрой и энергичной. Для подавления сопротивления была использована армия. Были выпущены указы о чрезвычайном положении, о военно-полевом суде в Заечаре и запрете свободы печати, собраний и объединений. Эти меры соответствовали размаху восстания: чем большую территорию оно охватывало, тем жестче становились действия по его обузданию².

Кровавая расправа власти с восставшими и сильный удар по Народной радикальной партии и ее руководству требовали быстрый и решительный ответ партии. Удобный момент настал с отсрочкой работы Народной скупщины, в которой партия имела большинство мандатов. Упустив этот момент, Главный комитет Народной радикальной партии, однако, и на своем тайном заседании, уже в разгар вооруженного противостояния, не решился возглавить восстание. Резолюцию о том, чтобы его члены отправились в те области, в которых были избраны на-

¹ Так называлась статья, опубликованная в «Самоуправе» 27 августа 1883 г.

² По сообщению Военно-полевого суда в Заечаре («Службене новине». Бр. 284. 1883), за 93 дня в нем состоялось 84 разбирательства с участием 819 обвиняемых. Осуждено на смерть 94 человека (из них 10 находилось в бегстве, один повесился в тюрьме, 63 коснулось помилование, заменившее смертную казнь каторгой, 20 расстреляно). Приговорено к каторге 567 человек, тюремному заключению 68, освобождено, как невиновные, 85 человек.

родными депутатами, выполнил только Никола Пашич. Он чувствовал себя в большей безопасности среди местных руководителей восстания в Восточной Сербии, с помощью которых и смог перебраться в Австро-Венгрию. Остальные, менее решительные, дождались своего ареста в Белграде в ночь с 25 на 26 октября 1883 г. В оковах их перевезли в Задечар, где военно-полевой суд огласил им приговор. Двух членов Главного комитета, Перу Тодоровича и Рашу Милошевича, осудили на смерть. Король Милан удовлетворил их просьбу о помиловании: смертная казнь была заменена многолетней каторгой.

Тимокское восстание нанесло серьезный удар по ориентации Народной радикальной партии на создание народного государства и принятие конституции, по которой Народная скупщина стала бы сербским конвентом. Но ориентация Сербской прогрессивной партии на создание современного правового государства и принятие конституции, которая ввела бы патриархальное, крестьянское государство в систему представительской демократии, также не восторжествовала. Скомпрометированная и загнанная в тупик политикой «чем хуже, тем лучше», эта ориентация и сама компрометировала себя, пытаясь найти выход из тупика при помощи силы. После потопленного в крови восстания, после чрезвычайного положения и военно-полевого суда, после запрета деятельности партии, получившей на выборах большинство мандатов, и осуждения на смерть и многолетнюю каторгу ее лидеров либеральное направление первого напредняцкого правительства было свернуто. Партия снова сформировала правительство о главе с Милутином Гаращанином, но это было уже началом ее заката.

Тимокское восстание углубило пропасть между двором и Народной радикальной партией. Каждому из этих двух факторов было совершенно очевидно, что конфликт политических философий, персонифицированных в короле Милане и Николе Пашиче, будет продолжен вплоть до победы или поражения одной из них.

5. Двумя путями к власти: радикалы в стране и в эмиграции

Настоящая политическая природа и характер Народной радикальной партии, устройство которой сравнивали с «организацией армии или церкви»¹, нашли свое полное выражение только после Тимокского вос-

¹ Zečević M. Nikola P. Pašić (1845–1926) // Politika. Beograd. 10. decembar 1936.

стания. Ее основатели, члены ее руководства, оказались на каторге и в эмиграции. Однако осталась сеть местных комитетов, «которые, действуя подобно партизанам, все же сохранили партию»¹. Но без идеологии организация была бы только скорлупой — *радикализм* составлял ее сердцевину². «Военно-полевые суды и чрезвычайное положение в стране, а также последовавшие затем свирепые гонения на радикалов, привели к тому, что радикальная партия на время затаилась, организация ослабела, воцарились молчание и дремота. Но это не означает, что структура радикальной партии прекратила свое существование. Нельзя было вступить в нее, не было комитетов и собраний, но духовная связь между ее членами поддерживалась и далее, оживленно и активнее, чем когда-либо. Борцы-радикалы остались верны принципам и программе своей партии, так как они верили в них глубоко и искренно. Избежавшие тюрьмы вожаки радикалов в Белграде и в народе пеклись о восстановлении партии. И этот труд не прошел даром. Партия постепенно оправляется и восстает...»³.

Наконец, среди руководителей Народной радикальной партии, находившихся на свободе, «созрела мысль о необходимости соглашения с короной»⁴, что получило отражение в газете «Одъек» («Отклик»), выпускавшейся радикалами с конца 1884 г. На страницах этой газеты Стоян Протич, Йован Джая, Андра Николич⁵ обратились к конституционному вопросу и разобрали его «с более или менее классических либеральных позиций»⁶.

¹ Vasić M.L. Radikalni miting iz 1896. god. Crtica iz prošlosti Narodne radikalne stranke // Samouprava. 12. jun 1936.

² «Пашич считал, что утверждение принципов и разработка определенной программы крайне важное дело, но это далеко не все. Необходимо, чтобы каждый, кто усвоит принципы и программу, полагал бы их своей верой, которую обязан исповедовать до своего конца. Как принявший христианство или ислам называется “христианином” или “мусульманином” до конца жизни, так и тот должен именоваться “радикалом” и с этим именем лечь в могилу. Он должен не только глубоко и искренно верить, но защищать эту веру и погибнуть за нее» (Zečević M. Nikola P. Pašić (1845–1926)...).

³ Kostić M.A. Dragačevski tribun Ranko Tajsić // Samouprava. 5, 6, 7, 8, 9. januar 1937.

⁴ Popović-Obradović O. Parlamentarizam u Srbiji 1903–1914. Drugo izdanje. Beograd, 2008. S. 81.

⁵ Во время Тимокского восстания Стоян Протич из-за «преступных публикаций» находился в тюрьме; Йован Джая и Андра Николич военно-полевым судом в Заечаре были освобождены, как невиновные.

⁶ Popović-Obradović O. Parlamentarizam u Srbiji... S. 81.

И среди каторжан — членов Главного комитета возникло убеждение о необходимости соглашения Народной радикальной партии с королем Миланом. Оно же нашло свое выражение в письмах, которые Пера Тодорович, по договоренности с товарищами по партии, писал королю Милану из пожаревацкой тюрьмы¹. Эти письма имели двоякое назначение. Их прямая цель обнаружилась в перемещении членов Главного комитета из пожаревацкой тюрьмы в белградскую крепость. Не прошло много времени, как проявилось и скрытое значение этих писем.

Король Милан, особенно после проигранной войны с Болгарией в 1885 г., пытался вести переговоры с вожаками радикалов, остававшимися на свободе. Они же направляли его в белградскую крепость, и он отправился туда по пути, проложенному как раз в письмах Перы Тодоровича. Ночью 27 декабря 1885 г. король Милан прибыл вести переговоры с заключенным Перой Тодоровичем. Условием освобождения предводителей радикалов он назвал соглашение Народной радикальной партии с Сербской прогрессивной партией. После обсуждения с остальными членами Главного комитета, Пера Тодорович принял это условие. Уже 6 января 1886 г. король Милан амнистировал всех осужденных радикалов за исключением тех, которые находились в эмиграции².

На 8 февраля 1886 г. в Нише было назначено совещание предводителей радикалов со всей страны для обмена мнениями о соглашении. Его необходимость Тодорович обосновал в отдельном заявлении. Согласно ему, Народная радикальная партия, как показали еще сентябрьские выборы 1883 г., была готова придти к власти. Но нереально было ожидать того, что король Милан после Тимокского восстания отдаст власть только в ее руки. В то же время, едва воссозданная, Народная радикальная партия не имела права устраниться от событий: завершение войны с Болгарией, созыв Народной скупщины, возбуждение конституционного вопроса. Однако совещание в Нише отвергло соглашение с какой бы то ни было партией.

Товарищи по партии повернулись спиной к Пере Тодоровичу. Они приняли результаты его договора с королем Миланом: собственное освобождение и возобновление деятельности партии. Ответственность за взятые обязательства, между которыми было и соглашение с Сербской прогрессивной партией, они возложили на Пере Тодоровича. Партия должна быть права, она обязана оставаться чистой. Ошибаться и

¹ Perović L. Pisma Pere Todorovića i Dragiše Stanojevića kralju Milanu...; Todorović P. Ogledalo. Zrake iz prošlosti...

² Perović L. Pera Todorović...

обманывать может только отдельный человек, хоть бы это и был один из творцов партии. И однажды приняв такую позицию, в дальнейшем можно было двигаться только по законам имманентной этой позиции логики. Требовалось пресечь любые разговоры, которые приблизили бы партию к истине. Поддержка Тодоровичем соглашения с Сербской прогрессивной партией не представлялось ни принципиальным, ни тактическим расхождением с партией. Она однозначно трактовалась, как предательство. Сначала внутри партийного механизма, а затем в обществе стали говорить о том, что Пера Тодорович продался королю Милану. Умаление личности имело целью обосновать политическое обвинение — личность должна была походить на созданный в отношении ее образ. Это соответствовало логике партии, для которой внутреннее единство было главным гарантом бескомпромиссности по отношению к политическому противнику. Партия и личность — это как орган и организм, говорили учителя основателей Народной радикальной партии¹. Этот принцип обеспечивал мощь целого². Он объясняет соотношение лидеров и партии³. Вместе с тем, в историографии господствовала партийная логика⁴. Партийный приговор функционировал десятилетиями, будто суд истории, и ситуацию может изменить только пересмотр исторических обстоятельств, в которых действовала Народная радикальная партия.

¹ П. Л. Лавров в «Исторических письмах», культовой книге русских революционных народников и сербских социалистов, писал, что личность-орган «имеет свою структуру, действует по-своему, но подчинен единству целого», это «непре-менное условие жизни организма», «условие совместной деятельности, условие победы». Кто разойдется с партией «по важным вопросам, тот ее враг. Против таких врагов партия применяет и обязана применить всю силу своей организации, борясь, как любой человек, всеми своими средствами, сосредотачивая свои удары»... (*Lavrov P. L. Istorijksa pisma...; Perović L. Pera Todorović... S. 144*).

² Карло Сфорца, изучавший организацию французской радикальной партии, которую называли «хозяйкой Франции», отмечает: «Организация французской радикальной партии — детская игра в сравнении с организацией старой сербской радикальной партии» (*Perović L. Pera Todorović... S. 143*).

³ Раша Милошевич признается, что личный авторитет Пашича, «когда нужно... обращается в диктатуру» (*Perović L. Srpski socijalisti 19. veka. З... S. 136*). Предводитель радикалов и теоретик парламентаризма Стоян Протич писал: необходимо, чтобы Народная радикальная партия была управляема, надо «иметь надежную возможность направлять деятельность всей партии из одного центра и одним человеком или органом». Этот «один человек» — Никола Пашич, «естественный» лидер партии (*Popović-Obradović O. Parlamentarizam u Srbiji... S. 91*).

⁴ *Jovanović S. Pera Todorović...*

Король Милан оставался тверд в намерении не допустить Народную радикальную партию до самостоятельного управления страной. После отклонения соглашения с Сербской прогрессивной партией в Нише, он говорил: «Не хочешь впряженаться в государственную повозку с Пирочанацем и Гарашанином, придется тянуть ее вместе с Йованом Ристичем и Радивоем Милойковичем (то есть либералами — Л. П.). Одной радикальной партии я не позволю запрягать экипаж; боюсь, что разобьют его и свалятся в пропасть»¹. Ему был необходим компромисс партий, чтобы, в конце концов, пойти на изменение конституции.

В апреле 1886 г. белградские радикалы заключили соглашение с либералами — не предвыборное, но программное соглашение. Они «сходятся и встречаются на одном общем народном пути, где сербский патриотизм одержал бы верх над партийными убеждениями»². И «одним из главных дел соединившихся партий должна стать подготовка новой конституции»³.

Никола Пашич был против всякого компромисса. В эмиграции он внимательно следил за событиями в стране и в партии, вынашивал планы, поддерживал старые и налаживал новые связи. Одновременно он ни в коем случае не желал, чтобы партия, возрождающаяся и превращающаяся снова в определяющий фактор внутри Сербии, вырвалась из-под его контроля. Поэтому, «глубокое недовольство новой политикой партии... не помешало ему принять ее, как только он понял, что перед ним свершившийся факт»⁴. Пашич писал Раше Милошевичу, что нишские договоренности так рассердили его, что он собрался объявить «от имени эмиграции», что лидеры радикалов в стране «отбросили программу, обманули народ, попрали жертвы». Гнев его прошел, когда он убедился, что в радикало-либеральном соглашении «программа радикалов не похоронена». Главное, что партия придерживается принципа «народного суверенитета», а не «становится на либеральную почву и “делит с королем” законодательную власть»⁵.

Из радикало-либерального соглашения выросло «союзное правительство» (1 июня 1887 г.). Его шестимесячная работа (до 17 декабря 1887 г.) была отмечена линчеванием напредняков, названным газетой радикалов

¹ Krestić V., Ljušić R. Program i statuti... S. 155.

² Ibid. S. 153.

³ Ibid. S. 154.

⁴ Popović-Obradović O. Parlamentarizam u Srbiji... S. 83.

⁵ Pašić N.P. Pisma, članci i govor... S. 221.

«Одьек» «великим народным порывом». Во всей Сербии напредняков свирепо умерщвляли, оскорбляли и изгоняли¹. Попытки покончить с напредняками не оставлялись и впоследствии².

Возобновление деятельности, соглашение с либералами и принцип большинства в выборном законодательстве позволили Народной радикальной партии получить на выборах в сентябре 1887 г. самое большое количество мандатов. В Народной скупщине вместе с назначенными депутатами у нее было 103 мандата в сравнении с 95 мандатами Народной либеральной партии. Впервые партия получила возможность составить свое правительство. Король Милан согласился на это с условием, что правительство сформируют умеренные радикалы, то есть, за исключением осужденных за Тимокское восстание, а министром иностранных дел будет нерадикал. Радикалы проявили предупредительность и в качестве мандатария выдвинули Саву Груича, дипломатического представителя Сербии в Афинах (1882 г.) и Петербурге (1885 г.) и военного министра в радикало-либеральном правительстве. Король Милан оказал ответную любезность: произвел Саву Груича в генералы и простили оставшихся без помилования радикалов, кроме Николы Пашича. Идиллия продлилась недолго. Король Милан выступил против того, чтобы правительство через депутатский клуб контролировалось верхушкой Народной радикальной партии. Всего четыре месяца спустя первое правительство радикалов ушло в отставку, не исполнив ни одну из своих программных целей: привести в порядок финансы, а также принять закон об общинах и закон о регулярной армии.

Король Милан еще раз обратился к своему проверенному мандатарию Николе Христичу. Одновременно он объявил о выборах в Великую народную скупщину 2 декабря 1888 г. и назначил Конституционный комитет, в котором председательствовал лично. Заместителями председателя комитета были руководители всех трех политических партий: Йован Ристич, Милутин Гарашанин и Сава Груич. В состав комитета вошли выдающиеся политические деятели из всех трех партий поровну. Новая конституция, согласно условиям короля Милана, может быть принята только как «двуухсторонний договор между Короной и народом» и «ее содержание должно отражать компромисс не только с короной,

¹ Perović L. Politički protivnik kao neprijatelj // Između anarhije i autokratije...

² За неполных девять лет (1887–1896) было убито 377 напредняков. Имена жертв известны (Ko su i šta su Srpski Radikali. Preštampano iz «Narodnosti». Pančevo, 1900).

но и между всеми партиями вне зависимости от степени влияния их по отдельности»¹.

Вскоре проект конституции был принят Конституционным комитетом в узком составе. Радикалы не были от нее в восторге, порицая за то, что она не ответила на социально-экономические вопросы крестьянства, не упразднила бюрократию, сохранила имущественный ценз и ввела «квалифицированных» депутатов. Представляя окончательную версию проекта конституции для голосования на пленуме Конституционного комитета, король Милан призвал всех его членов голосовать за конституционный проект, и «употребить всю свою силу и влияние, чтобы он... по частям и в целом, так как есть, был принят Великой скупщиной»². Вопреки этому призыву двое радикалов Димитрие Катич и Ранко Тайсич проголосовали против проекта.

Выборы в Великую (учредительную) скупщину были проведены 2 декабря (по старому календарю) 1888 г. Из приблизительно 600 избранных народных посланников оказалось около 500 радикалов, около 100 либералов и ни одного напредняка. Король Милан столкнулся с устрашающим большинством радикалов, для которых единственным препятствием оставалась корона. Радикалы, в свою очередь, с альтернативой, что, отвергнув новую конституцию, они будут довольствоваться Конституцией 1869 г., той самой Наместнической конституцией, которую еще их предтеча называл обманом и двадцатилетняя борьба против которой стоила им стольких усилий и жертв.

Чтобы исключить возможность непринятия конституции Великой народной скупщиной, король Милан собрал белградских руководителей радикалов и открыто сказал им, что не допустит нового обсуждения конституции в скупщине. Предложенный проект следует принять таким, какой он есть «от корки до корки», так как король против внесения любых изменений и дополнений. Среди вожаков радикалов, особенно тех, которые были «из народа», поднялся большой шум против нового «тиранства» короля Милана. Белградской группе стоило громадных усилий «образумить» наиболее воинственных и обеспечить большинство для голосования за проект конституции «от корки до корки». Димитрие Катич и Ранко Тайсич остались последовательными, но большинство депутатов радикалов в Великой народной скупщине подчинились партийной дисциплине.

¹ Popović-Obradović O. Parlamentarizam u Srbiji... S. 84.

² Perović L. Srpski socijalisti 19. veka. 3... S. 145.

Конституция 1888 г. следовала либеральному конституционному образцу, а именно — английской конституционной модели, действовавшей в Англии с конца XVII до начала XVIII века и получившей применение в конституционной практике Франции (1830 г.) и Бельгии (1831 г.). Для большинства создателей конституций в Европе XIX века, включая Балканы, примером служила бельгийская конституция. Прежде, чем ее фактически заимствовала Конституция 1888 г. в Сербии, эта модель нашла свое воплощение в конституциях Греции, Румынии и Болгарии¹. Какие предпосылки существовали для отчетливо либеральной конституции в Сербии в конце XIX века? Ответ на этот вопрос требует внимательно рассмотреть два глубоко антагонистических фактора: корону и Народную радикальную партию, а также два концепта государства.

После принятия Конституции 1888 г. король Милан отрекся в пользу своего малолетнего сына Александра, от имени которого стали править наместники. В новой истории Сербии это было второе наместничество за двадцать лет. В течение этих двух десятилетий, отделяющих одно наместничество от другого, была создана и превратилась в доминирующий политический фактор Народная радикальная партия. К Конституции 1888 г. радикалы относились двояко. Они представляли ее исключительно своей заслугой и считали символом наступления «новой эры». Вместе с тем, радикалы полагали, что не были осуществлены их конечные цели. После принятия Конституции 1888 г., газета радикалов «Одъек» сообщала: «За фасадом написанной конституции в нашем народе имеется неписаная конституция, основанная на обычье, которая должна быть основанием первой, официальной»². После принятия либеральной конституции совершилось новое линчевание напредняков. В отличие от «великого народного порыва», охватившего Сербию, этот самосуд состоялся в столице³. Стратегию Народной радикальной партии в этот период невозможно рассматривать отдельно от того политического капитала (или процесса, позволившего его накопить), с которым вернулся в Сербию из эмиграции лидер Народной радикальной партии, помилованный только после отречения короля Милана. Годы эмиграции Николы Пашича оказались крайне важны не только для его политической биографии, но и для выковывания стратегии Народной радикальной партии, ее окончательного оформления в стройную социально-национальную идеологию.

¹ Perović L. Predgovor // Popović-Obradović O. Parlamentarizam u Srbiji...

² Srpski radikalizam // Odjek. 7. maj 1889.

³ Perović L. Politički protivnik kao neprijatelj...

гию. Исторические источники, опубликованные в последнем десятилетии XX века, делают возможным пролить ясный свет на этот процесс¹.

Никола Пашич провел в эмиграции шесть лет (1883–1889). Из Румынии он переместился в Болгарию, и там собрал вокруг себя сербских эмигрантов, покинувших страну после 1883 г. Вместе с ними он старался любыми средствами завершить то, что из-за недостаточной организации, как он выражался, не удалось Тимокскому восстанию. Иначе говоря, свергнуть короля Милана, носителя прозападной ориентации в Сербии после получения государственной независимости, а потому — предателя заветного замысла освободить и объединить сербский народ.

В эмиграции, благодаря письмам — главному в его ситуации средству общения — скрытный, контролирующий себя и двусмысленный Никола Пашич предстает открытым, точным и твердым². В письмах он давал волю мыслям и эмоциям. В некоторых из них, например, в письме русскому слависту П. А. Кулаковскому, Пашич характеризует свою политическую философию и неожиданно указывает на ее корни:

«Можно сказать, что сербский народ самый несчастный в Европе. Кроме прочих бед и врагов, он имеет правителя, какого история еще не знала. Не тиран, так как тираны строги и справедливы, но предатель народа, которым правит. Сдружился с самым заклятым врагом сербского народа, чтобы вместе погубить сербское государство, подчинить его Австро-Венгрии. Мировая история поставила сербскохорватское племя между варварскими турками и цивилизованными немцами. Почти пятьсот лет борется сербский народ против турок, защищая свою дорогоую свободу и честный крест, и опять-таки ненавидит цивилизованных

¹ Pašić N.P. Pisma, članci i govor...; Mitropolit Mihailo i Nikola Pašić. Emigrantska prepiska 1848–1888...

² Историки подчеркивают значение писем Николы Пашича, имея в виду именно общественно-политическую составляющую его личности.

Согласно Милану Ст. Протичу (ст.), Пашич был «чистосердечным только в своих частных письмах», поэтому они «очень важны не только для него лично, но и отчасти для истории Радикальной партии и истории сербского народа» (*Protić M.S. Pašić i Protić pre 1914. Skice likova // Istorijski glasnik. 1971. 1. Beograd. S. 90.*).

А российский историк А. Л. Шемякин, заслуга которого в выявлении и публикации писем Пашича в эмиграции, отмечает: «в своих письмах Пашич писал искренно и открыто обо всем, что думал и планировал, и это только увеличивает их значение для историков» (*Šemjakin A. Uvod // Mitropolit Mihailo i Nikola Pašić. Emigrantska prepiska 1884–1888... S. 11.*).

немцев больше, чем варварских турок... В то время, когда сербский народ нуждается в защите и обороне от немецкого "прорыва на Восток", наш король предал свой народ наподобие Вука Бранковича на Косово с той разницей, что второй совершил это из мести, а первый из корыстолюбия. В то время, когда нам больше всего нужна русская помощь, когда немцы повсюду собирают союзников против славян, королевское правительство и сам король рычат на русских, а обнимаются и целуются с немцами, нашими и славян заклятыми врагами.

...Народ сербский понимает свою борьбу против короля Милана, как борьбу сербов за свое отечество, как борьбу славянского племени против германизма и германского превосходства, он знает, что сражается не только за себя, но и за других славян... Когда сербы сдадутся и покорятся, когда одержит верх мнение напредняков о том, что спасение сербства — в союзе с германцами против русских, трудно будет остановиться этому потоку на полпути, на границе Болгарии, также с некоторого времени следующей по стопам сербских напредняков!

Всему свое время. Упущенное действие в решающий момент, на судьбоносном переломе придает культурной жизни народа иное направление. Нам необходимо делать все вовремя... Болезнь лечится до тех пор, пока она не погубила организм, пока не разъела его. Если что-то совершается в свое время, то делать это в половину легче, чем тогда, когда срок выйдет¹.

Это фундамент, на котором Никола Пашич действует в эмиграции. Все остальное — его фрагменты: свержение короля Милана, политическая гегемония Народной радикальной партии, объединение сербского народа в государство, которое имеет историческое право на гегемонию на Балканах, полновесная поддержка славянской России и место Сербии рядом с ней.

Фанатично сосредоточенный на цели, Никола Пашич и после Тимокского восстания, в эмиграции работал над подготовкой вооруженного выступления в Сербии. Он отвергал возможность покушения, так как предполагал, что оно может иметь следствием введение чрезвычайного положения, при котором усилилась бы роль напредняков. Объединение эмигрантов вокруг восстания, как цели, было важно Пашичу и с точки зрения его лидерства. Один, невзирая на свои политические замыслы, он был бессилен. С эмигрантами на границах Сербии, постоянно угрожая вооруженным нападением, он превращался в неустранимый фактор для

¹ Pašić N.P.A. Kulakovskom // Pašić N.P. Pisma, članci i govorovi... S. 157, 158.

короля Милана и напредняцкого правительства, для Австро-Венгрии и России. А также для Народной радикальной партии. Сразу после Тимокского восстания требовалось подтвердить статус неприкосновенного вождя: «Пашич жил в Болгарии, Румынии, России, но он предписывал, что нужно делать в Сербии, и руководил движением оппозиции»¹. Любое ослабление фронта против короля Милана и напредняцкого правительства угрожало силе его влияния на события в Сербии².

Для восстания, будь то реальная или мобилизационная цель, требовалась помощь. Существовала только одна дверь, в которую Пашич мог постучаться — Россия. Но в ее официальных кругах он был известен, как «нигилист и бунтовщик». Нужен был посредник, пользовавшийся доверием России, и Пашич нашел его в лице митрополита Михаила³.

¹ Zečević M., Jovanović M.S. Nikola Pašić. Beograd, 1937. S. 43.

² После амнистии радикалов в 1886 г. в письме митрополиту Михаилу Пашич пишет: «Вся моя деятельность последнего времени, начиная с амнистирования наших в Белграде, заключалась в том, чтобы они не рассеялись, не просили о помиловании и не предались злодею (королю Милану — Л. П.). Я обращался к вышедшим на свободу: держитесь и не уступайте, что бы вам не обещали, какие бы муки и невзгоды не пришлось вынести. Я подавал им надежду на поддержку, если не примирятся с преступником. И теперь я вижу, что они выдержали, но ныне груз величайшей ответственности на мне: не буду ли оставлен нашими братьями? Не скажут ли они, что мои обещания слабы и невыполнимы? Потому покорнейше прошу Вас заявить от моего имени и от имени моих товарищ по борьбе всюду и всякому, от кого зависит оказать нам помощь, чтобы помощь эта пришла как можно раньше, иначе все пропало. В противном случае я теряю в дальнейшем всякое весомое влияние на события и принятие решений в Сербии (курсив мой — Л. П.). Они послушали меня и отказались от примирения, но этим поставили себя в отчаянное положение, так что обязаны сейчас действовать и не выжидать, не медлить, чтобы враг устроил все, как ему угодно. Не шутка держать целую страну в тягостях, в неизвестности, обещать им, что будет так и так, только ведите себя, как сказано, а после выходит, что это были праздные обещания и ничего больше» (Mitropolit Mihailo i Nikola Pašić. Emigrantska prepiska... S. 142–143).

³ Митрополит Михаил и весь высший клир воспротивились Закону о церковных тaksах. Поэтому король Милан указом от 18 октября 1881 г. сместил митрополита Михаила. Это привело к ухудшению отношений между Сербией и Россией. С помощью русского посланника в Сербии митрополит покинул страну 11 апреля 1883 г., а 28 августа 1884 г. приехал в Киев, где за тридцать лет до того учился в Духовной академии (Šemjakin A. Mitropolit Mihailo i Nikola Pašić u emigraciji (1883–1889). Zajedno protiv Milana Obrenovića // Mitropolit Mihailo i Nikola Pašić. Emigrantska prepiska... S. 21–23).

Митрополит Михаил, «этот самый последовательный русофил в Сербии», считал «политические и культурные связи с единокровной и едино-верной Россией необходимым условием самого существования Сербии»¹. И наоборот, прозападную ориентацию короля Милана и напредняцкого правительства — катастрофой для страны. «Несчастную Сербию злодеи направляют к погибели, от чего ее надо спасти и вернуть к православию», писал митрополит Михаил И. С. Аксакову, вождю славянофилов². За четыре года переписки между митрополитом Михаилом и Николой Пашичем король Милан именовался: «злодей», «мучитель», «заклятый враг», «претор», просто «Милан». Было естественным то, что оба они сошлись в идее организовать вооруженное восстание в Сербии, чтобы избавиться от короля Милана, персонификации прозападной ориентации страны.

Российское правительство сдержанно относилось к приготовлениям восстания, вследствие занятости болгарскими делами и опасения, что восстание может привести к военной оккупации Сербии со стороны Австро-Венгрии³. Поэтому митрополит Михаил использовал свои обширные связи в русском обществе⁴. Эмигранты получили в отношении восстания не только политическую поддержку, но помощь в деньгах и оружии от славянофильских обществ России. Однако еще важнее было то, что митрополит Михаил рекомендовал славянофильским кругам Николу Пашича — «борца за общеславянское дело». Когда в 1885 г. Никола Пашич впервые прибыл в Петербург, его приняли в этих кругах, как союзника. Им он и был в действительности.

¹ Ibid. S. 20.

² Ibid. S. 29.

³ Русское правительство дало понять, что не поддерживает план восстания. Посланник в Сербии А. И. Персиани сообщил радикалам в сентябре 1886 г.: «Подготавливаемое движение в Сербии представляется мне несвоевременным потому, что императорское правительство в настоящее время занято урегулированием болгарского вопроса... и всякое новое волнение на Балканском полуострове могло бы только затруднить решение в желаемом направлении» (jbid. S. 27).

⁴ Следы этих связей Андрей Шемякин обнаружил в архивных фондах Азиатского департамента Министерства иностранных дел России, Св. Синода Русской православной церкви, Петербургского славянского благотворительного общества, а также в личных фондах лидеров славянофилов И.С. Аксакова, гр. Н.П. Игнатьева, ген. М.Г. Черняева, проф. И.В. Ламанского, А.А. Майкова, Н.А. Попова, И.С. Пальмова, П.А. Кулаковского, свящ. М.Ф. Раевского, высокопоставленных чиновников К.П. Победоносцева и Т.И. Филиппова (jbid. S. 20–21).

Славянофильство Пашича, однако, не следствие его отношений с митрополитом Михаилом. Не было оно и результатом его круга чтения, в котором важное место занимала книга Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», где славянофильство приобрело черты славянского расизма¹. Славянофильство Пашича было логическим этапом в развитии революционного народничества — идеологии, которой он следовал еще с цюрихских времен: неповторение пути, который в своем развитии прошли западноевропейские народы, но ускорение истории при помощи проекции славянской общины, сохранившейся у русских и сербов, на государство. «Община» была уже местом встречи русского социализма и славянофильства, обнаруживших новейшее в древнейшем. Не учитывалось то, о чём говорил Владимир Соловьев в его критике русского национализма восьмидесятых годов XIX в.: община — свойство не только русского, или славянского мира. В сущности, она соответствует одной из первобытных ступеней общественного развития, через которую проходили самые различные народы: «это не есть задаток особо русского будущего, а лишь остаток далекого общечеловеческого прошлого»².

Конечно, это не принимал во внимание и Никола Пашич. Для него община — «душа славянства». С нею славянский мир превосходит западный, так как внутри общины решена экономическая проблема, которую Запад не смог разрешить. В общине сохранена коллективная собственность на землю — принцип, к которому Запад только движется. Община для Пашича «и начало славянского общества, и завершение западноевропейского развития. Однако славянская община, как исходная единица, способна к дальнейшему развитию, дальнейшему государственному и общественному устройству (курсив мой — Л. П.), в то время как западноевропейская община означает конец культуры, с которым неминуемо завершится нынешний порядок вещей на Западе»³.

Подобная историческая перспектива определяла место Сербии во всеславянском союзе во главе с Россией. В обширной заметке под названием «Краткий обзор борьбы, состояния и устремлений сербского народа в Королевстве Сербия от Берлинского конгресса до настоящего времени», отправленной в 1887 г. начальнику Азиатского департамента Министерства иностранных дел России А. И. Зиновьеву, в надежде, что она попадет и к русскому царю, Пашич пишет: «Наше политическое

¹ Perović L. Rusija i Europa N.J. Danilevskog i njeni odjeci u Srbiji...

² Ibid. S. 130.

³ Ibid. S. 130.

“Верую” следующее: всеславянский союз под защитой и руководством Императора и Царя русского, наподобие устройства Германии или, ближе и точнее, так, как показано в книге бессмертного русского писателя Данилевского. Вот в чем состоит наше “Верую”, к чему мы стремимся и в чем нас поддерживает весь сербский народ»¹.

Внешнеполитическая поддержка Сербии после достижения государственной независимости оказалась драматически значимой именно вследствие ориентации внутреннего развития молодого государства. Прозападную ориентацию короля Милана и первого напредняцкого правительства Народная радикальная партия называла предательством тех народных установлений, которые суть «душа славянского мира», и уже потому изменой славянству. Свою же безоглядную ориентацию на Россию она объясняла защитой славянской сущности государства против западной сущности, навязываемой Сербии модернизацией, или защитой славянства. Недостаточно, чтобы политическая партия в Сербии проводила политику добрых отношений с Россией. Необходимо еще, чтобы ее политическим кредо было всеславянское единство, как постоянный интерес сербского народа. В то же время политика добрососедства с Австро-Венгрией считалась предательством.

Когда напредняки стали склоняться к России, Никола Пашич 12 октября 1896 г. писал Кулаковскому, что Россия имеет право вмешиваться во внутренние дела балканских стран в случае их несоответствия устремлениям народа, то есть, «если у кормила власти противники славянского рода, люди, старающиеся разрушить все славянское». И добавляет: «В Сербии ныне напредняки говорят, что они проводники русской точки зрения и что Россия не поддерживала бы их, не будучи согласна с их политикой. А политика напредняков внутри Сербии — подавить голос народа и изгнать подлинных друзей России»² — радикалов, готовых отдать русским всю Сербию с условием сохранить славянскую самобытность и остановить наступление Германии на Восток. И, разумеется, оставить власть за радикалами.

Никола Пашич ожидал от России большего, чем она могла и желала. Изредка он размышлял о том, что у России могла быть своя причина уклоняться от Восточного вопроса тогда, когда Сербия ждала от нее активных действий. В видении Пашичем отношений между Сербией и

¹ Ibid. S. 129.

² Ibid. S. 132.

Россией есть и мегаломания. Ее можно усмотреть в его убеждении, что борьба против прозападной ориентации в Сербии есть борьба за славянское единство, а также в претензии на место Сербии в славянском союзе: «Нам, воодушевленным и исполненным верой в общеславянский союз, очевидно и несомненно, что появляется величественная картина, на которой мощная и великая Россия собирает вокруг себя своих отторгнутых от нее варварской рукой младших сестер, обнимет их и защитит острым мечом, переданным ей в наследство древней Славией с тем, чтобы впоследствии она вместо нее пеклась об объединении славянских племен и вела к славе и величию. *Мы не скрываем, что на этой будущей картине хотели бы видеть Сербию стоящей сразу после России*¹.

Однако ни чрезмерные ожидания от России, ни мегаломания не помешали Пашичу установить и укрепить связи со славянофильскими кругами и с их помощью заручиться благосклонностью российских официальных лиц. Эти связи помогли ему удержать за собой ведущую роль в Народной радикальной партии и вернуться с триумфом после шестилетней эмиграции.

Обоюдные уступки короля Милана и лидеров радикалов, оставшихся в стране после Тимокского восстания, дали возможность Народной радикальной партии восстановиться, вернуться в политическую жизнь с жертвенным ореолом и снова стать решающим политическим фактором. Никола Пашич только физически был вне этих событий, оставаясь неизменно ориентированным на одну цель — устранить короля Милана, как носителя западных интересов в Сербии. Он не сумел добиться этого при помощи вооруженного выступления, на котором настаивал и после потопленного в крови Тимокского восстания. Политическое убийство не было его методом. Вернуться на родину он смог только с отречением короля Милана. В любом случае, для короля Милана и Николы Пашича вдвоем в стране не было места.

6. У власти: партийное государство радикалов

Первые выступления Николы Пашича после возвращения из эмиграции² отличает «развитая идеологическая и политическая логика и ясная концепция стратегии партии»³. С принятием Конституции 1888 г.

¹ Ibid.

² Pašić N. P. Pisma, članci i govor i...

³ Popović-Obradović O. Parlamentarizam u Srbiji... S. 90.

Народная радикальная партия «завершила определенный период своего существования»¹. Необходимо было избрать стратегию для «новой эры». Никола Пашич делает это, не затрагивая партийных основ.

Прежде всего, славянство и «косовский завет». Представление о государстве, «в котором нет дворянства, но только братство и равенство», было выведено из «возвышенной идеи о славянском характере...», которая, «похоже, чрезвычайно укоренена в сербском народе». Свойство ее в том, что «народ никогда не терпит неправды и зло этого мира, несмотря ни на какие испытания». Она «звучит из уст царя Лазаря накануне косовской битвы — он желает больше царства небесного потому, что оно праведно и вечно»². С ней сербский народ одолевал Византию, Турцию и Запад.

Затем непрерывность этой особенности, выражившейся в Народной радикальной партии. В Заечаре, в этом «столь значащем месте», усеянном жертвами Тимокского восстания, Пашич вспоминает Светозара Марковича и Адама Богословича.

После — сама Конституция 1888 г. Народная радикальная партия и ее вождь считали ее исключительно своей заслугой, хотя ее инициировал король Милан, а в работе Конституционного комитета участвовали представители двух других партий — Либеральной и Прогрессивной. Подобная монополизация Конституции 1888 г. оказала тройкое действие на стратегию партии. Во-первых, обусловила ее реализм: не требовать «более широких прав» прежде, чем укрепятся и будут обеспечены «те, которые даны конституцией». Во-вторых, враждебное отношение к другим политическим партиям: «следует всегда помнить о том, что свободы эти завоеваны в лютой схватке с двумя неприятельскими партиями, что новая конституция соответствует требованиям Радикальной партии не полностью и в нее включено немало предложений от остальных партий. Так вот, если народ вручит радикальной партии заботу о новой эре, введение и утверждении свобод, тогда изъяны конституции будут исправлены. Если же новую эру доверят одной из противных партий, то она будет погублена, а приобретенные свободы уничтожены специальными законами»³. Наконец, единство Народной радикальной партии. Именно на этом Пашич предельно сосредоточен в краткий период от своего возвращения из эмиграции до выборов в Народную скупщину, которая

¹ Pašić N. P. Pisma, članci i govorovi... S. 324.

² Ibid. S. 320.

³ Ibid. S. 328.

была должна принять Конституцию 1888 г. Этим он упрочивает и свое лидирующее положение в партии.

Борьба Народной радикальной партии за программные принципы неотделима от понимания «подходящей организации» для этой борьбы. То есть, организации, которая «расходит свои силы только на борьбу с врагом» и именно потому «не ослаблена внутренними трениями». Проверенный в борьбе против «старой бюрократической системы», тотальный характер партии выходит на первое место только в «новой эре». «Дисциплина и солидарность наших членов», говорил по возвращении из эмиграции Пашич на собраниях и митингах Народной Радикальной партии, «обеспечили победу радикальной партии, дисциплина и солидарность нужны, чтобы сохранить приобретенное и подтвердить новые завоевания... То, что партия решает сделать, обязательно для каждого члена партии... Время, в котором живет сейчас Сербия, сложное и от всех нас требуется единодушие»¹.

Имелось два рычага единства партии: жертвы и закрепленная цель. Они связаны между собой. Никола Пашич напоминает о жертвах с не-прикрытым намерением «еще сильнее воодушевить членов... партии, чтобы ее ряды сплотились в могучие колонны, чтобы укрепить ее прежнюю дисциплину и великую силу, хорошо организованную, способную преодолеть все препятствия, которые помешали бы развитию партии и осуществлению ее программы в дальнейшем»².

Единство Народной радикальной партии и тогда, когда она уже имела абсолютное большинство в Народной скопшине и свое правительство,казалось важным именно с точки зрения цели — объединения сербского народа. Необходимо было дать понять соседним государствам, что в Сербии есть правительство, достаточно сильное, чтобы не позволить им больше того, что «могли бы допустить интересы народа». Спаянная с народом, единая *Народная партия* у власти готовилась к европейским событиям, чтобы «воспользоваться ими» в час окончательного решения судьбы областей, «тесно связанных с историей сербского народа и составляющих часть сербского племени, с точки зрения народности»³.

На выборах в Чрезвычайную народную скопшину, первых после принятия Конституции 1888 г., состоявшихся 14 сентября 1889 г., На-

¹ Ibid. S. 324.

² Ibid. S. 331.

³ Ibid. S. 335–336.

родная радикальная партия одержала убедительную победу: из 117 мандатов она получила 102, а Либеральная партия остальные 15 мандатов. Прогрессивная партия не участвовала в выборах после линчевания 1887 г. и в ожидании новой расправы. Председателем Народной скупщины был избран Никола Пашич. Народная скупщина, заявил он, «исполняет свой долг после периода страшного правления, которое подорвало силу народа, расстроило финансы и отошло от традиционной народной политики» (курсив мой — Л. П.)¹.

Во главе Народной скупщины, абсолютное большинство в которой составляли представители Народной радикальной партии, находился лидер партии. Заместителями председателя Скупщины также были избраны руководители этой партии. И все остальные органы Скупщины были сформированы депутатами-радикалами. Эта Чрезвычайная народная скупщина, как заметил Живан Живанович, «представляла собой скупщину одной партии». Из нее появилось на свет однородное правительство. Однако целью было не «партийное правительство», но «партийное государство». «Радикальная партия, мощная прежде только «внизу», в народе, ныне основательно укрепила свое положение «наверху», в высших сферах государства. Все, что в стране могло быть «радикализировано», было «радикализировано», и наверху пирамиды с радикальным основанием и сторонами оказалось балансирующее нерадикальное наместничество»². Когда в 1892 г. умер один из трех наместников, Никола Пашич пожелал занять его место. Однако из-за несогласия наместника Йована Ристича это привело к падению правительства Николы Пашича.

Развитие Сербии по принятию либеральной Конституции 1888 г. и судьбу самой конституции в высшей степени обусловил характер сербского радикализма³. Начав с критики Конституции 1869 г., сербский радикализм в следующие два десятилетия сложился в идеологию революционной партии. Любая власть в государстве кроме прямой власти народа через самоуправление снизу доверху представлялась Народной

¹ Nikola Pašić u Narodnoj skupštini. I... S. 44.

² Živanović Ž. Politička istorija Srbije... S. 37, 49.

³ Некоторые сербские историки (*Protić M. Radikali u Srbiji. Ideje i pokret* (1881–1903). Beograd, 1990) искали корни сербского радикализма во французском радикализме. В свое время сам Никола Пашич считал такое объяснение неверным, указывая на русские революционные идеи шестидесятых годов XIX в., появившиеся в Сербии со Светозаром Марковичем (*Šemjakin A. Nikola Pašić u uspomenama ruskog putnika // Tokovi istorije*. Br. 3–4. Beograd, 2003. S. 105).

радикальной партии чужеродной и враждебной властью. Отсюда — народное, крестьянское государство как увеличенная задруга, а не современное государство, основанное на власти закона. Столкновение этих двух представлений о государстве Народная радикальная партия, находясь в оппозиции, обострила до признаков гражданской войны, особенно после приобретения независимости. Различные внешнеполитические ориентиры этих двух идей — Россия, как центр славянства, и Австро-Венгрия, как западная парадигма — воспринимались под углом столкновения Востока и Запада. А сербский народ, писал Никола Пашич в начале «новой эры», «с тех пор, как живет на этих землях, в борьбе восточного мира с западным всегда был на стороне Востока...»¹.

Соотношение сил между этими двумя представлениями о государстве впервые выяснилось на выборах 1883 г. Король Милан не признал законной победу Народной радикальной партии, а в ответ на ее запасной вариант — вооруженный мятеж — применил армию. Триумф Народной радикальной партии на выборах был обеспечен только после принятия Конституции 1888 г. и отречения короля Милана, который верил, что династия и прозападная ориентация Сербии укрепились хотя бы на время.

С победой на выборах после принятия Конституции 1888 г. Народная радикальная партия получила контроль над Народной скупщиной. Затем «через Скупщину она провела своих людей в министры, а через этих министров радикалы заняли и другие места в государственной службе. Один и тот же партийный дух царил в правительстве и Скупщине... Министр и народный депутат, начальник округа и секретарь окружного комитета; главы министерств и члены Государственного совета, или Главного контроля — все они были политическими единомышленниками»². Нарушающее равновесие власти абсолютное господство одной партии явилось своеобразным террором. Это плюс недовольство короны сокращением ее прерогатив было главной причиной политических кризисов в Сербии после введения Конституции 1888 г. Девяностые годы прошли под знаком борьбы между короной и партийным государством.

Каждый год последнего десятилетия XIX в. отмечен кризисом: 1892 — силой двора к власти приходят либералы — террор меньшинства вместо террора большинства; 1893 — король Александр провозглашен совершеннолетним; 1894 — в страну возвращается король Милан и

¹ Pašić N. P. Pisma, članci i govor i... S. 304.

² Jovanović D. Vlada Aleksandra Obrenovića. III... S. 56–57.

отменяется Конституция 1888 г.; 1896 — в Белграде большой митинг радикалов со всей страны демонстрирует мощь Народной радикальной партии; 1897 — нейтральное правительство, режим личной власти короля Александра, король Милан становится командующим действующей армии; 1899 — покушение на короля Милана, суд над Николой Пашичем, на котором лидер Народной радикальной партии указывает на антидинастические элементы в партии.

Казалось, что конституционный кризис, растянувшийся на десятилетие, окончательно завершился в самом начале XX в. Неожиданная смерть короля Милана в 1901 г. за границей позволила королю Александру заняться поиском решения. Соглашение радикалов с напредняками и давление России привели к октroiированной Конституции 1901 г., сходной с конституционным проектом напредняков 1882 г.

Согласие Народной радикальной партии с октroiированной Конституцией 1901 г. привело к первому серьезному расколу внутри партии. Однако Пашич полагал, что Сербии «для удобнейшего исполнения сербской заветной мысли... необходимы симпатии европейских народов». Ими можно заручиться, приняв европейские учреждения, а именно — устроив *конституционное государство*. Ведь европейские народы «не станут противиться увеличению и усилению страны, развивающейся в том же направлении, что и их государства». Пашич рассматривал конституцию, прежде всего, как средство в борьбе за осуществление высшего замысла — освободить и объединить сербский народ. С этой точки зрения, для него приемлемой была и менее передовая конституция, если она «позволит народу отдохнуть в мире, собраться с силами, укрепиться и восстановить потери в прежних битвах, а также уделить больше внимания подготовке Сербии к внешним событиям». Иначе говоря, «свобода всего сербского народа» была и осталась в Королевстве Сербия «идеалом более значительным и убедительным, чем гражданская свобода». Так как, отдаваясь претворению в жизнь национальной задачи, Сербия не могла ослабить свою единственную опору внутренним социальным и политическим размежеванием. Позиция догматическая и не учитывающая исторические изменения. Как заявил Никола Пашич в Народной скупщине 24 марта 1908 г.: «вся история Радикальной партии свидетельствует о том, что мы единственная подлинно национальная партия... придерживаясь национальных традиций, она останется такой всегда»¹.

¹ Nikola Pašić u Narodnoj skupštini. 1..., Nikola Pašić u Narodnoj skupštini. 3..., Perović L. Predgovor // Popović-Obradović O. Parlamentarizam u Srbiji...

В первые годы XX в. завершился еще один период в истории Народной радикальной партии. В начале апреля 1903 г. король Александр совершил государственный переворот — была отменена, а затем снова дарована Конституция 1901 г. На фоне этих событий возник заговор. Подготовляемый не спеша, он завершился в ночь с 28 на 29 мая 1903 г., когда офицерами был убит король Александр. После убийства князя Михаила и нескольких покушений на жизнь короля Милана, Обреновичи были, наконец, истреблены.

Армия сразу провозгласила новым королем Петра Карагеоргиевича, а Народная скупщина перед его избранием приняла конституцию. Конституция 1903 г. вобрала в себя большинство положений Конституции 1888 г. и установила парламентаризм. Неразрывно связанный с либерализмом, парламентаризм в Сербии должен был таить в себе глубокие противоречия.

Форма не прибавила Сербии симпатий Европы. Международное положение страны ухудшилось. Из-за убийства королевской семьи Великобритания разорвала отношения с Сербией, и восстановление их обусловливало изгнанием из армии и наказанием заговорщиков. Это случилось только в 1906 г. Но в 1911 г. заговорщики создали тайную организацию «Объединение или смерть», известную как «Черная рука»¹.

Армия выступила на политическую сцену, не намереваясь в дальнейшем покидать ее. Участвуя в создании правительства и маргинализации законных органов власти, заговорщики ставили под вопрос конституционность как систему ограниченной, публичной и контролируемой власти. Двор и правительство сделали защиту заговорщиков частью государственной политики, так как те были гарантом их власти: «случившееся 29 мая никакое не преступление, так как в противном случае злодеяниями следует назвать все сражения, которые ведутся за свободу в этом мире... То, что произошло, это дань патриотизму» — сказал Никола Пашич в Народной скупщине 22 июля 1906 г.² Уже потому вдохновители антizаговорщика движения оказались «врагами революции 29 мая»³. Им полагалась тюрьма и насилиственная смерть в заключении, даже в присутствии министра полиции.

¹ Kazimirović V. Crna ruka. Beograd, — Kragujevac, 1997.

² Perović L. Predgovor... S. 15.

³ Ibid.

Оказавшись после переворота у власти, Народная радикальная партия заполнила собой сербское общество¹. Одновременно она осуществила свою всегдашнюю цель: значительное большинство в Народной скупщине, слабый монарх и кабинетное правительство. Это давало возможность сконцентрироваться на воплощении национальной задачи. С закреплением этой цели мощную поддержку получил национализм, а противодействие милитаризму сделалось бессмысленным. При всех европейских формах, к которым, несомненно, относился парламентаризм, сербское общество, занимаясь подготовкой к войне и участвуя в войнах, неизбежно сплачивалось идеологией Народной радикальной партии. Внутренним гарантом ее многолетнего правления был, по существу, партийный характер государства, а внешним — Россия. Поэтому и не требовалось изменять программу, но только совершенствовать организацию партии.

Перевод Р. Игнатьева

¹ О чем в упомянутом сочинении Стояна Новаковича сказано: «И когда после кровавой ночи 29 мая 1903 г. радикалы пришли к власти, когда они объявили себя династической партией, на которую только и должны опираться Карагеоргиевичи, то на первый план вышли товарищеские интересы, а весь политический идеализм оказался заброшен. От министра до глашатая вся власть в руках радикалов. С этой целью перетрясли суды и общину. И, разумеется, вся прибыль от поставок или концессий должна была осесть именно в их кармане. Общественные интересы совершенно не учитываются, чтобы открыть дорогу групповой выгоде. Служба становится собственностью радикалов, и тот, кто не может расчитывать ни на что другое, идет служить. Под известное народное двустишие «Плати налоги за меня, проголосую за тебя» («Плати порез за мене, па да гласам за тебе») кружится коло радикалов, а с ними политика, программа, цель, задача и самый дух партии. *“Кто не радикал — тот не гражданин Сербии, не серб”* входит в практику во всей своей грубости и наготе (курсив мой — Л. П.). Самые выдающиеся способности не могли обеспечить карьеру молодым людям, не примкнувшим к радикалам» (*Perović L. Stojan Novaković o srpskom radikalizmu... S. 330–331*).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

I. СТАТЬИ И ЭССЕ

<i>Белов М.В.</i> Мифология «человека из народа» в Сербии первой половины XIX века	12
<i>Игнатьев Р.Н.</i> Власть в селе и власть села (по материалам Воеводины XIX—XX вв.)	40
<i>Шемякин А.Л.</i> Политическая культура в независимой Сербии	64
<i>Вишняков Я.В.</i> Идеология сербской военной элиты в контексте особенностей развития сербского государства в конце XIX — начале XX вв.	86
<i>Хлебникова В.Б.</i> Особенности партийного строительства и межпартийной борьбы в период становления черногорского парламентаризма (1905—1914 гг.)	108
<i>Миколенко Д.В.</i> Правоцентристская оппозиция в борьбе за власть: болгарский вариант (1899—1903 гг.)	123
<i>Гришина Р.П.</i> Власть и общество. Болгария 1912—1913 гг.	146
<i>Искендеров П.А.</i> Сербо-албанское разграничение и общественно-политическая ситуация в Сербии в 1913—1914 гг.	162
<i>Кузьмичева Л.В.</i> Правящие династии Сербии и Черногории в восприятии представителей Дома Романовых в конце XIX — начале XX в.	189
<i>Яковкина Е.В.</i> Национализм как идеология модернизации (на примере истории польских земель последней трети XIX — начала XXв.).	202
<i>Стыкалин А.С.</i> К вопросу о роли еврейской буржуазии в модернизации Венгрии и эволюции отношения властей и общественного мнения к еврейскому вопросу (1900—1940-е годы)	218
<i>Силкин А.А.</i> Внутриполитические предпосылки заключения Соглашения Цветкович-Мачек и формирования Бановины Хорватия (1934—1939 гг.)	233
<i>Тимофеев А. Ю.</i> Белград, Сербия. Общественная жизнь русских эмигрантов в Югославии в годы Второй мировой войны: культурные мероприятия и средства информации	246

II. МОНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (СТУДИЯ)*Латинка Перович.*

Народная радикальная партия: утверждение идеологии социального, национального и политического единства сербского народа	272
1. Первая политическая партия в Сербии: идеология и организация	275
2. Основоположники: Светозар Маркович и Адам Богославевич	284
3. Последователи: разными путями к одной цели	293
4. Сопротивление в Народной скупщине, восстание в народе: отношение радикалов к модернизации государства	302
5. Двумя путями к власти: радикалы в стране и в эмиграции	312
6. У власти: партийное государство радикалов	326

ЧЕЛОВЕК НА БАЛКАНАХ
Власть и общество: опыт взаимодействия
(конец XIX — начало XX в.)
Сборник статей

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*
Дизайн обложки *М. И. Леньшина, И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Н. Р. Зянкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru (отдел реализации),
aletheia@peterstar.ru (редакция)
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»
Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:
«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Ад Маргинем», 1-й Новокузнецкий пер., 5/7. Тел. (495) 951-93-60
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Гилея». Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
Магазин издательства «Совпадение».
Тел. (495) 915-31-00

Подписано в печать 07.10.2008. Формат 60×88¹/16.
Усл. печ. л. 20,5. Печать офсетная. Тираж 700 экз.
Заказ № 1001

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии «Береста»
196006, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28

XIX-
XX
век

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО
Опыт взаимодействия

ЧЕЛОВЕК НА
БАЛКАНАХ

